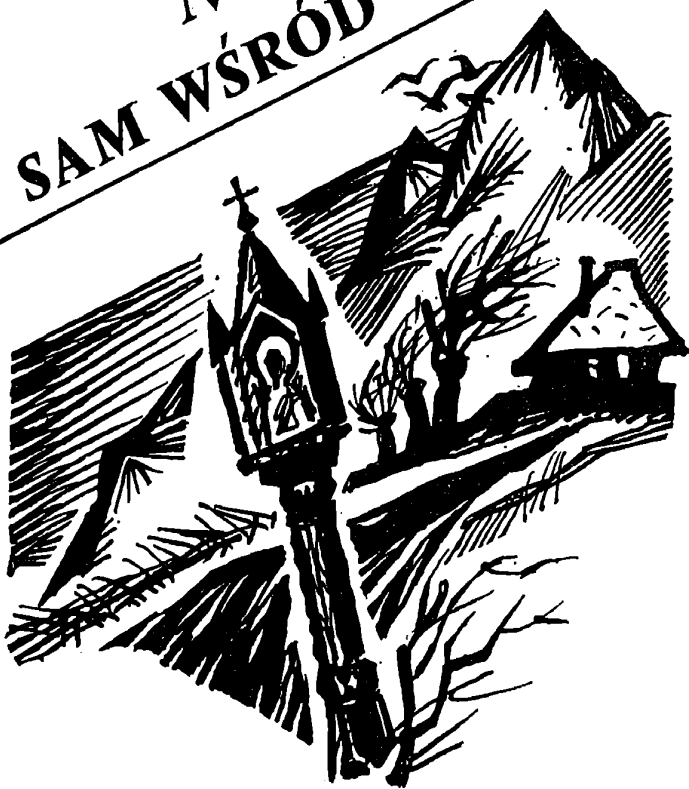

Мариан Реняк
ОДИН СРЕДИ ЧУЖИХ

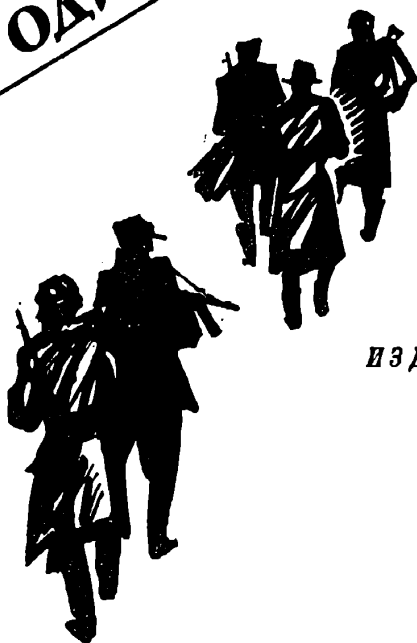

Marian Reniak
SAM WŚRÓD OBCYCH

Мариан Реняк
ОДИН СРЕДИ ЧУЖИХ
повести

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Перевод с польского
В. А. СВЕТЛОВА,
А. П. ПОНОМАРЕВА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 84.4П.
Р39

Редактор В. А. Никольский

Реняк М.

Р39 Один среди чужих: Повести/Пер. с польск. В. А. Светлова, А. П. Пономарева. — 2-е изд. — М.: Воениздат, 1990. — 437 с.

ISBN 5—203—00689—X.

В книге, объединяющей три повести, автор в увлекательной форме показывает борьбу польских патриотов с реакционным подпольем и антинародной эмиграцией, пытавшимися методами террора и диверсий сорвать строительство социализма в народной Польше.

Книга рассчитана на массового читателя.

Р 4703010000—034 166—90
068(02)—90

ББК 84.4П

© Warszawa,
Wydawnictwo Ministerstwa
obrony narodowej, 1978

© Перевод на русский язык,
Воениздат, 1983

© Оформление, Воениздат, 1990

ISBN 5—203—00689—X

Товарищам по борьбе, отдавшим свою жизнь, защищая народную власть, и тем, кто остался в живых, с призывом, чтобы их воспоминания стали еще одним свидетельством правды минувших дней.

Автор

ОТ АВТОРА

Мой путь к книге был иным, чем у многих профессиональных литераторов.

Прошло более тридцати лет с того времени, когда я, работая в молодежной организации и мечтая о профессии журналиста, дебютировал на страницах польской печати. Тогда мне, активисту Союза студенческой молодежи, предложили работу в органах безопасности. Я согласился... Сейчас мне трудно объяснить мотивы такого решения. Возможно, к этому меня склонили жажда приключений, опасности и романтика борьбы на невидимом фронте. Самое главное, видимо, — убежденность в правоте этой борьбы. Итак, мечта стать журналистом отодвинулась на неопределенное время.

Я много лет проработал среди людей, которые очередные воинские звания и награды получают не в торжественной обстановке, действуют как бы в тени, а иногда и умирают под чужим именем. Специфика этой службы заставляла меня забывать свою настоящую фамилию, отказываться от личной жизни.

Мне довелось участвовать во многих ответственных операциях, вначале в Польше, затем за ее пределами. Когда здоровье не позволило больше работать в органах контрразведки, пришлось взяться за перо...

Материалом для литературного творчества стали собственные переживания.

После появления на книжных прилавках написанных мною книг я стал встречать многих участников описываемых событий, хотя и тогда, когда шла борьба, и в мирные годы я, как правило, не знал их в лицо, помнил только фамилии или псевдонимы. Упомяну лишь о некоторых из них.

На встрече в гарнизонном клубе в Слупске слово попросила жена одного из офицеров Войска Польского. Это была

дочь Юзефа Свистака. Ей было восемь лет, когда банда напала на дом ее родителей. Отец в то время был секретарем организации ППР на лесопильном заводе в Щаве. Женщина прочитала на память отрывок из моей книги, в котором рассказывалось о том, как бандит глумился над восьмилетней девочкой, требуя, чтобы она сказала, где спрятался ее отец.

— Этой девочкой была я... — сказала она, подошла ко мне, пожала руку и поблагодарила за спасение жизни отца.

В другой раз я получил письмо от бывшего члена Армии Крайовой в Новы-Сонче, которого Серебряный (один из главарей банды «Бывалые вояки») выдал гестапо. Этому человеку пришлось пережить все ужасы и кошмары концентрационного лагеря. После освобождения Польши Советской Армией Серебряный возглавил банду и, желая избавиться от свидетелей своего сотрудничества с фашистами, пытался заманить аковца в бандитский притон в Хабувке. К счастью, этот подлый план был сорван.

На мою встречу с партийным активом в Бохне пришли Мария и Нарциз Яновские, когда-то активисты ППР. Их фамилии фигурировали в составленном бандитами списке лиц, приговоренных к смерти. Благодаря проведенной нами операции они остались в живых. Я не знал лично Яновских, поэтому наша встреча была особенно трогательной и волнующей.

Там же познакомился с сыном бывшего деятеля Стронництва людова¹, который рассказал мне, как на его глазах (в то время он был ребенком) банда Лешека убила его отца Юзефа Роека, крестьянина из деревни Воля Нешковская, только за то, что тот выступил на митинге по случаю проведения референдума. Сын Юзефа Роека является сейчас деятелем Объединенной крестьянской партии.

В Тарнуве ко мне подошел сын поручника Юзефа Хлопичко и рассказал, как его отец попал в устроенную бандой засаду.

Из небольшого местечка в Щецинском воеводстве я получил письмо от сына Михала Стрыйского, убитого бандитами. Он просил, чтобы я написал, где находится могила его отца.

На встрече в Лужицкой бригаде пограничных войск один из офицеров спросил меня, когда и в каком месте я перешел границу, направляясь нелегально на Запад. Теперь я уже мог об этом сказать. Оказалось, что именно он

¹ Стронництво людове — Крестьянская партия. —
Прим. ред.

обеспечивал тогда мою переброску. Мы обменялись крепким рукопожатием.

После одного из авторских вечеров в Подгале (польские Татры) ко мне подошел крестьянин, который до этого долго рассматривал меня, и заявил, что пришел сюда специально, чтобы убедиться, тот ли я человек, который скрывался вместе с бандитами. «Да, это он, — признал гураль¹. — Из-за него я отсидел пять лет. Я был хозяином притона. И вот однажды ко мне нагрянула банда, а с нею и Реняк. Вскоре они ушли, а меня арестовали. Дали восемь лет, из них три скостили по амнистии. Когда я вышел из тюрьмы, на меня еще года два косо смотрели. А теперь живу как все, работаю в управлении сельхозкооперативов. Если бы я тогда был умнее, то не стал бы помогать бандитам, а может быть, даже выступил бы против них...»

В словах этого гуралья прозвучала еще одна правда нашей народной власти.

Встречал я и других людей, которые тогда боролись против нас, а сегодня были всем сердцем с нами.

Разве можно забыть о таких встречах? Разве не заставляют они задуматься?

То время с каждым годом уходит от нас все дальше и дальше. Поэтому я чувствую огромную внутреннюю потребность сказать правду о самоотверженной борьбе коммунистов по защите народной власти. Люди с нечистой совестью ушли, а настоящие бойцы невидимого фронта, которые имеют полное право смотреть людям в глаза, остались и по-прежнему служат своей родине.

Один из моих начальников, преданный делу коммунизма, когда я делал свои первые шаги в органах государственной безопасности, сказал мне: «Ты должен поступать всегда так, чтобы мог прямо и честно посмотреть человеку в глаза».

Я хорошо запомнил эти слова. И сегодня, вспоминая те грозные годы, с удовольствием констатирую, что мои товарищи, с которыми я ходил по опасным тропам и которые руководствовались этим принципом, могут смело рассказывать потомкам правду о тех днях.

Не знаю, удалось ли мне выразить то, что испытывали бойцы невидимого фронта, особенно те из них, кто сражался в первые годы героической борьбы за упрочение народной власти в нашей стране. Я не назвал их подлинных фамилий, так же как и фамилий наших тогдашних против-

¹ Гураль — коренной житель польских Татр. — *Прим. ред.*

ников. Я считал, что не следует беречь зарубцевавшиеся раны. Работая над своими воспоминаниями, я старался избегать литературных приукрашиваний, старался познакомить читателей с облеченным в определенную художественную форму описанием операций, в которых я принимал участие, начиная с Подгале и кончая Мюнхеном.

Эти воспоминания, объединенные общим названием «Один среди чужих», рассказывают не только о моей работе в польской контрразведке. Ведь героями описываемых событий являются простые, обыкновенные люди. Многие участники борьбы за народную власть не упоминаются на страницах истории, но это те, кто создавал ее.

Мне хотелось бы, чтобы эта книга помогла людям сохранить память о прошлом, способствовала формированию у молодого поколения патриотических чувств, преданности народной Польше.

Мариан Реняк

Я пытался уснуть, но не мог. Решил закурить. Чиркнув спичкой, бросил взгляд на стрелки часов. Было около двух ночи. Оставалось еще девять часов. По опыту знал, что последние часы перед серьезным заданием тянутся очень медленно, сказывается нервное напряжение. Облегчение наступает, когда приходит момент действовать.

Комната была в полумраке. Без труда различались очертания шкафа, стола и нескольких стульев. В открытое окно светила луна.

Я снова протянул руку за сигаретой, но пачка оказалась пустой. Вынул из портфеля последний запас. До утра хватит.

Комнату снял на две недели. Она была обставлена довольно убого, но комфорт меня мало интересовал. Главное — получил «исходную базу», стал «дачником». Это ме-

ния вполне устраивало в моем положении, как по отношению к своим, так и к противнику.

Накануне я вышел под Новы-Таргом из черного лимузина Старика. С этой минуты мне предстояло действовать самостоятельно, запрещалось поддерживать какой-либо контакт с руководством. Я выступал в роли человека, живущего на нелегальном положении. Это требовало постоянного самоконтроля. Один неверный шаг мог сорвать с трудом разработанную операцию. Да и не только сорвать...

Из Новы-Тарга в Рабку я прибыл в полдень. Вел себя как человек, приехавший на отдых. После непродолжительного торга с болтливой и чрезмерно любопытной хозяйкой стал считаться ее квартирантом. Надолго ли? Все зависело от завтрашней встречи. Она должна была положить начало опасной игре. Предвидеть все было трудно. Неизвестно, как дальше будут развиваться события.

Все мысли были заняты предстоящим заданием. Ведь я был одним из главных участников смело задуманной операции органов госбезопасности. В одиннадцать часов я должен был встретиться со связной. Затем меня ожидал решающий разговор с главарем банды. Я повторял про себя пароль. Нельзя упустить ни малейшей детали. В течение нескольких дней заучивал легенду: имя, фамилию, происхождение, деятельность во время оккупации, пребывание за границей... Ведь мне придется выступать в роли другого человека, и я должен играть ее безошибочно, играть повсюду, где с этих пор буду находиться. Они располагают в этих краях хорошей разведкой, так что неизвестно, с кем разговариваешь, кто является агентом врага. Может быть, даже моя теперешняя хозяйка. Кто знает?

Пытаюсь мысленно провести завтрашнюю беседу с руководителем банды. Не получается. Невозможно предугадать все его вопросы, дальнейшее поведение. Не один раз говорили мы об этом с заместителем начальника Краковского воеводского управления госбезопасности, прорабатывали различные варианты, но очень трудно подготовить заранее рецепты на все случаи.

Почти машинально вытаскиваю из пачки новую сигарету. Снова возвращаюсь к событиям последних дней. Повторяю роль, как актер перед премьерой. Правда, актер может рассчитывать на помощь суфлера. Офицер же органов госбезопасности, идя на встречу с врагом, напоминает сапера в действии — он ошибается только раз.

Два года назад я оказался в подобной ситуации. Тогда я получил первое серьезное задание. Нашей части было поручено обезвредить крупную банду, скрывавшуюся в Неполомицкой пуще. Бандиты выступали под видом нелегальной политической организации, «борцов» за миколайчиковскую Польшу, а в действительности занимались грабежом и бандитизмом. Банда кочевала с места на место, устраивала вылазки в окрестные повяты, совершила несколько убийств и нападений. Она терроризировала местное население и мешала стабилизации жизни в этих краях. Вскоре нам удалось поймать одного из бандитов, когда он пьяный спал у своей любовницы. Мы знали его под кличкой Мстительный. Он был доверенным лицом главаря банды. Уже после трех дней пребывания в заключении он раскис. Им овладел панический страх, чтобы сохранить жизнь, он был готов навести нас на след банды — знал ее нелегальные явки и притоны.

Было решено рискнуть. Мстительного освободили. Мы рассчитывали, что известие о его аресте еще не дошло до Неполомиц, так как он собирался пробыть в Кракове несколько дней, но попал к нам в руки в первую же ночь после приезда.

Нам не хотелось отпускать Мстительного в банду одного — полного доверия к нему не было. Правда, бандит сообщил фамилии и адреса некоторых своих сообщников, но арестовать их мы не могли, опасаясь навлечь подозрения на Мстительного. Тогда бы ему не избежать смерти от рук бандитов.

По нашему указанию Мстительный направил связного с письмом на одну из явок главаря банды, в котором извещал, что установил контакт с группой надежных людей. По его словам, они предлагают провести совместную операцию по захвату автомашины с деньгами, которая в ближайшее время проследует в Бохню, а более точную информацию передадут позднее.

Предложение было заманчивым. Приманка сработала. Главарь банды прислал положительный ответ, предлагая встретиться и обсудить детали предстоящей операции, однако поставил условие, чтобы из группы вместе с Мстительным прибыл только один человек, и назначил встречу ночью в условленном месте.

Роль этого человека должен был играть я. Этому мне никогда не забыть. Впервые пришлось непосредственно столкнуться с врагом, и я очень волновался. Независимо от

исхода операции было очевидно, что главарь банды — преступник, готовый на все.

В Неполомицы мы прибыли после обеда. Мстительный заметно нервничал. Я тоже с трудом держал себя в руках. Удастся ли уговорить их на совместную с нашей группой операцию по захвату автомашины с деньгами? Сумею ли я выполнить свою задачу?

Вскоре мы подошли к месту назначенной встречи. Лунная осенняя ночь. Проселочная дорога. Справа видно поле, покрытое стерней, за ним — погружившийся в сон хутор. Время от времени оттуда доносится только лай собак. Слева от дороги — заросли ивняка, за ними — едва различимые контуры леса. Это Неполомицкая пуща. У самой дороги одинокая дикая груша.

— Здесь, — шепнул Мстительный.

Я знал, что он без оружия. На мне был плащ, в котором имелись карманы с двойным разрезом. Опуская руку как бы в карман, а на самом деле под подкладку плаща, можно было незаметно выхватить пистолет и открыть огонь. Стрелять можно и не вынимая пистолета из кармана.

Я крепко сжал рукоятку пистолета и снял его с предохранителя — надо быть готовым к любой неожиданности.

— Мстительный, ты уверен, что это здесь? — спросил я.

— Да, он должен вот-вот появиться.

Мы спрятались в ивняке. Потянулись мучительные минуты ожидания.

«Придет ли? — думал я. — А может, уже знает об аресте сообщника? Тогда банда сделает из нас решето».

— Идет, — шепнул Мстительный, который первым услышал шаги приближающегося человека.

— Выйдем из кустов, как только я увижу, что это он.

Только теперь я услышал чьи-то шаги, все ближе, все отчетливее. Кто-то подошел к дикой груше, высокий, широкоплечий, в прорезиненном плаще с капюшоном. Остановился.

Первым вышел Мстительный. Сразу же за ним — я. Главарь банды поздоровался вначале с ним, потом со мной.

— Я-то думал, что придешь с охраной из госбезопасности, — сказал он, — а вас, оказывается, всего двое.

— Ты же сам так хотел, — ответил Мстительный.

«Значит, он что-то подозревает, — подумал я. — А может быть, знает, что Мстительный был арестован?» Однако дороги назад уже не было.

— До базы не больше получаса. Там и поговорим, — загадочно заметил главарь и умолк.

Мы двинулись гуськом по узкой тропинке, вьющейся между кустами ивняка. Впереди шел главарь банды, за ним я, потом — Мстительный. Меня томило недоброе предчувствие.

«Придешь с охраной из госбезопасности» — эти слова бандита вызвали у меня беспокойство. Знает или только хотел прощупать? Я держал руку в кармане плаща, крепко сжимая рукоятку пистолета, который до сих пор меня не подводил.

Вдруг тропинка оборвалась. Заросли ивняка поредели, и мы вышли к ручью. Бандит перепрыгнул через него, обернулся... и я увидел в его руке пистолет, направленный на меня. Сзади находился Мстительный. На какую-то долю секунды я опередил главаря банды и выстрелил первым — сработал рефлекс. Ночную тишину разорвал грохот трех выстрелов подряд... Бандит рухнул на землю. Мстительный отпрянул. Я тотчас же повернулся к нему и крикнул:

— Руки вверх!

Он подчинился приказу.

Главарь еще хрипел, затем его тело несколько раз дрогнуло и застыло неподвижно. Оба моих выстрела оказались меткими. Одна пуля попала ему под сердце, другая — в живот. В нескольких сантиметрах от того места, куда вошла пуля, я увидел заткнутые за пояс две английские гранаты. Если бы пуля угодила в гранату, мы бы все погибли.

— Он, по-видимому, знал, что вы меня поймали, — вырвалось у Мстительного. — Наверняка знал. Я ведь знаком с ним не один год. И сегодня он был какой-то не такой, как всегда. Они могут находиться где-то поблизости.

Я почувствовал в его голосе страх.

Мстительный боялся. Он понимал, что если попадет в руки своих вчерашних сообщников, то пощады ему не будет — его ждет мучительная смерть. Нужно думать, что и меня ожидала бы не лучшая участь.

Я отстегнул от пояса убитого обе гранаты, забрал и его пистолет.

Наших здесь не было, но выстрелы они могли слышать. А вот сообщники главаря, скорее всего, прятались где-то рядом.

Нельзя было терять ни минуты. Мстительный отлично знал местность. Он устремился напролом через заросли, как загнанный зверь, ведомый инстинктом. Я бежал за ним. Я был готов дать ему оружие, если бы вдруг банда нас настигла. Он стрелял бы в них. У него уже не было выбора.

Позже меня не раз мучило сомнение — правильно ли я

поступил той ночью, выстрелив первым. Я успокаивал себя тем, что главарю банды все равно вынесли бы смертный приговор.

Когда я поделился своими сомнениями с шефом, он коротко ответил мне:

— Для нас война еще не окончилась. Если бы тогда, над ручьем, ты задумался, видя направленный на тебя ствол пистолета, то уже никогда не смог бы спросить меня об этом. Тебя бы не было в живых. Я это точно знаю.

Совсем недавно нам удалось схватить в Бохне несколько человек из этой банды. Я читал их показания. Главарь знал об аресте Мстительного и вышел к нам один, не желая вызывать заранее подозрений. Остальные же бандиты поджидали в притоне. Таким образом, от смерти нас отделяло всего несколько сот метров. Услышав стрельбу, бандиты трусили, боясь нарваться на засаду. В таких случаях, кто успеет выстрелить первым — тот остается живым. Таков закон борьбы.

— Пан Сквороньский, уже семь! Пора вставать! Ну и крепко же вы спите.

Я протер глаза. Надо мной склонилась хозяйка. Я даже не слышал, как она вошла в комнату. Вчера вечером я попросил ее разбудить меня. В одиннадцать часов мне нужно было быть в Новы-Тарге. Наступило время действовать.

Я сказал ей, что собираюсь к знакомым в Закопане. В этом не было ничего неожиданного. Главное — не вызывать своим поведением никаких подозрений у моих нынешних хозяев, убедить их в том, что приехал сюда отдыхать.

До начала курортного сезона пансионаты пустовали, поэтому я оказался одним из немногих любителей весеннего отдыха и, естественно, привлекал к себе внимание. Не хватало только, чтобы милиция проявила интерес к моей особе. Это могло доставить мне немало дополнительных хлопот и, как бы это ни звучало парадоксально, даже помешать выполнению моего задания.

Хозяйка смотрела, пока я шел до перекрестка. Меня раздражало ее любопытство. Миновав водолечебный парк, я спустя минуту оказался в центре курорта. Осмотрелся, иска извозчика. Но безуспешно. В мертвый сезон заработка извозчиков были мизерными, и поэтому они предпочитали работать в поле, а не ждать часами случайного пассажира.

Поезда в Новы-Тарг уходили с расположенной в нескольких километрах отсюда железнодорожной станции в

Хабувке. Пришлось идти пешком. День был теплый и солнечный. Курорт утопал в сочной зелени. Горный воздух действовал освежающе. По дороге я случайно увидел автобусную остановку и автобус, как раз отправлявшийся в Новы-Тарг. В последнюю минуту я успел вскочить в него. Это был старый грузовик, приспособленный для перевозки пассажиров. Даже не верилось, что эта рухлядь способна передвигаться по крутым и ухабистым горным дорогам.

Через полчаса я прибыл на центральную площадь Новы-Тарга, названную площадью Мира. Поездом ехать было намного дольше, поэтому у меня оказалось свободное время. Я мог еще раз осмотреть место встречи со связной. Дорогу я хорошо запомнил, поскольку был там вчера, сразу же после приезда из Кракова. Новы-Тарг расположен при слиянии двух рек. Отсюда и берет начало река Дунаец, на мосту через которую должна была состояться встреча.

В городе царил оживление, как всегда в базарный день. Каждый четверг Новы-Тарг, обычно спокойный и тихий, заполняли толпы людей, приехавших сюда со всего Подгаля. Это была необычайно красочная картина гуральских костюмов, своеобразная выставка мод.

Приезжие направлялись с центральной площади в сторону базара, собиравшегося на площади Словацкого. Мимо почтового отделения, я свернул на улицу Красицкого, дошел до здания лицея, повернул на тихую старинную улочку города — Ваксмундскую, состоявшую из низких, преимущественно деревянных домов, и вышел к развилке дорог, ведущих в Чорштын и Бялку Татшаньскую.

В Кракове я несколько часов просидел над картой этого района, мог по памяти набросать топографическую схему окрестностей и хорошо запомнил такие гуральские селения, как Ваксмунд, Кованец, Островск, Лопушна, Харклёва, Охотница, расположенные под Новы-Таргом. В этих краях действовала крупная банда «Бывалые вояки». В который уже раз я задумывался: куда поведет меня связная? Ответ должен быть в ближайшие часы.

Я позавтракал в закусочной на площади Мира. На всякий случай положил в рюкзак несколько буханок хлеба и батонов колбасы, аппетитно пахнущей чесноком.

На место встречи я прибыл точно в назначенное время. Представителю центра неудобно заставлять связную ждать. Только теперь я почувствовал себя настоящим Генриком. Еще недавно он казался мне какой-то далекой и нереальной фигурой.

Миновало одиннадцать. Я смотрел с моста на стреми-

тельное течение Дунайца. До этого времени я не мог сказать о нем ничего конкретного. Теперь же, слушая шум реки, я мог перечислить все районы, через которые она протекает, — Поронин, Белый Дунаец, Нижняя Баньска, Шафляры...

Возле меня остановился какой-то мужчина, не похожий на местного жителя. Глядя на реку, он вдруг обратился ко мне:

— Интересно, а форель здесь водится?

Ему явно хотелось поговорить. Это был, видимо, заядлый рыболов. Такого, если он разболтается, не остановишь. Это не входило в мои планы. «Надо прикинуться молчуном, — подумал я, — или профаном».

— Скорее карпы, — буркнул я в ответ.

Рыболов опешил, с презрением посмотрел на меня и приготовился уже было прочитать мне целую лекцию. Ну и влип же я! От такого и через час не избавишься. Я отвернулся. Рыболов не мог скрыть своего разочарования и, махнув препребрежительно рукой, удалился.

«Где же связная, черт побери? — подумал я. — Прошло уже пятнадцать минут. Может, у нее нет часов? Вряд ли, наверняка банда снабдила ее какими-нибудь украденными».

Я крутился возле моста то с одной, то с другой стороны, повторяя про себя пароль, высматривая девушку в зеленой косынке, с веткой сосны в руке — опознавательным знаком. Время неумолимо шло, а она все не появлялась.

Я уже пожалел, что избавился от рыболова: мог бы поговорить с ним теперь о форели, даже о китах, лишь бы не торчать одному на мосту. В конце концов кто-нибудь может заинтересоваться, что я здесь делаю, а если попадется милиционер, то и задержать меня.

«Сколько еще можно ждать? — спрашивал я себя. — Больше часа — неудобно, поскольку это противоречит принципам конспирации. Одно дело, за городом — там можно опоздать и на несколько часов, главное — безопасность, а не время».

Я поймал себя на том, что уже начал рассуждать как человек, который опасается попасть в руки органов госбезопасности. Тем лучше.

«А связная, — продолжал я размышлять, — наверное, обычная девушка из какого-нибудь Островско или Харклёва. Что может помешать ей прийти на встречу?»

Я ждал бы и десять часов, если бы был уверен, что она придет. Если я не сумею установить связь с бандой, столько работы пойдет насмарку.

Наверняка Старик в эту минуту тоже думает об этом. Он с нетерпением ждет результатов моей миссии. К счастью, завтра в том же месте и в то же время у меня запасная встреча. А может, банда не успела предупредить связную или просто она не смогла прийти сегодня?

Мои размышления прервали сигнал времени и старинная мелодия, исполняемая трубачом с Марианского костела в Кракове. Это через открытое окно небольшого домика у шоссе доходили до меня звуки радио.

Итак, Дунаец, до завтра...

Разочарованный, я вернулся в город. Предстоял еще один день ожиданий, и неизвестно, не кончится ли все это провалом. Я бесцельно бродил по городу. Как подобает настоящему туристу, купил в киоске путеводитель по Подгале. Дошел до площади Словацкого — базар подходил уже к концу. Теперь толпы людей двигались в обратном направлении. Город затихал до следующего четверга.

Я зашел в закусочную рядом с гостиницей на центральной площади. Свободных мест не было. За столиками сидели гуралы и щедро обмывали удачные торговые сделки. Даже у буфета надо было ждать не меньше получаса.

Я с трудом влез в переполненный автобус. Следом за мной, расталкивая локтями пассажиров, поднялся какой-то мужчина в коричневом картузе. До Рабки мы тащились вдвое дольше обычного. Пахло потом, чесноком, водкой. Автобус останавливался на каждой остановке и даже чаще. Возвращавшиеся с базара свалили водителю деньги в руку или карман за дополнительные остановки.

— Что это, таксй, черт побери? — протестовали спешившие домой.

— Не нравится — вылезайте, — огрызнулся водитель. Здесь он был полноправным хозяином и последней инстанцией.

— Наконец-то, — вздохнул я с облегчением, выходя в Рабке.

Голод все больше давал о себе знать. Прямо с автовокзала, пройдя небольшой скверик, я направился в ресторан «Под звездой».

2

В моем распоряжении была вся вторая половина дня. На следующее утро я должен был снова ехать в Новы-Тарг. Вопрос, удастся ли мне установить связь с девушкой на мосту, лишал меня покоя. Я вышел в парк, не испыты-

вая никакого желания возвращаться в особняк. Запереться у себя в комнате вряд ли удастся, и поэтому я был обречен на пустую болтовню с хозяйкой. Ее муж, наоборот, был человеком малоразговорчивым; с первого взгляда было видно, что в доме с ним мало считались. До войны он работал на железной дороге и неплохо зарабатывал. Теперь же основным источником содержания семьи были деньги, получаемые от сдачи комнат. Но старый особняк особенно не привлекал дачников. Уже накануне вечером на меня обрушился целый поток жалоб. При этом я узнал, что одна из дочерей хозяев работает на железнодорожной станции в Хабувке, а другая выехала в Краков.

Небо было безоблачно, воздух свеж и чист. Я остановился у могилы погибших советских воинов. Миновав водолечебный парк, оказался перед зданием почтового отделения. Очень хотелось заказать разговор со Стариком. Но что я ему скажу? Что связь с бандой пока установить не удалось? Об этом он наверняка уже знал — я был уверен, что кто-то из наших незаметно наблюдал за местом встречи. Впрочем, майор предупреждал, чтобы я выходил на связь с ним только в исключительных случаях.

Итак, я продолжал бродить по курорту. Передо мной открывалась великолепная панорама гор, окаймлявших с севера долину реки Раба. Вдали возвышался преисполненный гордого достоинства, поросший густым лесом Любонь. Я уже когда-то видел его на открытке, знал по рассказам Дануси, моей институтской подруги — заядлой туристки. Я уселся на скамейку возле старого кладбища и начал листать купленный в Новы-Тарге путеводитель.

«Рабка — город, курорт и климатическая станция, — расположена в долине Рабы и ее притоков Слонки и Поничанки, у подножия Горцев и Большого Любоня. На юго-восток от Рабки тянется горная цепь под названием Горде с самой высокой вершиной Турбачем...»

Я посмотрел в том направлении, как бы желая сравнить, насколько описание путеводителя соответствует действительности. Над Любонем появилось небольшое серое облачко, и сразу же за ним на небо выползла огромная туча, но вершины гор были еще освещены заходящим солнцем. Парк был почти безлюдным. Если бы не это, я наверняка не обратил бы внимания на фигуру человека в коричневом картузе. Я видел его сегодня уже в третий раз. Это он влез в Новы-Тарге следом за мной в переполненный автобус, потом я заметил его, выходя из ресторана «Под звездой», и теперь он сидел на скамейке в нескольких десятках

метров от меня. Я некоторое время внимательно наблюдал за ним. Но он как будто не замечал этого — развернул газету и уткнулся в нее. Мне казалось, что он хотел закрыться ею от моего взгляда. А может, мне это только показалось?

Сделав вид, что больше не обращаю на него внимания, я продолжал изучать путеводитель.

«...Старинный костел из лиственницы, построенный в 1606 году на месте прежнего (1565 год), относится к числу замечательных памятников деревянного зодчества в южной Польше».

Я незаметно покосился в его сторону. Мужчина в коричневом картузе сидел в прежней позе. Я снова вернулся к чтению.

«...В колокольне расположен краеведческий музей, основанный Польским Татраньским Обществом в 1931 году, с интересными экспонатами...»

«Наверное, я слишком подозрительный», — подумал я. Однако что-то не давало мне покоя. Хотелось убедиться, действительно ли мои встречи с этим типом были случайными. По-прежнему казалось, что он следит за мной. Я поднялся со скамейки и медленным шагом прошел вдоль кирпичной ограды кладбища, свернув на какую-то поднимающуюся круто вверх улицу, миновал несколько магазинов, вакусную и выпел к железнодорожному вокзалу. Он выглядел безлюдным — поезда уходили в основном из Хабувки. Я расспросил заспанного железнодорожника о поездах в Новы-Тарг и Закопане, умышленно задерживаясь здесь подольше. Затем вышел на небольшую привокзальную площадь. Мужчины в коричневом картузе не было видно. Прохожий показал мне дорогу к костелу, о котором говорилось в путеводителе. Я пересек железнодорожные пути и оказался в старой части города, существовавшей уже несколько сот лет, пока здесь не был построен известный в настоящее время курорт.

Когда я приблизился к каменной ограде костела, окружающей этот древний памятник архитектуры, мне показалось, что за поворотом мелькнула фигура мужчины в коричневом картузе. Вокруг костела росли старые раскидистые липы, дубы и ясени. Меня скрыла тень вековых деревьев, и я мог рассмотреть этого человека вблизи. Он чуть ли не бегом пробежал мимо костельной ограды, остановился, ища меня взглядом. Коричневый картуз был у него в руке. Я подошел к входу. К сожалению, костел и музей были уже закрыты. Возвращаясь назад, заметил, что мой

«ангел-хранитель» стоял под деревом в нескольких десятках метров от меня. Не обращая на него внимания, я направился к центру курорта. Зашел в небольшую закусочную возле кладбища. У входа снова увидел человека в коричневом картузе. Теперь я был абсолютно уверен, что он следит за мной. Почему?

На свою квартиру я вернулся уже в сумерки. Просмотрев заголовки статей в последнем номере «Дзенника Польского», лег в кровать и погрузился в раздумья. Меня заинтриговал таинственный мужчина в коричневом картузе. Интересно, встретимся ли мы с ним завтра в автобусе? Мысли мои то забежали вперед, в завтрашний день, то возвращались в прошлое. Разве мог я еще две недели назад предполагать, что окажусь сегодня в Рабке, что буду называться Марианом Сковроньским...

Это началось ровно две недели назад.

Я усердно штудировал толстый сборник лекций по истории экономических доктрин. Приближался срок сдачи экзамена у профессора Фириха. Студенты считали его либералом, но на экзаменах он был очень строгим и требовательным. Поэтому я решил использовать для подготовки две недели отпуска.

Мои занятия прервал звонок в дверь. «Наверное, Анджей», — подумал я. Ведь знакомым я сказал, что уезжаю, а Анджей был моим соседом — жил через стенку. Но оказалось, что это Юзек, в то время мой непосредственный начальник, руководитель одного из отделов, занимающихся борьбой с вооруженным подпольем.

— Слава богу, что застал тебя, — сказал он с явным облегчением. — А говорили, что ты уехал. Почему не бери трубку?

— Потому что у меня отпуск и я уехал.

Юзек взглянул на меня, словно сомневаясь, трезвый ли я.

— Что несешь чепуху?

Тогда я показал ему конспект лекций о теории денег Давида Рикардо.

— Вот видишь, теперь я в Англии, в XIX веке, а завтра собираюсь на остров Сен-Симона. — И я объяснил ему уже серьезно, как подобает подчиненному, что предстоит экзамен и я решил на время отпуска изолироваться от людей.

— А я пришел сообщить тебе кое-что из области антагонистических противоречий переходного периода, — пошутил Юзек, после чего заявил уже серьезно: — Придется го-

товиться к другому экзамену. Об этом хочет поговорить с тобой Старик.

Я знал, что расспрашивать Юэка бесполезно. Он был хорошим товарищем, но в служебных делах умел держать язык за зубами. Спустя некоторое время мы уже сидели у заместителя начальника воеводского управления госбезопасности. Майор, которого мы называли Старик, вызывал к себе работников только по серьезным вопросам, не терпел многословия, ставил задачи четко и конкретно, давая возможность собеседнику высказать свое мнение. По мелким вопросам он сам заглядывал к подчиненным, уточнял интересующие его детали, давал советы или поторавливал...

— А мы как раз обсуждали одно серьезное задание, которое нам предстоит выполнить, — обратился ко мне майор, когда я вошел в его кабинет. — Я через час уезжаю в Варшаву. Времени осталось немного. Поэтому объясню в общих чертах план разрабатываемой нами операции, а с деталями вас ознакомит ваш непосредственный начальник.

Речь идет о банде «Бывалые вояки». У нас появилась возможность выйти непосредственно на ее главаря — Атамана. Это приближенный бывшего главаря банды Огня, его личный адъютант. По нашим сведениям, сейчас в новой банде насчитывается более ста человек и она терроризирует значительную часть Подгаля. В последнее время банда ведет себя особенно агрессивно. Попытки ликвидировать ее с помощью операций, проведенных корпусом внутренней безопасности, не принесли пока результатов. «Бывалые вояки» хорошо знают местность, располагают надежной и разветвленной агентурной сетью на местах и поэтому им удалось избежать нескольких засад. Меньше недели тому назад одного из честных жителей, который проинформировал нас о месте нахождения банды, они раздели донага, зверски избили и пристрелили. На груди жертвы прикрепили смертный приговор, подписанный Атаманом, а на лбу выжгли буквы ППР. Затем избили его жену и детей, сожгли дом и хозяйственные постройки. Недавно мы получили информацию, что банда пытается установить связь с заграницей. В руках вражеской агентуры Атаман и его подручные могут стать еще более опасными. Мы знаем канал, по которому они передали в Западную Германию письмо, имеем его копию. Однако оригинала нам, к сожалению, перехватить не удалось, и он дойдет до адресата. Но мы знаем пароль, время и место встречи со связной. А это уже немало. Ответ оттуда может прийти примерно через месяц. Нам надо опередить вражеский руководящий центр и устано-

вить контакт со связной, а затем и с главарем банды. Это первый этап большой операции, которую мы хотим осуществить. Если нам удастся внедрить своего человека в логово врага, то мы предпримем дальнейшие шаги. Встреча представителя зарубежного руководящего центра под псевдонимом Генрик со связной банды должна произойти через две недели. Связная будет ждать его раз в неделю в 11 часов на мосту через Дунаец в Новы-Тарге. Такова вкратце суть дела, — подытожил майор. — А пока надо срочно подобрать человека на роль Генрика, и мы решили предложить эту роль вам.

В первую минуту я не знал, что ответить. Предложение заместителя начальника воеводского управления госбезопасности застало меня врасплох.

— Не знаю, справлюсь ли — ведь это очень ответственное задание, не хотел бы подвести вас... — бормотал я в ответ, волнуясь и краснея, как школьник.

В разговор вмешался Юзек, который до этого молча слушал то, что говорил Старик.

— Остановившись на вашей кандидатуре, мы учитывали ряд обстоятельств, — сказал он. — Во-первых, в период оккупации вы были партизаном, значит, накопили определенный опыт, который может вам пригодиться в контактах с бандой. Во-вторых, вы уже принимали участие в нескольких аналогичных операциях. Взять хотя бы операцию в Неполомницкой пуще под условным названием «Предатель» или ликвидацию банды, действовавшей в Бохнинском и Новосончском повятах. В-третьих, вы владеете иностранным языком, а это существенное преимущество, поскольку вы будете представлять там зарубежный центр. В-четвертых, вас в Подгале не знают, вы никогда там не были как сотрудник органов госбезопасности. Поэтому возможность случайной деконспирации отпадает. Все это говорит в пользу нашего выбора. О том, что мы считаем вас преданным нашему делу и смелым сотрудником, думаю, нет необходимости говорить.

Старик выпул из письменного стола пачку сигарет, угостил Юзека, потом меня. Делал он это редко, ибо сам не курил. Я с удовольствием затянулся и сделал жест, как будто хотел что-то сказать. Однако Старик опередил меня.

— Задание опасное, — заметил он. — Мы не хотим этого скрывать от вас. Не рассматривайте наше предложение как приказ. Можете еще подумать. Правда, времени у нас не так уж много.

Я был взволнован тем, что услышал. Столько раз меч-

тал участвовать в большом деле, и вот наконец появилась такая возможность. Предложение шефа было мною принято.

— Какие будут дальнейшие указания? — обратился я к Старiku.

— Легенда, под которой ты будешь действовать, — он перешел на «ты», не скрывая своего удовлетворения, — уже в общих чертах разработана. Детали обсудите с поручником. — Старик показал на Юзека. — Свою роль ты должен вызубрить на память. Получишь подробную биографию Генрика. Был членом НСЗ¹ и вместе со Свентокшиской бригадой под командованием Богуна перешел в конце войны с гитлеровской армией в американскую зону оккупации Германии. Потом с диверсионно-разведывательной группой заброшен снова в Польшу. Ты будешь представлять диверсионно-разведывательный центр, который должен установить связь с руководителем банды. Выступишь под вымышленной фамилией, так как на Западе будто бы получил фальшивые документы, чтобы отвлечь от себя внимание польских органов госбезопасности как члена НСЗ. Амнистией не воспользовался, не явился с повинной, а продолжаешь бороться. Такова вкратце твоя легенда. Документы получишь на имя Мариана Скворовского.

Старик умолк, взглянул на часы.

— Ну, товарищи, мне уже пора. Надо приготовить документы для Генрика, — обратился он к нам, — сделать несколько фотографий, особенно его «пребывания на Западе». С завтрашнего дня приступайте к работе. В запасе у вас всего десять дней. Остальное я резервирую для себя на обсуждение задания с Генриком. И вот еще что. Подготовка должна осуществляться в строжайшей тайне. Генрик вообще не должен показываться в нашем здании. Пока все знают, что у него отпуск, а потом что-нибудь придумаем. О разрабатываемой операции должен знать только узкий круг оперативных работников.

Старик закончил, посмотрел в окно. У здания воеводского управления госбезопасности Кракова его уже ждал черный лимузин.

¹ НСЗ (Народовые силы в борьбе — Национальные вооруженные силы) — реакционная подпольная организация, действовавшая в Польше в годы войны. Сотрудничала с фашистами. — *Прим. ред.*

Работали мы очень напряженно. Перевоплощение в Генрика требовало разработки все новых и новых деталей, которые возникали по ходу подготовки.

Удастся ли нам все предусмотреть в том или ином положении? — таким вопросом мы с Юзеком заканчивали обычно наши размышления.

«А впрочем, кто может предвидеть, какие еще возникнут ситуации?» — добавлял я уже мысленно. Моя роль не ограничивалась одной встречей. Мы предполагали вести начатую игру какое-то время. Поэтому необходимо было продумать различные варианты спокойно, с железной логикой и последовательностью.

Противник был очень хитрым. Благодаря этому банде удалось избежать многих расставленных ловушек. Необходимо было разложить ее изнутри.

Майор неоднократно подчеркивал принципиальное значение первой встречи с главарем банды. Трудно нам заранее предвидеть его реакцию, но ясно было, что Атаман станет тщательно анализировать беседу со мной, что словам не поверит, а постарается хорошенько проверить меня и убедиться, действительно ли я являюсь представителем зарубежного центра. Поэтому мы все время возвращались к легенде, по которой я должен был выступать. От первой встречи мы не ждали слишком многого. Главное — завоевать доверие бандитов, вселить в них уверенность, что нужный им контакт установлен. И лишь позднее можно попытаться нейтрализовать деятельность банды, заморозить на определенное время ее активность.

До конца операции было еще далеко. Ее продумывали опытные люди из моего руководства. Рождались планы смелых, иногда даже сумасбродных, или осторожных до крайности действий. Внедрение своего человека в руководство банды открывало огромные возможности. За основу был взят принцип, исключающий вооруженное столкновение с бандитами, что непременно повлекло бы за собой новые жертвы среди местного населения и наши собственные потери.

Захват руководителей банды не положил бы конец ее террористической деятельности на Подгале. Не так давно был разгромлен штаб Огня. Хотя главарь ее погиб, банда продолжала террор, сменив гольку название на «Бывалых вояк». Осталась нетронутой широкая сеть агентуры на местах. Одних заставляли повиноваться шантажом, другим навязывали дисциплину уже не существующей организа-

ции, перед третьими рисовали перспективу материальных выгод или картину непрочности народного строя.

Итак, цель операции нами конкретизирована. Необходимо было арестовать всех бандитов и отдать преступников под суд. Мало того, следовало также обезвредить остатки вооруженного подполья, выявить еще довольно многочисленную и хорошо законспирированную агентурную сеть, она давала возможность банде «Бывалые вояки» вот уже длительное время действовать почти безнаказанно.

Рождалась идея ликвидации последней крупной банды в Подгале. Над ней работала целая группа людей во главе со Стариком. Я был горд, что мог участвовать в этой операции.

Подходил к концу период, который историки называли позднее периодом борьбы за упрочение народной власти в Польше. В гористом Подгале завершалась его последняя глава.

В насколько же более трудных условиях сражались сотрудники органов госбезопасности и милиции в предшествующие, самые трудные годы, сразу после освобождения Польши от фашистских захватчиков. Испытывая постоянную нужду, полуголодные, плохо одетые и вооруженные, не имея опыта, которым сейчас мы уже обладали, они гибли от пуль различных мстителей, угрюмых, огней или лесных котов.

В захолустных повятах Жешувского, Люблинского, Белостокского воеводств они днем и ночью подвергали себя риску получить пулю врага, причем очень часто из-за угла. Но они сражались, убежденные в том, что цель, к которой стремятся, им дороже собственной жизни.

И Старик, и другие наши начальники были опытными работниками органов госбезопасности, пережившими самый трудный период на наиболее опасных участках борьбы с классовым врагом. В этом заключался источник признания и авторитета, которыми они пользовались среди своих сотрудников.

Атмосфера беспощадной борьбы с врагом, который пытался подточить изнутри молодой организм народной Польши, безграничное доверие к руководству, энтузиазм и самоотверженность всего коллектива сотрудников нашего управления имели для нас большое значение.

Подготовка к роли Генрика оказалась для меня настоящей школой оперативного искусства. Каждый день приближал нас к началу запланированных действий.

Я детально ознакомился с материалами, связанными с

террором банды «Бывалые вояки»: просмотрел десятки протоколов допросов и свидетельских показаний, актов осмотра мест совершенных злодейских преступлений. Мне хотелось лучше узнать противника.

Но разве можно выразить словами переживания жён, у которых убили мужей, или матерей, лишившихся своих сыновей? Сколько трагизма содержала в себе каждая страница любого судебного дела!

В Щавнице банда напала на дом местной учительницы. Я читал отрывки из ее показаний:

«Я не открывала дверь... Тогда они выбили окно, и в дом проникли трое неизвестных мне людей, одетых в военную форму, с оружием в руках... Я выбежала на улицу, но дом был окружен. Один из них, приставив ствол автомата к моей спине, загнал меня обратно в дом, спросил про партийный билет, потом начал избивать палкой, нанося удары по всему телу и даже по голове. Я упала, но меня продолжали бить. Позже я узнала, что в ту же ночь они зверски избили и председателя кооператива «Крестьянская взаимопомощь».

Надвигаются сумерки. Между деревьями и зарослями кустов вьется шоссе. Рядом с ним шумит горный ручей. Невдалеке расположена небольшая деревушка. Она видна как на ладони. По дороге к ней едет возвращающийся с поля крестьянин. Какой-то мальчишка гонит стадо коров. Все больше огней вспыхивает в окнах гуральских хат.

Деревню пересекает лента шоссе. Едва различимый в сумерках серпантин дороги поднимается вдоль опушки леса на господствующую над окрестностями возвышенность и исчезает за закрывающим горизонт холмом. Среди рослых елей заметны силуэты спрятавшихся людей. Это бандиты. Они сидят, притаившись за деревьями; трое в военной форме, остальные в непромокаемых плащах. Все вооружены автоматами и пистолетами. Главарь банды распределяет обязанности. Один из бандитов с ручным пулеметом занимает позицию на господствующей над окрестностями возвышенности, другой идет к шоссе со спрятанным под плащом автоматом, остальные остаются в зарослях.

Издали доносится гул мотора. Главарь банды командует:

— Пропустить, это — легковая.

Автомашина проезжает через горное селение и минует притаившихся людей. Мужчина в плаще нетерпеливо наблюдает за дорогой. Наконец присаживается под деревом. Громыканье приближающейся подводы не вызывает никакой реакции у сидящих в укрытии людей. Наверное, какой-то крестьянин возвращается с базара. Затем проезжает подросток на велосипеде, проходят парень с девушкой, они заняты собой, весело смеются.

Снова слышен гул автомашины. Он все ближе, все отчетливее врывается в вечернюю тишину. Вот уже мелькнули лучи фар, и спустя минуту показывается грузовик. Тяжело урча мотором, он взбирается на возвышенность.

— Внимание! — доносится голос из зарослей. Главарь банды подает сигнал приготовиться к нападению.

Грузовик уже виден как на ладони. От места засады его отделяют всего несколько десятков метров. Мужчина в плаще выходит на середину шоссе, поднимает руку. Водитель сбавляет ход, но не останавливается. В это время двое в военной форме с автоматами в руках выскакивают на дорогу, преграждая путь автомашине. Водитель резко тормозит, решив, что это военный патруль.

Из-под брезентового верха кузова высовываются милиционеры. Две очереди ручного пулемета заглушают чей-то крик. Это открыл огонь спрятавшийся на возвышенности бандит. Тела двух милиционеров безжизненно свесились через борт машины, третий упал на шоссе. Четвертый успел прыгнуть, но автоматная очередь настигла его у придорожного рва. Рядом с изрешеченной пулями автомашиной стоят с поднятыми вверх руками водитель и человек, который ехал с ним в кабине. Он вез деньги для кооператива «Крестьянская взаимопомощь» в Новы-Сопче.

Налетчики торопятся. Главарь банды открывает дверцу кабины и вытаскивает сумку с деньгами. Остальные в это время измываются над рапечными милиционерами, избивают их, а потом приканчивают. С убитых снимают сапоги, ремни, забирают документы.

Тем временем издалека снова доносится гул мотора. Из-за поворота дороги появляется грузовая автомашина. Бандиты разбегаются, занимая свои позиции. И вновь под угрозой оружия машина останавливается. Двое с автоматами в руках занимают места на подножках, остальные забегают в кузов.

— В Язовск, — командует главарь, и грузовик исчезает за поворотом.

В делах о деятельности банды «Бывалые вояки» я прочитал донесение следующего содержания:

«...Ночью нагрянули в дом Войцеха Сапаты, проживающего в Лондке, и пробыли там до утра. Из дома никого не выпускали — поставили часового у входа, установили наблюдение за шоссе, по которому должна была проехать в Новы-Сонч автомашина кооператива «Крестьянская взаимопомощь». Когда она появилась, налетчики открыли огонь из ручного пулемета и автоматов по ехавшим в ней четырём милиционерам Чеславу Вильку, Юзефу Кмицику, Антони Дрожджу и Леону Янушу. Как показывают свидетели, избили, а потом пристрелили раненых милиционеров. Захватили 90 тыс. злотых. Затем остановили другую, случайно проезжавшую мимо автомашину и, угрожая оружием, заставили водителей Юзефа Мроза и Станислава Домалика отвезти их в Язовск, где той же ночью ограбили местный магазин».

Милиционеры возвращались из отпуска. Только у одного из них был при себе пистолет...

Каменица прокладывает себе дорогу через огромный лесной массив, по пути вбирает в себя воды горных ручьев, текущих с Турбача, Кудлоня и Горце, превращаясь в стремительный горный поток, который вблизи Лондка впадает в Дунаец. Бандиты покинули небольшой пастушечий шалаш возле Пшислопа и по тропинке, выходящей вдоль берега Каменицы, добрались до местечка Щава. В наступивших сумерках подошли к дому лесника. Лесник Ян Навроцкий уже спал. Окружив дом, вытащили из постели хозяина. Заставили его пойти с ними к живущему поблизости Юзефу Свистаку. В это время в Лимановском повяте формировались отряды ОРМО¹, и Свистак решил создать такой отряд в Щаве.

Подошли к его дому, велели перепуганному лесничему вызвать соседа. Жена Свистака слышала какую-то подозрительную возню и приглушенные голоса у Навроцких, ответила, что мужа нет дома. Тогда из темноты вынырнули трое одетых в военную форму. Подошли к окну, представились сотрудниками повятового управления госбезопасности в Лиманова и заставили женщину открыть дверь. Но ворвавшись в дом, застали только жену хозяина и двоих детей. Не поверив, что Юзеф Свистак уехал в повят, перерыли все в доме, обыскали чердак и хозяйственные пост-

¹ ОРМО — отряды содействия гражданской милиции. — *Прим. ред.*

ройки. Взяли предназначенные для выплаты рабочим деньги и три старые винтовки.

К одному из бандитов подошла младшая дочка Свистаков.

— Не забирайте этого. Папа будет ругаться на мамочку, — попросила она.

Бандит оттолкнул девочку, показал на висевший на стене портрет:

— Кто это?

— Президент Берут.

Тогда бандит, сбив стволом автомата портрет со стены и разбив сапогом рамку, крикнул девочке:

— Подними и порви на мелкие кусочки!

Малышка с плачем подбежала к матери. Бандит, подойдя к ребенку, ударил прикладом автомата и заставил поднять портрет.

— Разорви!

— Разорву, только не убивайте папу, — ответила девочка.

— Если Свистак не выйдет из партии и ОРМО, вернемся и на ваших глазах расправимся с ним.

Ушли, запретив рассказывать о ночном визите. Пригрозили, что иначе сожгут дом.

На лесопильный завод в Верхней Рабе напали поздно вечером. Запугали сторожа, унесли трансмиссионный ремень.

В это время в Доме культуры показывали любительский спектакль, а после представления состоялись танцы. Ворвались в зал. Оркестр умолк.

— Руки вверх! Всем встать к стене!

Вытащили на середину зала милиционера и приказали:

— Ложись!

Один из бандитов дал по лежащему очередь из автомата.

— Оркестр, музыку! — заорал другой.

Под звуки оркестра заставили участников вечера вытащить убитого за ноги на дорогу. У двух других милиционеров сияли сапоги и босиком погнали по снегу на милицкий пост. Забрали оружие, боеприпасы, ракеты, форму. Ворвались в дом еще одного милиционера, избили его жезлом и в ее присутствии застрелили лежащего в постели мужа.

В эту морозную февральскую ночь бандиты убили в Верхней Рабе еще двух человек.

Владислав Мровец из Грэнкова под Новы-Таргом отказался помогать банде. Ворвавшись к нему ночью, бандиты вабили его до смерти. К груди убитого прикрепили смертный приговор...

В Кросценке напали ночью на дом Яна Хуркалы на улице Здроевой. Подозревали, что он сообщил, где скрывалась банда. Вытащили его во двор и убили...

В Вадовицах во время перестрелки на железнодорожной станции убили сотрудника милиции Мариана Скоча и двух пассажиров — Юзефа Таргоша и Теофила Шиника. Тяжело ранили сторожа Яна Листека и проезжавших мимо Петра Капитаньского и Яна Бобака...

В Верхних Сромовцах под Чорштыном убили Францишека Ковальчика, который отказался помогать банде...

В Обидае возле Новы-Тарга остановили возвращавшегося из костела Станислава Захвею. Увели его в лес, раздели на морозе донага, избили и убили выстрелом в затылок...

В Нижней Рабе зверски избили цепями Себастьяна, Станиславу и Владиславу Костельняков...

В Щавнице совершили налет на здание Польского Красного Креста...

В Лопушной бандиты напали на милиционера Чеслава Дыкаса и отобрали у него пистолет. Затем ограбили магазин кооператива «Крестьянская взаимопомощь»...

И снова Щавница. Банда окружила дом Яна Верчеха. Потребовала от него в качестве выкупа большую сумму денег, пригрозив в случае отказа убить. По дороге бандиты наткнулись на милицейский патруль. Во время перестрелки погиб Францишек Млостек, а тяжелораненый Эмиль Гущик избит прикладами...

В Скавине под Мысленицами банда напала ночью на дом сборщика налогов. Бандиты выдали себя за бойцов Войска Польского...

В Тыльмановой устроили засаду на начальника местного отделения милиции и школьного инспектора Станислава Езерского. В руки бандитов попал милиционер Тадеуш Михалик. Его нашли зверски убитым с приколотым на груди смертным приговором...

Говорили на том же языке, носили польские мундиры, появлялись по ночам, нападали внезапно, по-бандитски, грабили, накладывали контрибуции, безжалостно истязали свои жертвы, грозили смертными приговорами, убивали...

Именно таким был враг, с которым мне предстояло

встретиться. Кровавая деятельность банды прочно врезалась в мою память, отдельные ее эпизоды мелькали перед глазами, как кадры какого-то кошмарного кинофильма.

Банда имела на выбор множество путей для бегства. У нас же была только одна дорога — дорога преследования, которая то и дело обрывалась. Где их искать? Как обезвредить? И вот теперь открывалась возможность проникнуть прямо в логово банды.

3

Своего вчерашнего «опекуна» я заметил только на автобусном вокзале в Рабке. Видимо, он поджидал меня. Я прознал его про себя мужчиной в коричневом картузе. Сегодня он был одет иначе, но я сразу же узнал его по походке и острому профилю. Он сел в тот же автобус, что и я. Когда я обнаружил его, меня так и подмывало выйти где-нибудь в Хабувке, затеряться в толпе и досесть до Новы-Тарга поездом.

Но я не знал расписания и боялся опоздать на встречу. Два долгих и томительных дня ожидания лишили меня спокойствия. «Доберусь до Новы-Тарга, а там что-нибудь придумаю», — решил я.

Я был уверен, что этот человек не от нас. Значит, он действовал по поручению «тех». Иначе откуда он мог знать, что именно сегодня утром я поеду в Новы-Тарг? Он, должно быть, опознал меня вчера на мосту, ведь я прождал там целый час, а потом сопровождал меня до самой Рабки. А теперь обратно, в Новы-Тарг.

«А может, это и неплохо», — подумал я. Старик неоднократно предостерегал, что банда несомненно попытается проверить меня. Возможностей у них для этого хватает, но каким образом — трудно заранее предвидеть.

Например, связанная могла умышленно не прийти на встречу в первый день, что давало возможность опознать меня и установить наблюдение до следующей встречи.

Я старался влезть в шкуру «тех», размышлял, как бы поступил на их месте, анализировал факты с их позиций.

Я вспомнил свои колебания, когда проходил мимо здания почты в Рабке. Тогда меня так и подмывало позвонить Старика. Пришлось бы заказать междугородный разговор, и моему «опекуну» — тогда я еще не знал, что за мной следят — не стоило бы особого труда узнать, с кем я разговаривал.

Да, неплохо придумано. Это для меня урок на будущее.

Судя по всему, главарь банды умышленно велел своей связанной прийти на встречу только на следующий день. Ведь я должен был что-то делать эти двадцать четыре часа, а именно это и интересовало бандитов. Итак, я столкнулся с первой попыткой проверки моей личности. Противник действует очень осторожно. Может, они думали, что я направлюсь в повятовое управление госбезопасности или сяду в ожидавшую меня где-то за городом автомашину, а может, просто хотели проверить, где я остановился, с кем встречу, кого здесь знаю.

Я понимал, что они решили подстраховаться. В каждой игре выигрывает тот, кто сумеет лучше узнать противника. Бандиты были хитрыми и изощренными. Они уже столько лет избегали наших ловушек, и прежде всего благодаря тому, что не верили даже своим людям. Как только возникало малейшее сомнение в надежности человека, они сразу же прекращали с ним связь. Те же, к кому они не имели доверия, как правило, погибали.

Эти размышления настолько захватили меня, что я не заметил, как автобус, описав широкий круг, остановился на центральной площади в Новы-Тарге. Я вышел через переднюю дверь и в нерешительности остановился. Среди пассажиров, преимущественно местных жителей, которые вышли на площади, я не увидел следившего за мной мужчину. Он сидел в конце автобуса и поэтому мог уже выйти через заднюю дверь.

Я осмотрелся. Площадь имела форму большого четырехугольника. Посредине ее возвышалась ратуша. Вчера здесь проходили толпы жителей окрестных деревень, а сегодня город словно отдыхал после шума базарного дня. В будни жизнь Новы-Тарга чуть ли не полностью сосредоточивалась на старой, вымощенной булыжником площади; здесь размещались все важнейшие городские учреждения: почта, автобусная станция, банки, повятовый суд, рестораны и большие магазины.

Я прошел мимо ратуши, остановился у памятника Владиславу Оркану, сыну гурала из Большой Порембы, поэту и общественному деятелю, который все свое творчество посвятил родной стороне.

Исчезновение моего спутника все больше меня волновало. Неужели он оставил меня в покое? Времени до назначенной встречи было еще много, и я медленно обошел всю площадь, останавливаясь у витрин магазинов и незаметно поглядывая по сторонам. Если он следил за мной по указанию «тех», что я и предполагал, можно было сделать уте-

спительный вывод, что они установят сегодня связь со мной. В противном случае зачем им было интересоваться моей персоной?

Я еще раз обошел площадь и свернул в ведущую в сторону Закопане Шафлярскую улицу. Прибавив шаг — движение здесь было намного меньшим, — миновал несколько небольших домов и особняков и опять свернул на какую-то узкую улочку. Если бы мой «опекун» шел за мной, я бы непременно его заметил. Улочка была плотно застроена деревянными општукатуренными домиками. Многие из них стояли боком к тротуару, словно прилепленные к хозяйственным постройкам, их разделяли тесные дворы. Расположены они были несимметрично: одни — ближе к улице, другие — чуть в глубине. Позднее я узнал, что некоторые из них представляют собой довольно ценные образцы старинной архитектуры. Однако в то время для меня было важно, что застройка домов создавала идеальные условия для проверки слежки и предоставляла возможность оторваться от преследователя. Пропетляв минут пятнадцать, я оказался за городом.

Удостоверившись, что этот тип за мной не идет, я направился к месту встречи и, еще не доходя нескольких десятков метров до моста, заметил фигуру девушки. Она стояла у балюстрады, сбивала ногой камешки в реку и несколько раз обернулась в сторону улицы, по которой я шел. Обогнавший меня грузовик поднял облако пыли, закрывшее на минуту горизонт. Я остановился на обочине, протирая глаза, а когда подошел к мосту, девушка уже была на другом берегу реки.

«Может, это не она», — подумал я, прислонившись к балюстраде. От быстрого течения Дунайца повеяло приятным холодком. Тем временем девушка остановилась в тени деревьев, как бы колеблясь, идти дальше или вернуться. По мосту проехал на велосипеде подросток, сразу же за ним появились двое рабочих, один из них оглянулся на девушку. Они не спеша дошли до моста, остановились, закурили и двинулись в направлении Новы-Тарга.

Девушка выглядела еще немного, легким пружинистым шагом вернулась на мост и остановилась у балюстрады. Она была на голову ниже меня, одета в льняную кофточку и немного выцветшую широкую голубую юбку с яркими цветами.

Широкая юбка делала ее более приземистой, чем она была в действительности. В руке она держала большую поношенную сумку. Я отчетливо видел ее профиль с неправиль-

ным носом с легкой горбинкой. Темные волосы были заплетены в косу, на плечи наброшен зеленый платок. Ей было около двадцати пяти лет. Внешне она выглядела гуральской.

Девушка с любопытством взглянула на меня. Некоторое время мы стояли молча. Я колебался, подойти к ней или нет, тем более что вдруг увидел другую девушку, приближавшуюся к мосту. Может быть, та?

«На этой, правда, зеленый платок, — подумал я, — но отсутствует другой опознавательный знак — ветка сосны в руке».

Мои колебания продолжались всего несколько секунд. Наклонившись, девушка вытащила из сумки ветку и выжидающе посмотрела на меня. Теперь уже не имея сомнений, я подошел к ней и сказал с улыбкой:

— Я хотел бы снять комнату в Кованце.

— Для кого? — спросила она низким голосом и вызывающе улыбнулась.

— Для тети Катажины.

— Я отведу вас к дому номер тридцать семь, — промолвила она в ответ.

Мною овладело какое-то смешанное чувство радости и опасения — теперь я не сомневался, что установил связь с бандой. А что меня ждет через час, через несколько часов? Мне вспомнилось древнее изречение: «Жребий брошен». Эти слова якобы произнес Юлий Цезарь, переправляясь через Рубикон. Я улыбнулся про себя этому сравнению.

— Ну, пошли, — обратился я к девушке, которая с интересом рассматривала меня.

— Через два часа будем на месте, — сказала она. — Пройдем вначале берегом реки, а потом поднимемся в горы. Она пошла впереди меня.

По небольшому откосу мы спустились вниз. На другом берегу Дунайца я заметил человека, силуэт которого казался мне похожим на мужчину в коричневом картузе. Однако с такого расстояния я не мог его распознать. Когда мы спускались вниз, он сидел в зарослях, наблюдая за нами. Теперь он встал и стал подниматься вверх по откосу. Я обернулся еще раз, но его уже не было видно — он исчез за насыпью, по которой проходила дорога. Девушка шла впереди, я за ней по узкой тропинке, выходящей по каменистому берегу реки.

Миновав группу ребят — они не обратили на нас внимания, занятые игрой в войну, — мы свернули влево, и вскоре тропинка соединилась с проселочной дорогой, пет-

лявшей среди одиночных построек, которые, по мере того как мы поднимались, попадались все реже. Открылся прекрасный вид на новытаргскую котловину, которую прорезали две голубые извилистые ленты — Белого и Черного Дунайца.

Я пошел рядом с девушкой. У меня было желание завязать с ней разговор. Она знала многие детали, которые могли мне пригодиться, знала, куда меня ведет, и была наверняка посвящена в некоторые дела банды и ее связи. Но как начать разговор, чтобы она не поняла, что я хочу что-то у нее выудить? Ведь наш разговор она передаст главарю банды, что-то извратит или добавит, и это может вызвать у него подозрение. Лучше не рисковать.

— Почему вчера никто не пришел на встречу? — спросил я. — Я уже было решил, что-то случилось.

— Пришла, когда велели, — отрезала она, переложив сумку в другую руку и посмотрела вниз. Вдали виднелось какое-то селение, растянувшееся вдоль едва различимого сверху шоссе.

— Что это за деревня? — спросил я.

— Ваксмунд. А там дорога в Чорштын.

— Где нас будут ждать?

— В горах, — показала она рукой на густо покрытые деревьями холмы. — Там нет улиц. А вы здесь первый раз?

— Надеюсь, не последний, — пошутил я и протянул руку к тяжелой сумке, нести которую ей было явно нелегко. Однако она отстранила мою руку:

— Я уже привыкла, несу ребятам колбасу.

— Кто придет на встречу со мной?

— Это их дело, передо мной они не исповедуются.

Дальше мы шли молча, я понял, что услышать от нее много не удастся — если бы она не умела молчать, не была бы связанной банды. Внизу остались поля, мы пересекли какое-то горное пастбище, на котором паслось стадо овец. Новы-Тарг отсюда казался небольшим селением. Открывалась прекрасная панорама Татр. На вершинах еще лежал снег, который резко контрастировал с зеленью скупо освещенных солнцем склонов гор.

Вскоре мы вошли в лес, тропинка вилась над небольшим горным ручьем. Связная шла первой, ловко перескакивая с камня на камень, обходя торчащие корни. Чувствовалось, что этот путь ей хорошо известен. Местность вокруг казалась малолюдной — с тех пор как мы свернули на лесную дорогу, нам никто не повстречался.

«Идеальное место для нелегальной связи», — подумал

я. Свою легенду я выучил наизусть. В кармане куртки лежали мои документы: немного потрепанное, выданное еще немцами удостоверение личности на имя Мариана Сквороньского, сына Витольда, родившегося 28 апреля 1922 года в Кракове, несколько фотографий и записная книжка. Я пользовался псевдонимом Генрик, был офицером связи руководящего центра в Западной Германии. Во время оккупации служил в батальоне, который после слияния отрядов НСЗ был включен в состав 202-го полка Свентокшиской бригады. Это произошло летом 1944 года в усадьбе Лясочин. 202-м полком командовал майор Якса, а Свентокшиской бригадой — полковник Богун. Я запомнил псевдонимы основных офицеров штаба бригады, знал, где, когда и с кем были проведены ее наиболее крупные боевые операции. Кроме случайной стычки с немцами под Цацовом, остальные бои были предприняты бригадой против действовавших на Келецкой земле отрядов Армии Людовой.

Итак, я должен был выступить в роли человека, который еще во время оккупации сражался с коммунистами. Затем Свентокшиская бригада перешла границу с Чехословакией. Из Праги на борту гитлеровских самолетов в тыл Советской Армии было переброшено несколько диверсионных групп НСЗ. Там я оставался до конца войны и вместе с другими был вывезен в американскую зону оккупации Германии. Служил вначале в караульной роте оккупационных войск, а затем был направлен в диверсионную школу в Регенсбурге. После ее окончания меня снова перебросили в Польшу, снабдили поддельными документами, на основании которых я и легализовался.

О деятельности центра по организации диверсий в Польше рассказывать им я не имел права, поскольку это было военной тайной. Я мог им сообщить, что руководящий центр на Западе получил письмо от командира группы, действовавшей на Подгале, и через мое руководство поручил установить с ней связь. И вот для проведения предварительных переговоров меня и направили сюда. Я должен был выяснить, в какой степени мы можем рассчитывать на эту группу и ее агентурную сеть.

В случае успешного завершения переговоров группа будет подчинена центру по организации диверсий в Польше. Каких-либо других инструкций я не был уполномочен передавать без согласия моего руководства.

Я мог поделиться с руководством банды своими впечатлениями о пребывании на Западе, Старик уделил этой части легенды довольно много времени. Я изучил местную пе-

чать, планы городов, в которых «побывал», донесения о деятельности диверсионной школы в Регенсбурге.

Своим поведением я должен был завоевать доверие руководства банды. Богатую информацию, которой напичкали меня, я мог использовать по своему усмотрению либо в форме откровенных признаний в частных разговорах, либо путем употребления профессиональных выражений, связанных с техникой диверсий. Старик предвидел, что подобного рода тематика позволит мне сблизиться с моими «контрагентами» и добиться с их стороны признания, а может, даже и уважения.

Я входил в среду врага, стоящего на самых крайних позициях, не имеющего дороги назад. Каждому из членов банды грозил по совокупности преступлений смертный приговор. Они прекрасно отдавали себе отчет в этом и были готовы на все. Ими руководила не смелость, а отчаяние. Единственной искрой надежды было свержение народной власти, к которой они питали глубокую ненависть. Эту их надежду можно было использовать в психологическом плане, рисуя перспективу «помощи с Запада». Только безумец мог рассчитывать найти подход к этим вырожденкам либо переубедить их.

Пистолет, с которым я не расставался во время операций, лежал сейчас в сейфе майора. Банда вооружена пулеметами, автоматами, гранатами. Что мог я сделать с пистолетом? Моим оружием должны были стать хорошо продуманная легенда и безупречные документы.

Я понимал, что успех операции лишь в какой-то степени будет зависеть от легенды, а больше от моего поведения, от того, поверят ли мне люди из окружения Атамана. Их преследовали многие годы, что выработало у них определенный инстинкт, который мог сработать независимо от наших предвидений.

Плохое впечатление, произведенное на главаря банды, могло уже само по себе решить мою судьбу. Где действуют законы преступников, для аргументов остается мало места.

«Держись, браток, не давай волю своим нервам». Я чувствовал, что начинаю терять спокойствие. В ушах у меня звучали слова Старика: «Решающей будет первая встреча...»

Связная сбавила шаг. Ручей уже остался далеко позади. Лес заметно поредел, но через густую крону трудно было даже с расстояния в несколько сот метров что-либо увидеть. Мы начали карабкаться вверх. Вскоре мы достигли вершины какой-то возвышенности. Девушка остановилась. Я подошел к ней:

— Что, уже пришли?

— Нет, еще выше. — Она показала на нависший над возвышенностью каменный хребет. — Теперь поднимемся вон по той тропинке.

Воспользовавшись остановкой, я закурил первую за все время пути сигарету и с жадностью затаился. Связная присела на поваленное сильным порывом ветра дерево, и я заметил, что она поглядывала на скалистый хребет. Очевидно, она кого-то там искала.

«Наверное, они появятся оттуда», — подумал я.

Девушка, почувствовав, что я смотрю в том же направлении, что и она, показала рукой на небольшой перевал:

— Там погиб мой парень.

— Кто его убил?

— Он был в отряде Серебряного. Проходили здесь, попали в засаду. Получил две пули в живот...

— А что с остальными?

— Прорвались на Турбач.

— А где теперь Серебряный?

— Тоже погиб, только позднее.

По взгляду девушки я понял, что ее удивил мой последний вопрос. Для меня не было тайной, кто пользовался псевдонимом Серебряный, но я не мог признаться в этом, придерживаясь последовательно своей легенды.

Именно Серебряный возглавлял какое-то время банду «Бывалых вояк», корни которой уходили к наиболее трагическим дням на Подгале. В феврале 1947 года, окруженный в Островске под Новы-Таргом, погиб самозванный король гор, главарь бандитов Огонь. В течение двух лет после освобождения от немецко-фашистской оккупации руководимые им банды замучили и убили несколько сот человек. После гибели Огня значительная часть его людей воспользовалась объявленной амнистией и явилась с повинной. Казалось, что наступил конец кошмарной братоубийственной войне и террору, что на подгалинской земле воцарится наконец мир.

Однако несколько ближайших помощников Огня отказались сложить оружие. Они на какое-то время затаились в своих лесных бункерах и разбросанных по гуральским деревням притопах и вскоре снова вылезли паружу.

«Кто явится с повинной, того ожидает смерть!» — этим лозунгом они пытались запугать тех, кто не подчинился их приказу и решил вернуться к нормальной жизни или кто еще колебался.

И снова загремели выстрелы. На этот раз пули настига-

ли бывших членов банды. Приговоры приводил в исполнение Рох.

Кровавое наследство Огня принял Мститель, вокруг себя объединив самых закоренелых преступников из окружения Огня. Так возникла банда, получившая название «Бывалые вояки». Отряды органов госбезопасности, не зная отдыха, преследовали ее, организуя облавы и засады, не давая ей ни минуты покоя.

Спустя год после гибели Огня в стычке с отрядом КВВ погиб его преемник Мститель вместе с несколькими своими ближайшими соратниками. Но банда продолжала действовать. Возглавил ее теперь Серебряный, который сбежал из-под стражи во время суда над ним в Новы-Сонче. Серебряному грозил смертный приговор за сотрудничество с гестапо. Во время оккупации он служил немцам, выдавал им членов Армии Крайовой. Однако главарем банды «Бывалые вояки» он пробыл недолго — попал в засаду возле Хабувки.

Тогда руководство бандой принял Атаман, который изменил тактику действий, избегая непосредственных стычек. Постоянно преследуемая банда выходила из многих почти безнадежных ситуаций и продолжала действовать.

Я, как и каждый сотрудник органов госбезопасности Краковского воеводства, хорошо знал историю «Бывалых вояк». Банда ни днем ни ночью не давала покоя нашим людям.

Мне нельзя было рассказать связной о главаре ее избранника, погибшего недалеко отсюда. Я докурил сигарету, и мы двинулись дальше. Девушка вела напрямик, не разбирая тропинки. Мы поднимались все выше по раскаленным солнцем камням. Крутые склоны гор были абсолютно голые. Мы были видны как на ладони. Издалека нас могли принять за туристов, отправившихся на прогулку в горы. Вид отсюда был прекрасный. Купающиеся в солнечных лучах горы невольно привлекали к себе внимание. Однако я был поглощен не этим. От встречи с бандой меня отделяли теперь уже не часы, а, возможно, минуты.

Время от времени мы с девушкой обменивались ничего не значащими фразами. Я старался держаться бодро и невозмутимо: ослабил ремешок вещевого мешка, перебросил через него куртку. Солнце пригревало все сильнее. Мелкие камешки то и дело осыпались из-под ног. По невнимательности я столкнул несколько больших камней, они с грохотом полетели вниз. В ответ по всему ущелью прокатилось эхо. Девушка осуждающе взглянула на меня и, как горная

косуля, вскарабкалась на вершину возвышенности, господствующей над окрестностями.

Я с облегчением вздохнул, когда остановился возле нее. Северная сторона хребта поросла невысоким еловым лесом с густой кроной. Справа торчала потрескавшаяся скала. Мы миновали несколько больших валунов, как бы прилепленных к вершине возвышенности. Это был отличный наблюдательный пункт: с севера — обрыв, с юга — крутой склон, по которому мы только что взбирались. Отсюда хорошо был виден последний, самый трудный участок дороги.

«Прекрасное место для подобного рода встреч», — подумал я. Девушка на минуту остановилась. У меня сложилось впечатление, что она прислушивается, осматриваясь при этом по сторонам. Наверное, здесь.

— Ну а теперь что? — обратился я к связной.

Она не успела ответить. Сзади я услышал чьи-то шаги и почти одновременно возглас:

— Стой, руки вверх!

Я машинально обернулся и увидел в нескольких метрах от себя мужчину и направленный на меня ствол автомата. Я был настолько удивлен, что не мог вымолвить ни слова и даже не поднял рук. словно молния, в моей голове мелькнула мысль: а может, мы напоролись на других, может, это не те, к кому мы шли?

В это время из-за валунов показался другой тип с автоматом в руках.

— Не двигаться, руки вверх! — крикнул он.

У меня не было выхода. Я медленно поднял руки. Сзади я услышал чьи-то быстрые шаги, мне показалось, что это связная. Я повернул голову и увидел широкоплечего мужчину. Он подбежал ко мне и приставил к моей спине дуло пистолета. Я услышал его хриплый голос:

— Не двигаться, а то схлопочешь пулю!

Все это произошло настолько молниеносно, что я не знал, как реагировать. Времени собраться с мыслями не было. Секунду, а может быть, и больше я не мог издать даже звука, чувствуя спазмы в горле.

Может, это страх? Да нет, скорее неожиданное потрясение. Произошло то, чего я вообще не предвидел. Я минуту стоял неподвижно, глядя на двух мужчин с направленными на меня автоматами. За спиной я чувствовал дыхание третьего человека. Я не знал, что стало со связной.

Постепенно ко мне возвращалась способность к оценке положения, в котором оказался. Меня охватило чувство бессилия, граничащее со страхом. Я был беззащитен, целиком

в их руках. Что они теперь со мной сделают? А может, уже знают, кто я? Весь в напряжении, я ждал своей дальнейшей участи.

— Чего ждешь? — поторопил стоящего сзади меня типа мужчина с автоматом. — Обыщи его!

Теперь я почувствовал его дыхание на затылке. Он был выше меня на полголовы. Ощупал карманы брюк и опоясанные кожаным ремнем бедра. Видимо, хотел проверить, есть ли у меня оружие. Снял с меня переброшенный через плечо вещевой мешок с курткой.

— Что это значит? Кто вы? — резко спросил я человека с автоматом, который выглядел здесь старшим. Мой собственный голос показался мне на этот раз каким-то чужим.

— Кто мы — это наше дело, — отрезал он, — а кто ты, сам нам об этом расскажешь! Оружие есть?

— Нет.

— Нет, — подтвердил второй мужчина.

— Отведем его в шалаш.

И мы пошли. Впереди шел тот, который обыскивал меня, а сзади, на некотором расстоянии, — старший с автоматом. Третий остался на наблюдательном пункте. Связная куда-то исчезла уже тогда, когда меня окружили.

Куда они меня ведут?

Наконец мы достигли входа в какое-то углубление в скале, напоминающее грот. Верзила пригласил меня зайти внутрь. На камнях лежала охапка еловых ветвей, у стены палялась скомканная грязная бумага и несколько пустых бутылок. Значит, это и есть шалаш.

Я старался взять себя в руки. Мысли беспорядочно ронялись в голове.

А может, хотят меня здесь прикончить?

Я знал, что в этом районе действует только банда «Бывалых вояк». Итак, все указывало на то, что это были они. Иначе связная вела бы себя по-другому и ее наверняка задержали бы вместе со мной. Видимо, такая встреча была задумана заранее.

Может быть, они хотят только испытать меня? Я уже слышал о подобных случаях. Бандиты не гнушались никакими средствами. Надо только держать себя в руках и решительно реагировать. Но как?

Широкоплечий верзила уселся у входа в «шалаш». Казалось, он не обращает на меня никакого внимания. Я исподлобья наблюдал за ним. За поясом — пистолет. По рукоятке я узнал парабеллум калибра 9 мм. Сбоку — кобура с пистолетом ТТ. Одет в поношенную милицмейскую форму,

на ногах солдатские ботинки с подковами. Берет сдвинут на затылок. На лице рыжеватая щетина. Во рту сигарета. Нос с горбинкой и низкий лоб придавали его лицу тупое, но грозное выражение. Такой тип готов выпустить кишки любому человеку. Его компаньона с автоматом не было, видимо, сидел за скалой.

— Надоела мне ваша забава, — резко обратился я к сторожившему меня верзиле. — Хочу видеть командира. — И приблизился к нему. Он вскочил и положил руку на торчащую за поясом рукоятку парабеллума.

— Не петушись, — процедил он сквозь зубы.

— Я свиней с тобой не пас! — заорал я.

Тотчас же подбежал другой бандит, с автоматом. Тот был более вежливым, заверил меня, что командир группы сейчас подойдет. Я потребовал вернуть мой вещевой мешок, поскольку у меня там лежали сигареты. Он молча вернул мне его, тщательно ощупав.

Постепенно я успокоился. Я видел, как обращаются бандиты с людьми, которых в чем-то подозревают. Во всяком случае, я бы уже не раз получил по морде. Только бы провести как следует беседу с главарем банды.

Спустя минуту я услышал быстрые шаги, и появился Атаман. Я сразу же узнал его по фотографии, которая была у нас в Кракове.

Передо мной стоял последний главарь грозной банды, действовавшей на Подгале, который считался преемником главаря над главарями Огня. Это он выносил чуть ли не каждый день смертные приговоры, налагал контрибуции, без колебаний убивал даже близких банде людей, если подозревал их в малейшей нелояльности.

— Ну и радушно же вы меня встретили! — начал я первым. — Так ведет себя только банда хулиганов, а не прославленный боевой отряд.

— Поговорим с глазу на глаз, — ответил он уклончиво и отправил стороживших меня людей.

Итак, теперь все решится. Я чувствовал, как колотится в груди сердце. Если провалюсь, меня уже ничто не спасет.

Подростком я мечтал о всяких приключениях. Зачитывался книгами на эту тему, переживал за их героев. Не пропускал ни одного ковбойского фильма, бегая на утренние сеансы в кинотеатр «Луч», смотрел их в обшарпанном зальчике по нескольку раз. Мне импонировали люди с твердым характером. Я создавал в своем воображении образ положительного, бесстрашного героя. Он всегда на стороне сла-

бых, борется с бандитами, выходит целым и невредимым из любой ситуации.

В жизни бывает иначе, чем в кино и юношеских мечтаниях. Вот и дождался приключений. Разве помог бы сейчас пистолет против вооруженной до зубов автоматическим оружием банды, в безлюдном месте, где нельзя рассчитывать на чью-либо помощь? Разве будет легче, если тебя похоронят с воинскими почестями? А может, даже и не найдут твоего тела — бандиты завалят его камнями в горах. И твое личное дело отправят в архив управления госбезопасности, а семье и близким сообщат, что ты погиб геройской смертью в борьбе за народную власть. Остальное же на долгие годы останется тайной...

— Не буду с вами разговаривать, — бросил я Атаману. — Я не знаю, кто вы.

И попал в точку: то, что я сказал, застало его врасплох. Я потребовал, чтобы он позвал связную, — она должна подтвердить, что он командир группы. Ведь единственной гарантией, что я иду по правильному пути, был пароль, которым я обменялся со связной на мосту. Главарь банды не мог не признать правоту моих рассуждений и позвал девушку. После ее ухода мы приступили к беседе.

— Итак, вы утверждаете, что являетесь офицером связи руководящего центра?

— А что в этом такого? — ответил я. — Вы же хотели установить связь со штабом. Вот я и получил указание связаться с вами.

— Довольно, хватит, — перебил меня главарь банды. — Много было таких, которые хотели установить с нами контакт. Еще когда Огонь был в живых, да и после него. Только некоторые оказались агентами госбезопасности. — Атаман повысил голос. — Знаете, что мы с ними сделали? Они спят теперь в сырой земле! Так вот, чтобы вы знали: представитель центра находится уже у нас, и я, пока еще деликатно, спрашиваю вас, кто вам сообщил пароль, приметы девушки и место встречи?

Атаман четко, чуть ли не по слогам произнес каждое слово и умолк. Наши взгляды встретились. Он смотрел на меня изучающе, но я выдержал его взгляд. Кровь стучала у меня в висках. Хотелось выиграть хотя бы несколько секунд на раздумье. Я медленно вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну, чиркнул спичкой о коробок — погасла. Вынул следующую — только бы не задрожала рука, — закурил, затянулся раз, другой...

«Неужели Старик этого не предвидел? — подумал я. — Если этот бандит говорит правду, то мне конец».

— Ну и что вы на это скажете? — спросил Атаман.

Он не спускал с меня пронизывающего взгляда. Я изобразил на своем лице что-то наподобие иронической усмешки.

— Тогда зачем играть в прятки? — ответил я. — Зовите сюда этого типа, и поговорим.

Эта мысль пришла мне в голову совершенно неожиданно. Впрочем, это была единственная надежда выиграть время. Ведь мы знали о деятельности банды не все. Агентурная сеть Атамана была разветвленной и хорошо законспирированной, действовала даже на территории Словакии. Разве наше руководство могло предвидеть, каким образом он мог еще установить контакт с Западом?

Если ему это удалось, то моя миссия могла завершиться трагически. А может, они выбрали такой способ проверки моей личности?

Интуиция подсказывала мне, что они хотят увидеть мою реакцию на слова главаря. Если бы они знали наверняка, кто я, то не стали бы церемониться. Поэтому мне нужно было держаться в этой ситуации уверенно и невозмутимо. Это было мое лучшее оружие. Даже в наихудшем случае, если в банду действительно прибыл представитель центра, существовал шанс, правда очень маленький, найти выход из этого затруднительного положения.

Ведь он мог оказаться и подставным лицом. Я был полон решимости посеять сомнение у главаря банды. Пусть попробует опровергнуть это обвинение. Одних слов недостаточно, их не проверишь. Кто докажет, является ли моя легенда правдой или его правда — легендой? Другое дело, что тогда и на меня и на того представителя пало бы подозрение...

Чувствуя на себе сверлящий взгляд вожака банды, я решил твердо стоять на своем: пусть приведут представителя центра, тогда и поговорим. Весь в напряжении, я ждал ответа Атамана.

— Это был экзамен, — промолвил он, — за это обижаться на нас нельзя. Мы должны всех проверять, чтобы избежать провала. — И главарь банды подошел ко мне с протянутой рукой. Мы обменялись рукопожатиями. «Если бы я дрогнул, — подумал я, — то эта рука не дрогнула бы».

Тяжелый экзамен на прочность нервов был выдержан. Трудно было поверить, что наибольшая опасность уже ми-

новала. Наступила разрядка, но мы вели себя еще сдержанно.

Первым начал Атаман. Его интересовало, с чем я пришел к ним, что собираюсь предложить. Мы уселись на охапку еловых ветвей. Однако разговор не клеился. Я решил, что теперь наступила моя очередь отыграться на главаре банды. Ведь нельзя же было оставить безнаказанным то, что произошло со мной недавно. Я позволил себе прочитывать ему нотацию о необходимости взаимного доверия между людьми, которых объединяет общая борьба. Ведь не я же просил установить контакт с группой, а пришел сюда по прямой просьбе командира, который сообщил пароль и место встречи. Значит, не был непрошеным гостем. Но в то же время я похвалил Атамана за соблюдение мер предосторожности, ибо командир обязан контролировать и проверять установленные связи.

Атаман молчал, глядя на меня исподлобья, — он явно не привык выслушивать чьи-либо замечания. Главарь сам творил законы и сам осуществлял их. Однако он не мог отказать мне в логичности рассуждений. Бандит не оправдывался — он чувствовал себя здесь хозяином, но я был доволен, что выложил ему все, что хотел, и что он меня выслушал.

Спустя минуту Атаман встал, поправил переброшенный через плечо автомат и высунулся из «шалаша». Позвал одного из своих людей, того, с автоматом:

— Дай фляжку!

Отвинтил пробку и налил полную кружку.

— За паше знакомство, — сказал он, обращаясь ко мне, и выпил до дна. Вытер ладонью рот, оставшиеся в посуде капли водки стряхнул на землю, снова налил полную кружку и протянул мне.

— За следующую, более приятную встречу, — провозгласил я тост и чокнулся с тем бандитом, которого позвал главарь. Взял фляжку и наполнил кружку. Я знал их обычай — кто пьет, тот наливает и передает тому, с кем чокнулся.

Атаман проявлял признаки нетерпения, желая как можно скорее приступить к разговору. Я спросил, кто этот третий, его заместитель?

— Нет, это Сатана. — Только теперь он представил его. — А замещает меня Гриф, сейчас он в другом месте.

— Мною получено указание разговаривать только с командиром группы или его заместителем, — заметил я, стараясь собраться, поскольку уже почувствовал опьянение

после выпитых мною как минимум двухсот граммов спиртного. Отказаться было неудобно, ибо это могло быть истолковано не в мою пользу. Я знал случаи, когда отказ выпить с бандитами приводил к срыву всей операции. К человеку, который боялся или не хотел выпить, они относились с недоверием. В этом мире царили свои законы.

Атаман отправил Сатану к людям, обеспечивающим охрану, и мы остались вдвоем. Разговор с глазу на глаз меня больше устраивал, по крайней мере, этот третий не будет совать свой нос в то, что я должен изложить Атаману. Иногда одна неточно сказанная фраза может вызвать подозрение. От моего внимания не ускользнуло и то, что Сатана ушел неохотно, его тоже интересовало, с чем я пришел в банду.

Мы уселись у выхода из «шалаша», над которым нависла освещенная солнцем скала. Я начал первым, старался говорить как можно проще и короче. Атаман внимательно слушал, ни разу не перебив меня. Я следил за выражением его лица, однако понять, как он воспринимает мои слова, было невозможно. Он сидел как бы затаившись, нервно покусывая коротко подстриженные усы или прислушиваясь, не долетают ли с вершины скалы какие-нибудь подозрительные звуки. Я успел заметить, что его люди на протяжении всего нашего разговора оставались в полной боевой готовности, зорко посматривая по сторонам. Видимо, боялись внезапного нападения.

Итак, я представился офицерам связи штаба по организации диверсий на юге Польши. Я подтвердил, что направленное им письмо дошло до адресата и что зарубежный центр, который руководит всеми нелегальными вооруженными организациями в Польше, поручил нам установить связь с группой Атамана и решить, каким образом она может быть использована. В зависимости от результатов нашей беседы будут разработаны конкретные задания для его группы и подчиненной ей агентурной сети на местах. Руководство нашего штаба находится в глубоком подполье, поэтому вопросы взаимодействия я могу обсуждать только с командиром группы или его заместителем.

В качестве предварительного условия нашего сотрудничества я поставил перед Атаманом требование полного подчинения приказам моего руководства и соблюдения строжайшей конспирации на всех уровнях. Я старался задавать как можно меньше вопросов. Излишнее любопытство могло насторожить главаря. Но я не мог ограничиться общими фразами, Главное — добиться от Атамана согласия на под-

чинение банды и ее сети на местах центру, который я «представлял». На этом я и акцентировал прежде всего внимание в беседе.

— Теперь, когда у вас появилась возможность установить тесное сотрудничество с руководством центра по организации диверсий в стране, — подытожил я свои высказывания, — вы должны сообщить мне, принимаете ли эти условия, естественно, при сохранении определенной самостоятельности действий. Если нет, то поддерживать дальнейшую связь не имеет смысла, а вашу группу, как самозваную, мы не будем признавать диверсионным отрядом.

Атаман беспокоился заерзал. Я боялся, что поставил этот вопрос слишком остро. Прежде чем главарь успел ответить, я добавил несколько фраз, которые должны были несколько смягчить ультимативную форму моих высказываний. Я упомянул, что наше руководство на Западе состоит из умных и опытных людей, что центр координирует деятельность всего вооруженного подполья в стране, в том числе в Люблинском и Белостокском воеводствах, что тем, кто поддерживает с нами связь, он оказывает всяческую помощь, включая финансовую, оружием и инструкторами, что война между Западом и Востоком начнется не так скоро, как считают некоторые горячие политики, что наш долг в этих условиях спасти опытные кадры, такие, как Атаман и его соратники...

Я приводил примеры, которые должны были убедить главаря. Если бы он был человеком, сражавшимся во имя каких-то, пусть даже враждебных нам, идеалов, найти нужные аргументы было бы легче. Но Атаману были чужды какие-либо идеалы. Борьба с народно-демократическим строем служила для него лишь предлогом для оправдания десятков убийств, которые совершила банда, и бесчисленного количества грабежей. Он использовал настроение пассивного ожидания, которое распространяла реакция среди местного малосознательного в политическом отношении населения, рассчитывая на возникновение третьей мировой войны и связывая с ней надежды на одобрение совершенных им и его подручными преступлений.

— А что мы получим взамен? — спросил главарь.

— Это зависит от того, сколько у вас людей и как мы сможем их использовать.

Атаман на минуту задумался, складывалось впечатление, что он еще обдумывает решение, которое должен принять. Накопец заговорил медленно, тщательно подбирая каждое слово. Руководящий центр банды состоит из семи

человек, вооруженных автоматическим и ручным оружием. Кочуют с места на место. Действуют в основном в повятах Новы-Тарг, Новы-Сонч, Лиманова и Мысленице. Чуть ли не в каждой деревне имеют агентов, которые своевременно предупреждают их о передвижениях отрядов корпуса внутренней безопасности (КВБ) и готовящихся против банды мерах. Агентурная сеть насчитывает около двухсот человек. Держат несколько тайных складов оружия, однако постоянно испытывают недостаток в нем, ибо имеющееся в их распоряжении оружие устарело.

— Увеличивать группу не собираюсь, — продолжал Атаман. — В таком составе нас труднее обнаружить, да и нам легче укрыться. А агентурную сеть могу расширить. Поддерживаем также связь с организацией в Буковине, а через нее — со Словакией.

— Наверное, имеете широкую сеть нелегальных баз на местах?

— Я доверяю только своим людям, из группы, а остальным верить до конца не могу, помощью их, правда, пользуюсь. Но ни один из них не знает заранее, когда мы придем или когда и куда уйдем.

Далее Атаман рассказал, что в последнее время участились случаи отказа сотрудничать с бандой со стороны тех, которых он знал еще у Огня.

— Одни нас избегают, другие доносят органам госбезопасности. Части КВБ заняли многие деревни, устраивают засады, поэтому приходится скрываться. А поскольку люди все реже слышат о наших действиях, они отказываются сотрудничать с нами, — рассуждал главарь «Бывалых вояк». Он намеревался провести в ближайшее время ряд репрессивных акций против тех, кто отказывался ему помогать.

— Затем, — продолжал он, — переброшу группу в другое место, и на некоторое время притихнем. Лишь бы хватило денег. У тех, у кого мы останавливаемся, ничего не берем даром.

— Если примите наши условия, — прервал я его, — мы будем покрывать все расходы, связанные с содержанием группы и выполнением заданий. Это я могу твердо обещать.

Атаман с интересом взглянул на меня и ответил:

— Если бы я не собирался принимать ваше предложение, я бы не стал вам ничего рассказывать.

С вершины скалы послышались чьи-то голоса. Атаман схватил автомат и устремился наверх. Я услышал смех девушки, а потом резкий обмен фразами между главарем и кем-то из его людей.

«Чувствуют себя здесь не очень уверенно, — подумал я. — Место выбрали хорошее, но сидят, как на раскаленных углях. Боятся облавы».

Я напряженно думал, как провести дальнейшую часть беседы. Скромная информация, полученная мною, не имела большого значения. Но я решил, что этого для первой беседы вполне достаточно и что надо заканчивать разговор. Главное, что мне удалось сломать лед недоверия. Да и нервы мои были напряжены до предела. Если бы еще два часа тому назад меня оставили одного, без охраны, я бы, возможно, постарался сбежать. Но теперь мне казалось, что самое тяжелое испытание уже позади.

Спустя минуту Атаман вернулся. Он принес завернутый в газету кусок колбасы и две краюхи хлеба. Вынул большой складной нож, нажал пружину — сверкнуло тщательно отполированное лезвие.

— Память об Огне, — заметил он и приложил лезвие к ладони. — Двух дюймов достаточно, чтобы достать до сердца.

Аккуратно разложил на плоском камне вместо скатерти газету и нарезал колбасу. Затем вынул из английского френча четвертинку, ловким ударом о колено распечатал ее, приложил палец к бутылке, выпил свою долю и протянул бутылку мне:

— От «Бывалых вояк» либо возвращаются сытыми, либо вообще не возвращаются.

Взглянув на довольного своей шуткой главара, я взял протянутую четвертинку и медленно выпил ее — пить из бутылки я не умел. Почувствовал резкий запах самогона. Атаман ждал, пока я выпью, и только потом подал мне хлеб и колбасу.

Так выглядел мой первый обед в банде.

Продолжать беседу больше не имело смысла. Я задал еще несколько вопросов, сделав вид, что не придаю им особого значения. В частности, поинтересовался организацией и размещением агентурной сети, еще раз уточнил ее численность, но Атаман отделался общими фразами.

— Когда получим задание для моей, — он подчеркнул последнее слово, — группы, тогда и поговорим. Познакомимся поближе — все расскажу, — добавил полусуто. —

— А вы уверены, что те, с кем вы хотите рассчитаться, предали вас? — рискнул я задать еще один вопрос. Возможность новых жертв среди местного населения не давала мне покоя. Как помешать этому?

— Есть улики, но уверенности нет, — ответил он. —

Тем не менее, я думаю, не повредит, если рядом с виновным в могиле будет лежать и кто-то невинный, — и бросил с ненавистью: — Пуля в лоб — лучшее предостережение.

На растущий у выхода из «шалаша» куст шиповника уселась трясогузка. Атаман смахнул с газеты в руку крошки и бросил их под куст. Птичка встревоженно захлопала крылышками и улетела.

— Положение в вашем районе обсудим подробно в другой раз, — спешил я закончить беседу, особо выделив слово «вашем», поняв, что это больное место главаря. — Поскольку вы решили принять предложение моего руководства, мы должны договориться о дне и месте нашей следующей встречи и о резервной связи на тот случай, если произойдет что-то непредвиденное.

Я назвал Атаману бар «Уединение» на улице Потоцкого в Кракове. Описал его планировку, сказал, что каждую пятницу в тринадцать часов во втором зале будет сидеть наш человек, и связной, которого он направит, без особого труда узнает его по кружке пива, поставленной на книгу в голубой обложке. Подойдет к нему, произнесет пароль: «Вы, случайно, не видели голубой зонтик?» И когда тот ответит: «Нет, но, пожалуйста, садитесь!», вручит ему оторванную половину банкнота стоимостью в пять элотов. Я вынул пятизлотовую бумажку, разорвал ее пополам, протянул одну половину Атаману, а другую спрятал в карман своей куртки.

— Эта половина, — промолвил я, — будет у нашего человека, ожидающего в баре. Обе половины должны точно совпадать, что явится дополнительным вещественным паролем.

Затем я попросил Атамана как хозяина округа (снова не упустив случая подчеркнуть это) назначить день и место нашей личной встречи и резервный вариант для связи в районе местопребывания группы.

Главарь банды задумался и предложил в качестве резервного варианта мост в Новы-Тарге. Связная банды должна была ждать там каждый понедельник в одиннадцать часов. Опознавательные знаки и пароль были прежние.

Я заметил, что Атаман всячески уклоняется от обсуждения условий нашей личной встречи, и продолжал настаивать. Наконец он уступил и после долгого раздумья назвал руины сгоревшей турбазы на Старых Верхах.

Я не имел понятия, где находятся эти Старые Верхи. Правда, слышал когда-то это название, но где искать, не

знал. Он объяснил мне, что через Старые Верхи проходит малолюдная снабженная туристскими указателями дорога, ведущая из Рабки на Турбач.

Мы договорились, что наша встреча состоится в среду в пятнадцать часов.

— Вы придете один? — спросил Атаман.

— Да, как и сегодня, — ответил я, сделав вид, что удивлен его вопросом.

Даже после того, как мы все согласовали, он пытался еще проверить меня.

— Рабка — красивый курорт, не правда ли? — обратился он ко мне. — Оттуда на Старые Верхи можно дойти за два часа через Мацееву.

«Интересуется, почему я остановился именно там, — подумал я. — Подкапываешься под меня, тогда я тоже под тебя подкопаюсь».

— Я не сказал, что поселился в Рабке, поскольку вы и сами знаете об этом. Ведь меня преследовал там по пятам ваш человек, но делал это крайне бездарно. Вначале я решил, что он из органов госбезопасности, ведь они обращают особое внимание на приезжих. Перед встречей в Новы-Тарге мне удалось избавиться от него. Я снял комнату в Рабке, ибо не имел при себе ничего компрометирующего. Хорошая легенда лучше любого пистолета: кто докажет, что я не дачник?

— Ловко придумано, — одобрительно сказал Атаман и признался, что выделил мне «охрану». Так прояснилась история с мужчиной в коричневом картузе.

— Я не против, когда заботятся о моей безопасности, — заметил я, — но предпочитаю знать об этом заранее. Мы должны быть честными по отношению друг к другу.

Я добился некоторого психологического преимущества и в этом тоне заканчивал беседу. Предупредил, что на ближайшей нашей встрече, через четыре дня, группа получит боевое задание. Поэтому до моего прибытия пусть не мозолит глаза органам госбезопасности, а спрячутся в надежном месте. Придется отказаться от приведения в исполнение смертных приговоров, поскольку это насторожит госбезопасность и вызовет ответные меры, которые могут помешать нашим планам.

Атаман беспокойно зашевелился, но признал мою правоту. Мне казалось, что я сумел добиться временного замораживания деятельности банды.

Беседа с главарем подошла к концу. Я тепло попрощал-

ся с ним — лишний раз желая польстить ему и оставить о себе хорошее впечатление.

Мы поднялись на вершину скалы. Обернувшись, я еще раз посмотрел на «шалаш». Сколько пережито здесь за неполных три часа! Я считал, что моя первая встреча с бандой прошла успешно, кто знает, чем бы все это могло кончиться? Попрощался с Сатаной и тем, другим, с автоматом, — его псевдонима я еще не знал. Вераида, который так давно сторожил меня, отсутствовал — находился, наверное, на наблюдательном пункте.

Солнце уже склонилось к западу, горы меняли свою окраску, из котловины потянуло вечерним холодком, отчетливо видимые до этого долины погрузились теперь в тень, окутавшись легкой дымкой тумана.

Атаман позвал связаную. Она появилась из-за куста можжевельника, с распущенной косой, держа в руке косынку. Стряхнула с помятой юбки хвою и подошла к нам.

— Зоська, проводи нашего гостя до тропинки на горном лугу, — сказал Атаман.

Я шел впереди, не чувствуя теперь усталости, девушка, чуть отстав, за мной. Уже находясь внизу, я взглянул на скалу и увидел одного из «Бывалых вояк», а может, это только показалось. На опушке леса мы попрощались. Дорога отсюда мне уже была известна. Скорее бы увидеть Старика!

— Мне велено вернуться, — сказала она.

— Возвращайся, — ответил я и добавил на прощание: — У тебя очень красивые глаза, Зоська...

4

Колеса вагонов с глухим стуком прогрохотали по эстакаде над улицей Любич. Закопанский поезд медленно въехал на перрон. Я вернулся в Краков. Небритый и немывтый, выбрался из переполненного купе и вместе с группой приехавших к началу смены рабочих выпел на пустынную в это время площадь перед главным вокзалом.

Пережитых впечатлений накопилось столько, что я, естественно, не мог переварить их за несколько часов дороги из Новы-Тарга в Краков. Хотя последние сутки я не сомкнул глаз, усталости не чувствовал. Мне казалось, что я вернулся в совершенно иной мир.

Было около шести часов утра. Город пробуждался ото сна. Мимо вокзала проезжали трамваи. Так хотелось скорее связаться со Стариком, отчитаться о встрече с бандой

и беседе с Атаманом, поделиться своими мыслями и переживаниями. С удовольствием передвинул бы стрелки часов вперед, поскольку звонить в такое раннее время было неудобно.

Миновав трамвайную остановку, я медленно побрел в сторону Плянт. Вышел на пустынную аллею и вдруг вспомнил мужчину в коричневом картузе. Несколько раз обернулся, однако ничего подозрительного не заметил. Но разве мог я быть уверен, что коварный и хитрый главарь банды не выделит мне какого-нибудь «опекуна»?

Дойдя до Барбакана и свернув во Флорианские ворота, быстро пересек узкую Пиарскую улицу. Ворота домов были уже открыты. Я вошел в один из них, зная, что там есть проход на соседнюю Славковскую улицу, и через минуту оказался на центральной площади города. Там стояло несколько такси, в одно из них я сел. Водитель окинул меня подозрительным взглядом. И действительно, мой внешний вид не вызывал особого доверия. Сойдя на проспекте Словацкого, малолюдной улицей Жулавского добрался до Нового Клепажа. Теперь я уже был уверен, что «хвоста» за мной не было. Покрутившись между лотками на рыночной площади, вошел в открытый в это время небольшой ресторанчик.

Связался по телефону со Стариком.

— Значит, прибыл,— промолвил он с явным облегчением.— Надо было позвонить прямо с вокзала. Сейчас приеду.

Спустя некоторое время я уже докладывал, как выполнялась моя миссия. Старик внимательно слушал, изредка задавая вопросы. Он знал, что связная пришла на встречу лишь на следующий день. Один из наших сотрудников наблюдал за мостом из окна стоявшего поблизости дома. Я рассказал о мужчине в коричневом картузе, о том, как меня негостеприимно встретили, как пришлось выдержать настоящую проверку. По глазам Старика я видел, что он переживает эти минуты вместе со мной.

Старик не любил руководить операциями, сидя за письменным столом. Мы знали немало примеров, когда он вместе с нами подвергал жизнь опасности. И мы всегда цепили это.

Я рассказал о своей беседе с Атаманом. Упомянул одну деталь за другой, описывал его реакцию, передавал почти дословно его высказывания. Только теперь, по ходу моего доклада, я уяснил, как мало мне удалось узнать о банде.

Казалось, что моя информация не представляет особого интереса для слушавшего меня начальника.

Наконец я перешел к системе связи с главарем, то есть к моей предстоящей встрече с Атаманом и двум резервным каналам связи в Кракове и Новы-Тарге.

— Вот и все, что я могу рассказать о первой встрече с бандитами, — закончил я и выжидающе посмотрел на сидевшего рядом со мной за столиком Старика.

— Ну так что? — заговорил он, немного помолчав. — Надоело?

Я опешил, мне даже мысль об этом не приходила в голову. Хотел возразить, но Старик перебил меня:

— Самое худшее уже позади. Первая встреча должна была явиться проверкой. Правда, я не предполагал, что такой строгой. Ты добился очень многого. В таких случаях важна не информация о деятельности банды и ее агентурной сети, а сам факт, что они решились поддерживать с тобой контакт. План действий обсудим завтра. А пока отдыхай. К завтрашнему дню не забудь представить письменный отчет.

Мы договорились встретиться утром на одной из тихих улиц Кракова. Старик ушел. Я заметил, что он остался доволен моим рассказом. Настроение у меня поднялось.

После ухода шефа уехал к себе и заснул как убитый. Спал до позднего вечера. Потом принялся за отчет о своем пребывании в банде. Корпел над ним несколько часов, дело продвигалось с большим трудом. Рядом, на столе, лежал раскрытый еще перед выездом конспект по истории экономических доктрин.

Утром, выйдя на улицу, я подождал несколько минут. Наконец появился черный лимузин, я сел в него, там был Старик, и мы поехали на Кармелитскую улицу. Вскоре машина остановилась перед каким-то обшарпанным кирпичным домом. Старик отпустил водителя. Мы поднялись на второй этаж, он открыл дверь своим ключом.

— Теперь это твоя квартира, — сказал он. — Комнату ты купил у Юзефа Доминяка, который выехал в Силезию. Живешь здесь уже два месяца. Прописан под фамилией Мариан Сквороньский. Это продолжение твоей легенды. Если они вдруг захотят проверить тебя, можешь им это позволить.

Я осмотрел комнату. Железная кровать, старый шкаф, в углу ведро, кувшин с водой, стол и три стула — типичный бандитский притон.

Так начался следующий этап игры.

— Руководство положительно оценило результаты твоего

первого контакта с бандой,— сказал Старик и перешел к обсуждению следующего задания. Он подробно останавливался на отдельных деталях, прикидывал различные варианты.

Банда после встречи со мной совершила на следующую ночь нападение на лесопильный завод в Охотнице в целях грабежа.

Итак, Атаман не сдержал обещания ничего не предпринимать до новой встречи со мной. В погоню за «Бывалыми вояками» тотчас же устремилась находившаяся в этом районе оперативная группа КВБ. Каких-либо донесений от нее пока нет.

— Однако, независимо от результатов облавы,— констатировал Старик,— пока ты будешь в банде, оперативная группа КВБ не станет беспокоить вас, чтобы довести до конца задуманную операцию и заманить «Бывалых вояк» в ловушку. Но мы не можем допустить, чтобы рос список жертв банды. Это твоя первая задача. Сошлись на полученные в центре инструкции, категорически потребуй полного подчинения группы и ее агентурной сети. Атаман после установления с нами связи не может действовать на свой страх и риск. Смертные приговоры, которые он собирался привести в исполнение, должны быть утверждены центром. Передай, что для подобного рода акций выделены специальные группы. Мотивируй это заботой о безопасности «Бывалых вояк» и необходимостью усыпить бдительность органов госбезопасности. Приказ о временном прекращении всякого рода операций связан с новыми заданиями, которые разрабатываются в центре и в ближайшие дни будут переданы Атаману. Подготовь его к тому, что ему придется взаимодействовать с другой группой из района Цешин, Живед, Вадовице. Выплати Атаману задаток жалованья для его людей. Мы должны заморозить, хотя бы на время, террористическую деятельность банды.

Старик положил на стол пачку банкнот по 500 злотых и несколько десятков долларов. Часть из них я должен был вручить главарю банды, а остальные оставить в своем распоряжении в качестве фонда представителя центра.

— Вторая твоя задача,— продолжал Старик,— сломать недоверие руководства банды. Каждый контакт с ними должен способствовать этому. Атаман — подозрительный и примитивный человек. Это обычный преступник, готовый на все. Он даже не поинтересовался, что представляет собой руководящий центр, от имени которого ты выступаешь. Его заместитель — Гриф, сын богатого мельника. Это интеллигент-

ный тип и идейный противник народной власти. Можно предположить, что именно он проявил инициативу установления связи с руководящим центром на Западе. Ты должен учитывать различия между Атаманом и Грифом и соответствующим образом использовать их. Пока еще трудно сказать как. Но ясно одно — постоянное общение с бандой может помочь предотвратить дальнейшие преступления. Останься у них под предлогом ознакомления с диверсионной подготовкой людей и оказания им помощи в этом деле, договорись с ними о площадках для приема грузов с воздуха, посвяти их в то, что центр располагает коротковолновой связью с Западом, подготовь психологически Атамана и Грифа к взаимодействию с диверсионными группами из соседних районов. Постарайся разузнать, где находятся главные опорные пункты банды, расшифровать их местную агентурную сеть. Передай распоряжение центра диверсий установить связь с подпольной организацией, действующей на Буковине, о которой говорил Атаман. Сообщи, что руководство центра намерено использовать ее для организации канала связи через словацкую границу. Пусть устроят тебе встречу с нею, и на Буковине выступай под той же легендой. Если главарь банды хочет, пусть через связную передаст фотографии своих людей, которым нужно изготовить личные документы. Надо постепенно приучать их к мысли о том, что когда-то может возникнуть необходимость, чтобы они вышли из леса. Через ту же связную мы передадим им несколько последних номеров «Белого орла». Реакционная андерсовская печать может послужить для них каким-то аргументом в твою пользу. Оружия и боеприпасов дать им не можем, и это тебе понятно. Однако можешь им в крайнем случае обещать, что они получают боеприпасы от группы, действующей за Бабьей горой. Правда, на это понадобится какое-то время. И вообще, тяни, сколько можешь.

— Когда, товарищ майор, вы предвидите конец операции? — спросил я.

— На организацию засады у нас есть еще время. В финале операции главную роль будет играть не сила, а оперативная мысль. Если мы даже и захватим руководителей банды, останется агентура, она почувствует себя в опасности, перейдет на нелегальное положение. Так возникло уже немало новых банд, они рождались от корней, оставшихся в земле. Этого нельзя допустить.

— Каким образом я, товарищ майор, должен связываться с вами, если мне удастся остаться на длительное время в банде?

— Задуманная операция в общих чертах тебе хорошо известна,— ответил Старик.— Выезжать специально в Краков для встречи со мной ты не можешь. Каждый твой выезд должен выглядеть убедительным в глазах Атамана и вытекать из необходимости переговорить по каким-то возникшим вопросам с центром диверсий юга Польши, который носит условное название «Фарватер». Договариваемся, что начальником центра является майор, который пользуется псевдонимом Мацей, а его заместителем — капитан Антони. Им и адресуй свои донесения. То же самое относится и к почте, которую будет высылать главарь банды. Будем пользоваться двусторонней связью и паролями, которые ты согласовал с Атаманом. Итак, каждую пятницу в тринадцать часов в баре «Уединение» будет ждать наш связной.

Майор проверил, при нем ли переданная мною часть банкнота стоимостью в пять злотых, который должен был служить опознавательным признаком.

— Место встречи на мосту в Новы-Тарге придется изменить. Нам уже удалось воспользоваться этим каналом для установления связи с бандой. Нельзя исключать теперь появления на этом месте настоящего представителя руководящего центра из западной зоны Германии. И что тогда? Ты представляешь, чем это может грозить тебе и всей нашей операции, если человек «оттуда» встретится на мосту в Новы-Тарге со связной банды? Ты уже получил наглядный урок на первой встрече с Атаманом!

Да, действительно, я понял, насколько прав Старик.

— Время встречи, опознавательный признак и пароль можно сохранить те же. Сообщи главарю банды, что его связная должна ждать каждый попельник в одиннадцать часов...— майор задумался на минуту,— ну, скажем, на скамейке перед почтой в Рабке. А если будет дождь, то в здании почты. Мотивируй это причинами безопасности. В Новы-Тарге, как повятовом городе, больше сотрудников госбезопасности. Да и на курорте приезжий меньше обращает на себя внимание. А остальные детали встречи оставим те же, чтобы не вызывать лишних подозрений у Атамана. Другое дело, что в течение некоторого времени нам придется установить наблюдение за мостом в Новы-Тарге. Может удастся подсузнуть этому специалисту по диверсиям нашу девушку с веткой сосны. Но это уже не твоя забота.

Мы обсудили еще ряд вопросов, связанных с моим выездом. Любую информацию, которую я сумею получить, находясь в банде, я должен передавать через связную Атамана. Это могло служить еще одним аргументом в мою поль-

зу для главара «Бывалых вояк». Но пока еще было трудно представить, как это будет на практике.

Старик, как всегда, спешил на какое-то совещание и вскоре ушел, оставив на столе деньги, пачку лондонских газет и ключи от квартиры.

— Познакомься, что пишут, — сказал он на прощание. — Мы отправим их им через связную, пусть читают. Ты должен подготовиться отвечать на любые вопросы. Продумай все хорошенько, завтра поговорим еще.

Я остался один в своей новой квартире. Теперь здесь будет проживать Мариан Сковроньский, псевдоним Генрик. Я осмотрел все укромные уголки. В ночной тумбочке возле застеленной кровати нашел записку: «Инструкция для поручника Генрика. Воду бери из крана в коридоре. Уборная находится на лестничной площадке. Полотенце и мыло найдешь в шкафу, электрическую плитку, чайник и две кастрюли — за портьерой у двери. Тарелки, чашки и приборы для еды на полке. Остальное приобретешь сам. Дворник закрывает ворота в одиннадцать часов. Выезжаю на операцию. Желаю успеха. Зютек. (Инструкцию по прочтении уничтожь.)»

«Он никогда не теряет чувства юмора», — подумал я про Зютека, моего приятеля. Где он теперь? Наверняка участвует в погоне за бандой после ее нападения на лесопильный завод в Охотнице. Наверное, мчит по невидимым дорогам на газике, прочесывает вместе с бойцами оперативной группы КВБ окрестности, врывается с оружием в руках в предполагаемые укрытия и притоны «Бывалых вояк». Повезет ли им на этот раз? Если их не сумеют окружить, послезавтра в это время я буду разговаривать с главарем банды и даже ни единым словом не смогу дать ему понять, что знаю о том, что происходило вчера и сегодня.

Итак, уже на следующий день утром меня ждал выезд в Рабку. Оттуда пешком в Горце, на Старые Верхы, в банду...

Выйдя на улицу, я плотнее закутался в непромокаемый плащ. Мелкий дождик хлестал прямо в лицо. День был пасмурный и хмурый. Тяжелые свинцовые тучи двигались на запад.

В Рабке дождь лил уже третий день. Однако местные жители обещали, что погода вот-вот прояснится.

«Скорее бы», — подумал я и двинулся в путь на Старые Верхы. Я был уверен, что в такую ненастную погоду не встречу на туристской дороге из Рабки в Турбач ни одного любителя горных прогулок. Купленный мною для видимо-

сти и дополнения легенды туриста путеводитель теперь очень пригодился. Я без труда нашел нужную дорогу, она вела из центра курорта. Трассу я внимательно изучил накануне вечером.

Если верить народному преданию, то очень давно на Старых Верхах стояла корчма. И вот однажды на нее напали разбойники из Оравы. Хозяин сумел отразить их атаку и при этом убил одного из нападавших. Спустя несколько лет разбойники отомстили корчмарю; связав его раскаленной цепью, утопили в горной речушке.

Возможно, на том месте, где стояла когда-то корчма, и был создан туристский лагерь. Во время гитлеровской оккупации он служил партизанской базой. Осенью 1944 года немцы атаковали находившийся там отряд Бартека и сровняли базу с землей. Теперь я должен был встретиться там с главарем последней банды на Подгале.

Расстояние до базы я рассчитывал преодолеть за четыре часа. Я поднимался по отлогому склону возвышенности все выше, примерно через час курорта уже не было видно. Над лежащей в котловине Рабкой висело плотное облако серого тумана. Дождь вскоре перестал, и поднявшийся ветер пемного подсушил мокрые горные пастбища.

Идти одному было неприятно. Дорога шла по лесу. Вокруг ни души. Чем ближе к месту встречи, тем чаще я думал о задании, которое поручил мне Старик. Его концепция была основана на логическом мышлении. Ну а что потом?

На это ни Старик, ни я не смогли бы найти теперь ответа. Меня мучили сомнения, сумею ли я сломать недоверие главаря банды.

Взглянул на часы. До базы оставалось идти меньше часа. Я шел значительно быстрее обычного туриста, без единой остановки. Где-то поблизости должна была быть Мацева, о которой упоминал Атаман. А может, я ее уже миновал? Горизонт был по-прежнему затянут дымкой тумана, и было трудно ориентироваться, иногда попадались дорожные указатели. Если бы не они, я наверняка бы заблудился. Вдруг мне показалось, что среди деревьев мелькнула фигура человека. Я остановился, прислушиваясь, по больше ничего не замечал.

Пройдя несколько шагов, убедился, что не ошибся. Из леса вышли двое солдат с автоматами в руках.

— Стой, стрелять буду! — крикнул один из них.

Я остановился:

— С кем имею дело?

— КВБ, прошу подойти ближе, — услышал команду.

«Хорошенькая история, — подумал я. — Что мне им сказать? Что собрался в такую погоду на прогулку? Этому не поверил бы даже самый наивный человек. Не хватало только, чтобы меня задержали. Невдалеке отсюда могли прятаться «Бывалые вояки». Неужели приказ о прекращении преследования банды, в чем заверял меня Старик, не дошел до какой-нибудь воинской части? Ведь они могут принять меня за сообщника банды и перечеркнуть все мои планы. «Бывалые вояки» располагают в этих краях хорошей разведкой. Если до банды дойдет известие о том, что меня задержали, а потом освободили, это вызовет подозрение, и вся операция провалится».

Я взглянул на три нашивки на погонах того, который подошел ко мне. Минуту колебался, может, сказать ему, что направляюсь с важным заданием... Поверит ли? В этой ситуации наверняка нет.

— Документы, пожалуйста, — бросил сержант.

Я молча вытащил паспорт и протянул ему. Напряженно ждал, что он решит. Хорошо, что и на этот раз я не взял с собой пистолет.

— Что вы здесь делаете? — И обратился к своему товарищу: — А может, он из банды?

— Приехал отдохнуть в Рабку. — Я сообщил адрес и фамилию хозяйки, у которой снял комнату, а также адрес моего нового местожительства в Кракове. — Собрался на прогулку через Турбач в Новы-Тарг, не думал, что погода будет такой.

— Зачем врете? Доставим в управление госбезопасности, — заметил сержант с презрением. — Там иначе запоете!

Второй все время молчал и только изучающе разглядывал меня. Я сделал вид, что не понимаю, о чем они говорят. Сержант внимательно рассмотрел мое потрепанное удостоверение личности.

— А справка с места работы есть? — спросил он.

Я вынул из бумажника справку, в которой говорилось, что работаю на почте в Кракове. Хорошо, что, уезжая, взял ее у майора.

— Не понимаю, к чему такая проверка? — обратился я к сержанту. — Вы же видите, что все в порядке.

— Это потом выяснится, — пробормотал он себе под нос. — А пока вы свободны.

У меня отлегло от сердца. Но я не хотел, чтобы у них сложилось впечатление, будто я тороплюсь. Вытащив пачку сигарет, угостил обоих военных, обменялся с ними не-

сколькими фразами и только после этого зашагал дальше. Некоторое время я боялся, чтобы они не передумали и не двинулись следом за мной. Ну и приключение! Кто бы мог предвидеть, что именно наши едва не сорвут подготовленную с таким трудом операцию! Эти двое из патруля ни в чем не виноваты; виновных надо искать выше.

«По-видимому, в нашей машине что-то не сработало», — подумал я с беспокойством.

Все время стараясь держаться дороги, миновал какую-то поляну и по склону возвышенности добрался до густого леса. Тропинка шла по глубокому извилистому оврагу, на дне которого протекал горный ручей. Я вскарабкался на поросший кустарником берег. Ежевика цеплялась за промокшие брюки. От того места, где меня остановил патруль КВБ, я удалился уже километра на два. Однако меня не покидало чувство беспокойства, и я мысленно возвращался к тем двум бойцам. Почему они так легко отпустили меня, пожалуй, даже слишком легко. На их месте, тем более в районе, где действовала банда, я бы так не поступил. Я считал, что вот-вот наткнусь еще на патруль. Ведь в опасные районы не посылают обычно одиночных бойцов. А может, это был передовой дозор, а за ним идет вся оперативная группа?

Вскоре я вышел на просторную поляну, где находилась когда-то база. Следы ее можно было обнаружить без особого труда. Да, это здесь. Поляна утопала в серебристой дымке тумана. Я в нерешительности остановился, раздумывая, что делать дальше. На место встречи я прибыл раньше времени. Взглянул на часы. Оставалось еще больше тридцати минут. Холодный туман проникал через одежду, залезал за воротник, промокшие брюки прилипали к ногам. Хорошо, что надел на себя два свитера, непромокаемый плащ и туристские ботинки. Через набитый до отказа вещевой мешок перевесил отсыревшее свернутое одеяло. Все было приготовлено к длительному пребыванию в банде. А на Старых Верхах — ни души.

Придется ждать. Мысль о патруле КВБ не давала мне покоя. Если Атаману стало известно о прочесывании окрестных мест, он наверняка спрячется с бандой в каком-нибудь укромном месте, и тогда наша встреча не состоится. Мало того! Он может подумать, что я навел КВБ на их след. Как доказать, что это лишь случайное совпадение?

Я был теперь готов к встрече как с бандитами, так и с бойцами КВБ. Нельзя было исключать также возможность, что после встречи Атамана со мной дело дойдет до схватки между бандой и оперативной группой КВБ. И что тогда?

Холод все больше давал о себе знать. Я нашел весь поросший мхом пенек, усевшись на него, вынул бутылку водки, которую предусмотрительно прихватил с собой, отпил несколько глотков, закусил булкой с колбасой. Приятное тепло разлилось по всему телу. «Не стоит больше думать о том, что может произойти,— решил я.— Все равно от меня это не зависит».

Вначале я услышал треск сломанной ветки, а затем увидел на расстоянии двадцати — тридцати метров от себя фигуру какого-то человека. Он шел опушкой леса, слегка согнувшись, держа автомат в руке. Остановился, внимательно осмотрел поляну. Потом показались еще двое, пробиравшиеся между деревьями, как волки.

В одном из них я узнал Сатану. Значит, это они! Я тихо свистнул. Человек отпрянул за дерево, но, заметив меня, подошел и приложил руку к берету. Мы поздоровались. Вскоре появились Атаман и остальные. Их было пятеро. Двое несли ручные пулеметы. Одежда у всех была в грязи. Очевидно, они прошли немалое расстояние.

Минуту я колебался, прежде чем принять решение,— не мог же я допустить столкновения банды со своими.— и наконец сказал Атаману, что меня задержал патруль КВБ и что едва удалось избавиться от него.

— Сколько их было? — быстро спросил он.

— Двое — сержант и рядовой.

— Далеко отсюда?

— На дороге, в получасе ходьбы.

Я удивился: Атаман не проявил особого беспокойства.

— Я видел двоих, но их могло быть и больше,— добавил я.

— Что вы им сказали? '

— Они грозили доставить меня в управление госбезопасности. Я показал им липовые удостоверения личности и справку с места работы, назвал фамилию хозяйки, у которой остановился в Рибке, сказал, что иду через горы в Новы-Тарг...

И умолк на полуслове. В нескольких десятках метров я увидел неясные в тумане силуэты двух военных в зеленых мундирах. Они шли опушкой леса в нашем направлении. Я вздрогнул. Атаман заметил это и, посмотрев в ту же сторону, увидел их.

— Осторожно! КВБ! — прошептал я сдавленным голосом и потянул главаря банды за дерево.

— Это наши,— ответил он.

— Как это наши? — удивленно переспросил я.

Они были уже совсем рядом, и я узнал двух бойцов из патруля, которые задержали меня.

— Это Гриф и Бузотер,— ответил Атаман,— возвращаются из охранения.

Мурашки пробежали у меня по спине. Достаточно было сказать одно необдуманное слово тем, которых я принял за патруль корпуса внутренней безопасности, и я бы влип. Мне явно повезло. Еще немного, и я бы мог раскрыться перед бандой. Страшно подумать, к каким последствиям это могло привести.

Я слышал об одном подобном случае в Новосончском повете. Однажды банда Залпа решила ограбить магазин кооператива «Крестьянская взаимопомощь». Окружила деревню. На милицейском участке дежурили двое милиционеров, которые тщетно пытались вызвать подмогу — бандиты перерезали телефонную связь. Милиционеры, чувствуя себя бессильными перед многочисленной, вооруженной до зубов бандой, забаррикадировались. Залп потребовал большую контрибуцию. Его люди разбежались по деревне: одни шаряли по домам, угрожая смертью не желающим повиноваться, другие грабили склады кооператива. Единственная дорога, ведущая из Новы-Сонча в селение, охранялась бандитами, переодетыми в военную форму. Об этом не знал сын одного из местных крестьян. Воспользовавшись суматохой, он вскочил на велосипед и помчался в город с намерением сообщить, что творится в деревне. За селением его остановили одетые в военную форму люди, которых он принял за солдат. За эту ошибку он заплатил жизнью. Его зверски истязали и убили. Мне рассказал об этом очевидец, с которым я встретился совершенно случайно. Может быть, поэтому этот факт запечатлелся в моей памяти больше других, еще более трагических, но известных лишь по письменным рапортам или телеграфным донесениям...

«Итак, моя встреча с «патрулем КВБ» не была случайной»,— подумал я. Какую же цель преследовала новая уловка главаря банды? Неужели Атаман мне все еще не доверял и рассчитывал, что я выдам себя, или просто он хотел проверить, как я отреагирую на такую встречу? Мне говорили, что в банде проверяют даже своих самых надежных людей. Ответ на этот вопрос имел для меня в то время немаловажное значение. Ведь нужно было выработать определенную линию поведения. Как представителю центра мне нельзя было оставить без внимания подобного рода факт, следовало как-то реагировать.

Спустя минуту двое в военной форме были уже возле

нас. Главарь банды представил мне своего заместителя и другого члена банды под псевдонимом Бузотер. Гриф, в противоположность неотесанному и примитивному Бузотеру, уже с первого взгляда производил впечатление интеллигентного человека. Он вежливо, чуть ли не галантно поздоровался, выразил сожаление, что только теперь смог познакомиться со мной, что приносит свои извинения за инцидент на дороге, но он не был уверен, я ли это, ведь мы только сегодня лично познакомились.

Заместитель Атамана — еще час тому назад мнимый командир патруля КВВ — рассматривал меня теперь с большим интересом. Впрочем, ему нельзя было отказать в умении играть как ту, так и другую роль.

«С ним надо держать ухо востро», — подумал я.

Когда я пришел в себя и осознал, что грозившая мне опасность миновала, мною овладело чувство удовлетворения не столько собой — ибо какая же в этом была моя заслуга, — сколько ситуацией, которую я мог теперь использовать в своих целях, поскольку мне пришла в голову одна мысль.

Пелена тумана слегка дрожала от легкого ветерка. Мы стояли вместе с Атаманом и Грифом. Бузотер присоединился к остальным членам банды, которые тихо о чем-то разговаривали на опушке леса. Сатана наблюдал за открытой поляной и расплывчатыми контурами деревьев, растущих на противоположной стороне. При сильных порывах ветра сверху на нас падали капли дождя, задержавшиеся в хвое елей. Атаман беспокойно осматривался, нервничал.

— Надо отсюда уходить, — предложил он наконец. — Поговорим в другом месте.

— А куда? — спросил я.

— На Юрков, — показал он рукой на северо-восток.

Он уже намеревался было позвать своих людей, но я положил ему руку на плечо. Он вопросительно взглянул на меня. Я сказал, что хотел бы с ним и с Грифом обменяться до этого несколькими фразами. Это и был тот самый план, который вдруг пришел мне в голову. Мы углубились в лес.

— То, что я вам теперь скажу, ваши люди не должны слышать, за исключением, разумеется, Грифа, — сказал я главарю и увел их еще дальше.

Остановились под раскидистой елью. Я небрежно оперся о толстый ствол дерева. Главарь банды стоял напротив меня в выжидательной позе, рядом с ним несколько сбитый

с толку его заместитель. Я опустил руку в карман, как быща сигареты, и резким тоном бросил в лицо Атаману:

— Вы ведете себя, как последний сукин сын, а не командир боевой группы! Вы понимаете, что я имею в виду?! — обратился я к обоим.

Атаман нервно дернул усиками, отошел назад, машинально положил руку на кобуру с пистолетом, как будто бы собирался броситься на меня. Но его удержал Гриф. Я сделал вид, что не заметил этого, не вынув руки из кармана и не меняя позы, продолжал наступать на него.

— Так вы поняли, что я имею в виду?! — повторил я.

— Этот патруль, надо же было выставить охранение, вот мы... — начал Атаман.

— Плевать я на это хотел, — перебил я его на полуслове. — Охранение охранением, но правила конспирации следует соблюдать! А если бы при мне оказались пистолет и документы организации? Кого-то из нас могло бы уже не быть в живых: либо меня, либо его, — показал я на Грифа. — На кой черт нужно такое охранение! Хорошо еще, что инструкции и материалы будут переданы через связную. А вспомните нашу первую встречу? Ваша чрезмерная осторожность могла всем нам дорого стоить. Конечно, надо быть бдительным по отношению к врагам, да и к своим тоже, но нельзя же направлять друг на друга пистолеты! Когда ты еще только играл в войну, — бросил я главарю банды, — я уже бродил по лесам, с сорок третьего года, в Свентокшиских горах с бригадой НСЗ, потом попал на Запад... Перед вами инструктор по диверсиям, который год тому назад был переброшен обратно в Польшу. Какое у тебя звание?

— Я — командир группы, — ответил Атаман.

— Я спрашиваю о звании!

— Сержант, — добавил не ожидавший такой атаки главарь.

— До сих пор ты был самозванным командиром. Теперь ты получишь от нас официальное назначение, а может быть, даже и повышение. Но ты не можешь вести себя как бандит. Ты же командир боевой группы, сражающейся против коммунистов. Нам нельзя действовать на свой страх и риск. Для этого есть командование, которое руководит не только такими, как ты. Ты думаешь, нам трудно передать на Запад информацию о том, что ты обыкновенный преступник, который только пытается примазаться к идеалам нашей борьбы за иную Польшу? Надеюсь, не надо рассказывать, что сделают те, кто поддерживает вас, когда услышат

такую информацию в передачах польского радио из Лондона?!

Атаман сделал жест, как бы собираясь перебить меня. Но я не позволил и продолжал дальше, может быть, немного менее агрессивно, но тоном, не терпящим возражений.

— Я — офицер, то есть выше вас и по званию и по должности. Как представитель центра, я имею полное право требовать к себе надлежащего отношения. Думаю, что это не так уж много. То, что я сказал, останется между нами. Авторитет командира и его заместителя, — показал я на Грифа, — должен быть непоколебим. Поэтому я и говорю с вами наедине. Военская дисциплина должна быть обязательной для всех и на всех уровнях. Если вы требуете повиновения от своих людей, надо показать им пример.

— Вы меня не так поняли, — вмешался Атаман.

Было видно, что он решил оправдаться передо мной. «Это уже хорошо», — подумал я.

— Я еще не закончил, — перебил его официальным тоном. — Наше руководство высоко оценило ваши заслуги. Центр проинформирован, что мы уже установили между собой контакт. Руководитель центра майор Мацей лично разговаривал со мной перед отъездом и передал директивы для вашей группы и местной агентурной сети. Подробные инструкции поступят через связную. Она же доставит и прессу, которую мы получаем с Запада. День вооруженного конфликта приближается, и мы должны быть к нему готовы. В связи с этим у меня есть ряд вопросов, которые хотелось бы детально обсудить с вами. Это займет минимум несколько дней. Поэтому все это время мне нужно находиться в группе. Проведем учебу, обсудим возможности местной агентурной сети, подберем площадки для приема грузов с воздуха. В понедельник связная центра, который выступает под условным названием «Фарватер», привезет нам инструкции. Заместитель начальника центра капитан Аптони изменил место встречи со связной вашей группы: теперь ее будут ждать не на мосту в Новы-Тарге, а перед эдапием почты в Рабке. Новы-Тарг кишит сотрудниками госбезопасности, а в курортной местности приезжий меньше бросается в глаза. Осторожность не помешает. Пароли, опознавательные признаки и время встречи остаются без изменений, как мы и договорились на предыдущей встрече. Сохраняет свою актуальность и канал связи в Кракове. Остальное обсудим в спокойной обстановке, времени у нас еще достаточно. Я привез также деньги для группы. Мы предпочита-

таем платить вам долларами, как получаем пз-за границы, но если у вас нет возможности выгодно обменять их, то это может сделать наш человек в Кракове.

Я заметил, что Атаман и Гриф слушали меня со все большим вниманием. Итак, мне удалось перехватить инициативу. Именно в этом и заключался план, который неожиданно родился у меня уже после встречи с бандой, — использовать сложившуюся ситуацию в своих целях. Я достиг их врасплох. Главарь, с которым я говорил теперь свысока, явно потерял былую уверенность в себе. Благодаря этому я во время столь короткого разговора получил преимущество, которого мог бы не добиться даже в течение нескольких дней пребывания в банде. Только бы не перегнуть палку...

— Я не имею намерения вмешиваться во внутренние дела вашей группы. Вы будете действовать совершенно самостоятельно, в рамках получаемых от руководства приказов, но не как банда гражданских лиц, а как организованный военный отряд. Понятно?

— Понятно! — ответил Атаман. Ему передался официальный тон, которым я разговаривал с ними.

— Прежде чем мы приступим к обсуждению деталей, хотелось бы для порядка спросить вас, принимаете ли вы такую платформу сотрудничества?

— Принимаем, — вырвалось первым у Грифа.

Я взглянул на Атамана, который продолжал молчать. Мне показалось, что он лихорадочно о чем-то думает. Он смотрел на меня исподлобья. Трудно было угадать, какие сомнения мучают его. Но что его что-то гложет, это было бесспорно.

— Это ваше общее мнение? — переспросил я главаря. — Если у вас имеются какие-то сомнения, поделитесь ими со мной откровенно. Я считаю, что мы ничего не должны утаивать друг от друга:

— Вы остаетесь у нас? — спросил он.

— Да, на несколько дней, — ответил я. — Этого требуют порученные мне задания.

— А кто будет командовать группой?

— Ее командир или заместитель. («Значит, это твое большое место», — рассмеялся я про себя.) Я — представитель центра, но не имею намерения вмешиваться в ваши внутренние дела. К тому же я ваш гость, и вы отвечаете перед майором Мацеем за мою безопасность. А передо мной вы и Гриф — за выполнение заданий руководства. Как вы их будете выполнять — ваше дело. Вы отвечаете перед на-

шим общим руководством за безопасность своих людей, а не я. Согласны?

— Да, — ответил Атаман.

Я развязал вещевой мешок и вытащил уже распечатанную бутылку водки. Кружки у меня не было, и я выпил прямо из бутылки, а затем протянул ее главарю банды. Он отхлебнул несколько больших глотков и передал бутылку Грифу.

Туман поредел. Через деревья уже была отчетливо видна широкая поляна и остальные члены банды, сидевшие на корточках на опушке леса. Они не скрывали своего нетерпения.

— Не обижайтесь, что я вас так отчитал, но как бы вы поступили на моем месте? — спросил я Грифа.

— Что было, то сплыло, — ответил он полушутя и, вытащив пачку сигарет, угостил вначале меня, потом своего командира.

— А теперь можно уходить, — обратился я тем же тоном к Атаману. — Ну, командир, води нас!

Главарь «Бывалых вояк» первым подошел к своим людям. Поговорил минуту с Сатаной, потом подал знак мне и Грифу, и мы тронулись в путь. Впереди — двое с автоматами, затем на определенном расстоянии Атаман и остальные с ручными пулеметами, за ними — я с Грифом.

Мы шли навстречу ветру, углубляясь все дальше и дальше в лес. Бандиты знали здесь каждый уголок, каждое укрытие, недоступные тропки и проходы, журчащие между валунами ручьи, которые после дождя превращались в стремительные, грозные горные потоки. Мы крались, как стая волков, обходили селения и дороги, шли напрямик, по бездорожью, чтобы избежать неожиданной засады, на которую банда могла наткнуться на каждом шагу.

Я шел рядом с Грифом в очередной бандитский притон. Сколько еще дней и ночей придется мне пережить вместе с ними? Разве я мог в то время знать?

5

Уже в сумерках мы подошли к лежащему в долине селению. Вдалеке виднелись очертания какого-то крестьянского двора. Сквозь вечерний туман из окон разбросанных у дороги домов пробивался тусклый свет. Я буквально валился с ног от усталости — сказались несколько часов форсированного марш-броска. Сатана продолжал вести нас дальше. Стало уже почти темно. Мы с трудом различали двух

бандитов, идущих в головном дозоре. Вдруг они остановились у придорожного креста, остальные — по обеим сторонам дороги.

— Что, уже Юрков? — спросил я у Грифа.

— Любомир, — ответил тот. — Надо разузнать, все ли в порядке.

Спустя минуту к нам подошел Атаман, взглянул на часы и заговорил с Грифом:

— Ясек, наверное, нас уже заждался.

— Пусть Сатана подойдет поближе к дому, — посоветовал Гриф.

Главарь осмотрелся вокруг, словно хотел пронзить взглядом царящую вокруг темноту. Над нами клубились тучи, закрывали небо, казалось, вечер в этот день наступил скорее, чем обычно.

Атаман еще минуту прислушивался, а потом бесшумно приблизился к притаившемуся у креста Сатане. Они шепотом обменялись несколькими фразами. Со стороны деревни только изредка долетал лай собак.

— Не мешало бы всех их отравить, — шепнул Гриф. — Они всегда чувствуют человека, поднимают ненужный шум.

Сатана крадучись побежал к ближайшему крестьянскому двору, перелез через изгородь и подошел к дому. Привязанная к будке собака дернула цепь и заскулила. Я услышал осторожный стук в окно, свет погас, кто-то открыл дверь. Спустя минуту к главарю банды, который ждал у придорожного креста, подбежали двое сгорбившихся мужчин: Сатана и, наверное, тот, Ясек.

— Это наш человек из агентурной сети, — отозвался Гриф.

Итак, я узнал одно из ее звеньев.

Атаман подал знак, и мы подошли к ним.

— В деревне все спокойно, — информировал Ясек. Это был гураль в возрасте двадцати с лишним лет. Я заметил, что наиболее близкие отношения он поддерживал с Сатаной.

— А как в Пшислопе и Щаве? — расспрашивал главарь банды.

— Тоже спокойно, — ответил гураль.

В сжатой ладони он держал тлеющую сигарету.

— Пойдем на Щаву, — решил Атаман. — Проведешь? — обратился он к Ясеку.

Тот утвердительно кивнул.

Мы зашагали вдоль изгороди крестьянского двора. Вдалеке смутно виднелась колокольня костела. Спустя некото-

рое время бледные огоньки Любомежа исчезли во мгле. Теперь мы шли в ином порядке: первым — проводник, за ним на определенном расстоянии — охранение и все — «главные силы» с ручными пулеметами.

Я едва тащил ноги, которые стали как колоды, но старался не отстать от других. А они неслись вперед, закаленные вихрями, дождями, снежными метелями, перескакивали, как олени, через острые камни и стволы поваленных деревьев. Они были как дикие звери и казались неотъемлемой частью этих гор и лесов.

Вдалеке засветились огоньки каких-то домов. «Пши-слоп», — промолвил кто-то из бандитов. Через несколько минут вышли к стремительному горному потоку. Это была река Каменица. Мы перешли ее вброд — у моста нас могла ждать засада. Поднявшаяся вода доходила выше колен, залила ботинки, мокрые брюки прилипли к икрам. И снова подъем, а затем спуск. Пересекли какую-то поляну. Темно, в нескольких шагах ничего не видно. Я окончательно потерял чувство времени. Сколько длится этот убийственный марш-бросок?

Наконец впереди снова замерцали какие-то огоньки. Атаман свистнул. Все остановились.

— Ясек, проверь хату, — распорядился главарь.

Неужели мы прибыли на место? Я почувствовал огромное облегчение. Мы ждали минут десять — пятнадцать, а может, и больше. Наконец гураль появился.

— Можно идти, — коротко бросил он Атаману.

Мы прошмыгнули через дыру в заборе, а затем в открытую дверь, ведущую в сени. В избе нас встретила заспанная женщина с закопченной керосиновой лампой в руке.

— Занавесьте окно, — распорядился Гриф, — а то свет виден издалека.

Вскоре появился старый гураль, видимо хозяин дома, поправляя на ходу плотные засаленные суковные штаны.

— А вас никто не видел?

— А кто мог видеть, темно, хоть глаз выколи, — ответил Атаман. — А что вы, дед, такой пугливый?

Старик ничего не ответил и только пробурчал:

— Когда же вы наконец перестанете заниматься разбоем?

— Вот прогоним большевиков — и настанут другие времена, — ответил Гриф.

— Я уже это слышу не один год. Ты что ли, прогонишь? Да у вас нет сил.

— А у вас есть? — спросил Сатана.

— Нет,— отрезал старик.— Поэтому и боюсь. И денег тоже нет.

— А у нас деньги есть,— вмешался Атаман.

Старый гураль искося, но с интересом взглянул на главаря.

— Пойду посмотрю, спокойно ли вокруг. Оставьте немного водки,— пробормотал старик и вышел из избы.

— Он надежный? — спросил я Атамана.

— Слова никому не пикнет, но жаден.

Атаман отправил двух человек в охранение. Хозяйка разожгла огонь в печи, принесла хлеба и какую-то горячую жидкость, напоминающую по цвету чай. Я с жадностью выпил целую кружку, Гриф и Бузотер достали из вещевых мешков несколько банок консервов и колбасу. В ход пошла фляжка Сатаны, потом поллитровки...

Я был изможден до предела. Выпил всего раз или два. Чувствовал, что больше не могу. Наш проводник из Любомежа тихим охрипшим голосом затянул какую-то гуральскую песню.

Пили много, из одного стакана, по очереди, и все больше хмелели. От обилия выпитого спиртного начали сдавать первые.

Сатана опрокинул в горло полстакана водки, откашлялся и подтянул песню. Его низкий голос гулко отзывался в избе.

— Заткнись! — прикрикнул на него Атаман.— Еще накличешь беду на нашу шею! Песня далеко разносится.

От раскаленной печи в избе становилось все теплее. Промокшая во время марш-броска одежда начала подсыхать. Гриф сидел рядом со мной, пил мало. Я следовал его примеру. Он не раз пытался завязать со мной разговор о положении в мире, о том, когда наконец «наши» с Запада выступят против большевиков, когда придет генерал Андерс со своей армией, он-то наведет порядок в стране, и тогда мы будем править...

Я отделивался общими фразами, не поддерживая темы, потом шепнул Грифу, что не посвященные в наши дела не должны знать, кто я. Если органы госбезопасности узнают об установлении связи с группой, они начнут преследовать по пятам «Бывалых вояк», а мы заинтересованы сохранять глубокую конспирацию. Грифа это заинтересовало, но у меня не было уже больше сил говорить.

Я погрузился в крепкий сон. Спали мы вповалку на разостланной на полу соломе. Бандиты бодрствовали по оче-

реди всю ночь. Как только рассвело, мы поднялись. Хозяйка уже подоила корову, принесла нам жбан парного молока, разлила по кружкам. Оно показалось мне намного вкуснее, чем в молочной в Кракове.

Атаман торопил всех — через час деревня уже проснется, никто из посторонних не должен нас видеть. Гриф уложил в вещевой мешок хлеб, который хозяйка принесла из кладовой, расплатился с ней за еду.

Мы покинули бандитский притон и короткими перебежками устремились к лесу. Нас вел сам Атаман. Проводник, гураль из Любомежа, откололся от нас сразу же за деревней. Главарь еще при нем сказал, что мы пойдем на Охотницу, но как только Ясек скрылся за поворотом, тотчас же изменил направление.

— Пойдем в горы, — сказал он мне. — Возле Явожины Горцовой есть несколько хороших шалашей, там мы будем чувствовать себя в безопасности.

Я шел впереди вместе с главарем банды, остальные в том же порядке, что и вчера, в постоянной боевой готовности. Основной разговор я откладывал до того момента, когда мы доберемся до шалашей. Наконец-то прояснилось, день обещал быть погожим. Лучи восходящего солнца золотили вершины Горце. Мы уже миновали покрытую зеленью лесов Кичору. В нескольких километрах ниже нас смутно виднелись постройки какого-то селения.

— Это Куросица, — объяснил Атаман. — У нас там личные счета с двумя сукиными сынами — шпионами органов безопасности. Надо будет их прикончить.

— Не теперь, — категорически заявил я. Мне хотелось сразу же торпедировать преступные замыслы главаря банды. — Только после того, как мы все спокойно обговорим. Нам предстоит немало более важных дел. Майор Мацей передал мне для вас целый ряд заданий. А о шпионах будет время подумать немного позднее.

Мне было на руку, что основной разговор откладывался на некоторое время. Я буду чувствовать себя увереннее после определенной акклиматизации в банде и лучше обдумая все, что скажу Атаману. Я исходил из того, что наибольший акцент следует сделать на анализе диверсионной подготовки членов банды. Я не сомневался в том, что они умеют хорошо стрелять. Но это еще не все. Я намеревался подвергнуть их строгому экзамену, обнажить все их пробелы и недостатки. Сделать это будет нетрудно. «Бывалые вояки» в основном примитивные, одичавшие типы, без образования. Я считал, что занятия с ними по диверсионной

подготовке послужат для меня наилучшим предложением, чтобы задержаться подольше в банде.

К полудню мы добрались до горного пастбища. Невдалеке стоял какой-то шалаш. Мы расположились на краю леса. День был безветренный, солнце припекало. Пробыли в лесу до наступления сумерек. Снизу доносились звон колокольчиков пасущихся овец и возгласы пастухов. Атаман был осторожен, мы подошли к шалашу, когда уже совсем стемнело.

Нас встретил резкий запах кислого овечьего молока и сыра. Старший чабан коптил брынзу. Главарь поздоровался с ним, как с давним знакомым. На этом пастбище мы пролежали три дня, днем отсиживались в лесу, а вечером возвращались в шалаш. Питались жареной бараниной, брынзой и овечьим молоком. К счастью, уже на следующий день коптился запас водки, которую люди Атамана прихватили с собой.

Первые дни пребывания в банде прошли в основном в длительных беседах с Атаманом и Грифом. Они внимательно слушали каждое мое слово, потом долго разговаривали между собой, задавали мне вопросы, уточняли отдельные детали. Атаман был более недоверчивым, чем его заместитель. Он ходил задумчивый, размышляя над тем, что я сказал, что нового внесет это в жизнь банды. Раздумья главаря не раз вызывали у меня беспокойство.

Я неоднократно напоминал Атаману, чтобы он отправил кого-нибудь за материалами и почтой, которые должна была привезти связная майора Мацея из Кракова. Мы находились довольно далеко от Равки.

«Кого же пришлет Старик?» — раздумывал я. Угадать было трудно, но меня интересовало, сумеет ли наша девушка, которая придет на встречу с доверенным человеком банды в Равке, хорошо сыграть свою роль. Любая ошибка нового человека, подключаемого к нашей операции, могла создать угрозу ее срыва. Тогда уже не все будет зависеть от тщательно продуманного Стариком плана и от меня — его исполнителя.

Беспокоила мысль: какие мы получим инструкции из центра по организации диверсий? Ведь Старик теперь уже не мог передавать мне непосредственных указаний. Он наверняка учитывал тот факт, что прежде, чем почта попадет мне в руки, ее может просмотреть главарь банды. Однако это была единственная возможность поддерживать связь со Стариком.

Атаман решил сменить место пребывания. Мы должны

были перебраться в окрестности Кичоры. Оттуда он собирался выслать кого-нибудь в Рабку на встречу со связной. Прежде чем покинуть горное пастбище, Гриф отправился за продуктами. Вернулся с плотно набитой сумкой — водка, хлеб, колбаса, газеты. Мы расположились в лесу. По-прежнему стояла отличная погода. Гриф читал «Газету Краковскую».

— Все это ложь, — иронизировал Атаман, — коммунистическая пропаганда.

Однако Гриф продолжал читать. Я увидел на первой странице газеты большой некролог. Гриф прочитал вслух:

— «6 июня с. г. пали от пуль реакционного подполья в Скотниках под Краковом: Ян Юргала, Стефан Земба, Чеслав Стрылиньский. Вечная им память!»

Заинтересовавшиеся бандиты окружили читающего. Гриф нашел отпечатанный крупным шрифтом заголовок статьи «Гнусное преступление реакционного подполья в Скотниках» и начал читать:

— «6 июня с. г. в Скотниках под Краковом вооруженная банда напала на участников вечера, организованного в местном клубе родительским комитетом, сбор от которого должен был поступить на летние лагеря для детей. Бандиты зверски убили председателя родительского комитета и секретаря первичной партийной организации тов. Яна Юргалу, рабочего Чеслава Стрылиньского и сотрудника милиции Стефана Зембу, принимавших участие в вечере.

Кроме того, были ранены сотрудник милиции Станислав Банась и рабочий Станислав Частек.

Во время нападения бандиты применяли известные еще со времен гитлеровской оккупации методы террора. Они избивали собравшихся, глумились над женщинами, громили помещение клуба. Совершив преступление, бандиты забрали из кассы предназначенные на летние лагеря деньги.

Похороны зверски убитых рабочих и сотрудника милиции — жертв реакционного подполья — состоятся в пятницу, 10 июня с. г.».

Гриф отложил в сторону газету. Еще минуту все молчали. Атаман сплюнул через зубы и заговорил первым:

— Хорошо сработали. Только бы их не поймали. Дать бы очередь из пулемета по тем, кто придет на похороны. Пусть грызут землю.

Поздним вечером мы подошли к рабской котловине, преодолев по совершенно безлюдной дороге порядочное рас-

стояние. Как всегда, услужливый Гриф развлекал меня по пути беседой. Называл возвышенности и горные пастбища, мимо которых мы проходили, и видневшиеся вдали селения.

Где-то поблизости должна была находиться так называемая Разбойничья яма. Мой проводник рассказал мне, что одно время банда пользовалась построенным здесь во время войны бункером. В одну из облав бойцы КВВ обнаружили укрытие «Бывалых вояк», устроили засаду и ждали возвращения банды. Если бы их не предупредил какой-то гураль, то «Бывалые вояки» наверняка напоролись бы на засаду и дело для них могло бы плохо кончиться.

Я с интересом осматривал окрестности. Мне было известно, что именно с этими местами связаны многие предания, которые старики охотно рассказывают за рюмкой водки. Я вспомнил некоторые из них. Взять хотя бы Разбойничью яму. Говорят, это был подземный ход, который много лет тому назад тянулся на несколько километров и служил укрытием для разбойников. Обнаружив его, разбойники запустили туда козу, и она шла под землей, пока не вышла к Дунайцу. По этой легенде, в Разбойничьей яме живут какие-то существа со страшными лицами, покрытыми наростами. По другой — духи, которые танцуют по почам и распевают гуральские песни.

Уже там, на Явожине, да и позже я наслушался немало гуральских сказаний, преданий и легенд. Они рождались веками в пылком воображении живущего в темпоте и отсталости народа, передавались из поколения в поколение, были связаны с природой и необузданной натурой гуралей. Звезды, скалы, пещеры и горные реки имеют здесь другие названия и свои легенды.

О двух скалах, стоящих при входе в долину, я слышал предание, что это две окаменевшие сестры, которые не принесли воды умирающей матери. О камнях — что они когда-то росли, но богоматерь ушибла об один из них палец, рассердившись, прокляла их, и камни перестали расти. Об утренней и вечерней звездах говорили, что это зрачки. Первая возвещает наступление дня, а вторая — его закат. О заклинаниях в ночь Святого Яна: их шепчут девушки, которые, не обращая внимания на то, что ранят себе руки, срывают горный чертополох, обрывают листья до самого цветка и, пересчитывая лепестки, гадают, сбудутся ли их мечты о возлюбленном, о любви.

Однако чаще всего я слышал гуральские песни и легенды, мотивом которых были истории о разбойниках. Веко-

вым традициям татраньского бунтарства способствовали географические условия, леса и недоступные горные массивы, близость границы. На определенных этапах оно было результатом нищеты и гнета, проявлением классовой борьбы.

С ранней весны до поздней осени ходили гуралы на разбой, нападали на усадьбы, церковные приходы и богатые дома, крали овец на горных пастбищах по ту сторону границы. Подгальяне ненавидели жителей Липтова и Оравы, а те в свою очередь — подгальян. Они десятилетиями враждовали между собой. Приспособились к суровой природе, не отрывались от нее далеко, поздно столкнувшись с влиянием цивилизации, жили аскетически, примитивно, не зная жалости и доброты.

Песни, которые они пели во весь голос с неукротимой дикостью, и легенды, героями которых были те, кто ходил на разбой, оказали немалое влияние на психику теперь уже других гуралей. Однако сколько же их помогало Огню, а потом Атаману, известному также под кличкой Харнась (так в старину на языке гуралей называли главаря ватаги разбойников). Однако теперь это были уже не разбойники из легенды или гуральских песен. Кистени они сменили на автоматы, от их пуль пали многие невинные люди, они не имели ничего общего с традициями героев народных сказаний и песен...

— И этот гураль предостерег нас, — вернулся к воспоминаниям Гриф. — Солдаты разрушили бункер, но, к счастью, никого из наших там не оказалось.

Атаман и Сатана шли первыми, в нескольких десятках метров впереди нас. Мы двигались чуть ли не на ощупь, ветви кустов хлестали нас. Луна слабо пробивалась через кроны деревьев. Вдруг я услышал чей-то приглушенный крик.

— Это Атаман, — заметил Гриф.

Мы побежали вперед, Гриф с автоматом, готовым к бою. Подбежав, мы увидели, что Сатана вцепился руками в какого-то человека. В темноте трудно было разглядеть черты его лица. Рядом стоял главарь.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Атаман.

Тот от испуга начал запкаться.

Сатана отпустил его и ударил с размаху кулаком в лицо. Тот повалился на землю. В свете фонарика я увидел, как струйка крови потекла у него из носа.

— Говори, сукин сын, чего здесь ищешь?! — заорал Сатана и замахнулся прикладом.

— Встань! — приказал Атаман.

Тот подпрыгнул. Это был подросток, на вид ему было не больше восемнадцати лет.

— Старший чабан отправил меня искать овцу, которая отбилась от стада,— вымолвил он тихо.

Атаман с Грифом отошли в сторону. Я присоединился к ним.

— Может, он шпионит за нами? — сказал своему заместителю главарь банды.— Не мешало бы его убрать. А то еще донесет, что видел нас...

— А если он говорит правду? — вмешался я.

Мне едва удалось отговорить Атамана от его намерения. Гриф расспросил задержанного подростка и убедился, что он действительно пасет овец на расположенном недалеко горном пастбище.

Я схватил его за отвороты куртки и пригрозил, чтобы он никому не проболтался, что видел нас. Записал его имя и фамилию.

— А теперь убирайся,— бросил я и подтолкнул его вперед.

Он во весь дух побежал в сторону пастбища и исчез в темноте. Я заметил, что главарь не был в восторге от моего вмешательства.

Вскоре мы добрались до заброшенного сарая. Неподалеку от него стоял дом лесника, поэтому необходимо было соблюдать особую осторожность. Мы начали укладываться на ночлег, и только Сатана, набросив на себя прорезиненный плащ, ушел, чтобы послать кого-то из агентов в Рабку на встречу со связной майора Мадея. При свете фонаря я написал несколько слов, спрятал записку на дно спичечного коробка, накрыл ее другим дном, а сверху спичками и передал Сатане для связной. В ней я коротко докладывал Старiku, или майору Мадею, что жду дальнейших указаний и пробуду у «знакомых» еще некоторое время. Что бы я ни отдал за то, чтобы самому отправиться на эту встречу!

Когда я проснулся, Сатана уже был с нами. Мы перешли в лес и ждали до самого вечера посланца из Рабки.

— Сарай могут окружить,— заметил Атаман.— На открытом воздухе безопаснее.

Мы разожгли в небольшой рощице костер и поддерживали огонь с помощью сухих веток, чтобы не было дыма. Ели поджаренную над костром колбасу.

В предшествующих беседах с главарем и его заместителем я не выложил всего того, что поручил мне Старик. Весь день прошел в обсуждении конкретных деталей дальнейшей деятельности банды. Я коротко изложил получен-

ные мною от Старика инструкции. Каких-либо серьезных возражений со стороны Атамана и его заместителя я не услышал.

Первым аргументом были деньги, которые я передал в качестве аванса на расходы, связанные с деятельностью группы и местных агентов. Под предлогом выяснения размеров их месячного денежного фонда я получил некоторую информацию о численности агентурной сети, разбросанной в Подгале. Большого от них я пока не пытался узнать, поскольку вопрос о размещении и численности входящих в агентурную сеть людей я решил обсудить подробно после того, как связная передаст карты этого района. Тогда можно более конкретно разговаривать с главарем.

Затем сообщил Атаману и Грифу, что майор Мацей требует создать у органов госбезопасности видимость, будто «Бывалые вояки» перебазировались в другой район. Для этого необходимы строгая конспирация и отказ от проведения каких-либо несанкционированных операций. Я пояснил, что усиление бдительности органов госбезопасности связано с предстоящими заданиями, которые получит в ближайшее время руководство группы. Необходимо приспособить тактику действий к новым условиям, избегать ненужного риска, ибо не стрельба из автоматов, а хорошо законспирированная деятельность приносит гораздо больший эффект.

Когда я поставил перед главарем задачу выбрать несколько площадок для приема грузов с воздуха, то заметил, что это произвело на него сильное впечатление. Ни Атаман, ни Гриф не имели понятия, с чего надо начинать. Мои профессиональные разъяснения этой операции они слушали затаив дыхание. Я рассказал, как следует выбирать место для площадок, каким условиям они должны отвечать, как обеспечить надлежащую сигнализацию, как принимать контейнеры с грузом. Причем сразу же оговорился, что должен лично проверить правильность выбора мест, которые предложит Атаман. Перспектива получения грузов с воздуха поглотила все их внимание.

Вместе с тем, выполняя указания Старика, я затронул вопрос о необходимости установления постоянного контакта с диверсионной группой, действующей в районе Бескид, за горным хребтом, в целях более тесного взаимодействия при проведении предстоящих операций.

Несмотря на то, что коснулся этого вопроса как бы мимоходом, я заметил, что это вызвало у Атамана и его заместителя определенную настороженность и беспокойство. Я решил не возвращаться к этой теме, рассчитывая, что до-

полнительные аргументы постепенно рассеют их педовере.

«Не надо спешить, а то все испортишь», — подумал я.

В сумерках мы вернулись в сарай. Поднялся сильный вихрь, который весь день предвещала коварная тишина и теплый сухой ветер со стороны Татр. И все же он налетел неожиданно, охватив в одну минуту весь массив гор и лесов, с шумом и свистом неся над полянами, гнал впереди себя тучи, которые деликом закрыли усеянное звездами небо.

Мы примостились на корточках в углу сарая. Пыль, поднимавшаяся от лежащего на полу сена, забиралась в нос и глаза. Старые балки и крепления противно трещали и стонали. Вихрь мешал дышать, заглушал громко произносимые слова.

Мы ждали возвращения посланного в Рабку человека, который опаздывал, ведь идти в такую погоду в горах нелегко. Я старался мысленно подытожить весь разговор с главарем банды. Все ли я сказал ему, что поручил мне Старик? Заморозить на некоторое время деятельность банды, обосновывая запрет проведения операций необходимостью усыпления бдительности органов госбезопасности, мне удалось полностью. Подготовить психологически Атамана к взаимодействию с группой, действующей на соседней территории, очень важный вопрос, но здесь могут возникнуть определенные осложнения. Я вспомнил сдержанность и беспокойство главара. Видно, что он очень осторожен. Заманить банду в засаду будет нелегко. Выплату денег — самое легкое — я сделал. Выбрать площадки для приема грузов с воздуха — неплохая идея, ее реализация даст мне возможность пробыть в банде минимум десять — пятнадцать дней, ведь надо лично осмотреть то, что предложит Атаман, и можно заранее предположить, что не все они окажутся пригодными для этой цели.

Осталось только два вопроса, которые я должен был еще обговорить с главарем. Первый — установление связи с организацией, действующей в Татрапской Буковине, и контактов со Словакией, — но я решил отложить его на более подходящий момент, чтобы не вызывать подозрений у Атамана. И второй — расшифровка местной агентурной сети, — очень важный, но довольно деликатный вопрос, с ним тоже нельзя спешить.

Ожидание становилось все более мучительным. Я с нетерпением ждал известий от Старика. Может, прочту что-

побудь между строк? Ведь открыто он мне ничего написать не может: почта подвергается цензуре банды.

Я вспомнил о нападении и убийстве в Скотниках. Кто мог это сделать? Лишь бы только их поймали. Наверняка Старик и начальник управления госбезопасности в Кракове уже что-то об этом знают. Хорошо, что это сделали не «Бывалые вояки». Во время убийства я уже был в банде и чувствовал себя в какой-то степени ответственным за ее деятельность. Я был рад, что мне удалось спасти жизнь подростку, которого мы встретили вчера почью. Атаман, не задумываясь, пустил бы ему пулю в лоб, просто так, на всякий случай.

Вихрь с неослабевающей силой ударял в степи нашего убежища. Сверху сорвалась какая-то доска и, с треском ударив о балку, упала на пол. В эту ночь всегда бдительный Атаман не выставил охранения. Он не верил, что кто-то решится в такую непогоду и темноту отправиться в горы.

Мы терпеливо ждали.

Около полудня на тропинке, которая вела к сараю, показались две закутанные в большие толстые платки женские фигуры. Вихрь, патворив немало бед, немного утих. В нескольких метрах от нас торчала сломанная ель. Темно-синие тучи висели так низко, что, казалось, достаточно выйти на ближайшую вершину — и дотронешься до них рукой.

— Идут, — заметил Атаман и вышел им навстречу.

Я последовал за ним. Остановились возле сломанного дерева.

— Одной в такую погоду ходить страшно, — сказала та, что поменьше ростом. — А вдвоем веселее, да и Марыська хотела увидеть вас.

Я узнал связную банды Зоську, которая привела меня на первую встречу с главарем. Она улыбнулась мне. Другая, блондинка, остановилась возле нее. У нее были большие голубые глаза, черные брови и ресницы. Обе девушки тяжело дышали, устав от длительной ходьбы.

— Я была на почте в Рабке, — начала Зоська. — После долгого ожидания ко мне подошла наконец какая-то городская девушка. Оказывается, она сидела на скамеечке в парке, я ее даже не заметила, и подошла ко мне только после того, как я отошла от почты подальше. Я уже подумала, что она не придет. Сказала, что около почты крутился какой-то милиционер, и поэтому, не желая привлекать к себе внимания, дождалась, когда он уйдет. Городская, но осторожная.

— Это хорошо, что осторожная, — пробормотал Атаман.

— И что она передала тебе? — спросил я.

Мне было очень интересно, кого же Старик отправил на эту встречу. Но неудобно было расспрашивать, как она выглядела.

— Газеты и вот это, — сказала Зоська, протягивая Атаману два спичечных коробка. — Спросила про Генрика.

— И что ты ей сказала? — вмешался я.

— Ничего. А что я могла сказать? Что велели взять то, что принесет, и все. Вручила ей пакетик, который передал Казик.

«Значит, у Зоськи был не сам Сатана, — подумал я, — а какой-то Казик».

Мы уехали у сарая с подветренной стороны. Девушки вошли внутрь; через неплотную, всю в щелях стену слышно было, как они беседовали и перебрасывались шутками с Сатаной и еще с кем-то из «Бывалых вояк». Спустя минуту к нам присоединился заместитель главаря банды. Я протянул было руку к спичечным коробкам, которые вручила Атаману Зоська, но он сделал вид, что не заметил моего жеста, и поспешно открыл их сам. Высыпал спички и под двойным донышком нашел спрятанные мелко исписанные листочки тонкой бумаги. Накануне он видел, как я прятал записку для связной. Одна записка была предназначена для меня, другая — для командира группы.

Тем временем Гриф распаковал пачку с газетами. В середине находились три топографические карты и два номера выходящей в Лондоне реакционной газеты «Белый орел», прикрытые сверху несколькими экземплярами органа воеводского комитета партии «Газеты Краковской». Я пробежал взглядом одну из газет. Мне бросился в глаза заголовок на первой странице. Схватив «Газету Краковскую» и забыв про почту и лондонскую прессу, начал затаив дыхание читать: «Крупный успех органов госбезопасности — ликвидация банды, совершившей убийства в Скотниках под Краковом. В ходе операции два бандита убиты: Мечислав Спула — псевдоним Фелюсь, проживавший в деревне Врублевка, повят Вадовице, и Мечислав Кудлацкий из Скотников. Третий из главарей банды — Витольд Чехович, сын богатого крестьянина из деревни Пулвесь, повят Вадовице, арестован. Арестованы также остальные бандиты...

Начиная с 1945 года банда совершила 37 убийств деятелей демократических партий и сотрудников органов госбезопасности. Несмотря на явку с повинной в период амнистии, бандиты не прекратили своей преступной деятельности.

Весть о ликвидации органами госбезопасности банды педобитков реакционного подполья была с удовлетворением встречена местным населением...»

Я был настолько поглощен известием об успехе ребят из нашего отдела управления госбезопасности в Кракове, что на минуту забыл, где нахожусь. Оторвав взгляд от раскрытой газеты, увидел, что Атаман внимательно и изучающе смотрит на меня. Я тотчас же опомнился. Почувствовал, как напряглись мускулы лица, правда, это длилось только долю секунды. Надо следить за каждым своим жестом, каждым движением. А может, он не заметил моего замешательства? Показал ему пальцем на заголовок статьи. Он вместе с Грифом принялся читать ее.

«Когда же придет ваша очередь?» — подумал, глядя на них.

— Такая потеря, — процедил я сквозь зубы. — Майор Мацей прав: нельзя проводить ни одной непродуманной операции. Головы трех коммунистов не стоят таких жертв.

Я вынужден был все время учиться искусству скрывать свои мысли и переживания.

— Что это за люди? — спросил Гриф.

— Теперь я могу сказать, — импровизировал я. — Мы поддерживали с ними контакт, но эту операцию они наверняка провели без нашей санкции. Я в этом уверен. Мы собирались передать этой группе под их охрану радиостанцию, наше основное звено связи с Лондоном. Капитан Антони был у Фелюся за несколько дней перед моим выездом. Из этой информации вытекает, что они не точно соблюдали наши инструкции. Нельзя же действовать одновременно на нескольких фронтах.

Я сделал вид, что расстроен известием о ликвидации банды Спулы под псевдонимом Фелюсь.

— Что пишет майор Мацей? — обратился я к Атаману.

Тот разложил на коленях выпутые из спичечных коробков листочки и беспомощно рассматривал их, ничего не понимая. Я взял записку, адресованную командиру группы. Она была вся исписана колопками цифр.

Пользуясь своим кодом, я приступил к раскодированию записки, полученной из центра по организации диверсий. Минут через десять — пятнадцать я вручил Атаману предназначенные для него инструкции, подписанные капитаном Антони.

Главарь банды и его заместитель склонились над расшифрованным текстом.

«Мп-18» — «Фарватер» — «Марпапу». Рекомендую вместе с поручником Генриком подготовить:

- 1) План пяти площадок для приема грузов с воздуха.
- 2) Смету месячных расходов группы и агентурной сети.
- 3) Список наиболее известных сотрудников органов безопасности, проживающих в вашем районе.

4) Отчет о размещении местной агентурной сети и возможностях ее использования (военная и диверсионная подготовка, надежность системы оповещения и связи и т. п.).

Одновременно просим помочь поручнику Генрику установить личный контакт с организацией, действующей на словацкой границе.

Существующие способы связи (пятница и понедельник) остаются без изменений, если не поступит другое распоряжение.

Майор Мадей поручил мне от имени руководства выразить удовлетворение по поводу установления контакта с группой и передать ее командиру наш боевой привет. Капитан Антони».

Пока руководители «Бывалых вояк» изучали записку капитана Антони, я расшифровал предназначенные для меня директивы.

«Мп-18» — «Фарватер» — поручнику Генрику. Командиру группы присвоен псевдоним Мариан. Приказываю оставаться в группе столько, сколько необходимо для выполнения инструкций, переданных нами Мариану. Поручаю вам проанализировать необходимость изготовления документов для его людей, а если есть возможность, то и прислать фотографии. Одна из наших групп понесла большие потери. Майор Мадей временно находится в другом районе. По непроверенным сведениям, органы госбезопасности планируют провести операцию в соседнем с вами районе. Рекомендуем соблюдать осторожность — не проявлять активности. Капитан Антони».

Я передал главарю банды предназначенные для меня инструкции. Он вместе с Грифом прочитал их. Обсуждению плана действий мы отложили на более позднее время. Вернулись в сарай, откуда доносился оживленный шум голосов. Бандиты в наше отсутствие опорожнили уже две поллитровки из запаса, который принесли девушки.

Сатана сидел у стены на лежащей на двух камнях доске, держа на коленях Марыську. Увидев нас, она попыталась было освободиться из его объятий.

— Не можешь выдержать — иди! — крикнул ему Гриф.

— И пойду, — пробормотал захмелевший Сатана, потянув за собой блондинку.

Они протиснулись через дыру в стене на месте вырванной доски и исчезли в зарослях.

Мы съели колбасу и свежие булки, которые принесла Зоська, запивая их водкой, — Атаман не разрешил разжигать огня. Хворост был влажным, и дым могли увидеть издалека. Сатана с девушкой еще не вернулись, остальные спали. Атаман позвал Зоську, и они пошли в лес «искать грибы».

Я остался наедине с Грифом. Он просматривал лондонскую прессу. На первой странице одной из газет была помещена большая фотография с подписью «Генерал Владислав Андерс».

— Мой отец поставил на Миколайчика, — заговорил, обращаясь ко мне, Гриф, — даже вступил в ПСЛ¹, но тот сбежал, оставив с носом тех, кто на него рассчитывал. А я ставлю на Андерса.

— А чем занимается ваш отец? — спросил я.

— У него была мельница под Новы-Сопчем, но ее отняли коммунисты. Теперь он живет тем, что накопил во время оккупации.

— Я тоже ставлю на Андерса, — сказал я. — Ангlosаксы помогут ему.

— Коммунисты смеются над тем, что он въедет в Польшу на белом коне. Напрасно, он им еще покажет, где раки зимуют, — пророчил Гриф.

Разговорился. Рассказал, что, когда Огопъ распустил на зиму часть людей, он поехал к шурипу отца в Познань и скрывался некоторое время у него. Этот шурин был до войны кадровым офицером, а его дочь связалась с красными, вступила в Союз борьбы молодых. Гриф, опасаясь ее, сменил местожительство, а затем вернулся в отряд. Родственник отца имел знакомых за границей, тоже офицеров, и кого-то в порту в Щецине. Гриф отправил ему письмо с просьбой помочь установить контакт с Западом. Тот согласился. И тогда Казик отвез письмо от «Бывалых вояк» дяде Грифа в Познань. Тот пообещал, что отправит его «куда следует».

«Значит, Казик, — подумал я, — это тот, к которому ходил вчера Сатана. Его знает и связанная банды Зоська...»

¹ ПСЛ (Польское стронництво людове) — оппозиционная по отношению к народной власти кулацкая партия, основанная в 1945 году С. Миколайчиком. — *Прим. ред.*

Последние несколько дней я не давал передышки «Бывалым воякам». Мы реализовали директивы, полученные из центра по организации диверсий.

На встречу в Краков должна была поехать Зоська. Так решил Атаман, который доверял ей больше всех. Она была его любовницей, а банде служила уже много лет, еще со времен Огня. К тому же умела держать язык за зубами. Я вручил ей короткое донесение для передачи связаной в баре «Уединение». Проинструктировал, как разыскать ее, сообщил пароль. Бар находился на улице Потоцкого, возле Плянт, в нескольких шагах от железнодорожного вокзала. Я был заинтересован в том, чтобы Старик получил от меня хоть какую-то весточку, он бы понял, что все в порядке.

Зоська должна была вернуться в субботу. Атаман договорился встретиться с ней у гуралья в Верхних Сромовцах. Узнав о планируемой органами госбезопасности операции, мы решили перебазироваться в Пенины. Четыре раза меняли место стоянки.

По дороге вместе с главарем и его заместителем выбрали площадки для приема грузов с воздуха — на горном пастбище под Турбачом, на Сухой поляне, возле Горцовского потока и у Верхней Крессницы. Эти площадки я отметил на карте, которую прислал капитан Антони.

Попутно объяснил им, каким требованиям должно отвечать место, предназначенное для приема грузов с воздуха, как их следует принимать, какую применять сигнализацию, что такое коштейнеры.

Пользуясь каждым удобным случаем, я проводил теоретические беседы, а потом и практические занятия. Начал с топографии. Выяснилось, что только Гриф знал, как пользоваться топографической картой. Я убедил их в том, что каждый должен уметь начертить план местности.

Затем принялся учить руководителей «Бывалых вояк» искусству кодирования. Старик утверждал, что надо показывать им больше, чем они сами умеют, и не ошибся. Им явно импонировало мое совершенное знание принципов конспиративной работы, что давало мне определенный психологический перевес над ними. Я сообщил им «ключ» и закодировал для примера несколько текстов. Гриф оказался сообразительным, и уже через несколько часов овладел методом кодировки. У Атамана же дело шло туго, он нервничал, влился и с завистью поглядывал на более способного заместителя.

Мы составили донесение для майора Мацея о размещении площадок для приема грузов с воздуха. Его закодировал Гриф, Атаман уклонился от этого под предлогом, что у него болит голова, а потом вдруг вспомнил, что должен поговорить с кем-то из своих людей по неотложному делу. Прибег к уловке, не хотел уронить авторитет, прежде всего у своего заместителя.

— У командира должен быть свой шифровальщик, — бросил он как бы шутя на прощание.

Труднее всего было беседовать с ними о целях, к которым «мы стремимся». Гриф буквально забрасывал меня вопросами на эту тему. Он несколько раз прочитал от корки до корки доставленную связной лондонскую прессу и знал ее лучше меня. Перед отъездом я только бегло сумел познакомиться с содержанием статей. Этой части задания я не придавал особого значения. Теперь же мне пришлось дискутировать и отвечать на многие вопросы: о Миколойчике, об Андерсе, их взаимоотношениях, о разногласиях в лондонском правительстве. Как раз в это время эмиграционный кабинет в Лондоне переживал очередной кризис. Господа министры перессорились не из-за политики, а из-за кресел в марионеточном правительстве, которое уже почти никто не признавал. Насколько же иначе представляли тогда это себе некоторые из тех, кто надеялся на иной ход развития исторических событий.

Гриф читал бандитам некоторые фрагменты статей вслух по нескольку раз.

Начинал он всегда с названия газет: «Белый орел», «Польша, сражающаяся за свободу», «Мы победим», — а потом зачитывал заголовки статей.

— По всему видно, что будет война, — комментировал заместитель главаря. — Ждать осталось недолго, ребята. Сегодня блокада Берлина, а завтра...

Он рассчитывал на то, что война спишет совершенные бандой преступления, а его отец вернет себе мельницу, на которой он нажился во время оккупации.

Сидящие в Лондоне тоже делали ставку на войну, связывали с ней надежды возвращения к оставленным в страхе владениям и постам.

Гриф читал дальше:

— «Атлантический пакт — это сплоченный союз государств, обращенный фронтом против России... Америка, не имея возможности противостоять экспансии коммунизма одновременно во всем мире, решила сосредоточить свои силы в Европе...»

Это был период, богатый политическими событиями. Западные державы, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, разжигали «холодную войну».

Затем Грифф пролистал «Газету Краковскую», пытаясь и в ней найти подтверждение своим надеждам на скорейший вооруженный конфликт. Наша печать писала в то время о реализации крестьянского почина в Краковском воеводстве, о фестивале «Дни Кракова», о приближающемся открытии транспортной магистрали Восток — Запад в Варшаве, о строительстве радиостанции в Рашине, о первой воеводской партийной конференции в Кракове.

Бросались в глаза крупные заголовки статей: «Меморандум Советского правительства: Атлантический пакт полностью противоречит принципам и целям устава Организации Объединенных Наций», «Преследование народными войсками отрядов Гоминьдана», «Министр Вышинский разоблачает лицемерие западных держав в отношении германской проблемы. Бевин, Вышинский, Ачессон, Шуман на сессии четырех министров иностранных дел», «Франция не хочет быть ареной сражений в войне против СССР — бурные дебаты во французском парламенте», «Имепник польского народа, гитлеровский шпион, агент английских империалистов, фашист Адам Добошиньский перед судом Народной Польши».

Процесс Добошиньского вызвал большой интерес на Подгале. Вспоминали его довоенный фашистский марш на Мысленице.

Насаждаемая передачами враждебных радиостанций атмосфера «холодной войны» способствовала деятельности банды. Ее поддерживали на Подгале те, кто придерживался позиции пассивного ожидания.

Мы остановились под Чорштыпом в одинокой, расположенной за деревней гуральской хате. Вечером должна была приехать из Кракова Зоська. Встречу с пей Атаман назначил в четырех километрах отсюда, в Верхних Сромовцах.

Грифф, переодевшись в гражданскую одежду, отправился в Татраньскую Буковину. Автомат оставил Сатапе, взяв с собой только пистолет и граматы. Он должен был договориться о моей встрече с тем, кто вместе с каким-то ксендзом руководил местной подпольной организацией. Главарь банды колебался и три дня тянул с принятием решения, но в конце концов пересилил себя и выслал своего замести-

теля. Я неоднократно настаивал на этом. «Ведь мы получили такой приказ от капитана Антони», — убеждал я его, делая при этом вид, что у меня нет особого желания тащиться на Буковину, но приказ есть приказ и его надо выполнять.

Наступили сумерки, Атаман забрал с собой двоих людей и направился к хозяину в Сромовцах, у которого должна была ждать его Зосяка.

— Я предпочитаю, — сказал он мне на прощание, — выбирать место расположения отряда не там, где договариваюсь о встрече с теми, кто приходит к нам извне. Даже самый надежный может попасть в руки органов госбезопасности, не выдержать и выдать, где назначена встреча. Тогда засады не избежать.

Стоял теплый июньский вечер. Со стороны луга доносилось кваканье лягушек. Мы вдвоем с Бузотером уселись под ясенем. Хозяйка хлопотала на скотном дворе, а ее муж отправился в Чорштын. Каждый, у кого останавливалась банда, старался обеспечить ее безопасность. Боялись, возможно, не столько за «Бывалых вояк», сколько за свою собственную шкуру.

Бузотер был самый молодой в банде. К «Бывалым воякам» он присоединился уже после разгрома Огня. Родом он был из тех мест, где мы сейчас остановились.

— Меня здесь все знают, — заговорил он. — До моего дома отсюда не больше часа пути, но Атаман не отпускает. Органы госбезопасности установили слежку за нашими семьями. Уже несколько человек влипли, когда навещали свои деревни. Из-за этого погиб Огопъ. А мой отец с матерью живут одни, и некому заниматься хозяйством. Брат погиб еще при немцах, партизанил в отряде Леопарда.

Бузотер с завистью смотрел, как хозяйка хлопотала по двору. Резкие черты его лица смягчились, и он отрешенно махнул рукой.

— Для меня иной жизни уже не может быть. Если война не начнется, мы долго не выдержим. Лондон далеко, а Краков и Варшава рядом.

Он посмотрел на меня, словно ожидая ответа. Я спросил, почему он вступил в отряд.

Он с нескрываемым желанием заговорил, как будто это должно было принести ему облегчение. Я еще до этого заметил, что он не раз крутился возле меня, как бы искал подходящего случая поговорить. Искал какой-то правоты, а может быть, самоуспокоения. Чем я мог ему помочь в этой ситуации?

Рассказал об отце, о больной матери, о том, что они живут в бедности, что помочь им некому, что снятся ему по ночам, и ему уже все надоело. Изъяснялся просто, на гуральском диалекте.

На мой вопрос, как попал в отряд, ответил, что его разыскивала милиция по обвинению в контрабанде. Он не раз переходил нелегально границу со Словакией возле Недзиды. Туда носил спирт, мясо и колбасу, а оттуда — другие товары. Хотел заработать, поднять на ноги хозяйство. Так продолжалось несколько месяцев, пока пограничники не задержали его. Товар отобрали, а его самого посадили. Сбежал. Вернулся в деревню. Некоторое время скрывался. Объявили розыск. К отцу приходила милиция. Вначале пугали, потом советовали убедить сына, чтобы явился с повинной, иначе будет хуже. Бузотер колебался, но все-таки не поверил.

К «Бывалым воякам» попал случайно. Был у него в соседней деревне один знакомый. Тот ходил еще с Огнем, а потом остался у «Вояк». Он и убедил парня, что рано или поздно его все равно поймут и посадят на несколько лет. Боясь наказания, Бузотер ушел в банду. Так и остался в ней.

В банде он был уже месяц или два. Прятались в бункере в Харклевских горах, когда их окружил отряд КВВ. Тогда впервые принял участие в бою. Возле бункера погиб тот, кто привел его к «Бывалым воякам». Бузотеру отдали его автомат. Прорвав кольцо окружения, бежали, как затравленные звери. Банду преследовали несколько дней. Солдаты разрушили бункер, в котором скрывалась и хранила запасы продовольствия банда.

Бузотера как нового человека Атаман посылал почти на все операции, чтобы он поскорее всему научился и приобрел необходимый опыт и закалку. Он принимал участие во многих налетах, в основном на кооперативы. Забирали товар и выручку, иногда накладывали контрибуцию — велели хозяевам приготовить к определенному дню назначенную главарем банды сумму денег. Правда, в этом был определенный риск. Кто мог знать, не допесут ли об этом в Новы-Тарг? И тогда нетрудно было угодить в засаду. Но жители боялись мести Атамана.

Бузотер разговаривался. Я не прерывал его. Со своими ему, видимо, не хотелось откровенничать, а главаря он просто боялся.

— Мы были на горном пастбище возле Турбача, — вспоминал он. — И вот однажды пришел кто-то снизу и сказал,

что в деревне под Рабкой скрывается какой-то человек. Расспрашивал, не действует ли поблизости какая-нибудь группа. Атаман выслал меня ночью с Сатаной и еще одним проверить, кто этот человек. Мы разыскали его и привели в расположение нашего отряда. По дороге он рассказал, что во время оккупации партизанил в этих краях, был в Армии Крайовой, у Леопарда. И действительно, он хорошо знал окрестности. У Леопарда служил когда-то мой брат. Я спросил, знал ли он его. Он ответил утвердительно, помнил даже его кличку. Рассказал, где и как он погиб в бою с немцами. Назвал свой псевдоним. Я полюбил его. Решил, что, если останется у нас, будет моим другом. Атаман долго и дотошно его допрашивал, подозревал, что его к нам подослали. Тот назвал свидетелей, которые могли подтвердить его пребывание в отряде. Я тоже замолвил за него слово, ибо он назвал такие детали о моем брате, которые мог узнать только от него лично. Затем парень вернулся в Краков. У него там жила семья. Вступил в какую-то организацию, я забыл ее название...

Бузотер продолжал говорить. Случай с этим пришельцем запечатлелся глубоко в его памяти. Рассказал, что гестапо напало на след организации, в которую тот вступил, но ему удалось избежать ареста, и он вернулся в знакомые края на Подгале.

— Так этот аковец попал к нам. При себе он имел только пистолет «вис» — теперь он у Атамана — и несколько сот тысяч злотых. Ходил вместе с нами несколько дней, как и вы, и тоже был таким же ученым. — Бузотер на минуту умолк. — И вдруг как-то ночью ко мне подошел пьяный Атаман и приказал пристрелить новичка. Я отказывался, как мог, ссылаясь на то, что еще никого не убивал, что не знаю, в чем он провинился. Атаман врезал мне по лицу кулаком и повел с собой. Аковец спал. Я вытащил у него из-под головы пистолет и ударил погой в бок. Он вскочил, не понимая, в чем дело. Атаман уложил его одним выстрелом, пустив ему пулю в лоб. «То же самое, гаденыш, ждет и тебя, — сказал он мне, — если еще раз откажешься выполнить мой приказ!»

В другой раз мы были возле Щавницы, — продолжал Бузотер. — И вот однажды Атаман взял с собой меня и еще двоих, и мы направились в небольшую деревушку за Кросьценком в Пенинах. Дорогой он объяснил нам, что хозяин не заплатил наложенную на него контрибуцию. После полуночи мы окружили его дом. Постучали, но тот не захотел открыть дверь. Тогда к окну подошел один из наших,

переодетый в форму милиционера. После этого дверь открыла женщина. Мы ворвались в дом, но хозяин спрятался на скотном дворе. Атаман нашел его, привел в избу и позвал меня. Я стоял у дома в охранении. Мне было приказано пристрелить хозяина. Я никого еще в жизни не убивал, однако пришлось, иначе прикончили бы меня. Каждый, кто вступил в отряд, должен был привести в исполнение смертный приговор. Так распорядился Атаман, говоря, что это связывает и что научил его так Огонь. У того гуралья была дочка лет восемнадцати. Красивая, с длинной косой. Ее увели с собой. Трое ушли с ней в лес, а когда вернулись, то смеялись и рассказывали, что «позабавились» с ней и отпустили. Меня в этой деревне знали все. Атаману было об этом известно. Он хотел, чтобы гуральи подумали, будто я убил того, кто не хотел выплатить контрибуцию, и изнасиловал его дочь...

Бузотер умолк и снова взглянул на меня, как бы ожидая какой-то реакции. А может, спохватился, что наговорил лишнего. Я не успел ничего ответить, как послышались чьи-то шаги. Мы сидели в тени раскидистого ясеня. За изгородью в свете луны я заметил фигуру мужчины, который шел с девушкой, обняв ее. До нас долетели обрывки их разговора.

— Любишь меня? — спросила она.

— Когда сплю с тобою, то люблю, — ответил мужчина и прижал девушку к себе еще сильнее.

Я узнал голос Атамана. Значит, они уже вернулись из Сромовцев. Нас они не заметили и свернули во двор. Спустя минуту закрипела дверь сарая. Мы с Бузотером вернулись в избу. Там мы застали тех, кто ходил с главарем банды, в их числе и Марыську, они пили водку.

— А Атаман с Зоськой отправились искать вас, — сказала Марыська.

Сатана, уже основательно захмелевший, одной рукой прижимал к себе девушку, а другой откупорил о колено поллитровку и разлил водку в стаканы. Один протянул мне, другой — хозяину, третий взял сам.

— За здоровье пана поручника, — пробормотал он. — Выпей, Марыська, только не кокетничай. — И Сатана многозначительно взглянул на меня.

Девушка отпила чуть-чуть и протянула стакан Сатане. Я с отвращением сделал несколько глотков и поставил стакан. Блондинка кокетливо отбросила спадавшую ей на лоб прядь волос и пододвинула стакан Бузотеру. Тот осушил его до дна. Сатана продолжал тискать девушку — она была

уже слегка пьяна, но сопротивлялась или только делала вид. Захмелевший хозяин притона затынул вполголоса какую-то гуральскую песню. Сатана подтягивал ему своим низким, хриплым голосом. Потом взял бутылку и разлил оставшуюся водку по стаканам. Я свой только пригубил, все еще находясь под впечатлением рассказа Бузотера. В избу вошли Атаман с Зоськой.

— Отряхнула хотя бы сено с юбки, — пошутила Марыська. — Ну и долго же вы их искали...

— Не твое дело, — отрезала Зоська.

— Чего расселись, как у себя дома? — резким тоном обратился Атаман к Сатане.

Зоська подошла к хозяйке, стоявшей у печи, и стала помогать ей жарить яичницу с салом. Атаман подозвал Бузотера и велел ему идти в охранение. Тот с сожалением посмотрел на шипевшую на сковороде яичницу, взял автомат под мышку и молча вышел из избы. Атаман пробрался к стене, уселся возле меня на табуретку и, порывшись в кармане английского френча, протянул мне два спичечных коробка. Жестом показал на Зоську. Я понял: это почта, которую она привезла. Хотелось как можно скорее познакомиться с ее содержанием. Однако при стольких свидетелях я должен был соблюдать элементарные правила конспирации.

Главарь «Бывалых вояк» поделился со мной новостью. Девушки рассказали ему, что накануне в Новы-Тарг прибыли две автомашины с солдатами, по-видимому КВВ. Намерения их пока неизвестны. Таким образом, присланная капитаном Антона информация подтвердилась.

— У них хорошая разведка, — прокомментировал Атаман. Наши голоса тонули в стоявшем в избе шуме.

Подошел хозяин, уселся между мной и главарем на низкой скамеечке, которой пользуются женщины при доении коров, и начал нашептывать Атаману про какого-то Франека из Чорштына, который часто бывает на милицейском участке, подговаривает других вступать в ОРМО, его надо остерегаться, можно было бы его убрать, но поднимется шум, о новой учительнице, которая будет преподавать в местной школе, говорят, что красная, и еще об одном, что собирает налоги с крестьян.

Однако дольше всего хозяин распространялся о местном кооперативе, куда недавно завезли много всякого товара и где якобы большая выручка.

Я понял, что он подбивает банду совершить налет на этот кооператив. Хозяин притона как бы вскользь заметил,

что в субботу вечером в кассе бывает больше всего денег. Магазины закрывают только директор и продавцы.

— И мне бы кое-что перепало, — прошептал гураль. Он хитро сощурил глаза и взглянул на главаря, ожидая ответа.

Атаман слушал его с интересом, но вовремя спохватился, заметив, что я слышал шепот падкого на легкую наживу хояина.

Зоська и хозяйка подали на стол буханку хлеба и две сковороды с пахнущей жареным салом яичницей. Мы разделились на две группы. Сатана первым взял ложку.

В этот момент в избу ворвался запыхавшийся подросток, а за ним Бузотер.

— Солдаты в деревне! — выпалил подросток единым духом.

Все вскочили со своих мест и схватились за оружие. Сатана потянул за собой Бузотера, и они выбежали во двор. Звякнули брошенные ложки, опрокинутая кем-то бутылка покатила по столу и со звоном разбилась об пол.

— Боже мой! — запричитала хозяйка.

— Где они? — крикнул Атаман подростку.

— Остались у закуской.

— Сколько их?

— Двое на мотоцикле, остальные в грузовике. А сколько — не считал. Расспрашивали про милицкий участок.

— Одна машина?

— Да.

— Погасить свет, все за мной! Вы — тоже, — обратился Атаман к связным. — Может понадобится!

Зоська стояла, закутавшись в платок, готовая в дорогу, Марыска еще минуту колебалась. В избе стало темно — хояин погасил свет. Мы выскочили в сени. Атаман открыл дверь, остановился на пороге, прислушался.

— Не выходите пока, — прошептал он. — Они могут быть где-то поблизости.

В тусклом свете луны через открытую дверь я увидел притаившегося Сатану — он стоял, опустившись на колени, у изгороди, с ручным пулеметом, готовый в любую минуту поразить невидимого еще противника. Атаман отдавал распоряжения.

— Идем напрямик в горы, на Мизерную. Только бы добраться до леса. Первыми Сатана с ручным пулеметом и Бузотер. Потом девушки и вы двое, — показал он на меня и стоящего рядом со мной бандита. — Позади я с осталь-

ными. Держите дистанцию. Если окружают, будем пробиваться.

Главарь подбежал к Сатане, шепнул ему несколько слов. Двое первых исчезли в темноте. Луну закрыла туча. А может, это и к лучшему — труднее нас обнаружить.

Главарь подскочил к нам, вытолкнул из сеной меня и того, другого, а потом девушек. Мы, крадучись, пробрались за палисадник и бегом напрямик через поле — ноги вязли в недавно вспаханной земле — побежали к темневшему вдаль лесу. Сатану и Бузотера было едва видно, мы сломя голову мчались за бегущими перед нами, чтобы только не упустить их из виду.

Со стороны деревни доносился яростный лай собак. «Плохой признак, — подумал я. Где-то сзади сверкнул огонек, похожий на луч фонарика. — Неужели погоня? А может, это мне показалось?»

Теперь я один из них, хотя и живу иной жизнью. Так же, как и они, напрягаю все свои силы, каждый мускул, чтобы только уйти от преследования. А что, если дорогу нам пересечет цепь бойцов? Что тогда?»

Я вспомнил, что, уходя, Гриф оставил свой автомат. Сатана бежит с ручным пулеметом, значит, автомат должен быть у кого-то из бегущих сзади. Я замедлил бег, шепнув, что догоню. Дождался, когда Атаман и остальные поравнялись со мной.

Мы ориентировались в темноте, как дикие звери, интуитивно.

— Что случилось? — спросил Атаман.

— Дай мне автомат Грифа. В случае чего живым я им в руки не дамся.

«Знал бы ты, кому предназначена первая очередь», — подумал я.

Мне показалось, что он заколебался, но все-таки дал. Перебросив автомат через плечо и спрятав в карман запасной магазин, я бросился догонять бегущих впереди. Пот струился по лицу и спине, рубашка прилипла к телу. Я спотыкался о торчащие корни. Упал раз, другой, почувствовал боль в коленке, видимо, содрал кожу, вскочил и побежал дальше. Догнал их. Девушки тяжело дышали, но продолжали бежать не останавливаясь.

Наконец впереди показалось темное пятно леса, до него оставалось несколько сот метров.

«Не может быть, — рассуждал я, — чтобы Старик решил провести какую-либо операцию. А может, он предполагал, что «моя» банда находится в окрестностях Рабки,

и решил создать видимость прочесывания местности отрядом КВБ, чтобы подтвердилось предостережение, передаваемое через связную, и чтобы главарю не показалось подозрительным, что с тех пор, как я нахожусь с ними, их почему-то оставили в покое? Не исключено также, что какая-то банда перебралась из Новосончского повята в Пеннины. Тогда выходит, что мы попались в расставленные не для нас сети».

Я не знал обстановки: уже столько дней был оторван от Кракова, не имел никакой информации.

Последние шаги, и мы наконец достигли леса. Глубокая ночь, вокруг тишина... Я почувствовал огромное облегчение — опасность миновала!

7

Когда занялся новый день, мы были уже далеко от Чорштына. За ночь преодолели порядочное расстояние и укрылись в горах за Кудовой. Атаман удвоил бдительность. Шли без привалов, избегая дороги и просеки. Перед наступлением рассвета, страшно усталые, забрели в какую-то чащобу старого густого леса и повалились на землю. Удивительно, как девушки выдержали такой изнурительный марш-бросок.

Я уснул моментально, хотя ночная прохлада давала о себе знать. Почувствовал вдруг, что кто-то стоит надо мной, проснулся. Приоткрыл незаметно глаза и увидел Атамана. Он стоял, небрежно опершись о дерево, — в своем неизменном английском френче, курил и играл парабеллумом, вращая его на пальце как игрушку.

Мною овладел страх. Я вспомнил рассказ Бузотера об аковце, которого именно так, ночью, убил главарь банды. Неужели теперь моя очередь?

Наблюдая за ним через прищуренные веки, я лежал без движения, чтобы он не заметил, что не сплю. Наконец, не выдержав, потянулся и встал.

— Что-то замера, — обратился я к Атаману. — Не мешало бы согреться. Глотка водки, случайно, не найдется? Главарь спрятал пистолет в кобуру.

— Может, у Сатаны есть, — ответил он и протянул руку к фляжке спящего рядом бандита. Выпили, что в пей оставалось.

Все спали крепким сном. Марыська, прижавшись к Сатане, Зоська одна, под одеялом Атамана.

Светало. Ветер разогнал тучи. Над лесом раскинулось

чистое голубое небо, только кое-где проплывали перистые облака. Мы с Атаманом поднялись повыше.

— Будет хорошая погода, — заговорил он.

— Наверное, — ответил я и, подняв воротник куртки, перебросил через плечо автомат Грифа, владел которым уже несколько часов. Тот факт, что Атаман решился дать мне оружие, я расценил, как конкретное проявление полного доверия ко мне.

«Это следует занести в свой актив, но почему я решил, что он собирается прикончить меня? Видимо, просто устал».

— Ты что такой хмурый? — спросил я.

— А чему радоваться? Удираем, как зайцы от охотников. Раньше такого не было...

— Не горюй, я верю, что наступит лучшее время, — заметил я, кладя ему руку на плечо.

И, всегда замкнутый и озлобленный, Атаман вдруг заговорил откровенно и доверительно. Таким я его видел впервые. Это был другой тип человека, чем Бузотер. От каждого его слова веяло беспощадностью и ненавистью. Он не сумел бы уже жить по-другому ни в каких условиях и ни при каком строе.

Атаман с восхищением вспоминал Огня, которому хотел во всем подражать.

— Огня называли королем гор, — начал Атаман. Он рассказал, что попал к нему еще во время оккупации. Банда Огня действовала в округе Армии Крайовой, командиром которого был Леший. Однако между ними начался раздор, ибо Юзек (так звали Огня) часто проводил операции на свой страх и риск. Он не подчинялся приказам командования АК и даже одно время поддерживал контакт с русскими, довольно многочисленный партизанский отряд которых сражался в Подгале.

После войны Огонь решил использовать непродолжительное сотрудничество с советскими партизанами в своих целях. Он спустился с гор и поехал в Люблин, где его назначили заместителем коменданта милиции в одном из повятов. Он собрал вокруг себя своих единомышленников, рассчитывая, что будет иметь полную свободу действий. Но этого ему не позволили. Тогда он заартачился, ушел в лес и начал снова гулять по Подгалею.

— Вскоре Огонь, — продолжал Атаман, — прислал за мной Леха, и я с оружием явился на сборный пункт в Кованец. Юзек отправил меня на Ваксмундскую поляну, а потом на Кичору. Я был ему самым близким человеком, его адъютантом и соратником. Тогда никто не смел сказать

там «пет»! На зиму я с несколькими нашими людьми вышел в отпуск на западные земли — Огонь снабдил меня фальшивыми документами. Спустя некоторое время он прислал за нами Лису, и мы вернулись в лагерь под Островск. Это моя родная деревня. Дела наши становились все хуже. Органы безопасности не давали нам передышки, преследовали буквально по пятам. Они стянули значительные силы, ваяли деревни, в которых мы до этого хозяйничали. А тут Огонь подвернул ногу. Все обошлось бы, но его выдали. Он погиб в феврале 1947 года. Я не знал, что делать, и сразу же после этого, в марте, явился с повинной. Однако долго выдержать не смог и снова ушел в лес...

— У тебя хорошее прошлое, — перебил я его.

— Огня я никогда не забуду, — продолжал Атаман. — Как только оказался снова в лесу, поставил крест на том месте, где он погиб. Когда же это было? — задумался он, полез в карман френча, вытащил маленькую записную книжку и пояснил: — В нее я записываю важнейшие события.

Я обратил внимание на несколько дат. Эту записную книжку я просматривал еще раз позже, уже в других условиях, когда мне ничто не мешало.

«21 февраля 1947 года. Бой в Островске, Огонь погиб, Ворон, Холодный и я ранены...

31 октября 1947 года. Поставил крест на том месте, где погиб Юзек. Надпись: «Здесь погиб смертью храбрых командир майор Огонь...» Нападение на поезд в Леско...

13 февраля 1948 года. Бой в Любене, погиб Мститель, принимаю после него командование отрядом...

19 марта 1948 года. КВБ разрушил наш бункер в Харклевских горах...

12 июня 1948 года. Засада в Островске на мосту через Дупаец...

21 октября 1948 года. Окружение в Хабувке».

О том, что от рук бандитов, подчиненных Огню, лишились жизни на Подгале несколько сот людей, Атаман ни словом не упоминал в своем дневнике событий. Для него это были второстепенные детали...

— Теперь условия изменились, — подытожил Атаман. — Действовать большим отрядом мы уже не можем, иначе нас легко выследят. Но я держу в готовности несколько десятков человек, которые по первому моему зову явятся ко мне с оружием в руках. Моя группа — это кадровый отряд, своего рода исполнительный орган. Те же пока сидят в сво-

их деревнях. В них моя сила. Еще узнают, кто такой Атаман, — зловеще закончил главарь.

Теперь я лучше понял, почему майор придавал такое большое значение тому, чтобы взять живыми, без шума, всю банду, — агентурная сеть Атамана представляла реальную опасность, поскольку она в любой момент могла превратиться в новую банду.

Вставало солнце. Мы уселись на ствол поваленного дерева. Вспомнив про почту, которую привезла из Кракова связанная, я вскрыл ее в присутствии Атамана, не желая, чтобы в его болезненном воображении зародилось подозрение, будто я что-то от него скрываю. Раскодировал два письма из штаба: одно — командиру отряда, другое — мне. Оба содержали короткий приказ: установить связь с диверсионной группой, действующей в районе Бескид. Встреча с его дозором должна состояться в два часа ночи с четверга на пятницу, на поляне Потапля, у слияния двух горных ручьев. Дальнейшие инструкции передаст командир дозора. Подписал майор Мацей.

В письме, адресованном мне, сообщалось, что с ними будет капитан Антони, и назывался пароль.

Я протянул приказ Атаману. Известие о встрече с неизвестной группой пришлось ему явно не по душе.

— Сколько их придет на эту встречу? — спросил он подозрительно.

— Дозор — не двадцать человек, — ответил я шутливо. — Наверное, не больше трех. А впрочем, я знаю столько же, сколько и ты.

Распоряжение, полученное от майора Мацея, вызвало у главара банды беспокойство. Весь день Атаман ходил задумчивый.

В полдень мы двинулись дальше. После утомительного ночного марш-броска все страшно устали. Уходя из Чорштыпа, банда не успела забрать продукты, поэтому к усталости прибавился еще и голод. Мы медленно тащились по старому буковому лесу. Главарь опасался, что оперативная группа КВБ идет по нашим следам. Случайно ли солдаты появились поблизости от нашего месторасположения? Банда соблюдала необходимые меры предосторожности. Впереди шли связанные. Две одинокие девушки, не привлекая особого внимания, представляли собой лучший дозор. Они внимательно смотрели по сторонам, обеспечивая безопасность банды от засады.

Главарь неоднократно заводил со мной разговор о встрече с людьми из той группы. Что мог я ему сказать? Я сам

все время размышлял: чем руководствовался Старик, планируя эту встречу? Не думаю, что наши намеревались заманить банду в засаду. Мы слишком еще мало знали о мощной агентурной сети Атамапа. А кроме того, какая у наших была уверенность, что на эту встречу придет вся банда?

Так что и меня терзала тревога по поводу предстоящей встречи. Я шел рядом с главарем с переброшенным через плечо автоматом Грифа и отвечал на его расспросы одной фразой: «Я знаю столько же, сколько и ты, мы оба знаем только содержание приказа центра, который принесла связная». От намеченной встречи с той группой нас отделяли три долгих дня, долгих, потому что они были наполнены сомнениями — что произойдет в ночь с четверга на пятницу?

Какими же разными путями шли наши мысли, главара банды и мои — офицера органов госбезопасности, который должен был играть роль «человека оттуда» и которому нельзя было ничем выдать свои подлинные чувства. Обстановка диктовала быть осмотрительным, но любая осмотрительность могла подвести в эти напряженные минуты ожидания.

В течение этих трех дней и ночей, тянувшихся чересчур долго, меня терзали сомнения: как поведут себя люди из той группы, хорошо ли разыграют встречу с бандой?

«Наши, — думал я, — с «Бывалыми вояками» непосредственно еще не сталкивались. Не вызовут ли они у бандитов каких-либо подозрений?»

В моем понимании встреча на горном пастбище Поташня должна была стать дальнейшим этапом проводимой Стариком игры. Ситуация еще не созрела настолько, чтобы заманить банду в ловушку, но я не был уверен, действительно ли это так. А может, те, кто отвечает за всю операцию, потеряли терпение?

Солнце стояло еще высоко, когда мы добрались до новой стоянки. Расположились вблизи одиноко стоящего сарая. Ниже, у втиснувшейся в небольшую долину маленькой деревушки, пологий откос. От Чорштына мы удалились уже километров на десять — пятнадцать. Атамап чувствовал себя здесь в безопасности, отправил девушек вниз, приказал им все разузнать, купить продукты и, как всегда, водки. Мы с нетерпением ждали их возвращения, ибо голод не давал нам покоя все больше и больше. Главарь уже не возвращался к разговору о предстоящей встрече, внима-

тельно осматривал окрестности и молчал. Многое бы отдал я, чтобы узнать его мысли.

Притаившись в зарослях, мы ждали возвращения Зоськи и Марыськи. Сатана и Бузотер обследовали подходы к сараю, проверили, нет ли там кого.

— Можно отдохнуть и даже переночевать, — заявил Сатана.

— Пойдем, когда вернутся девушки, — решил Атаман, глядя вниз на долину, добавил: — Откуда ты знаешь, а вдруг в деревню нагрянули солдаты госбезопасности?

Мы все смотрели в сторону небольшого гуральского селения, с нетерпением ожидая возвращения связных. Из нескольких разбросанных у дороги домов поднимался едва видимый дым.

— Съесть бы тарелку горячего супа, — как бы самому себе сказал Бузотер.

— Надо было остаться в Чорштыне, — огрызнулся Грозный, — тогда бы тебя органы госбезопасности накормили.

В ответ Бузотер только покивал обреченно головой. С утра ни у кого из нас не было ничего во рту. Атаман не разрешил открывать консервы, несколько банок которых он всегда носил в вещевом мешке как неприкосновенный запас.

Девушки вернулись до наступления сумерек, припесли хлеб, сало и спирт. Сатана вылил содержимое одной из бутылок в котелок, разбавил водой из протекающего поблизости ручья.

— Внизу спокойно, но ничего другого достать больше не могли, — сказала Марыська. — Не хотелось долго крутиться, чтобы не привлечь к себе внимания. Знакомых у нас там нет, поэтому поговорить было не с кем. На другом конце деревни слышали музыку.

— Нам сказали, что какой-то гураль выдает замуж свою дочь, — добавила Зоська.

— А может, нагрянем на свадьбу? — предложил Сатана, глядя, как Атаман делит финкой хлеб и сало. В ответ главарь только скривил рот.

Котелок уже пошел по кругу. Все с жадностью схватили свои порции еды.

Вечер, как это бывает обычно в горах, наступил очень быстро. У сарая темнела зелень сочной травы. Тень медленно накрывала лежащую под нами деревушку. Казалось, что я слышу далекие звуки скрипок и гуральской песни. Машинально взяв протянутый мне в третий раз Зоськой котелок, отпил немного и в свою очередь передал его Ма-

рыське. Когда она протянула руку за котелком, я перехватил взгляд ее возбужденно блестящих глаз.

— Твое здоровье! — бросил я Марыське. Она сидела рядом со мной, небрежно поджав ноги. Девушка как бы печально прислонилась ко мне плечом, сделала несколько глотков и передала котелок Атаману:

— Пей, Сташек, кто знает, что нас ждет завтра?

Далекое звуки музыки все отчетливее врываются в вечернюю тишину.

— Когда теперь удастся погулять на такой свадьбе? — произнес задумчиво Бузотер.

Захмелевшая Марыська затинула вполголоса какую-то сентиментальную мелодию. Атаман передал котелок Бузотеру, тот выпил и стряхнул оставшиеся капли на землю. Зоська вытащила из сумки другую бутылку, набрала немного воды из ручья и сама разбавила спирт.

На этот раз я не увиливал, курил, зажав в ладонь сигарету, чтобы издалека не заметили огонька, и пил паравне с другими, пытаюсь найти какое-то облегчение. Видимо, и мне передалось настроение неуверенности в связи с завтрашней встречей. Мы молча пили из передаваемого из рук в руки котелка. Закусывать уже было нечем. Только иногда тягостная тишина нарушалась случайной фразой или тостом.

Атаман по привычке играл парабеллумом и вдруг совершенно неожиданно заговорил со мной опять о встрече на горном пастбище Поташня.

«Если бы ты знал, что и меня она тоже волнует... только по другой причине», — думал я.

— Пей, Атаман, все равно сегодня ничего хорошего не придумаем! — обратился я в шутку его вопрос.

— Может, еще одну? — предложил пьяный Сатапа.

Главарь не обошел меня — снова передал котелок, явпо пытаюсь напоить. Я поднес котелок к губам.

Атаман не оставлял меня в покое, продолжал мучить вопросами. Водка разожгла в нем сомнения. Он старался разгадать, какие задания привезет капитан Антони, удивлялся, почему не сообщили по почте, какую операцию нам предстоит выполнять.

Разве я мог знать, какая это будет операция?

Еще один круг. Спирт обжигал горло. Главарь начал с другого конца и нащупал мое слабое место.

— Что за человек этот капитан Антони?

— Как он выглядит? — добавил Сатана.

Десятки мыслей промелькнули в моей голове, алкоголь

продолжал действовать, реакция замедлилась. Я мог допустить какую-нибудь неотвратимую глупость. Нужно было всячески изворачиваться, отвечая на вопросы и удовлетворяя любопытство бандитов, но одновременно не сказать ничего конкретного. Я и сам не знал, кто выступит в роли капитана Антони, кому поручил это Старик. Может, Сташеку или Юзеку, а может, Войтеку или Метеку. Каждый из них опытный сотрудник нашего отдела, каждый мог сыграть эту роль.

«Это большая ошибка, — думал я, — правда, на этот раз не моя, а Старика, что он не предвидел такого случая и не сообщил мне, как он планирует распределить роли в этой операции. Каждая деталь имеет немаловажное значение. Если я опишу им Антони с Войтека, а эту роль сыграет Сташек или Метек, то подозрительный Атаман, безусловно, поймет во время встречи, что здесь что-то не так».

Мне вспомнилось любимое изречение Старика: «Оперативная работа — это игра, заключающаяся в заглядывании в карты противника». И это правда, мы все лучше знали карты главаря банды, по... при малейшей нашей оплошности и Атаман может заглянуть в наши карты. Тогда того, кто видел его карты, ждет неминуемая смерть. Надо собрать свои карты в кулак...

— У тебя красивые глаза, Зоська, — обратился я к девушке, чтобы перевести разговор на другую тему. Она отбросила рукой назад волосы, принимая от меня котелок, поблагодарила улыбкой и продолжительным взглядом блестящих карих глаз. Теперь она показалась мне более привлекательной, чем раньше, даже движение руки, когда она поднесла ко рту котелок, не было лишено изящества.

— Капитан Антони умеет и любит выпить, — импровизировал я. — Предпочитает виски, это шотландская водка, намного крепче нашей. Англичане разбавляют ее содовой водой, но нас, поляков, узнают по тому, что только первую рюмку мы пьем с водой, поскольку там так подают, а потом пьем уже одно виски. Антони — бывалый человек, на Западе он пробыл дольше всех нас.

Алкоголь придавал мне уверенности. Я рассказывал о своих фантастических приключениях в американской зоне оккупации Германии, о диверсионной подготовке, работе разведки, методах обучения стрельбе с бедра: в помещении, где на четырех противоположных стенах размещены силуэты человека, надо в течение четырех секунд попасть хотя бы в три фигуры.

Снизу через кроны деревьев кое-где пробивался желтый

свет из окон домов деревушки, иногда мне казалось, что до них рукой подать, а иногда они словно удалялись. Кружилась голова, а земля уходила из-под ног.

— Я уже не смог бы жить без оружия, — пробормотал Атаман, играя парабеллумом. — Пей, Генрик, — пододвинул он мне котелок. — Так что там было, в этих Свентокшиских горах? — вспомнил он один из моих рассказов, с помощью которых я должен был убедить в подлинности предложенной мне Стариком легенды. — Капитан Антони тоже там партизанил?

Потом что-то еще говорил Атаман, а может быть, Сатана, но их слова с трудом доходили до моего сознания, кто-то протянул мне еще раз котелок, я отхлебнул и будто провалился.

Проснулся я в крошечной темпоте, сколько спал — неизвестно. Огромным усилием воли попытался собраться с мыслями, уяснить, где нахожусь. В первый момент показалось, что в Кракове.

«Да нет, — неожиданно озарило меня, — я же в банде! Надо прежде всего восстановить в памяти картину вчерашнего вечера, которая на каком-то, к сожалению, неизвестном для меня, моменте оборвалась». Я облизнул запекшиеся губы, чувствуя неприятный привкус во рту и шум в голове. Через щель в крыше увидел темно-синюю лазурь неба и звезды. Конца минувшего вечера я не помнил. Сознание медленно возвращалось ко мне. По-видимому, я находился в том сарае, возле которого происходила вчерашняя попойка.

Кто же меня сюда привал? Если бы я дошел сам, то должен был помнить. Но больше всего меня беспокоило не это, а то, что в определенный момент я как бы отключился. Что я мог в это время наговорить Атаману? Если бы я выдал себя, то конец этой ночи был бы трагическим.

Где они? Мне казалось, что Атаман с Сатаной отправились в деревню на свадьбу. Но точно ли, не знал. Я прислушался: из другого угла сарая отчетливо доносился чей-то храп. Милуту раздумывал, кто бы это мог быть, и снова погрузился в полусон.

Проснулся неожиданно. Сколько проспал, не знаю. Была еще ночь. Кто-то зашевелился рядом. Я почувствовал чьи-то руки, они тянули меня к себе, а потом прикосновение волос, чья-то щека прижалась к моей, рядом — прерывистое дыхание. Сон или явь? Это была девушка, она

всем телом прильнула ко мне. От неожиданности я хотел было назвать себя, но не успел издать и звука, как она приложила палец к моим губам. В темноте я не разобрал ее лица, услышал только одно шепотом произнесенное слово: «Тихо» — и почувствовал на губах поцелуй.

В сарае царила мертвая тишина, и только из другого угла доносился чей-то храп. Растерявшись, я не знал, как реагировать. Девушка обняла меня и прижалась еще сильнее.

Вдруг сквозь щель в стене сарая блеснул луч фонарика. Неужели кто-то идет? И действительно, теперь уже отчетливо были слышны шаги. Шли как минимум двое. Они были уже совсем рядом, можно было даже разобрать отдельные слова их разговора. Я узнал голос Сатаны. Девушка вадрогнула и тотчас же отпрянула от меня. В темноте я услышал только, как она прошмыгнула через какую-то дыру в перегородке сарая. Те остановились. Тишину нарушал лишь храп спящего в углу.

Наконец скрипнула дверь, и кто-то направил на меня луч фонарика. Это был Сатана. Следом ввалились Атаман и еще один из банды. От них сильно несло перегаром. Схватив лежащий рядом со мной в сене автомат Грифа, я вскочил.

— Что вы вытворяете? — бросил я главарю. — Вас слышно было еще за километр отсюда.

— Ты вчера не такое вытворял, — отрезал главарь.

— Где Марыська? — пробормотал Сатана.

— А я что, слежу за ней? Она же твоя.

Сатана пошарил по сараю лучом фонарика и увидел за перегородкой спящих связанных. Марыська спала, поджав ноги, а Зоська потянулась, словно ее только что разбудили. Я пристал к главарю банды, почему он сказал, будто я что-то вытворял. Перебивая друг друга, Сатана, с трудом сдерживая икоту, и Атаман стали рассказывать. Оказалось, что вчера вечером я пел то энсэзэтовские песни со Свентокшиских гор, то песни английских коммандос, а потом разругался с Грозным. Дело едва не дошло до драки.

— Если бы не я, вы бы набросились друг на друга, — говорил Атаман. — Молодец, что не поддался. Грозный не любит, когда ему дают сдачи. Здесь у него хватает, — показал он на мышцы, — а в голове пусто. Он боится только меня. Не знаю, сумел бы ты его одолеть, но что не испугался — хорошо.

Слова Атамана доставили мне невыразимое облегчение. Более того, я приобрел еще большую уверенность в себе.

Я понял, что, даже будучи пьяным, могу играть свою роль. Если бы кто-то разбудил меня неожиданно ночью и спросил фамилию, имя и псевдоним, я бы, не задумываясь, назвал свои фиктивные, в соответствии с легендой, а не подлинные анкетные данные. Теперь я уже не сомневался, что это было бы именно так.

«Но Старику я, наверное, не признаюсь в этом «пробеле в своей биографии», он не похвалил бы меня за это, — подумал я. — Ведь противник имел возможность заглянуть в мои карты. До такого состояния сотрудник контрразведки не должен доходить. Но разве можно предвидеть, какие возникнут обстоятельства, если ты не имеешь на них влияния?»

Сатана поднес к губам левую руку, на ней были видны свежие следы крови.

— Что случилось? — спросил я.

— Дали тут одному по мозгам, — сказал Атаман, который держался лучше остальных, — заслужил, сукин сын, пулю в лоб, но я не хотел поднимать шума. Если бы не он, — главарь показал на Сатану, — тот мог бы меня пристукнуть.

Атаман полез в карман и вытащил пистолет.

— Я забрал у него ТТ. У тебя нет пушки, на, бери!

Главарь неуверенным шагом подошел ко мне и протянул оружие. Сатана спьяну нес всякую чепуху. Из его сбивчивого рассказа я узнал, что на свадьбе они встретили работника военизированной железнодорожной охраны, который оказался чересчур строптивым. Сатана выбил ему несколько зубов, а Атаман отобрал пистолет.

— А у него не было запасной обоймы? — спросил я.

— Он на коленях умолял, чтобы мы отпустили его живым. Клялся, что только через неделю заявит о потере оружия. Но верить никому нельзя. Я бы его прикончил, — добавил пьяным голосом Атаман, как бы оправдываясь перед собой, — но труп испортил бы всю свадьбу, а мы хотели повеселиться.

«Хорошо, что так обошлось», — подумал я, пряча пистолет в карман.

— И правильно сделал, а то поднялся бы шум, — сказал я главарю. — Ведь через три дня встреча с нашими, не хватало только, чтобы органы госбезопасности напали на наш след.

Первые встречи с бандой врезались мне в память особенно глубоко. Я и сейчас хорошо помню их. Из последующих дней пребывания у «Бывалых вояк» я запомнил только наиболее интересные фрагменты.

Но финал операции, конечно, никогда не забуду.

Спустя почти двадцать лет я взял сдавшее в архив дело о ликвидации банды. По памяти уже трудно было воспроизвести многие детали или хронологию фактов. Просмотрел свои тогдашние рапорты, написанные по горячим следам. К сожалению, они не передавали атмосферы тех дней, мои личные впечатления и переживания. Сухими короткими фразами излагал я результаты кропотливой работы по внедрению в банду и раскрытию ее нелегальных каналов, по которым она снабжалась всем необходимым для подрывной работы. Однако в моей памяти сохранились отдельные отрывки из личных ощущений, которые проходят перед моими глазами, как кадры кинохроники.

И снова в дорогу. Как только рассвело, мы покинули сарай. Атаман опасался, как бы появление на свадьбе и разоружение работника военизированной железнодорожной охраны не навело преследователей на след банды. Рано или поздно обнаружится, кем был отобран пистолет.

Во время привалов я поглядывал на девушек, пытаюсь определить, кто же навел на меня той ночью. У меня возникала мысль о том, что, если бы я сблизился с одной из связанных и сумел привлечь ее на свою сторону, возможно, она рассказала бы мне такое, что могло пригодиться в дальнейших контактах с бандой. Но я не знал, которая из них целовала меня в сарае. Ни одна не выдала себя ни словом, ни жестом.

«Игра не стоит свеч, — решил я наконец. — Если кто-то из них действительно симпатизирует мне, скрывать этого долго не станет». И хотя я пока отказался от дальнейших выяснений, старался быть по отношению к обеим более приветливым. Правда, у меня это не всегда получалось.

Хорошо, что меня не застал с ней Атаман или Сатана, не хватало только, чтобы между нами возникли трения. Впрочем, для выяснения вопроса, кто из девушек питает ко мне симпатию, у меня оставалось не так уж много времени.

Атаман в тот же день куда-то отправил Марыську и Зоську.

Чорштын остался далеко позади, мы шли в направлении Скомельной. Из разговоров «Бывалых вояк» я понял, что там находится их хорошо законспирированная база. Гриф должен был присоединиться к нам в Чорштыне, но оттуда мы поспешно бежали, поэтому Зоська и Марыська получили задание известить Грифа об этом, когда он вернется с Буковины. Девушки уже уходили, когда Атаман дал им еще одно поручение:

— Узнайте, что искали органы госбезопасности в Чорштыне.

Я смотрел вслед связным, пока они не исчезли за пригорком. Их можно было принять за девушек, возвращавшихся с горного пастбища от своих парней-пастухов. Когда они исчезли из виду, главарь, как обычно, повел банду в противоположную сторону и затем повернул к базе.

На меня произвела довольно сильное впечатление эта одна из главных баз банды. Отсюда расходились каналы связи с основными сотрудниками местной агентурной сети «Бывалых вояк».

Мы добрались до базы в сумерках. Атаман сделал все, чтобы бандиты незаметно пропekli в стоящий в стороне особняк. Здесь они скрывались, а иногда и жили длительное время, прячась, как лиса в пору, от облавы.

Кто бы мог предположить, что из подвала этого невзрачного на вид, построенного в гуральском стиле особняка ведет потайной ход в бункер, в котором могли разместиться около десяти человек. Это был даже не бункер, а идеальное укрытие почти со всеми удобствами. Хорошо замаскированный запасной выход вел к выкопанной возле дома яме для хранения картофеля, которую можно увидеть в этих краях почти в каждом крестьянском дворе.

Мы ждали здесь возвращения Грифа, а затем должны были отправиться на встречу.

Атаман, по-прежнему недоверчивый, решился все-таки на непосредственный контакт с неизвестной группой. Тогда я не знал еще, какие чрезвычайные меры предосторожности он решил предпринять.

Хозяином особняка был пожилой седой человек в поношенном, но хорошего покрою костюме из английской шерсти. Он сразу показался мне опасным противником. Атаман продолжительное время разговаривал с ним о чем-то в соседней комнате. Потом нас пригласили на второй этаж ужинать. Там меня представили папу Анджею, который уже давно сотрудничал с вооруженным подпольем и укрывал у

себя бандитов. Он знал обо мне из рассказов главаря банды. За графинчиком домашней наливки мы познакомились: он оказался бывшим членом подпольной организации НСЗ из Жешувского воеводства, я представился как бывший человек Богуна из Свентокшиской бригады, в настоящее время переброшенный с Запада представитель тех, кого с таким нетерпением ожидал пан Анджей.

По всему было видно, что Атаман относился к Анджею с почтением, в наш разговор не вмешивался, только слушал внимательно. У меня сложилось впечатление, что наша беседа еще больше убедила главаря банды в том, что я — человек «оттуда».

— Коммунисты отобрали у меня все состояние, все доходы. Сейчас у меня лишь этот дом и дочь Иза, которая учится в Кракове. Ну и еще надежда на победу нашего общего дела, — сказал в заключение беседы пан Анджей.

Следующей ночью состоится встреча в долине Поташня. Атаман ожидал ее с беспокойством, хотя и старался этого не показывать. Я тоже волновался. Накануне главарь отправил куда-то после продолжительного инструктажа Сатау и Грозного.

Рано утром появился Гриф, которого Зоська разыскала в Чорштыне. Она передала главарю информацию, что прошлой ночью оперативная группа КВБ организовала облаву, прочесав две деревни, но в противоположном от нас направлении, около Недзицы. Атаман прокомментировал это так: дескать, вслепую тыкаются, а нас никто не выдал. Мне это было, разумеется, на руку. Я отдал Грифу автомат, а у меня остался лишь ТТ, отобранный у бойца железнодорожной охраны. Наши наверняка уже знали об этом случае, хотя вполне возможно, что железнодорожник, опасаясь мести со стороны бандитов, никому не сообщил о происшедшем.

Гриф отлично выполнил задание. Он установил связь, обговорил условия моей встречи через десять дней в Буковине у почты, передал пароль и условный опознавательный знак. Ксенда, который руководил всей операцией, поначалу сомневался, стоит ли вообще выходить на связь. Расспросив Грифа с пристрастием, он сказал, что сам на встречу не придет, а пошлет своего человека. Но в конце концов Гриф убедил его.

Шаг за шагом я все глубже проникал во вражескую конспиративную сеть. До встречи в Буковине оставалось еще несколько дней, а уже завтра меня ожидал переход вместе с бандой на Поташню. Время тянулось очень мед-

ленно, и ничем нельзя было ускорить его ход. Что меня ожидает завтра? Этот вопрос не давал мне покоя.

Поздним вечером мы устроили привал в шалашах на Турбачике. Только здесь к нам присоединились Сатана и Грозный, которые получили какое-то специальное задание. Атаман подозвал к себе Грифа, они отошли в сторону и о чем-то долго разговаривали. До меня долетали лишь обрывки фраз, по которым я догадался, что они с особой тщательностью обсуждали вопросы охраны подступов к сожженной избе лесника.

Во время ужина кто-то вытащил фляжку, но Атаман решительно запретил выпивку. Затем он объявил состояние боевой готовности и приказал осмотреть оружие. Внимательно наблюдая за ним, я понял, что он сильно волнуется за исход предстоящей встречи, опасается возможных неожиданностей со стороны «той группы». После отдыха главарь отдал приказ выступать.

На место встречи пошли трое: Атаман, Сатана и я. Остальные, вооруженные автоматами, во главе с Грифом оцепили место встречи. Главарь «Бывалых вояк» сообщил всем пароль на тот случай, если встреча с «тем отрядом» произойдет неожиданно.

Мы поставили охранение у сгоревшей избы и стали ждать. Прошло более двух часов, но вокруг по-прежнему было тихо. «Та группа» не появлялась. Атаман забеспокоился и принял решение уходить. Я всячески пытался уговорить его подождать еще немного. Начало светать, и дальнейшее ожидание становилось бессмысленным и даже опасным.

Атаман трижды свистнул — это был условный сигнал к отходу. Мы подождали, пока к нам присоединились остальные бандиты, из тех, кто стоял на страже.

Стало уже почти светло, когда мы вышли на дорогу, по которой шли сюда. И тут в утреннем тумане я разглядел нескольких вооруженных людей, которые шли по берегу ниже нас.

— Может быть, это наши? — тронул я за рукав Атамана.

В эту минуту из зарослей показалась другая группа людей, состоящая более чем из десяти человек.

— Да, наши, — ответил он, — но не из той группы, которую мы ждали, а наше охранение. Мы тоже не дураки, соображаем!

Так вот зачем он посылал Сатану и Грозного! Они собирали бандитов из числа агентов, которые уже этим утром

выйдут на поля и луга под видом жителей окрестных селений. Вот, оказывается, какое оно, вооруженное подполье, законспирированное, глубоко пустившее корни.

На ближайшем привале ко мне подошел Атаман, который опять стал спокойным, и сказал как бы в шутку:

— Если бы мы имели дело с безопасностью, то они наверняка бы пришли. Те уж встречи не отложат.

Почему же Старик отменил назначенную встречу? Я ничего не понимал и с нетерпением ожидал очередной почты.

Мы снова сидели в подвале особняка. Атаман и Сатана куда-то запропастились в этот вечер, а ко мне подсел пан Анджей, любивший поболтать. Потом он пригласил меня наверх послушать «Голос Америки» и пропустить рюмочку наливки.

— Я помогаю «Бывалым воякам», как и каждому, кто борется с коммунизмом, — разоткровенничался он, закуривая сигарету. — Но вместе с тем я поставил Атаману условие, что он никому не проболтается о моем доме и об этом укрытии. Сегодня никому нельзя верить...

Из приемника слышался приглушенный голос диктора. Транслировалась последняя передача. Близились полночь. Мой собеседник то и дело беспокойно поглядывал на часы.

— Приехала дочка, — сказал он. — У нее каникулы, и она недавно вернулась из Сопота. Я послал ее сегодня в Рабку за почтой для вас от Казика. Вы знаете Казика, который руководит разведкой у Атамана?

— Разумеется, — ответил я, — но только понаслышке. Мне ведь еще больше, чем вам, приходится соблюдать конспирацию.

Мое внимание привлекла висевшая на стене фотография в рамке. Я то и дело посматривал туда, пытаюсь вспомнить, где я видел лицо девушки, изображенной на фото. В том, что я где-то уже встречался с ней, сомнений не было: знакомый овал лица, очертание губ, выражение глаз... Я хотел было спросить у хозяина, кто это, как вдруг нашу беседу прервал шум автомашины, подъехавшей к дому. Пан Анджей вскочил и выбежал на веранду.

— Это Иза, — произнес он с облегчением, снова садясь за стол. — У нее свои ключи.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась загорелая девушка в костюме из шотландской шерсти в скромную серо-голубую клетку.

— Не сердись, папочка. Совсем не заметила, как стало поздно. Заболталась с подругой в кафе «Под звездой».

Она была слегка пьяна и не сразу заметила меня.

— О, у нас гости! — воскликнула она, протягивая свою холеную ручку. — А ведь мы, кажется, знакомы, только где я вас видела? — Она окинула меня оценивающим взглядом, кокетливо вздернув головку, а затем вспомнила, что мы встречались на танцах в Доме студента на площади Яблоневских в Кракове.

— Как вы здесь очутились? А помните, как мы тогда пили на брудершафт? Было чудесно. Папуся, не пей столько, оставь и для молодежи, — смеясь сказала Иза и взяла рюмку пана Анджея.

Мог ли я тогда, на танцах, предполагать, что случайное знакомство с хорошенькой девицей с длинными каштановыми волосами может поставить меня впоследствии в столь трудное положение?

Под утро Атаман вернулся. Пан Анджей вручил ему почту, которую Иза приняла от Казика. Так мне стало известно новое звено подпольной цепочки: Казик из Рабки — начальник разведки банды, с ним непосредственно была связана Зоська, его знала также и Иза.

Эта девушка приняла меня за своего старого знакомого, и даже более того... Она бросила фразу, что если кто-то ей правится, то этого достаточно, чтобы... Хорошенькая Иза рассказала анекдот, что после ночи любви только польки говорят: «Как я тебе в глаза погляжу, что ты обо мне подумаешь?» Американки же в подобной ситуации восклицают: «Хеллоу, бой, а ведь я не знаю, как тебя зовут!»

— А я думаю, — добавила Иза, — что надо жить, пока живется, и если кто кому симпатичен, зачем отказывать? У меня характер американки.

— Ты права, Иза, современная любовь свободна. Однако мое имя ты запомнила, а отсюда вывод: или ты только наполовину американка, или притворяешься.

— Тогда, в Кракове, ты говорил другое, — парировала Иза.

А я подумал о том, как хорошо, что я лишь фамилию поменял на «Сковроньский», а имя «Мариан» осталось.

Майор Мацей на этот раз прислал объемистую почту. Там, как всегда, содержались закодированные инструкции, пачки денег и газеты. «Руководство» сообщало, что капитан Антони вместе с проводником группы из Бескид не мог в назначенное время прибыть в наш район и установить с нами связь, потому что органы безопасности усилили наблюдение. Время следующего контакта будет сообщено дополнительно.

Майор Мацей спрашивал Атамана, способна ли его груп-

па принять участие в одной крупной акции на другой территории. Разведка центра получила абсолютно достоверные данные о времени прибытия транспорта с деньгами для банка в Тарнуве. Ближайшей почтой надлежало ответить, будет ли участвовать группа в этой операции. В случае согласия центр передаст дальнейшие инструкции.

Атаман долго размышлял над письмом майора Мадея. Я чувствовал, что он не пойдет на это дело.

— Мои люди не справятся. Они не привыкли действовать в условиях города. Вот если бы у нас...

— Ты прав, — сказал я, — зачем рисковать? К тому же это не приказ, а только предложение майора.

Иза передала в Рабку наш ответ, который другая связанная должна была отвезти в Краков.

Через несколько дней я простился с бандой «Бывалых вояк» и отправился в село Буковину, где через Грифа должна была состояться встреча с представителем еще не известной мне организации. На обратном пути я надеялся завернуть в Краков.

Когда я очутился в этом горном курортном селении, то почувствовал себя человеком из джунглей, прибывшим в роскошный столичный город. Стояла прекрасная осень, и отличная погода привлекла сюда многих отдыхающих. С огромным трудом я поборол желание пообедать в какой-нибудь корчме. Через раскрытые окна до меня доносились звуки цыганского оркестра. Обычный ресторан, в нем сидят нормальные люди: жизнь текла беззаботно, и во всей обстановке чувствовался резкий контраст по сравнению с тем, что меня окружало в последние дни.

На условленную встречу у почты пришел мужчина средних лет. Мы обменялись паролем. С первых же слов я понял, что представитель организации — уроженец здешних мест. Он довольно подозрительно оглядывал меня. Мне пришлось долго объяснять ему, кем я послан, однако, судя по всему, он подозревал, что я из банды, с которой у них поддерживалась не слишком тесная связь. Я сообщил ему ту же легенду, что и «Бывалым воякам».

Таким образом, мне удалось установить контакт с нелегальной организацией в духе бывшей кулацкой крестьянской партии, которая носила название «Крестьянская самозащита». Во главе ее стоял какой-то ксендз, а также тот самый гураль, с которым я встречался у почты. Они не желали связываться с вооруженной бандой, но мечтали о контакте с границей, рассчитывая, что Миколайчик раскошелится на финансирование их деятельности. Мы догово-

рились о следующей встрече, и на этом моя миссия закончилась.

Наконец-то я оказался в Кракове, где предполагал пробыть несколько дней. Нужно было отдохнуть. Избегая встреч со знакомыми, я пробирался по улицам как преступник, тщательно следуя легенде человека, живущего на нелегальном положении.

Поскольку начальства в городе не было, я терпеливо ждал в квартире, снятой на имя Мариана Сквороньского. Наконец появился мой шеф — Юзеф, который сообщил, что уже завтра мне надлежит вернуться в банду. Еще в тот день, когда у меня состоялась встреча в Буковине, связанная центра доставила для банды новые инструкции: встреча с «той группой» была назначена на послезавтра на старом месте. В качестве капитана Антони должен был выступить поручник Леон. Уже в течение нескольких дней он готовился к этому заданию. Я узнал и о причине несостоявшейся встречи. Оказалось, что группа наших сотрудников, которые под видом членов банды отправились из Кракова на место встречи на Потапне, заблудилась в горах и не нашла условленного места. Можно было представить себе, какую забучку получили они от Старика.

— Ничего, — сказал начальник. — Можно предположить, что на первую встречу с незнакомой группой Атаман шел с большим недоверием. Чем больше будет проведено операций, тем охотнее главарь пойдет на контакт с нами.

— А как я найду банду? — спросил я.

С Атаманом мы договорились встретиться только через четыре дня, а встреча с «той группой» предстояла уже послезавтра, и мое присутствие на ней было по меньшей мере желательное.

— Завтра в полдень, — ответил шеф, — ты пойдешь в бар «Тишина», там, как всегда, будет ждать связанная от «Бывалых вояк». Она проведет тебя к ним.

В течение нескольких часов продолжалась беседа с начальником. Я подробно доложил о своем пребывании в банде, передал добытую информацию, рассказал о своих личных впечатлениях. Начальник был опытным конспиратором еще со времен оккупации. Тогда он был командиром одного из отрядов Армии Людовой. После освобождения страны он с первых же дней работал в органах безопасности, был одним из участников борьбы с бандами, руководил операциями против них сначала в Новосондецком воеводстве, а затем в Кракове. У него было чему поучиться. Вместе со Стари-

ком он лично принимал участие в разработке плана ликвидации банды «Бывалые вояки».

Мои связи с организацией в Буковине должны были перейти кому-то другому. Я рассказал во всех деталях о способе установления контакта с ними.

Далеко за полночь просидели мы с начальником, обговаривая все детали операции. В конце беседы начальник подал мне бумагу, которую извлек из портфеля.

— Посмотри-ка, — сказал он, — вот интересный документ. Это протокол допроса одного из агентов западной разведки. Две недели тому назад его перебросили в Польшу.

Я стал читать.

«Ян Валицкий, сын того-то, показал, что его настоящее имя — Курт Земер. Уроженец Силезии. Служил в вермахте, после окончания войны в родную деревню не вернулся. Хорошо знает польский. В американской зоне оккупации Германии был завербован иностранной разведкой. Однажды уже забрасывался в Польшу и имел задание установить контакт с диверсионной группой НСЗ Свентокшиской бригады, которая действовала на территории Келецкого воеводства. Но прежде чем он добрался до цели, эта банда была ликвидирована. Курт Земер возвратился известным ему капалом на Запад...»

— Прочитай его показания и описание канала переброски, — сказал Юзеф, — тебе это может пригодиться в общении с «Бывалыми вояками». — С этими словами он передал мне несколько листов бумаги.

«Перейдя польско-немецкую границу в районе Герлица, — писал шпион, — я направился пешком в Люббен. Здесь купил билет до Коттбуса. Инструкция, данная мне, гласила, что нельзя покупать билет непосредственно у границы, до самого Берлина. Это могло бы возбудить подозрение. В поездах передки проверки документов. В Люббене у нашего человека, крестьянина, я, обменявшись с ним паролем, получил немецкие документы с моей фотографией. Отсюда без приключений добрался до станции Берлин-Остбанхоф, а затем, сев в метро, переехал в Западный Берлин. По инструкции, я должен был ходить по тротуарам в направлении, противоположном уличному движению, чтобы не дать возможности толкнуть меня в автомашину, подъехавшую к тротуару, на случай, если кто-нибудь будет заинтересован в этом. В Берлине действовали разведки многих государств...»

— А для чего мне это? — удивился я. — Я свою легенду им рассказал, и менять что-либо нельзя.

— Читай, читай дальше, — ответил шеф.

Я пробежал глазами еще несколько фраз, пока мое внимание не привлекло следующее:

«...В настоящее время меня снова перебросили в Польшу с заданием установить связь и передать инструкции и деньги диверсионной группе в районе Подгаля, которая известна под названием «Бывалые вояки». Прежний командир этой группы был известным в Западной Германии специалистом разведки по Востоку. Теперь он служит американцам и выступает под кличкой Серебряный. Во время войны он активно сотрудничал с гестапо в операциях по разоблачению польских подпольных организаций.

...Выйти на связь с «Бывалыми вояками» мне предписывалось в один из дней в условленном месте: на мосту в городе Новы-Тарг, используя опознавательные признаки и пароль. Подойдя к женщине в зеленом платке и с сосновой веткой в руке — это и были опознавательные признаки, сообщенные мне в западной зоне Германии, — я назвал пароль и... был арестован.

...После выполнения ряда диверсионных заданий в Польше я должен был вернуться на Запад тем же каналом переброски, которым я воспользовался для перехода польской границы. В западноберлинском районе Штеглиц на Шлоссенштрассе у обувного магазина фирмы «Саламандра», недалеко от угла Циммерманштрассе, находится ресторан, служащий контактным пунктом для агентов, вернувшихся из Польши. Там мне надлежало подойти к гардеробщику и спросить: «Не видели ли вы сегодня Грету Фабер?», на что гардеробщик должен ответить: «Ее уже часов пятнадцать не видно». Тогда я в свою очередь должен был произнести: «Я договорился с ней встретиться в семнадцать пятнадцать». После обмена паролем гардеробщик должен был представить меня начальнику местного разведцентра...»

Я читал показания шпиона и не верил своим глазам. В изумлении взглянул на своего шефа.

— Вот видишь, как мы о тебе заботимся, — засмеялся он, — словно о статуэтке из саксонского фарфора. Все тылы прикрываем. Если бы этот агент добрался до Атамана, тебе пришлось бы туго. А мы подставили нашу девушку, которая терпеливо ждала гостя из Германии на мосту в Новы-Тарге. Она была похожа на Зосю, связную банды. И подошла она к Курту Земеру, как и Зося к тебе, с теми же опознавательными признаками и паролем. Разница была лишь в том, что Зося провела тебя в банду, а эта девушка гостя — к нам. Давно я не видел столь удивленного челове-

ка, как тот агент, когда ему представился. Земер рассказал все, что знал. Он действовал по принципу: шпион или не говорит ничего, если против него нет улик, или выкладывает все в расчете на снисхождение. Он выбрал второй вариант.

На следующее утро я отправился в бар «Тишина» на встречу с Зоськой. Она не скрывала своей радости при моем появлении, поскольку ожидала, что приду не я, а связанная, которую недолго любила за неразговорчивость. «Не сердись на нее, — убеждал я, — сама понимаешь — конспирация».

В тот же вечер я возвратился в банду.

Была темная ночь, над нами шумел буковый лес, часы показывали два. Мы терпеливо ждали гостей вблизи того места, где горная речка Розтока впадает в Конину. Сидели втроем: Атаман, Гриф и я. Сатана с остальными притаился где-то поблизости. На этот раз главарь был значительно спокойнее, видно, освоился с мыслью о встрече.

Они пришли снизу, берегом реки. Наступили напряженные минуты: обмен паролями, знакомство.

Их было четверо: трое из группы Диска и адъютант начальника центра капитан Антони. Его роль исполнял поручник Леон — старый и опытный работник нашей разведки. Лица людей, принимавших участие в этой лесной встрече, едва угадывались в темноте ночи. Все наши сотрудники были хорошо подготовлены, имели соответствующий внешний вид и исполняли свои роли безукоризненно.

Антони в моем присутствии провел разговор с Атаманом. Он сообщил, что прибыл по поручению майора Мацея, чтобы обсудить особо важный вопрос передачи под охрану «Бывалых вояк» радиостанции, поддерживающей связь с разведцентром на Западе. Рассказ «адъютанта» продолжался более часа. Он говорил о том, какая задача стоит перед группой охраны коротковолнового передатчика, как следует выбирать место ее расположения, когда выходить на связь, как предостеречься от пеленгования ее службой безопасности...

Тем временем люди из группы Диска оживленно болтали с Грифом, к ним присоединился и Сатана. Гриф с восхищением слушал рассказ одного из «той группы», который месяц тому назад был переброшен из западного центра в Польшу. На Западе он провел несколько месяцев, занимаясь специальной подготовкой. Грифа интересовали в основном возможности перехода границы. Однако он не был уверен в том, может ли центр организовать его. По всему было видно, что его целиком поглотила идея побега на Запад.

Он без конца задавал одни и те же вопросы: как попасть на перепоготовку, от кого это зависит и т. д.

Атаман согласился на охрану радики, однако при условии, что, кроме радиста, никого больше в свою группу не возьмет. Капитан Антони договорился с ним, что о времени и месте этой операции центр передаст обычным каналом связи.

Под утро люди из «той группы» отправились в обратный путь, взяв направление на Бескиды.

Следующие дни прошли без происшествий. Мы переходили с одной стоянки на другую, выполняли различные мелкие поручения центра, которые нам доставляли девушки-связные. Я все полнее представлял себе разветвленную сеть банды. Время работало на меня. Мне удалось войти в доверие к Атаману и его окружению, причем с каждым днем это доверие возрастало.

Гриф часто вспоминал свои разговоры с представителями группы Диска. Поселянное зернышко пускало побеги. Заместитель главаря банды явно был увлечен перспективой удрать за границу. Я тоже много часов проговорил с ним на эту тему, рассказывая о своих впечатлениях от пребывания на Западе, о программе обучения в разведцентре, о возможности дослужиться до офицерского звания. Спустя некоторое время Атаман заинтересовался этими вопросами. Он недоброжелательно отнесся к планам Грифа. Я по своей инициативе никогда не начинал разговора на эту тему, чтобы Атаман и Гриф не подумали, будто их склоняют к выезде на Запад.

Однажды вечером мы сидели вдвоем с Грифом у заброшенного шалаша в горчанском овраге. Доносилось уханье выпи.

Гриф почистил пистолет, собрал его и заговорил:

— Я уже давно решил пробраться на Запад. После смерти Мстителя отряд перешел под командование Серебряного и в нем наступил раскол. Теща, его брат и Жемчужина откололись от «Бывалых вояк» и создали свою группу — «Зарю». Они решили пробиться через Чехословакию в Австрию. Я тоже хотел идти с ними, но не решился. Они пошли с оружием и прорвались через границу около Клода-ко. Но местность они знали плохо и попали в окружение чешских пограничников. Двое погибли, одного чехи арестовали и передали в Краков. Там его приговорили к смерти. При нем нашли перечень совершенных убийств и список жертв. Их было более тридцати... Если бы я пошел тогда с ними, то сейчас уже был бы «под газоном»...

Некоторое время Гриф молча смотрел на меня. Потребленная кем-то выпь улетела в глубь леса.

— Но ведь переход каналом совсем другое дело, правда? — спросил он.

— Конечно. Трассу переброски и укрытие обеспечивают наши люди, — ответил я.

Через некоторое время и Атаман начал разговор о переходе через границу. Он без обиняков спросил, утвердит ли майор Мацей его кандидатуру и с ним еще одного или двух человек из группы, потому что «вдвоем или втроем всегда сподручней».

Я посоветовал Атаману подать об этом рапорт в центр и помог ему составить бумагу. Свой план, как я понял, главарь держал в секрете от Грифа.

— А после окончания школы сразу же присваивают офицерское звание? — спросил он меня в другой раз. Атаман понимал, что в обычных условиях ему не выдержать конкуренции более образованного и развитого Грифа.

Зоська отвезла рапорт Атамана в Краков. Через неделю из центра пришел положительный ответ. Главарь выдвинул свою кандидатуру, Сатаны, а если окажется еще одно место, и Забияки. Гриф по-прежнему ничего об этом не знал, а я вел себя лояльно по отношению к главарю банды, и он отвечал мне растущей симпатией.

Дни бежали за днями.

Однажды меня вызвал к себе майор Мацей. Я поехал в Краков. Одновременно Атаман получил сообщение, что он, Сатана и Забияка утверждены на переподготовку в зарубежном центре.

На следующий день я вернулся в банду, подготовленный к эпилогу нашей игры. Наконец-то!

9

Собравшись на Старых Верхах, вся банда ожидала в полной боевой готовности. Первым я заметил Бузотера, который сидел под тем самым деревом, где когда-то произошла моя встреча с бандитами, замаскированными под патруль КВБ, и где у нас произошел серьезный разговор с Атаманом. Каким же далеким теперь все это казалось, хотя прошло всего несколько месяцев. Столько было пережито в течение относительно короткого срока. Сегодня трудно было бы категорически утверждать, какой именно наш ход более всего способствовал устранению недоверия к нам главаря банды. В этом, по моему убеждению, самую боль-

шую роль сыграли две первые встречи наших представителей с бандитами. Может быть, потому, что я сам очень много пережил в ожидании их.

Уже по пути на Старые Верхи меня неотступно преследовала мысль о том, не откажутся ли в последний момент Атаман и двое других от своей затеи. Было заметно, что они колеблются, однако в душе уже приняли решение. У нашего Старика тоже были сомнения, хотя операция была продумана до малейших деталей, а группа наших работников уже ожидала ее начала в полной готовности.

Бузотер, как обычно, обеспечивал безопасность подхода к банде. Увидев меня, он пошел навстречу. Одетый в бежевый костюм, с портфелем в руке, он выглядел совсем иначе, чем я его знал все эти последние месяцы.

«Все-таки не отказались», — подумал я, глядя на мешковатый костюм одного из кандидатов на зарубежную поездку. Чуть ниже по склону горы, в лесу, расположились остальные члены банды. Среди них были Атаман и Сатана, тоже одетые по-городскому, готовые в путь. Я так привык к их обычному лесному виду, что в костюмах они казались мне какими-то смелыми. Они и сами чувствовали себя не в своей тарелке, а наиболее стесненно чувствовал себя Атаман.

Наступил день, которому суждено было стать решающим в наших планах. Возможность расчленения «Бывалых всяк» открывала путь для ликвидации банды без деконспирации меня и выполняемых мною поручений. Необходимо было считаться с тем, что мне предстояло еще выявить другие звенья банды.

Некоторые детали плана переброски на Запад я уже передал главарию, а самое главное Старик поручил мне передать ему в последний момент, чтобы не давать слишком много времени на раздумья склонному к подозрительности Атаману. Предугадать, что могло бы вызвать в нем сомнения, было трудно.

Если бы я стал склонять их к согласию выехать на Запад, пользуясь нашим каналом переброски, то, очевидно, натолкнулся бы на большие сомнения и, возможно, даже на сопротивление. Но они решились сами. Встреча с капитаном Антони и его людьми окончательно укрепила их решимость. Я же в разговорах с Атаманом всегда сохранял подчеркнутую нейтральность. Не уговаривал его, а создавал только благоприятный климат для принятия именно такого решения. Мы провели вместе многие вечера, в течение которых я рассказывал о своем пребывании за границей, тща-

тельно следуя легенде, разработанной в Кракове. Мне удалось создать в воображении бандитов представление о сравнительно безопасном и верном пути за рубеж. Я рассказывал им о том, как возвращался каналом в Польшу через Берлин, Восточную Германию и нашу границу. При этом тщательно дозировал такую информацию, которая вырабатывала у Атамана и Грифа веру в перспективность этого плана.

В этом неожиданно помог Гриф. Его совершенно захватила идея побега за границу, и он без конца обращался ко мне с вопросами, согласится ли майор Мацей на его кандидатуру для вывода за рубеж. Атаман относился с недоверием к своему заместителю, что также облегчало мою задачу.

В своей тактике я исходил из рекомендаций Старика, что вначале нужно взять главаря, хитрость и опыт которого затрудняли нам изоляцию всей банды.

Мне удалось сыграть, как я уже говорил, на соперничестве Атамана и Грифа, на неприязни, которую Атаман питал к своему помощнику. Главарь попался на удочку и не допустил до выезда Грифа, а решился на это сам, уговорив Сатану, которому доверял больше других. Не в его интересах было держать Грифа при себе. Бузотер также несколько раз напрашивался на выезд и напоминал о себе. Мне удалось доказать Атаману, что самый молодой член банды, пройдя курс переподготовки на Западе, в будущем может оказаться очень ценным помощником командира.

Конечной целью плана переброски за границу, с которым я ознакомил главаря, была подготовка в течение нескольких месяцев в одном из шпионских центров в американской зоне оккупации Германии и возвращение обратно в Польшу. Атаману была обещана должность начальника диверсионной группы округа, в котором он ныне действовал. Эта перспектива была для него очень заманчивой и подогревала его тщеславие. Он мечтал об офицерском звании и о том, что наконец-то обойдет Грифа, способности которого раздражали и беспокоили его.

В горном районе, на Старых Верхах, было оживленно. Вблизи проходило несколько туристских троп, а если учесть то обстоятельство, что стояла чудесная погода, то в туристах недостатка не было. Атаман стремился избежать незапланированных встреч с незнакомыми людьми. Едва я присоединился к банде, как он скомандовал подъем и перебазирование на новое место.

Краем леса мы перебрались в более недоступный горный участок. Мы шли по направлению к поселку Явожина,

вдали от размеченных знаками туристских трасс. Ниже нас по берегам вьющейся внизу горной речки протянулись строения гуральского селения Обидова.

Пройдя около часа, мы нашли подходящее место, хорошо укрытое от посторонних глаз, и расположились там на ночь. Атаман, Сатана, Бузотер и я разместились в лесу, а остальные бодрствовали вокруг на карауле. Воспользовавшись удобным случаем, я передал им инструкцию о следовании на первом этапе пути, в который им предстояло отправиться еще до рассвета.

Атаману и двум его друзьям вручил удостоверения личности и справки о работе, выданные на чужие фамилии. Они были сфабрикованы в Кракове. Я уверил всю троицу, что документы подготовлены специальным отделом по легализации при диверсионном центре, что сделаны они отличными специалистами и их высокое качество неоднократно было подтверждено на практике. Многих людей они не только уберегли от ареста, но даже не дали возможности органам безопасности в чем-то заподозрить их владельцев и помогли полностью легализоваться в различных районах Польши.

Атаман внимательно прочитал справку о месте работы, сначала свою, потом Сатаны и Бузотера. Недоверчиво повертел в руках старый немецкий, со времен оккупации, паспорт со своей фотографией.

— Я сам вот уже год как пользуюсь такими бумагами, — обратился я к главарию. — Приходилось неоднократно предъявлять их милиции, и ни разу это не вызывало никаких замечаний и подозрений. Я уж не говорю о той шутке с «патрулем госбезопасности», которую вы со мной сыграли, — закончил я улыбаясь.

Атаман искоса взглянул на меня. Он был взволнован предстоящей поездкой, думал о том, что всего через несколько часов он будет уже находиться в установленном месте на шоссе Закопане — Краков. Там, недалеко от деревни Обидова, рядом с кирпичной оградой вокруг небольшого, одиноко стоящего костела должна остановиться автомашина, в которой они начнут первый этап своего далекого путешествия на Запад.

Возбуждение, охватившее троицу, передалось и мне: иногда я отвечал невпопад, разговор не клеился. Усилием воли я заставил себя не поддаваться общему волнению. В то же время Атаман был решительно не похож на себя. То и дело он задавал такие вопросы, которые только на первый взгляд казались отвлеченными. Однако я прекрасно пони-

мал, что его гложут сомнения относительно того, что может с ним случиться в дороге. Как мог, я пытался рассеять их.

Наши мысли, как две тропинки, бегущие где-то рядом, иногда перекрещивались. И все же насколько они были разные. Он, всегда предусмотрительный и настороженный, думал только об одном — что и откуда ему угрожает, пытался угадать возможную ловушку. Я же старался отгадать его мысли, его сомнения, предугадать его неожиданные поступки, которые могли бы повредить всей операции, нашим планам. Успех зависел от огромных усилий, взаимопонимания и выдержки многих людей.

Я понимал, что даже самым тщательным образом разработанный план может провалиться из-за какой-нибудь мелочи, иногда не зависящей от нас, исполнителей.

Продолжая наблюдать за Атаманом, я отвечал на его вопросы, которые время от времени чередовались с репликами и вопросами Сатаны. Быволнованность командира передавалась и ему. Можно ли было предугадать их поведение в пути, тем более что путь этот был не таким уже коротким? Их мог всполошить какой-нибудь непредвиденный случай.

Еще раз я приступил к обсуждению с ними отдельных пунктов инструкции майора Мацея и легенды, связанной с переброской на Запад. Главарь банды значительно раньше был ознакомлен со всеми указаниями диверсионного центра. В противном случае вряд ли он согласился бы на участие в столь рискованном предприятии. В то же время Сатана и Бузотер были не столь подробно посвящены во все тайны плана. На протяжении всего времени пребывания в банде я использовал именно такие методы конспирации. Инструкции центра я обсуждал только с главарем «Бывалых вояк» или, в крайнем случае, с его заместителем. Атаман одобрял такие методы, поскольку, будучи лучше других информированным, ему легче было держать в узде своих подчиненных. Это было и в моих интересах, потому что избавляло от докучливости остальных бандитов и позволяло лучше выполнять задачу, поставленную Стариком. Этим же методом я воспользовался для выполнения одного из последних заданий.

— Сегодня в полночь, — передавал я распоряжения центра, — мы должны подойти к Обидовой и укрыться там вблизи стоящего рядом с шоссе старого костела. К нам подъедет машина «скорой помощи». Шофер — наш, проверенный человек. Он получит приказ отвезти нас в одну из конспиративных квартир в пригороде Кракова. В пути нам

следует использовать легенду, что автомашина везет больных в Краков. Поездка транспортом этого типа самая безопасная. «Скорую помощь» милиция никогда не задерживает. Даже если случится проверка, то обычно она касается только шофера. А машина, которая нас повезет, действительно санитарная и работает на этой трассе по перевозке больных. У всех будут надежные документы. Необходимо лишь заучить на память персональные данные: имя, фамилию, год рождения, место жительства и работы. Все это в случае необходимости надо произнести без запинок.

— А шофер надежный? — спросил Атаман.

— Абсолютно. Он не раз использовался для таких поездок. Участвовал и в более трудных делах.

— Проверенный, значит? — не унимался главарь.

— Полностью. Кроме того, у него будет с собой путевка, в которой будет указано, что везет в краковскую больницу четырех пациентов. Фамилии их соответствуют тем, которые значатся в ваших документах.

— А что за квартира в Кракове? — с нажимом спросил главарь. — Я не хочу, чтобы нас разделяли.

— Машина въедет во двор дома. На месте мы будем часа в два ночи, в это время весь город спит. Не привлекая ничьего внимания, я проведу вас черным ходом в квартиру, где вы пробудете два дня. В течение этого времени наш шеф — майор Мацей — передаст вам подробные инструкции, а также почту, которую вам следует взять с собой в центр на Западе. Затем вы отправитесь во второй этап вашего пути и сделаете короткую остановку в Нижней Силезии, в городе Жагань, неподалеку от границы. Третий этап — переход через границу. Наша связная из Кракова познакомит вас с проводником. Что касается дороги до Жагана, то не волнуйтесь, документы у вас в порядке. Есть небольшой риск при переходе границы, это факт, но за это отвечает проводник, а он свое дело знает. А впрочем, риск везде не исключен, даже здесь. После пересечения границы вы остановитесь у крестьянина в восточной зоне Германии. Это сотрудник нашего центра. Его адрес, фамилию и пароль сообщит вам майор Мацей в Кракове. У этого крестьянина вас заберет с собой связная, и вы вместе с ней поедете в Западный Берлин. Ну и все. Там пару недель отдохнете, а затем отправитесь на курсы.

Бузотер слушал все это, как чудесную сказку. Атаман и Сатана старались не пропустить ни одного слова. Снова и снова задавали вопросы, сосредоточенно раздумывая над всем услышанным.

— Да, на словах все хорошо, — буркнул Атаман.

— А сколько же всего дней будет длиться наша поездка? — заинтересовался Сатана.

— Самое большее — неделю, — ответил я. — Что касается меня, то моя миссия кончается, когда приедем в Краков. За это я отвечаю головой перед майором Матеем. Да ведь вы говорили с нашими людьми, которые благополучно прошли по всей трассе, — напомнил я о встрече с «той группой». — Так что нет оснований для беспокойства.

«Если бы ты знал, бандитская рожа, — подумал я, — что мое задание оканчивается как раз там, где обрывается твоя дорога, — в Кракове».

Главарь встал и пошел с Сатаной в сторону Грифа и других бандитов, которые наблюдали за местностью, находясь на опушке леса. Мы с Бузотером остались вдвоем. Если бы вообще можно было говорить о симпатии по отношению к людям, которые сами себя поставили вне общества, скатились на самое дно преступного мира, то именно к Бузотеру я чувствовал какое-то иное отношение, чем к остальным членам банды. Его полный трагизма рассказ, когда мы оставались вдвоем в притоне вблизи Чорштына, запомнился мне надолго. В нем были элементы глубоко человеческого несчастья, выпавшего на долю этого парня, и я с той поры глядел на него иначе. Однако закон есть закон...

Бузотер проводил взглядом фигуру главаря, подождал, пока тот отойдет на приличное расстояние, и обратился ко мне с вопросом:

— Проще пана! А могу ли я оттуда посылать посылки отцу, как те, что живут за границей и шлют в свои деревни посылки и доллары?

Атаман почему-то медлил подать команду сниматься с места. Он все говорил и говорил о чем-то с Грифом, стоя в стороне от всех. Я начинал волноваться, хотя старался и не показывать этого. Наконец мы двинулись в путь. Солнце давно уже зашло, и мы двигались в темноте краем шоссе. Всего час пути отделял нас от костела, стоявшего на холме у Обидовой. Атаман и Сатана шагали медленно, не спеша. Я приотстал и шел среди колонны вместе с Грифом, который уже чувствовал себя командиром «Бывалых вояк». Он был хорошо вооружен: через плечо у него висел тяжелый ручной пулемет (прежде его носил Сатана), а локтем он прижимал висевший на ремне автомат. Трое отъезжавших оставили автоматы и другое тяжелое оружие в банде.

Мы вполголоса переговаривались с Грифом. Условились, что я вернусь к ним на следующий день. Место встречи оп-

ределили на знакомой небольшой полянке вблизи Любоня. В ближайшие дни Гриф должен был принять от действовавшей на соседнем участке группы коротковолновой передатчик, который обслуживал специально подготовленный радист. Мое столь быстрое возвращение объяснялось необходимостью подготовки Грифа и его людей к выполнению нового задания — охраны радиостанции, ведь она была основным звеном связи с центром на Западе. Сигнал относительно дня и места передачи радиации должен был вот-вот поступить от майора Мацея. Я согласовал с Грифом также время и место встречи связанных в Рабке и Кракове. Все оставалось по-старому до того времени, пока мы решим назначить новые контактные пункты.

Итак, я с удовлетворением отметил, что связь с бандой обеспечена. Если прежде Старик всячески удерживал меня от поспешных действий, то теперь я чувствовал, что события должны развернуться стремительно.

Издаleка слышался звук моторов. Шедший впереди Атаман дал знак остановиться. Тонкий звук перешел в хорошо слышное гудение, нараставшее с каждой минутой. Наконец из-за поворота показалась идущая в гору грузовая машина. На минуту она осветила лучами фар ленту шоссе. Мы спрятались поодаль от дороги в кустарнике терновника, колючки которого больно царапали руки. Гриф нагнулся ко мне.

— Вон тот костел, — шепнул он, показав на группу деревьев, стоявших метрах в трехстах от нас, — по другую сторону дороги.

Машина миновала место, куда показывал Гриф, и скрылась в темноте. Я взглянул на светящийся циферблат часов. Было одиннадцать.

— Еще час, — сказал я шепотом Грифу. Тот молча кивнул. Возле нас присел на корточки Бузотер, Атаман и другие скрылись в кустарнике неподалеку.

Спустя некоторое время от кустов отделились две пригнувшиеся фигуры и бесшумно удалились в сторону костела. Движение на шоссе было слабое. Лишь изредка появлялась одиночная машина, исчезающая из виду на ближайшем вираже.

К нам подошел главарь и уселся рядом под кустом терновника.

— Двоих отправил, чтобы проверили, как там вокруг костела, — сказал он.

Нервным движением он поднес к глазам руку с часами.

Стрелки, как пазло, ползли медленно. Прошло всего десять минут, как мы здесь расположились.

— Есть еще время, — прошептал Атаман и неподвижным взглядом уставился в темноту.

Ночь была безлунная. Над нами высилось чистое, синее-синее, усеянное звездами небо. На шоссе вновь появилась полоска света: какой-то мотоциклист очень медленно проехал в сторону Новы-Тарга. Атаман, глядя ему вслед, проанес:

— Вот недалеко отсюда Огонь когда-то принимал парад своих отрядов. Это было времечко! Я был участником парада...

Гриф достал из рюкзака фляжку с водкой. Отпив из нее несколько глотков, он передал ее Атаману, который сделал два солидных глотка и протянул мне. Я притворился, что пью, но высосал лишь несколько капель.

— Что-то у меня предчувствия плохие, — буркнул Атаман. — Налей еще, — обратился он к Грифу и протянул руку к пузатой фляжке.

— Не пей много, — сказал я. — В пути надо быть трезвым. Вот приедем на место, тогда выпьем.

«Если он пахнет, — подумал я, — то станет агрессивным и еще по дороге выкинет что-нибудь неожиданное».

В эту минуту я бы сам с удовольствием выпил, но понимал, что успокоить нервы таким способом невозможно. Наоборот, водка лишь притупит реакцию, а именно теперь следовало быть трезвым и хладнокровным.

Из темноты вынырнули две фигуры возвращавшихся из разведки бандитов. Они шли бесшумно, словно кошки.

— Ничего подозрительного, — стал докладывать один из них. — Костел расположен очень удобно, окружен каменной оградой и укрыт деревьями. С той стороны шоссе — луг, на нем скошенное сено в копнах. Чуть ниже — несколько домов, стоящих поодаль один от другого. Свет во всех домах потушен, люди спят. Мы обошли всю округу и не встретили ни одной души.

Атаман снова посмотрел на часы. Было двадцать минут двенадцатого. Он тихо свистнул, и вокруг нас собралась вся банда. Тоном, не признающим возражений, он отдал приказ:

— Идем двумя группами. Сначала ты, — обратился он к Грифу, — с теми, что остаются. Расположитесь на лугу с ручным пулеметом, фронтом к шоссе. Разместить людей так, чтобы они были надежно укрыты в стогах сена. Потом пойдем я, поручник Генрик, Сатана и Бузотер. Мы перемах-

нем через шоссе и укроемся на кладбище вблизи костела. Как только подъедет машина и остановится, к ней подойдет поручник и проверит, все ли в порядке. Затем он даст нам знак, мы подойдем, и все. А ты,—обратился он к Грифу,—и твои люди не должны показываться. Но в случае чего — патронов не жалеть! Долбануть как следует!

Это был последний приказ главаря банды «Бывалые волки». Затем Атаман подошел к остающимся и попрощался сухо, без всяких сентиментальностей. Первая группа во главе с Грифом отправилась в направлении шоссе. Атаман бросил им вслед:

— Помните, я дам вам знать, как условились.

Потом мы с пистолетами в руках перепрыгнули через плетень, отделяющий поле от шоссе. Находясь в нескольких десятках метров от дороги, услышали, что по ней движется какая-то машина. Мы залегли. Дорогу пересекли лучи фар, и мимо нас на большой скорости пронеслась машина и исчезла за поворотом. Я разглядел, что это был «ситроен». Возможно, в нем был Старик. «Да, — подумалось, — наверняка он. В кабинете за столом его сейчас не удержишь». Во время каждой операции он всегда находится на месте действия и бывает так близко, как позволяют обстоятельства».

В несколько прыжков мы пересекли шоссе и оказались у ограды костела. Еще один прыжок — и мы уже по ту сторону ее. Отсюда нельзя было рассмотреть людей Грифа, но мы знали, что они заняли свои позиции на лугу согласно приказу. Теперь шоссе может оказаться под огнем их оружия.

За церковной оградой стояла тишина. Стало холодно. Густые кроны старых лип почти полностью заслоняли небо. В глубине едва вырисовывались очертания деревянного костела. Атаман нервно озирался, однако напрасно он старался разглядеть что-нибудь в темноте.

Мы притаились у стены. Я снова взглянул на часы.

— Сколько? — спросил главарь. Было слышно, как он тяжело дышит.

— Без пятнадцати двенадцать.

Напряжение росло с каждой минутой. Я прислонил голову к холодному камню ограды. Сатана беспокойно вертелся, сжимая в руке пистолет. Атаман держал наготове парабеллум.

— Страшно здесь, — шепнул Бузотер.

В ответ никто не произнес ни слова. Все ждали в полном молчании. Время тянулось немилосердно медленно. Про-

шло еще десять минут. Послышался шум приближающейся автомашины. Он нарастал. На шоссе опять появился свет фар. Мы притаились за оградой. Однако машина пронеслась мимо.

— Это легковая, — произнес Атаман, который первый высунул голову из-за стены.

Опять воцарилась тишина. Наступила полночь.

— Время духов, — пешутил я, желая разрядить напряжение.

Спустя десять минут снова послышался шум автомашины. Двигатель работал с напряжением. Со стороны Новы-Тарга показался свет фар. Не доезжая нескольких десятков метров до костела, шофер сбросил газ, машина ехала все медленнее и наконец, погасив фары, остановилась напротив нас.

— «Скорая», — едва слышно прошептал Атаман.

Он стоял рядом со мной, укрытый стеной, и держал наготове парабеллум. Я тоже вынул из кармана свой пистолет. Чуть поодаль угадывались смазанные темнотой силуэты Сатаны и Бузотера.

Шофер вылез из кабины и, подняв крышку мотора, стал копаться в нем, делая вид, что устраняет какую-то неисправность. Затем он выпрямился, посмотрел вокруг, прислушался и просвистел несколько тактов популярного танго «Привет с гор», прервав свист, опять прислушался. В ответ я просвистел ту же мелодию. Таков был пароль.

Я перепрыгнул через ограду и поздоровался с шофером. Затем знаком подозвал остальных, но они уже были рядом. Стоя между машиной и оградой, мы обменялись несколькими обрывистыми фразами.

— Документы есть? — спросил водитель.

— Есть.

— Пистолеты?

— Тоже, — ответил я.

— Хватит одних документов. Дайте оружие, я спрячу в тайпике, — сказал он. — Так безопаснее. Быстрее, — поторопил он, оглядываясь по сторонам. — А то кто-нибудь проедет.

С этими словами он открыл задние двери санитарной машины. Я первый протянул и отдал ему пистолет. То же сделал стоящий рядом со мной Бузотер. Мы вскочили в темное нутро машины. На улице остались еще Атаман и Сатана.

— Не мешкайте, — бросил я им.

Я не расслышал, о чем они говорили. Влезли вслед за

пами. Водитель захлопнул дверцу, залез в кабину и включил двигатель. Машина тронулась. Одновременно зажглась маленькая лампочка на потолке кузова. Я увидел сидящего в самом углу Янека — работника нашего отдела в Кракове, моего давнего приятеля.

— Привет, — сказал он. — С Генриком мы знакомы, а с вами, ребята... — обратился он к бандитам, пожимая всем руки.

Атаман и Сатана словно одеревенели, настолько их поразило внезапное присутствие в машине еще одного, незнакомого им человека. Они ощупывали взглядом внутренность санитарной машины, в которой с одной стороны прикреплены были носилки, а с другой — лавка для перевозки больных.

Машина, петляя по горной дороге, съезжала вниз в сторону Хабувки. Оказавшись оторванными от леса, от своих укрытий, без автоматов, бандиты чувствовали себя неуверенно. Атаман поглядывал то на меня, то на Янека, который прервал наконец тягостное молчание:

— Майор Мацей поручил мне лично подъехать за вами, а также доверил опекать вас на краковской квартире и подготовить в дальнейшую дорогу. В случае если нас по пути остановят для проверки, говорю только я, а вы, поскольку являетесь подозреваемыми...

Атаман дернулся так резко, что Янек не закончил фразу.

— Это как — подозреваемые? — вмешался я. «Что он болтает? С ума спятил?» Мне стало не по себе.

Янек засмеялся, хотя это получилось у него довольно неестественно.

— Ну, ясно, что подозреваемые, — пояснил он. — Такая уж легенда. Мы смогли сфабриковать документы о том, что «скорая помощь» везет инфекционных больных, подозреваемых, — он подчеркнул это слово, — в заболевании тифом. Какой легавый в случае чего посмеет прицепиться к такой машине? Самое большее — проверят права, ну там, путевку, да еще и честь отдадут. Только бы до Кракова добраться, а там — в ворота, и все дела. У нас все шито-крыто!

— Неплохо придумано, — вырвалось у Бузотера.

Остальные двое молчали. Янек вытащил из-под сиденья два белых халата. Один подал мне, а другой надел сам.

— Надевай, — сказал он, — мы будем санитарями, а вы, — он обратился к «Бывалым воякам», — больными.

Внезапно шофер резко затормозил, и машина, мчавшаяся на большой скорости, едва не перевернулась.

Атаман мгновенно вскочил на ноги и выхватил пистолет, то же сделал и Сатана.

— Что такое?! — крикнул он.

Я тоже вскочил. Увидев ствол пистолета, направленный в мою сторону, хотел было подбить руку Атамана, но его осадил Янек.

— Да это же переезд в Хабувке! — крикнул он. — Ты что, не слышишь паровоза, шальной?!

Машинист дал гудок. Поезд с мерным стуком колес проехал мимо. Машина двинулась дальше.

Атаман тяжело опустился на сиденье. Во время инцидента Бузотер подбежал к дверям и попытался их открыть, однако не мог найти ручки. Двери открывались только снаружи. Это заметил Сатана.

— Что это значит? — удивился он.

Атаман тоже понял, что мы закрыты, как в западне.

Я попытался объяснить им, что каждая санитарная машина открывается только с улицы, потому что случается перевозить в них не только таких пациентов, как мы, но и психически больных, опасных для окружающих.

— А вообще нервишки у тебя шалят, — сказал я Атаману. — Ты так ведешь себя, что можешь и впрямь беды наделать. С такими нервами не надо было ехать. И оружие почему-то не отдал. У нас же легенда верная на все сто.

— А для меня пистолет вернее всяких документов, — отрезал он. — Так что, в случае чего, первую пулю всажу... — Он оборвал фразу и в упор посмотрел мне в глаза.

Машина снова ехала мимо какого-то населенного пункта, в окнах мелькнуло несколько огней.

— Любень, — пробурчал Сатана. — Тут Мститель погиб, окружили его из КВБ.

Я знал, что это был предыдущий главарь банды. После него бразды правления перешли к Атаману.

— Если еще раз такой цирк устроишь, то майор Мацей так тебе вцепит, что своих не узнаешь, или не пустит тебя в дальнейшую дорогу. Лучше успокойся, — сказал я Атаману.

— Нельзя быть таким горячим, — добавил Янек.

Атаман не ответил, угрюмо поглядывая то на меня, то на сидящего рядом Янека. Разговор не клеился. Только время от времени мы перебрасывались словом. Такое настроение очень тяготило, а езде, казалось, не будет конца.

Сквозь матовые стекла машины трудно было сориентироваться, где мы находимся.

Машина сбавила скорость, нас обошел другой автомобиль, затем пошел крутой поворот. В окнах замигали уличные фонари. Мы ехали мимо какого-то городка.

— Наверное, Мысленице, — сказал Атаман.

— Да, — ответил Сатана, крутивший в руке пистолет.

Атмосфера напряжения передалась всем. Тишина стояла неестественная, временами прерываемая одним словом кого-нибудь из пассажиров. Иногда слышался шум мотора и в окнах появлялись тусклые отблески света.

Никто из нас пятерых, закрытых в железном кузове санитарной машины, не хотел разговаривать. Усилия Янека, желавшего оживить настроение шутками и анекдотами, также не увенчались успехом. В конце концов и он замолчал, сидя в углу кабины с вытянутым лицом, на котором резко обозначились морщины. Сосредоточенные и задумчивые, мы вслушивались в мерный рокот мотора. Впрочем, ничего другого нам не оставалось. На лбу у меня проступили капли пота...

Я просчитался, первым отдав шоферу мой пистолет; я рассчитывал, что другие последуют моему примеру, а в результате остался без оружия. В случае чего Янек одним пистолетом много не сделает. Атаману и Сатане терять нечего, да и стреляют они отменно. В этом закупоренном «гробу» они могут учинить бойню. Бузотер им тоже поможет. С другой стороны, у бандитов не было оснований для подозрений. Мне-то они доверяли, чему было достаточно доказательств. В противном случае в машину они бы не сели. Несмотря на это, разного рода опасения возникали у меня в голове и росли с каждым километром, приближавшим нас к цели. Бандитов должно было успокоить их численное превосходство, а также оружие в руках. Тот факт, что я отдал свой пистолет, тоже был не без значения: Атаман видел это и знал, что второго у меня нет. Он всегда стрелял раньше, чем успевал подумать. Для такого убить человека — раз плюнуть. Чувствовал ли я страх? Без страха нет риска. И все же чувство риска увлекает человека.

Машина приближалась к Кракову, а мысли, подобные этим, не оставляли меня ни на минуту. За окнами все чаще мелькали огни, доносился рокот отдельных машин. Наконец резкий звонок трамвая и скрежет его колес на повороте объявили, что это Краков, район Борека Фаленцкого. Мы приближались к улице Подгуже, езды оставалось еще несколько минут.

Атаман наклонился к Сатане. О чем-то посоветовались вполголоса. Я не уловил, о чем они говорят, слова заглушил шум мотора.

Главарь банды полез в карман и вытащил пистолет «вис», который достался ему от убитого аковца. Он подал его Бузотеру:

— Чтобы в случае чего ты в носу не ковырял.

— Что ты ерунду плетешь? — укорил я Атамана. — Кончай паниковать!

— Не трясись ты, — присоединился ко мне Янек, — через несколько минут откупорим поллитровку и посмеемся над твоими страхами.

Проехали Дембницкий мост, аллею трех поэтов, машина приближалась к Краковскому парку. Я мысленно отсчитывал минуты.

Свернув несколько раз, машина въехала во двор дома. Заскрипели тормоза. Шофер выключил двигатель, погасил свет. Мы оказались в крошечной тьме. Открылись задние дверцы машины.

Контуры дома едва проступали в темноте, двор тоже едва просматривался, видны были мусорные бачки, железная решетка для выбивания ковров. Сатана выпрыгнул из машины первым, за ним Янек и Атаман.

Шофер приложил палец к губам и задержал меня и Бузотера. Инициативу взял на себя Янек.

— Наша квартира на втором этаже, — шепнул он. — У меня есть ключ. Сначала пойдем мы. Как загорится свет в окне, идите вы. — Он показал на меня и Бузотера. — Только без шума.

Когда все трое вошли в подъезд, мы с Бузотером вылезли из машины. В доме света в окнах не было.

«Это хорошо, — подумал я. — Все спят».

Прошло несколько секунд. С лестницы до нас донесся слабый звук шагов, потом наступила тишина. И вдруг раздался крик... И выстрелы...

Бузотер поднял пистолет. Я сделал ему подножку, и он выстрелил, уже падая. Пуля пошла вверх, в воздух. Во дворе, как в каменном колодце, эхо гулко отразило звук выстрела.

Тут же из темноты выскочили наши и бросились на Бузотера. Сверху вновь донесся крик. Бандиты были обезврежены.

Зажглись огни, и я узнал хорошо мне знакомое здание воеводского управления государственной безопасности.

Меня вызвал начальник. Я вошел в кабинет Старика

спустя много месяцев с того дня, как получил задание проинкинуть в банду.

Шеф ходил взад и вперед.

— Если бы мы привезли их туда, куда сначала предполагали, — произнес майор, — то, возможно, они бы так не переполошились. А здесь могло бы быть и хуже.

Первый вариант плана предусматривал доставку «Бывалых вояк» в притон, устроенный в одном из совхозов в районе Борека Фаленцкого. Начальник уже распределил роли между нашими сотрудниками, которые должны были выступить в качестве хозяина, его сына, хозяйки и случайных гостей. Позаботились даже об угощении. Однако при всем этом не было уверенности, что в случае перестрелки, которую нельзя было исключить, не будет жертв. Кроме того, если бы произошла перестрелка, то весть об этом наверняка бы разошлась по округе и могла дойти до бандитов через их подручных и осведомителей.

А нас ожидал еще окончательный финал операции. Поэтому в последнюю минуту план был изменен. Решили, что автомашина въедет прямо во двор управления. Везде погасили свет. Для пущей правдоподобности во дворе выставили бачки для мусора и другой реквизит. Двор принял вид обычного двора жилого дома. Да это и не было трудным делом. В те послевоенные годы мы занимали помещения обычных жилых домов.

Нашу «квартиру» подготовили на втором этаже. В нее можно было попасть по старой кухонной лестнице с черного хода. Сотрудники разделили между собой задания. Вверху притаилась группа тех, кому надлежало обезоружить входящих первыми, остальные укрылись во дворе.

Когда они поднялись на второй этаж, Янек от волнения ошибся и впустил Атамана в другую комнату. Бандит увидел там письменный стол и портрет на стене. Он вздрогнул и рванулся назад. Его схватили сильные руки, но главарь держал наготове пистолет и успел выстрелить два раза. К счастью, его схватил Сташек — здоровенный детина, имевший большой опыт в задержании бандитов. Он успел вывернуть руку Атаману, и тот прострелил себе ногу.

Сатана тоже отскочил от дверей, но и его схватили. Таков был исход первой части нашей операции.

10

Шофер сильно нажал на педаль газа. Машина мчалась на большой скорости. За окнами мелькали телеграфные столбы. Шеф решил лично подбросить меня поближе к рай-

133

опу встречи с бандой. По пути он хотел еще раз обговорить детали плана завершающей части операции. Несколько месяцев упорной «разработки» противника должны были в конце концов принести желаемый эффект, но один только неверный шаг мог перечеркнуть все наши планы. Я сидел на заднем сиденье, глубоко откинувшись в угол машины, чтобы ненароком никто не заметил, и слушал. Майор анализировал ситуацию, временами сверял свои суждения с моими впечатлениями от последних встреч с «Бывалыми вояками».

— Атаман наметил какой-то сигнал, который он должен был дать банде в случае, если все будет в порядке, — рассуждал начальник. — Вероятнее всего, это будет открытка, посланная на определенный адрес. Хотя, конечно, это всего лишь предположение. Нам, к сожалению, не известно, в какой форме и куда главарь банды передаст информацию, которая должна успокоить его сообщников. И у нас нет гарантии, что он на допросе все скажет. А если даже и скажет, не будет ли это уже слишком поздно? Отсюда вывод: нужно действовать быстро. Теперь время работает против нас.

— То есть все наоборот, чем было раньше, — заметил я.

Сама обстановка обязывала спешить. Поэтому уже на следующий день после захвата Атамана я возвращался к Грифу и его людям, спеша на условленное место встречи на склонах горы Любонь.

Новому главарю банды было уже известно, что ему приказано охранять радиостанцию. Такова была воля центра. Оставалось лишь назначить время передачи аппаратуры группой, под охраной которой она прежде находилась.

Старик поручил мне передать приказ майора Мадья, чтобы «Бывалые вояки» приняли рацию этой же ночью. Местом встречи банды с «другой группой» была выбрана Сурувка — большая поляна в горном массиве Любонь, где стояли три хаты гуралей. Нам было известно, что их хозяева сотрудничали с бандой. Как-то раз я провел у них ночь вместе с «Бывалыми вояками». Хаты были расположены в безлюдном месте, в лесу, вдалеке от других деревень и проезжих дорог.

Выбор места и времени передачи рации не должен был насторожить Грифа. К тому же я собирался сообщить ему, что случилось непредвиденное: «ту группу» по пятам преследовала госбезопасность, и рацию нужно было во что бы то ни стало спрятать в надежном месте, так как ей надле-

жало выходить в эфир на связь с центром каждый четный день.

Мы подъезжали к Мысленицам. На шоссе из стоявших рядом домов вдруг выбежала группка детей. Шофер резко затормозил, погрозил двум чумазым мальчишкам пальцем и снова прибавил газу. «Ситроен» прекрасно держался на шоссе. Сквозь припущенное боковое стекло в кабину ворвалась струя чистого, бодрящего горного воздуха. Мы были уже на половине пути.

— Я думаю, — сказал Старик, — что это уже твой последний поход в горы. Разумеется, в таком качестве. Потом получишь отпуск.

— Хорошо бы... Товарищ майор, если они в течение нескольких дней не получают известия от той тройки, то станут подозревать. В этом случае мое положение у Грифа будет под вопросом.

— Вот и надо брать быка за рога, — подхватил начальник.

— А если сегодня не придут на встречу? — спросил я.

— Да, я и не подумал об этом, — согласился майор. — Я должен быть абсолютно уверен в том, что тебе удалось установить с ними контакт. От этого зависит исход всей операции.

Старик на минуту задумался. Обычно он очень быстро принимал решение и ценил это качество у своих подчиненных. Мы проезжали небольшим лесом. Он велел шоферу остановиться.

— Отдохни немножко в лесочке, — сказал он, обращаясь ко мне. — А я вернусь через полчаса.

Я вышел из машины, которая тотчас же двинулась в сторону Мыслиниц. Ждать мне пришлось долго. Прошел почти час, когда я увидел на шоссе знакомый силуэт машины начальника. Майор сидел рядом с шофером, я открыл заднюю дверь, уселся и... увидел рядом с собой хорошенькую девушку.

— Она поедет с тобой, — распорядился шеф. — Скажешь главарю банды, что это связанная от самого майора Мадея. Она, дескать, будет теперь доставлять материалы, которые необходимо передавать по радио. Материалы особой важности. Ты специально захватил ее с собой: ведь надо же представить ее Грифу. Установи время и место их встречи, предположим, каждый четный день. Это будет обоснованием ее появления сегодня. После этого отпустишь ее, она вернется ко мне, и я буду уверен в том, что ты с бандой придеешь на Сурувку. По пути проинструктируешь

ее, как она должна себя вести, подбери ей кличку. И не очень-то любезничай с ней — это жена нашего сотрудника, — засмеялся Старик. — Да! Можешь дать понять Грифу, что майор Мацей намекнул, что он, возможно, сам придет на место встречи, на проверку. Будем у вас в три тридцать почи.

Позже я познакомился с мужем связной, и мы очень с ним подружились. До сих пор мы любим вспоминать нашу совместную с его женой «прогулку» на Любонь.

Машина проехала развилку шоссе на Яблонку. Майор приказал ехать медленнее, он искал место, где бы мы незаметно могли высадиться. Вдалеке уже виднелся дым из труб паровозов на станции в Хабувке.

— Я буду ждать тебя, — обратился майор к связной с последним напутствием, — начиная с двенадцати часов на лавке перед Курортным домом в Рабке. Увидишь меня — сразу не подходи, а установи зрительный контакт и следуй за мной на расстоянии в несколько десятков шагов. Я тебя приведу на место, где будет стоять машина.

С правой стороны шоссе тянулся лес, с левой местность была открытая. Видно было расположенную в котловине Рабку, а перед нами показалась Хабувка. Дорога была пустынная. Водитель остановил машину.

Крепкое рукопожатие с шефом на прощание, и мы выпрыгнули из машины, которая тотчас же рванула с места и исчезла за мостом через реку Рабу.

— До свидания!

Мы пошли в том же направлении и через несколько минут были уже в Хабувке. У железнодорожной станции стоял целый ряд бричек. Сидевшие на козлах гурали на все лады зазывали желающих прокатиться. Времени у нас оставалось в обрез, и мы решили воспользоваться кошной тягой и доехать до Рабки. Подвыпивший гураль понимающе подмигнул нам, принимая за парочку влюбленных. Таких возить выгоднее всего. Возница щелкнул кнутом, гикнул на лошадей и затянул частушку на местном диалекте, смысл которой сводился к тому, что иногда отцом ребенка бывает не тот, кто им считается.

Мы смеялись вместе с ним. По пути я купил две поллитровки водки и положил их в сумку связной. Мы покинули бричку у Рабки, не доезжая до моста через реку. Отсюда было ближе на Любонь.

Мне почему-то вспомнилась моя квартирная хозяйка, у которой я остановился несколько месяцев тому назад. Прожил я у нее дня три, а затем, оказавшись в банде, уже к

ней не показывался. Претензий ко мне у нее не могло быть, потому что я щедро заплатил ей вперед. Можно было предположить, что такие клиенты, которые оплачивают квартиру, а сами в ней не живут, были ей по душе.

Я придумал для связной псевдоним Кристина. Она деловито шла со мной рядом в модных в то время сапожках, называемых «офицерками», и кокетливо повязанном платочке. В выражении ее лица я не увидел беспокойства. Она была немножко возбуждена, но кто на ее месте не был бы заволнован столь неожиданным заданием, впервые выпавшим на ее долю.

— На счастье, я была дома, а то могли бы меня не застать, — сказала она. — Майор не предупредил, а у меня был выходной, и я собралась начать стирку.

— А что муж сказал, узнав об этом? — поинтересовался я.

— А что он мог сказать? — рассмеялась она.

Кристина гордилась своим заданием и очень серьезно подходила к его выполнению. Всю дорогу она расспрашивала меня о банде, о которой столько всего наслушалась в Мысленицах.

На место встречи мы пришли раньше условленного времени. Это была небольшая полянка под Любонем. За время пребывания в банде я действительно хорошо узнал не только обозначенные туристские маршруты и стежки, но и недоступные обычным путникам тропинки, которыми пробирались бандиты.

Был шестой час вечера.

Прошло уже более двадцати минут ожидания. Я коротал время разговором с Кристиной, внушал ей, как она должна вести себя.

— В их присутствии мы должны обращаться друг к другу на «ты». Мой псевдоним Генрик. Не боишься, что перепутаешь? — спросил я.

— Нет, — ответила она, — а ты?

Я от души расхохотался. Эта решительная девушка мне определенно нравилась.

— За меня мой муж боится, — пошутила она.

Я знал, что так и было на самом деле.

— А вот о тебе есть кому волноваться? — продолжала она.

— Обо мне? — переспросил я, обескураженный таким вопросом. После секундного замешательства ответил: — Обо мне думают мои товарищи и майор. А девушка моя, наверное, обо мне уж забыла. Да, собственно, она и не была мо-

ей, — поправился я. — Еще весной я исчез у нее из виду. Что я мог ей сказать, она наших дел не знала...

«Зачем ей об этом говорю?» — подумал я, спохватившись, и оборвал свой рассказ на половине фразы.

— Идут, — шепнула Кристина, заметив их первой, и лицо ее сразу стало настороженным. — Я должна им показать, — продолжала она, — что я своя, они это оценят.

— Только не чересчур показывай, — предостерег я.

На часах было семнадцать тридцать.

Они шли, как обычно, краем леса, скрываясь между деревьями.

Первыми шагали Гриф и какой-то неизвестный мне мужчина. И только когда они приблизились, я узнал в новичке своего давнего «опекуна» в коричневом картузе. Оказалось, что слышал я о нем неоднократно. Это был Казик. За ним вышли еще несколько человек.

— Привет, вожды! — довольно фамильярно обратился я к Грифу. — Перед нами куча работы, и поэтому я взял с собой эту девицу. Знакомьтесь: Кристина — личная связная майора Мацея. Она будет появляться только с самыми важными сообщениями, а в таких случаях знание одного пароля для связи недостаточно, требуется абсолютная уверенность в том, что информацию доставит надежный человек.

— А как там наши? — перебил меня Гриф.

— Доехали без приключений. У шофера в путевке было сказано, что он везет в краковскую больницу больных тифом, — легенда превосходная. Кто осмелится проверить? Сегодня они на конспиративной квартире, отдыхают, готовятся в дальнейший путь. Сразу по приезде распечатали за ужином поллитровочку, а меня потом вызвал майор Мацей и приказал ехать к вам. Обрато к ним уж не успел заглянуть. Все из-за нее, — кивнул я в сторону Кристины, — часа два ее искал. Атаман хотел пару слов вам черкнуть, да не вышло. Ну ничего, в следующий раз связная доставит вам от него письмо.

Гриф успокоился. Кристина достала из сумки две бутылки водки, которые я купил в Рабке, и взглянула на меня вопросительно.

Я распорядился отдать водку Разлому, который, пряча бутылки в рюкзак, долго приглядывался к девушке: видимо, она понравилась ему. Потом он как бы в шутку произнес:

— А у нас такой обычай, что девки не только водку дают... — С этими словами он приблизился к Кристине. —

А я, как побреюсь, то не колюсь. — И шлепнул ее ниже спины.

— Не распускай рук и своего хлебала, — осадил его Гриф.

— Да я и не распускаю, — огрызнулся тот. — Ишь ты, какой начальник выискался.

После этой реплики между ними едва не вспыхнула перебранка. Новый главарь банды явно не имел такого авторитета у своих подчиненных, как Атаман. Это сразу бросалось в глаза.

Кристина, обескураженная наглостью бандита, сраму потеряла в себе уверенность. И неудивительно — нелегко быть своей в компании таких типов.

Было уже половина седьмого. Время неумолимо двигалось и торопило. Я отозвал в сторону Грифа и связаную и категорически потребовал принять рацию уже к завтрашнему утру. Посвятил Грифа во все детали приемки радиостанции, а также сообщил место встречи с группой, которая до сих пор ее охраняла. Кроме того, определил на будущее время и место контактов Кристины с командиром группы и способ передачи материалов. Гриф только слушал, не высказывая своего отношения ко всему услышанному. Несмотря на это, я приказал Кристине сообщить в центр, что вопрос решен.

Когда связанная прощалась с нами, Гриф вдруг проявил талантливость к даме и поручил Казику проводить ее до Рабки. Мне, разумеется, нельзя было этому воспрепятствовать, однако верилось, что девушка окажется достаточно хитрой и изобретательной, чтобы освободиться от неожиданного попутчика перед встречей с майором.

— Не задерживайся там, — крикнул вслед Казику Гриф. — Мы будем на Сурувке.

Теперь у меня появилась уверенность, что все пойдет по плану. Неужели это последний день моего пребывания в банде? Теперь счет шел на часы, но как трудно было поверить в это.

Некоторое время мы смотрели вслед девушке и Казику. Видели, как они спускались вниз солнечным южным склоном горы, шли вдоль шумящей горной речушки, бравшей свое начало на горе Любонь и впадавшей в Рабу у деревни Зарыте.

Сможет ли Кристина освободиться из-под опеки Казика? Эта мысль несколько беспокоила меня.

Гриф предложил подождать, пока стемнеет, и только потом идти на Сурувку. От поляны до нее было самое боль-

шее два часа ходу. Да, Гриф — это не Атаман. Тот никогда ни с кем не советовался, а сам принимал решение. А если уж отдавал приказ, то требовал его неукоснительного выполнения. Типичный главарь.

Ко мне подошли Грозный, Разлом и Заика, интересовавшиеся, как мы добрались до Кракова. Они расспрашивали о всяких мелочах; новоиспеченный главарь читал газеты, которые я привез из Кракова. Краем уха он прислушивался к нашему разговору.

— Ну-ка, Грозный, открой бутылку, — распорядился я.

Он проворно вытащил из рюкзака поллитровку, однако не ту, которую привезла Кристина, и привычным движением выбил пробку ударом донышка о бедро. Я с удовлетворением отметил, что у них есть запас спиртного. Моими двумя бутылками дело не ограничится.

Стакан пошел по кругу. Пили за здоровье ушедших на Запад. Я внимательно следил за очередностью тостов, стараясь, чтобы никто не увиливал, но и самому приходилось пить.

Пропустив пару стаканов, я решил немного пофантазировать. Рассказал со всеми подробностями, как происходила встреча Атамана на краковской квартире, рисуя картину нашей всемогущей подпольной организации, а также перспективы, открывавшиеся перед тремя бандитами на Западе. Поделился также своими воспоминаниями о пребывании в шпионском центре в Регенсбурге, о тамошних кабаках, девушках, о переброске в Польшу.

Грозный откупоривал новые бутылки. Водка брала свое — языки у всех развязались. А время бежало.

Девять часов вечера. Солнце уже спустилось с гор. Время было отправляться в путь. Я взял инициативу в свои руки и отдал приказ на марш. Затем проверил пистолет: патрон в стволе ждал своей очереди уже давно. Этому меня приучила жизнь в банде. Там всегда держали оружие заряженным. В каждую минуту нужно быть готовым ко всему. В Кракове в этом не было необходимости. Там даже говорилось, что оружие раз в год само стреляет.

«Бывалые вояки» покидали стоянку неохотно. Наверняка каждый желал бы распить еще бутылку.

В банде меня научили пить водку стаканами. Теперь предстояло отвыкать, возвращаться к обычной жизни. До этого оставалось еще несколько часов. Финал приближался, и нужно, чтобы он был победным! Как хотелось быстрее вернуться к своим!

Над деревней Скомельна мы стали подниматься выше в

горы, потом пошли вправо, и опять подъем. Сурувка была все ближе. Когда-то мы останавливались там на ночлег. Вспомнился хозяин одной из хат, где мы ночевали. Он угрожал Атамана расстрелять одного богатого крестьянина за то, что тот якобы был стукачом в милиции. Затем, выпив, хозяин проболтался, что тот, кого он называл стукачом, никогда им не был, а просто у них какие-то старые счеты.

Было уже половина одиннадцатого. На небе ярко сияла круглая луна. Гора Любонь в ее свете выглядела как-то по-особому таинственно и величественно. Деревья приняли тоже какие-то необычные очертания. Лес редел, началась просека. Поросшие мхом пни в лунном свете выглядели как волшебные фигуры сказочных персонажей. Вскоре нашему взору открылась поляна со стоящими на ней тремя избами. Это была Сурувка.

В ближайшем доме жил крестьянин, сотрудничавший с бандой. Хозяевами двух других тоже были свои люди. При всем этом подходить к ним в открытую было нельзя. В течение продолжительного времени, когда бандой руководил Атаман, он привил своим подчиненным чувство осторожности, вошедшее им в кровь и плоть. Гриф тоже дал знак остановиться. Он старался во всем подражать своему предшественнику, хотя это ему плохо удавалось. На разведку отправились Грозный и Разлом. Остальные прилегли на мягкий мох. Где-то вблизи, по-видимому, был муравейник, потому что через минуту все стали то и дело почесываться. Мы переместились за упавшее дерево, вырванное с корнями ветром. На вырубке пахло земляникой. Сразу захотелось полакомиться этой ароматной ягодой. В рюкзаке у меня были две банки селедки, а у Грозного две бутылки водки. Возможно, Казик тоже что-нибудь принесет. Подумалось, что следовало бы захватить больше спиртного, но это могло возбудить подозрения, навести на мысль, почему именно сегодня я столь щедр на угощение. А вот открою-ка я банку селедки, и это сразу создаст повод для выпивки...

Три избы стояли перед нами как на ладони, освещенные лунным светом. Потом в ближней к нам засветилось окошко, закрытое занавеской. Грозный и Разлом были уже в доме. Позже один из них вышел на крыльцо и махнул рукой: все в порядке. Хозяин загнал пса в будку, чтобы тот не лаял. В сенях испуганно закудаhtала квочка, запищали цыплята.

Мы вошли в избу. Хозяйка слезла с лежанки, на которой спали трое детей, все погодки. Стало жаль их. Завтра

их отца должны арестовать за сотрудничество с бандитами, и он предстанет перед судом. Сейчас же хозяин оживленно хлопотал. Он притащил из холодной горницы сало, хлеб и самогон, зная, что за все это ему хорошо заплатят.

В избе стоял такой спертый воздух, что с трудом дышалось, а окна пельзя было распахнуть, потому что свет был бы далеко виден. Водка, распитая на Любони, уже поне-многу выветрилась из головы. После длительного перехода захотелось есть.

— Пошли отсюда в сарай, — распорядился Гриф.

Я с удовольствием присоединился к нему, только бы вдохнуть свежего воздуха. Прихватил с собой банку с селедкой.

— Будет чем закусить!

Грозный взял со стола сало и хлеб, а хозяин — самогон. Мы перебрались в сарай. Через открытые ворота светил месяц. Разлом открыл консервы. Грозный разлил по стаканам самогон, потом нашу водку. Я угостил всех селедкой. Кого мучила жажда, тот утолял ее спиртным. Вскоре вся компания вновь была пьяна.

— Когда они должны прийти? — обеспокоенно спросил Гриф.

— Еще есть время, — ответил я. — Раньше, чем в пятом часу, не появятся.

Надо было их успокоить, хотя я знал, что наши должны быть на месте в три часа. А тем временем стаканы у нас все ходили по кругу...

Пошел двенадцатый час ночи.

Вдруг я услышал чьи-то шаги за сараем. Тот, кто ходил там, мог нас и не видеть, но о нашем местонахождении мог узнавать по голосам. И тут явственно послышалось, как тот человек споткнулся о доску. Грозный и Разлом вскочили с места. Гриф рванулся им вслед, но был уже изрядно пьян. Через открытые ворота из сарая вылетел с автоматом на изготовку Грозный.

— Ты что, гад, пугаешь?! — крикнул он.

Это возвратился Казик. Он принес продукты и водку. Я с удовольствием отломил кусок колбасы. Рассудок повелевал есть, и есть как можно больше. Мне приходилось пить наравне со всеми, но одновременно нужно было оставаться трезвым до того момента, пока не подойдут наши. И пельзя было лишь делать вид, что пьешь, нельзя уклониться. Теперь — очередь Казика...

— Казик, твоё здоровье!

Ко мне подсел Гриф. Будучи пьяным, он чувствовал

себя настоящим главарем, всем своим видом и ухватками подражая Атаману, как тот в свое время копировал Огня. Он наклонился ко мне и заплетающимся языком стал делиться своими планами:

— Там, на Западе, Атаману не развернуться. У него хватка твердая, а башка тупая. Здесь он был на месте, потому что он хитрый и ловкий, и каждый его боялся. Человека пристукнуть — для него плевое дело, и тут он никогда не колебался. А я покажу, что такое настоящая группа. Вот только силенок побольше соберу! Увидишь, как мы развернем работу, я вовлеку в отряд новых людей, проверенных, наших. Под Рабкой у меня спрятаны автоматы и пулеметы. Вот только патронов да легкого оружия не хватает.

— Пистолеты и патроны тебе центр даст, не беспокойся, — подначивал я его.

До сего времени я никогда не мог им обещать этого. Стоило представить себе выражение лица майора, если бы он услышал мое согласие на усиление технического и боевого оснащения банды! Главным камнем преткновения для такого рода операций всегда было требование банды доставить оружие и боеприпасы.

«И вы оружия не получите, — думал я, — однако теперь уж можно обещать вам все, что пожелаете, вплоть до предоставления вам «катюш» и офицерских погон у генерала Андерса. Все можно обещать, главное — хорошо подготовить финал операции».

Часы показывали полночь.

— Ваше здоровье, пан поручник. — Казик чокнулся со мной. — Вы — парень что надо, а во время нашей первой встречи в Рабке я и подумать не мог, что вы такая важная птица.

— Спасибо. Да какой я важный. Вот вернутся те трое из-за границы, тоже такие будут.

— Ну, тогда за здоровье тех — важных, — с гримасой неудовольствия произнес Гриф, которому, видимо, не понравились мои слова, связанные с возвращением Атамана.

Гриф налил Казику еще полный стакан — штрафного.

Прежде чем выпить, Казик спел частушку о «братишке-стаканчике и сестричке-четвертиночке».

Затем он в свою очередь налил Грозному и предложил выпить за его здоровье. Тот ответил частушкой на тот же гуральский мотив:

Пил я, пил горилку в лесу,

Пить буду до тех пор, пока ноги несут.

Грозный, одним глотком осушив стакан, наполнил его до краев и передал Зайке. Тот опрокинул его, водка забулькала в горле, затем вытер губы грязным рукавом, сплюнул и затынул тоскливо:

Течет вода, стоит скала,
Почему ты со мной еще не
спала?

— А когда к нам опять придет та новенькая связанная? — спросил Разлом, вспомнив о Кристине.

— Видимо, после водки да после Зайкиной частушки ее вспомнил? — поддел его Казик. — К этим городским нужен другой подход, чем к нашим. А девка ничего. Я ее проводил до самой Хабувки. На вокзале хотел ей помочь сесть в поезд, да она куда-то исчезла. Да она, брат, не для тебя. Ей Гриф понравился, все про него расспрашивала.

«Хорошо, что хоть в Хабувке от него отделалась, — подумал я. — Шеф наверняка волновался, но ждал ее появления и дождался. Я тоже жду. Им, моим товарищам по службе, легче. Так хочется быть теперь с ними. Они в этот момент просто готовятся к операции, а я должен сидеть здесь с этими подонками и пить с ними водку».

В голове у меня зашумело. Разлом снова подсунул мне полный стакан. Я даже не заметил, как он предложил выпить за меня. Как тут откажешь? Выпил. Часть содержимого незаметно выплеснул, в темноте сарая, кажется, не заметили. Нужно было владеть собой. А они водку хлебали как воду.

— А она замужем? — спросил Разлом.

«Кто — она? — подумал я. — Ах да, Кристина».

— Нет.

— А ты?

— Женимся после войны, — ответил я, с трудом сдерживая пьяную икоту. — Чтобы пива напиться, не обязательно пивоваренный завод покупать.

Гриф расхохотался и, раскурив сигарку, осветил циферблат часов.

Был час ночи.

— К-когда же они придут? — пьяным голосом произнес Грозный.

— Не твое дело, — отрезал Гриф. — Как рассветет.

— А д-далее что? — не унимался Грозный.

— Будем радиостанцию охранять, — ответил ему я.

— К чертовой матери! — крикнул Грозный. — Как этот

пот появился, — он кивнул головой в мою сторону, — так кончилась настоящая работа!

— Напился и несешь чепуху, — пытался урезонить его Гриф.

Однако Грозный, оттолкнув главара, стал крутить «берг-мапом» перед моим лицом. При Атамане он таких вольностей никогда бы себе не позволил. Но сейчас никто его не одернул. Разлом с интересом ждал, что будет дальше.

— Я знаю, что говорю, — ерепенился Грозный. — Скажете — деньги дают? Да что это за деньги! Их едва на жратву да на чекушку хватает. Все только обещают, а на дело на настоящее — не ходи, контрибуцию на кого наложить — не могли. А я не привык просить денег! Вот возьму тройку ребят с автоматами, пойду в кооператив, так у меня и денег навалом будет и разного товару. И без их милости! Да еще и на баб останется. А то тут — учись, готовь места для приема посылок с воздуха! Думаете, что вам мешок долларов сбросят? Теперь радиостанция появилась. Сторожи ее! Что я, вахтер, что ли? Зачем нам такая занюханная организация? Делай политику, только неизвестно, что из этого получится! Попадешься и не поживешь как следует. Нет уж, я хочу работать, как раньше, ходить где хочется, как вольный казак!

— Заткнись! — крикнул Гриф, которому водка придавала храбрости.

Грозный прервал свою речь, оперся о балку, отделяющую сусек от остального помещения сарая, и локтем прижал автомат, свисающий на ремне с плеча к бедру.

Ссора могла плохо кончиться. Необходимо было идти на компромисс. Этого еще не хватало, чтобы в последний момент в банде дошло до раскола или кровавой драки.

— Мне непонятно, — спокойно обратился я к Грозному, — чего ты хочешь. Ты желаешь ходить в обычные бандитские налеты или тебе попросту денег мало? А может быть, я тебе чем-то мешаю? Не хватает еще, чтобы мы, здоровые мужики, свои ребята, между собой поцапались. Кого-то, может, это и обрадует. Ну да ладно, сейчас не время об этом. Завтра поговорим, когда водка из тебя выветрится.

— Правильно говорит, — подхватил Казик.

Он был самым трезвым из нас. Хотя у меня и не было уверенности в том, кому именно он поддакнул, я обратил его замечание в свою пользу. Вслед за ним вмешались Гриф и Заика. Грозный молчал. Казик налил еще.

— Ну, за согласие. По последней!

Стакан, передаваемый из рук в руки, обошел всех по

кругу. Один только Гриф сказал, что с него хватит. Выпив, Грозный тяжело уселся на охапке сена возле сусека. Через минуту он уснул, мерно дыша и похрапывая.

— Ну все, копчаем. Нужно отдохнуть, — промолвил Гриф. — До рассвета три часа.

Легли все на сене. Его дурманящий запах действовал усыпляюще. Водка также брала свое. Хозяин выпил остатки прямо из бутылки, потом медленно потащился к себе в избу. Я вышел во двор и уселся на охапке соломы. Казик, который тоже не спал, пошел посмотреть, что делается в округе, а я задремал. Трудно сказать, как долго я спал. Меня разбудили какие-то странные звуки, доносившиеся из-за сарая. Светящиеся стрелки часов показывали два часа двадцать минут. Что это могло быть? Я проснулся так внезапно, что не сразу пришел в себя. Опять послышался тот же звук. Только теперь я сообразил, что это тошнит кого-то из бандитов. Затем послышались тяжелые шаги, кто-то вошел в сарай и свалился на сено.

Я последовал его примеру. Помогло. Сейчас это очень важно. Буду лучше себя чувствовать в решающий момент.

Я был один в глухой ночи. Те, кто находился в сарае, спали. Неизвестно, куда девался Казик. Возможно, тоже где-нибудь спит. Наши наверняка уже поблизости. Если бы они появились теперь, то бандитов можно было бы брать словно стадо баранов. Становилось холодно, как всегда бывает перед рассветом. Луна делалась все бледнее. Ее свет едва проникал сквозь кроны деревьев. Вокруг стояла абсолютная тишина. Эта последняя ночь была кошмарной. А предыдущие? Разве они лучше? Скорее, похожи одна на другую. И все-таки вся моя работа в банде имела свой смысл. Смысл борьбы.

Во рту было пакостно, однако мозг уже работал четко. Основная цель операции заключалась в захвате членов банды без единого выстрела. Это условие майор поставил как безоговорочное. Мы обязаны взять «Бывалых вояк» живыми и отдать их под суд. Собственно говоря, в какую-нибудь ловушку можно было заманить их и раньше. Но в таком случае нельзя было исключить жертв. В этом заключался весь смысл нашей нынешней акции.

А если сейчас неожиданно ворваться в сарай? Но как можно быть уверенным, что все они спят? Одной очередью из автомата кто-нибудь из бандитов вполне может уложить двух-трех наших. Необходимо действовать до конца согласно плану. Скоро инициативу возьмет в свои руки командир группы, которая прибудет с радиостанцией. Интересно, ко-

го назначат командиром? Ну а я должен делать то, что мне положено, а именно: довести дело до встречи с нашей группой. Моя роль — это всего-навсего одна из частей общего плана.

Я закурил. Хотелось пить. Хотя бы кружечку воды. Неужели на такой высоте в горах есть колодец? Вероятнее всего, воду черпают из ближайшего ручья. Я заглянул в сарай. Подо мной скрипнула доска на пороге. Один из бандитов беспокойно задвигался, однако, увидев меня, перевернулся на другой бок и опять уснул. Казика в сарае не было. Я подошел к ближайшей избе, в которой жил знакомый нам хозяин, потом пошел вверх по склону горы. Две другие хаты стояли, как будто прилепленные к покатой плоскости горы. Вверх тянулась полевая дорога, переходившая выше в горную тропу, ведущую на вершину.

Большой Любонь. До того как я оказался здесь, я видел эту гору лишь на почтовой открытке, которую когда-то получил от Данки.

Что-то она теперь делает? Наверное, списала меня в «запас». Там, в институте, уж точно кто-нибудь ее обхаживает. А от меня ни слуху ни духу. Вспомнилось, как мы вместе готовились к экзамену по истории экономических учений. Она принесла конспекты, в которые я заглядывал в последний раз несколько месяцев тому назад. Срок сдачи экзаменов давно прошел. Она-то сдала наверняка. А ее конспект так и лежит в моей комнате, открытый на той же странице, что и тогда. Может быть, разрешат сдать в другое время. Вообще-то жаль терять год.

«Для нас война еще не закончилась» — вспомнились слова начальника. Сможет ли она это понять? Должна бы. Может быть, уже через несколько часов я буду в Кракове. Кто из нас, работников отдела по борьбе с вооруженным подпольем, может с уверенностью сказать, что вернется живым? Таковы законы борьбы... А мог ли я предполагать, что именно на Любоне будет проведена последняя операция по нашему плану, к осуществлению которой мы шли долгие месяцы?

Казика я увидел под деревом у дороги. Он сидел и тихонько насвистывал. Именно этот свист и позволил мне его обнаружить. Молодой гураль, увидев меня, пружинисто вскочил. Здесь были его родные места, и он сам был частицей адепной природы, умел различить каждый звук, уловить любой шорох.

Закурив, мы подошли к ближней хате, и он показал мне ведро, полное воды. Наконец-то я утолил жажду, мучив-

шую меня после селедки и выпитого спиртного. Мы вернулись к сараю. Я сказал Казику, чтобы он шел отдохнуть, а разбудил бы Грифа.

Главаря еле удалось поднять. Он вышел опухший, с осоловелыми глазами, которые то и дело тер кулаками.

Было десять минут четвертого.

Небо на востоке стало бледнеть. Темноту ночи сменила предрассветная мгла. Поднялся туман, окутавший все вокруг до подножия Любоня. Занимался безоблачный, погожий день.

— Что так рано, еще есть время поспать, — зевая, сказал Гриф. — Сам говорил, что придут не раньше пяти.

Я с удовлетворением отметил, что главарь банды все еще не протрезвел. Ночное пиршество сделало свое дело.

— Так-то оно так, — поддакнул я. — Только майор Мацей велел предупредить, что может явиться сам. Хотел бы с тобой познакомиться. Радиостанция, брат, это штука серьезная. В твоих руках будет связь с Западом. Он говорил, что будет здесь на рассвете, а уже светает. Мне бы хотелось, чтобы все хорошо прошло.

— Вот оно что. Сам майор Мацей? — Гриф был явно заинтригован. — Чего ж ты раньше мне не сказал? Не пили бы столько, а то теперь голова раскалывается...

— Поэтому я тебя и разбудил раньше всех. Он будет разговаривать только с нами, — объяснил я.

— Сколько на твоих? — спросил он.

— Двадцать минут четвертого.

— Те спят как убитые, — забеспокоился Гриф.

— Пошли, умоемся, — предложил я. — Нам с тобой надо выглядеть получше.

Мы сполоснулись холодной водой из корыта для скота, и нам обоим полегчало.

— Откуда их ждать?

— С запада, из-за Бабьей горы. Там их местность.

— А как мы их узнаем? — продолжал Гриф задавать вопросы. — Наверняка вышлют вперед дозор. Ты их всех знаешь?

— Нет, зато знаю пароль.

— Какой?

— Теперь все равно не запомнишь. Да тебе-то что? Ведь вместе будем.

— Ладно, — согласился Гриф. — Только сначала разбуджу остальных. На всякий случай пусть будут наготове. А мы пойдем вдвоем и засядем где-нибудь около тропы. Другой здесь нет, а оттуда и обзор хороший.

— Добре! — согласился я, хотя его предложение меня по совсем устраивало.

Новоиспеченный главарь банды влетел в сарай с намерением разбудить спавших после вчерашней попойки. Однако это не так-то легко было сделать. Встал только Казик. Я поторопил Грифа.

— Идем быстрее, Казик их разбудит. Того и гляди придут. Уже рассвело.

Мы вабежали на пригорок, возвышающийся над окрестностями. Укрылись в кустах у единственной дороги, ведущей через просеку на поляну.

Была половина четвертого.

Гриф показал рукой:

— Оттуда придут.

На дороге были заметны колея от проезжавшей телеги и следы конских копыт. Вокруг стояла полная тишина.

«Уже должны бы прийти, — подумал я. — Майор обещал, что будут в половине четвертого. Заблудиться не могли. Может быть, запаздывают? А может, Кристина не дошла к майору? Этот тип даже на вокзал за ней потащился. Но ведь она же скрылась от него, сам об этом сказал. А может, думала, что он так и идет по пятам? Нет, это невозможно...»

Я до боли в глазах всматривался в чащу леса, не покажется ли оттуда дозор наших. По-прежнему вокруг царил тишина.

Я взглянул на Грифа. Тот молча сидел, сторбившись, рядом со мной, положив автомат на колени, и тоже всматривался в даль.

Стрелки часов показывали без пятнадцати четыре.

— Смотри-ка туда, — шепнул главарь банды, показывая в сторону леса.

В нескольких метрах в стороне от тропинки мелькнула фигура человека. Он остановился на краю леса, за деревом, и разглядывал просеку. Потом двинулся в нашу сторону. Вслед за ним показался второй, который шел в нескольких метрах сзади и в стороне от первого. Оба они вышли на открытое место. Гриф прильнул к земле, они были у него на мушке. Я сделал то же.

— Они? — шепнул он вопросительно.

— Кажется, они. Пусть подойдут ближе.

Они приблизились еще на несколько шагов. Оба были в английских тужурках, за плечами имели рюкзаки, береты надвинуты на лоб, в руках автоматы. Нас они не видели.

Когда первый из них подошел к нам метров на десять, Гриф крикнул:

— Стой, стрелять буду!

Они остановились как вкопанные, только слегка наклонились, и направили стволы своих автоматов на голос Грифа.

— Кто идет? — спросил я из укрытия.

— Свободная армия, — ответил один из них.

— Пароль? — вновь задал я вопрос.

— «Течение».

— Напи, — сказал я Грифу, и мы пошли навстречу пришельцам. Подойдя вплотную и поздоровавшись с ними, я с трудом узнал в дозорных Сташека и Юзека из нашего отдела. Первый из них, видать, неделю не брился, и его лицо покрывала густая щетина, а второй был старым знакомым «Бывалых вояк», потому что уже приходил к ним на встречу в составе группы капитана Антони. Видно, напи давно и основательно готовились к выступлению в рядах людей из другой банды.

— А где остальные? — спросил Гриф. — Много ли вас?

— Пятеро я радист. Все устали как черти после ночного перехода, — ответил Сташек. — Да по пути к нам присоединились майор Мацей и еще двое из штаба.

Не успел он окончить фразу, как из-за деревьев появились еще четверо. Впереди шел Старик, который решил на месте руководить всей операцией и выступить в роли майора Мацея. Он подошел к нам улыбающийся, в зеленой офицерской андерсопской форме, в черном берете и небрежно накинутом на плечи гражданском пальто. Он был без автомата, как и подобало офицеру его звания. Рядом с ним находился мой непосредственный начальник с немецким автоматом и огромным кольцом. Тут же были радист с немецкой коротковолновой радией и Стефан с современным американским пистолетом-пулеметом «томпсон».

Я вытянулся по форме и в качестве поручника Генрика отдал рапорт майору Мацею и одновременно заместителю начальника воеводского управления госбезопасности. Затем представил ему Грифа, который доложил о том, что диверсионная группа «Бывалые вояки» к выполнению задания готова. «Начальник штаба» поздоровался с главарем банды.

— Рад, рад, что вас вижу, — сказал он. — Поручник Генрик мне много о вас рассказывал. Поэтому я пока не соглашался на ваш выезд на Запад. Вы здесь больше нужны. Задачи перед нами стоят сложные, и Атаман не подходил для их выполнения. А в вас я верю. Ну, об этом по-

говорим как-нибудь в более подходящей обстановке. А теперь мне хотелось бы познакомиться с вашими людьми.

— Слушаюсь, пан майор, — ответил польщенный Гриф.

— Ведите нас.

Гриф не чувствовал под собой ног. Каждый из нас тоже испытывал волнение, правда, по другим причинам.

Мы спустились на поляну и задами незаметно прошли мимо двух хат, расположенных повыше. На подходе к избе нас заметил Разлом, дежуривший во дворе. Увидев нас, он убежал в ворота сарая.

Часть людей, прибывших с майором, осталась в охране, заняла удобные для обзора места. Мне майор приказал идти с Грифом, которому следовало собрать всю банду на совещание. Сам майор вместе с радистом, моим начальником и Стефаном отправился в избу. Сташек остался во дворе, держа наготове автомат. Закурив, он уселся у изгороди.

Взволнованный главарь банды пулей влетел в сарай и призвал к вниманию всех своих подчиненных. Одним духом он выпалил, что не только радия на месте, но и сам майор Мацей прибыл проинспектировать отряд, что он ждет их и хочет лично с каждым познакомиться. Грозный слушал его довольно скептически: что это еще за армейская муштра? Однако и он подчинился. Бандиты еще не полностью пришли в себя после попойки и реагировали на события с опозданием.

В полном вооружении банда вышла из сарая. Гриф повел своих людей на совещание. Через открытое окно из избы высунулся майор Мацей. Мы приближались к дому. Грозный что-то шептал на ухо Зайке.

Лучи восходящего солнца пропикали сквозь утреннюю дымку, которая поднималась с долины к вершине Любони. Вдали виднелись окутанные плотной синевой вершины Татр.

Первым в избу вошел главарь «Бывалых вояк», за ним и остальные бандиты. Зайка остался во дворе, настороже. Он оперся спиной о стену избы и внимательно смотрел по сторонам.

Гриф с висящим на груди автоматом вытянулся по стойке «смирно» и еще раз доложил «начальнику штаба» о прибытии диверсионной группы, а затем представил всех по очереди.

— Благодарю, — коротко ответил майор и спокойно подходил к каждому из бандитов, как бы желая оценить их исправку и вооружение.

Грозный с интересом поглядывал на автомат Стефана, который имел два магазина, — такого он еще не видывал.

Взгляды людей, стоящих один напротив другого, встретились. Радист присел в углу у радики и что-то колдовал с аппаратурой, протянув антенну, достал ключ и принялся выстукивать позывные. Гриф с любопытством наблюдал за его манипуляциями.

Все стоя ждали, что скажет Мацей.

Майор прервал молчание я полушутливым тоном попросил хозяина, чтобы тот оставил нас на полчаса.

— У нас, хозяин, свои дела, мы побеседуем, а потом вас пригласим к завтраку.

Гураль вышел из избы, а его жена пошла доить коров. Из глубины избы доносился плач ребенка.

Майор расстегнул планшечку, вынул из нее карту, положил ее на столе и сделал приглашающий жест, относящийся ко всем присутствующим. Атмосфера сразу же стала более непринужденной. Мы расселись у стен низкой избы. Радист по-прежнему возился в углу с аппаратурой.

Мацей затеял «дружескую» беседу с «Бывальыми вояками». Он интересовался их нуждами, спрашивал о трудностях. Гриф старался отвечать за каждого. Грозный с интересом разглядывал «томпсон».

— Самый безотказный автомат, американская вещьца, — заметив его любопытство, сказал Стефан, — автоматически подключает то один, то другой магазин.

Майор взглянул на часы.

— Ну, как там у вас с аппаратурой? — резким тоном обратился он к радисту. — Приближается время сеанса.

— Так точно, пан майор, — ответил радист. Он надел наушники и продолжал выстукивать позывные.

— На такой высоте, на которой мы находимся, помех быть не должно. Условия приема хорошие, — продолжал Мацей. — Группа, охранявшая до сего дня радику, должна в течение сегодняшнего дня хорошенько укрыться где-нибудь поблизости и переждать день, но не здесь, а вечером отправиться на свою территорию. Местные жители — люди надежные?

— Так точно, пан майор, — подтвердил Гриф, стараясь отвечать по-военному.

— Кроме того, я считаю, — продолжал майор, — что будет лучше, если вы со своей группой и радиостанцией сразу же после нашего ухода тоже смените место расположения. Наша сегодняшняя концентрация могла быть замечена. Безопасность не спит. Мы с вами обсудим план дей-

ствий на ближайшее время, я ознакомлю вас с указаниями центра, которые сейчас должен принять наш связист, и разойдемся. Вы тем временем должны обсудить вопросы взаимодействия с командиром другой группы, определить систему дальнейшей связи. На будущее это может оказаться полезным.

— Где Диск? — обратился майор к Стефану.

— Остался в охране, — ответил тот.

— Попросите его сюда, пусть договорится с паном Грифом о чем следует, а затем чтобы его здесь не было.

Стефан выбежал из избы. Радиист поднял вверх руку и доложил:

— Есть связь, передает Лондон!

Эти слова произвели на всех сильное впечатление. Наступило молчание.

«Бывалые вояки» не отрывали глаз от радиста, который сосредоточенно принимал радиограмму, а потом мерпо выстукивал знаки передаваемого текста.

Знали бы они, какой это был Лондон! Мы поддерживали связь не с английской столицей, а с Краковом. Радиостанция воеводского управления государственной безопасности в Кракове получила условные сигналы с поляны у подножия Любоня и тотчас же передала в эфир распоряжение ожидающей вблизи нас группы. Кольцо вокруг нас сжималось. С поляны не мог проскользнуть никто, кто мог бы предостеречь связанных с бандой ее сообщников.

Радиист кончил передачу, но не выключил радио и не спешил с расшифрованием полученного из «Лондона» текста. Создавалось впечатление, что он ждет чего-то, все это явно бросалось в глаза.

Стефан и командир «той группы», которого Мацей называл Диском, не появлялись.

Молчание затягивалось, становилось невыносимым, мучительным. Оно продолжалось всего несколько секунд, но явно чувствовалось возрастающее напряжение.

Грозный оглянулся и как-то странно посмотрел на Разлома. Он словно что-то подозревал. Я перехватил его взгляд, выражающий беспокойство. Гриф первно ерзал на стуле, опустив голову. Казик внимательно следил за радистом. Сквозь окно до нас доходили звуки шагов Заики. Он тихонько насвистывал.

В тишине нависла тревога...

«А ведь на их стороне сейчас, в этой избе, превосходство, — подумалось мне. — И тот факт, что в нескольких десятках метров отсюда наши, еще ничего не значит».

Я взглянул на Старика в надежде, что по глазам сумею прочесть его намерения. Решать нужно было ему, а что он предпримет, я не знал, но что-то должно произойти. Машинально я расстегнул куртку, чтобы в случае чего быстрее выхватить пистолет из-за пояса. Кто-то закашлялся за окном. Нет, это не Заика, это Сташек. Краем глаза я увидел его широкие плечи, он подошел к Заике и обратился к нему, назвав его коллегой.

— Ну как, раскодировал текст? — внезапно обратился шеф к сидящему у аппарата радисту. — Над чем задумался?

И сразу атмосфера заметно разрядилась. Радист продолжал работу, что-то черкая в своем блокноте, который он достал из чехла рации.

В сенях слышались шаги нескольких человек, и в дверях показался Стефан, за ним Диск и еще двое из его отряда. Грозный опять забеспокоился.

— Я же говорил, чтобы вы пришли один, — с упреком обратился майор к Диску. — Для чего стянули людей?

Тот сделал жест, как бы желая отправить всех обратно, но майор прервал его. Он махнул рукой и произнес:

— Ну ладно, раз уж все здесь, то я прочитаю вам всем приказ главного командования.

Он подождал немного, пока все разместятся. За окном мелькнула фигура еще одного из наших. Теперь уже перевес, и солидный, был на нашей стороне. Майор спокойно достал из кармана лист бумаги, не спеша расправил его, одновременно поглядывая на собравшихся.

Он поднес лист к глазам и стал читать:

— «Приказ главного командования. (Далее следовали номер и дата.) Всем офицерам, подофицерам и рядовым подпольной армии, сражающейся за свободу».

Затем он сделал небольшую паузу, вновь обвел взглядом всех находившихся в избе, выпрямился и скомандовал:

— Смирно!

Наши первыми, а «Бывалые вояки» с некоторым колебанием, вскочили со своих мест и вытянулись. Майор смеялся всех взглядом, как на плацу, улыбнулся, сделал паузу и крикнул:

— Вольно!

Это был сигнал. Мы стремительно бросились на бандитов. В избе закипела яростная схватка.

Ни один из них не успел выхватить из кобуры пистолет или поднять автомат. Команда «Вольно!» резко контрасти-

ровала с тем, что произошло. Их неожиданно схватили сильные и умелые руки людей, правильно рассредоточенных по всей избе. Здесь определяли исход секунды, помогла неожиданность. Застигнутые врасплох бандиты отчаянно сопротивлялись. Каждое движение или ошибка могли стоить жизни. Шла ожесточенная рукопашная борьба, неимоверное усилие мышц и воли.

Грозный — верзила, обладавший огромной силой, — одной рукой поднял Стефана вверх и почти освободился от его захвата, но Стефан не отпускал мощную лапу бандюги, тщетно пытаясь закрутить ее за спину. Тогда на помощь ему подбежал Сташек, уже сумевший вместе с начальником скрутить Грифа. Со стола они втроем свалились на пол. Еще несколько секунд борьбы, еще мгновение — и раздался сухой щелчок наручников, которые майор надел на руки преступника.

Еще сопротивлялись Казик и Разлом, но исход борьбы был уже решен. Оба из-за всех сил уклонялись от наручников, с которыми к ним подбежал радист.

В общем замешательстве я и не заметил, как Старик выбежал из избы. Вскоре он вернулся вместе с двумя нашими сотрудниками. Они вели Заюку и хозяина избы, который пытался убежать.

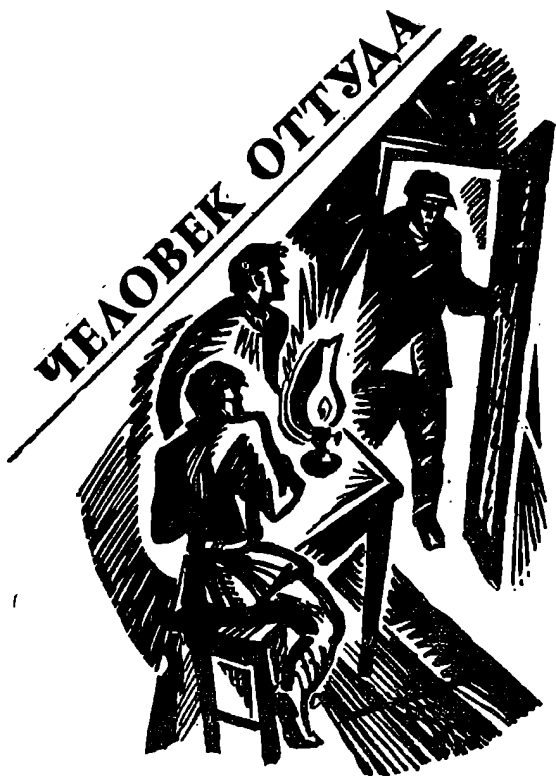
Радист отстукал сигнал группе, ожидавшей исхода операции в Новы-Тарге. Теперь настала очередь сообщников бандитов, благодаря которым они действовали столь продолжительное время. Из Новы-Тарга наши люди разошлись по всей округе в поисках складов с оружием, тех, кто мог бы создать новую преступную группу.

Бандиты были обезврежены без единого выстрела, без применения оружия, и теперь они уже не смогут угрожать жизни мирных граждан Подгаля.

Мы поздравляли друг друга с успехом. Так окончился еще один эпизод нашей борьбы.

«Банда «Бывалые вояки» перестала существовать». Таковы были последние слова короткого рапорта Старика после возвращения в город. Я недавно отыскал этот рапорт в архиве. Он подшит в четвертом томе дела об обезвреживании банды, на шестьдесят второй странице. Я прочитал этот документ, звучащий как сообщение с поля боя. Хотя с того времени прошло немного лет, все это — уже история.

Когда мы возвращались в Краков, солнце поднялось уже высоко и золотило так хорошо мне знакомую теперь папаху гор. Казалось, что в этот день оно светило особенно ярко.

1

Я не знал еще Криспина в лицо. В этот вечер мне предстояло увидеть его впервые. Пока с ним лично знакома лишь Магда, которая была у него на прошлой неделе и передала сообщение, что Польдек благополучно добрался до цели, передает один поцелуй и три привета. Таким был пароль, который Польдек перед отъездом согласовал с Криспином. Только они двое понимали значение этих слов.

Польдек уже в течение нескольких лет занимался подпольной деятельностью. После разгрома банды Залпа он скрывался, несколько раз меняя укрытия, и все это время искал контактов с какой-нибудь нелегальной организацией, связанной с Западом. Он отлично понимал, что рано или поздно попадет, что ему в лучшем случае грозит долготнее тюремное заключение. Сейчас самое важное для него

было убежать за границу. И он в конце концов встретил человека, который дал ему адрес в Западном Берлине, где им могли заинтересоваться. Польдек, конечно, догадывался, что эти люди представляют иностранную разведку, чьей страны — для него не имело значения. Он скрупулезно записывал, как туда попасть, что сказать, чтобы получить доверие. Несколько раз повторив про себя адрес и заучив его наизусть, записку уничтожил. Через границу ему предстояло перейти своими силами.

Криспин тоже был когда-то в банде Залпа вместе с Польдеком, но, воспользовавшись объявленной амнистией, покался и с 1947 года делал вид, что окончательно порвал с подпольем. Он работал в местной артели, однако по-прежнему состоял в хорошо законспирированной банде Лешека.

План побега на Запад Польдек составил вместе с Криспином. У него были родственники, жившие в приграничной зоне. Он рассчитывал, что ему удастся проскользнуть через слабо охранявшуюся в то время границу. Месяц назад он выехал к этим родным, сказав нескольким своим знакомым, что едет на Мазуры в надежде найти там работу. Только Криспин знал о его действительных намерениях.

Внезапный приход Магды застиг Криспина врасплох, тем более что он видел ее впервые. С трудом она нашла его дом, расположенный на окраине города. Когда она сказала, что у нее есть сообщение от Польдека, Криспин повел себя так, словно не понял, о ком идет речь. Лишь услышав пароль об «одном поклоне и трех приветях», он стал вести себя иначе.

— Почему вы пришли ко мне прямо домой, а не на работу? — спросил он довольно холодно.

— Когда я приехала, там было уже закрыто, а я должна была обязательно вас увидеть, завтра утром мне надо быть в Кракове, — ответила Магда.

Криспин еще некоторое время смотрел на девушку, колеблясь, но, видимо, ее ответ убедил его, и он стал расспрашивать о своем приятеле. Магда не ответила ни на один из его вопросов, ее роль ограничивалась произнесением пароля, известного только этим двум людям, она также должна была договориться о встрече Криспина с тем, кто знает гораздо больше ее. Таким образом, Криспин должен был еще неделю ожидать ответа на мучившие его вопросы.

Настала моя очередь. Я сидел в вагоне второго класса и сквозь запотевшее стекло смотрел на размытые очертания мелькавших станционных строений, на изрезанные межами поля, покрытые пластами еще не растаявшего снега. Вре-

менами мой взгляд задерживался на сидевшей напротив девушке. Она была явно запята своими мыслями, и меня слегка раздражало ее безразличие. Я посматривал на ее красивый профиль и умело подведенные глаза. Я подметил, что на краковском вокзале ее провожал молодой человек в студенческой фуражке, который, как мне показалось, не был похож на брата. Уже тогда стройная фигура девушки привлекла мое внимание. Возможно, я заговорил бы с ней, однако надо соблюдать осторожность; каждое случайное знакомство могло плохо обернуться. При проверке билетов оказалось, что девушка также едет до Тарпува. Скорее всего, она ехала домой, и мы с ней разойдемся в толпе пассажиров, каждый из которых живет своей жизнью, а мне придется искать в городе, где я никогда не был, маленькую кондитерскую рядом с гостиницей и найти среди ее посетителей человека, которого прежде никогда не видел. Мы поговорим, реализуя нашу общую легенду, согласно которой наша встреча в этом кафе случайна, мы не знакомы, не знаем фамилий друг друга: он для меня просто Криспиц, а я... Меня зовут Кароль, своего настоящего имени и фамилии я ему пока не называю, хотя, если он будет настаивать, сказать можно. Документы у меня были в полном порядке, даже имелось удостоверение о работе в одном из заслуживающих доверие учреждений. На языке разведчиков это называлось хорошей легализацией. Я работаю в одной из разведок, сейчас нахожусь во «вражеской» стране, но знаю об этом только я. В какой разведке? Ясно, что не в коммунистической, а в какой точно, сказать не могу. Может быть, ему надо сообщить еще и адрес моего разведцентра в Западном Берлине? Наша агентурная сеть действует в Польше, располагает прекрасно отлаженным каналом связи с Западом и здесь, за «железным занавесом», выполняет определенные задания. Какие? Это тайна. Каждый должен знать ровно столько, сколько необходимо для успешной работы. Я, разумеется, знаю больше, но мне так положено.

Недавно наш центр прислал из Западного Берлина информацию о человеке по имени Польдек, которому удалось пробраться через границу ГДР в этот город. В настоящее время он находится в безопасном месте на специальной переподготовке. У меня с собой есть письмо Польдека, которое получено по нашим каналам. Автор письма просил сообщить адрес и пароль. Моя связная Магда договорилась о сегодняшней встрече. Я решил встретиться с Криспином лично, поскольку Польдек сам ручается за него, считает,

что у Криспина имеются интересные связи, которые могут нам пригодиться. Наша сеть — это кадровая организация, и в ней могут работать только исключительно проверенные и надежные люди.

Я настолько углубился в свои мысли, что не заметил, как поезд подкатил к ярко освещенному вокзалу в Тарнуве. В числе первых я выпрыгнул из вагона, вдалеке мелькнул силуэт моей спутницы. Она стояла на перроне и перед стеклом поправляла волосы. Смешавшись с толпой приезжих, я направился в город. До встречи в кондитерской оставался час. Криспин уже ждал за столиком, и я узнал бы его даже без всяких опознавательных признаков, так тщательно описала мне его Магда.

Так я опять оказался в самом центре событий, развернувшихся в связи с операцией, носившей кодовое название «Паутина».

Наша служба безопасности в течение последних лет пыталась разработать разветвленную и тщательно законспирированную шпионскую подпольную сеть, состоявшую в основном из бывших членов давно разбитой банды Залпа. Местной сетью агентов руководила очень опасная группа, состоявшая из нескольких человек во главе с Лешekom — в прошлом заместителем Залпа. Она появлялась то в одном, то в другом районе восточной части Краковского воеводства, и каждый раз ей удавалось скрыться от погони, избежать засад, которые ей готовили органы безопасности. Операции 5-го Краковского полка КВБ не приносили результата. В состоявшем из нескольких томов деле о банде Лешек упоминались фамилии около 400 человек, подозревавшихся в сотрудничестве или контактах с нею. Однако установить достоверность этих связей и их принадлежность к преступной бандитской сети было делом очень нелегким. Лешек действовал хотя и безжалостно, но очень осторожно, осмотрительно до крайности. Путь банды был усеян трупами многих невинных людей.

То, что Криспин был глубоко законспирирован в сети банды, сомнений не вызывало; известно было также, что он пользуется особым доверием главаря подпольной организации. Мы исходили из того, что Лешек впал о предпринятой Польдеком попытке уйти на Запад и так же, как и Криспин, ждал результатов этой затеи.

Все эти обстоятельства и легли в основу разработанного плана, преследовавшего цель проникнуть в банду.

Мой начальник, которого все мы называли Стариком, предложил мне выступить в роли «человека оттуда». Не

так давно я выполнял подобную задачу: в течение нескольких месяцев находясь в банде «Бывалые вояки», шагал с ней опасными горными тропами на Подгале, разгадывал преступные планы опасного противника до тех пор, пока нам не удалось заманить его в ловушку.

— А почему опять мне? — спросил я Старика. — Знаете ведь, что из-за участия в той операции мне пришлось потерять целый год учебы в институте, что еще немного — и меня бросила бы моя невеста.

Я мог не принять предложения, это не был приказ, мне предоставили возможность самому сделать выбор.

Неужели меня пугала встреча еще с одной бандой? Сам не знаю, но тогда во мне боролись противоположные чувства. Я знал уже, что значит быть участником большого, важного дела, одним из главных действующих лиц столь интригующей игры за высокую ставку, познал вкус риска, привык к жизни, полной эмоций и постоянной тревоги, пребывания на грани жизни и смерти. Я узнал также, что такое чувство победы, жизненного удовлетворения. И в то же время мне было известно, как себя чувствует человек после выполнения подобного задания, какой ценой достается успех, какое неимоверное напряжение нервов, самопожертвование совершает тот, кто переступает невидимый порог, отделяющий обычную жизнь от существования на нелегальном положении.

Участие мое в том деле я считал уже ушедшим в историю. Остались лишь воспоминания об этом. Я снова оказался втянутым в течение обычной, спокойной жизни, меня окружали обыденные дела, работа, которая начиналась и кончалась в одно и то же время, личные планы, встречи с Данкой, прогулки по краковским бульварам, экзамены в институте...

— Мы считаем, что именно тебе удастся найти с ними общий язык, — говорил Старик со свойственной ему страстностью, горячностью и одновременно с убедительностью, — у тебя для этого достаточно опыта, ты научился работать в условиях подполья, познал их правила и обычаи. Таким вещам не научишься в течение нескольких дней, а тебе они знакомы.

Кароль, в образ которого мне предстояло воплотиться, был фигурой фиктивной; ложной была и информация, что Польдек добрался до Берлина. Все это было лишь частью легенды. Беглец был арестован при попытке пересечь границу. Через две недели после ареста он стал давать показания, сообщил пароль, о котором знали лишь он и Кри-

спин, но умолчал о том, что человек, который придет к нему с этим паролем, явится на работу к Криспину, а не домой. Магде повезло, что ее очень естественный ответ не насторожил агента.

Теперь Криспин, очень довольный, выходил вместе со мной из кафе на улицу Тарнува. Он внимательно прочитал письмо от друга, не сомневаясь в его подлинности. От первой встречи трудно ожидать чего-то большего. Пока что я ни единым словом не упомянул о банде Лешека. Мой визави тоже раздумывал. Криспин дал мне адрес одного знакомого — надежного человека, проживавшего в Кракове, через которого мы договорились поддерживать связь.

— Лучше, чтобы нас не видели друг с другом, — сказал я ему на прощание, когда мы вышли на улицу. — Не стоит, чтобы наши лица кому-либо запомнились вместе.

Краткое рукопожатие — и Криспин растворился в одном из слабо освещенных переулков Тарнува. Связь была установлена. Я вступил на первую ступеньку лестницы, которая вела неизвестно куда.

Мы шли по улице Костюшко от моста Дембницкого на Сальватор, в направлении стиснутой узким протоком речушки Рудава. Мне прежде приходилось редко бывать в этой части Кракова, а в течение последней недели я бывал здесь уже трижды. На сей раз я пригласил на прогулку Данку, которая, естественно, не знала, почему выбран именно этот маршрут. Она была в хорошем настроении, получив наконец отдельную комнату в студенческом доме. Я обещал ей помочь при переезде, сказав, что нахожусь сейчас в отпуске, который намерен использовать для подготовки к экзамену по организации международной торговли.

Мы остановились у круглого газетного киоска, какие встречаются еще, пожалуй, только в Кракове. Пока она изучала афишу с репертуаром театров, я смотрел на окна старого трехэтажного дома. В одной из квартир этого дома снимал комнату человек, адрес которого дал мне Криспин.

После возвращения из Тарнува я приходил сюда, но в списке жильцов, висящем в подъезде, нужной мне фамилии не нашел. Ничего больше предпринять я не мог, поскольку опасался, что проявляемый мною интерес привлечет чье-либо внимание. Наши установили, что интересующий меня человек проживает в этом доме без прописки. Криспин дал мне номер квартиры, и этого было пока достаточно.

Данка потянула меня за собой, и я пошел почти меха-

тически. «Если бы ты знала, — подумал я, — что скоро мне предстоит войти в этот дом и, быть может, то, что я там узнаю, помешает мне участвовать в новоселье, а мое место в театре рядом с тобой будет пустовать...»

Старик решил, что следует подождать с появлением на месте встречи, предложенной Криспином. Торопливости следовало избегать, она могла повредить.

Дело было не в Криспине. Трудно было предположить, как быстро переданная членам подпольной сети информация может дойти по нужному адресу. Окажется ли в таком случае письмо от Польдека достаточно интересным для главаря банды и подтолкнет ли оно его к установлению контакта с неким таинственным субъектом, представившимся как Кароль? Если бы такая инициатива шла от них, мы получили бы значительно более выгодную исходную позицию для дальнейшей игры.

Даже начальник отдела, отвечавший за проведение операции «Паутина» (мы звали его по-товарищески Зютек), располагавший большей информацией, чем я, не находил пока ответа на эти вопросы.

А тем временем оперативная группа воеводского управления госбезопасности в Кракове совместно со штабом 5-го Краковского полка КВВ продолжала разработку плана по профилактическому прочесыванию местности и другим действиям, направленным на обнаружение и ликвидацию банды. Новый вариант проникновения внутрь банды только еще вынашивался и был известен лишь нескольким руководящим работникам управления, а также непосредственным исполнителям — Магде и мне.

Старик освободил нас от других обязанностей, поручив заниматься только этим делом. У меня появилось много свободного времени. Бездеятельность гнала меня на улицы Кракова, и я в течение нескольких дней бродил по ним без цели, хотя на носу были экзамены. «Вот если бы у человека имелся какой-нибудь переключатель, — думал я, — и он мог бы отключиться от мучительных ожиданий, не думать без конца только об одном, заняться другими делами». Магда находилась в таком же состоянии. Мы ожидали в бездействии. Лишь через десять дней майор решил, что мне можно пойти на улицу Костюшко.

Я рассчитал, что, для того чтобы застать нужного мне человека дома, следует нанести свой визит часов в шесть вечера. Если он где-то работает, то в это время должен уже освободиться, если назначил с кем-то свидание в городе, то наверняка еще не ушел. Да и трудно предположить, что в

такую погоду он с кем-то договорится встретиться. Ветер яростно метал потоки весеннего дождя на стекла домов и витрины магазинов. Пробежав несколько десятков метров от трамвайной остановки до знакомой уже мне подворотни трехэтажного дома, я поднялся по скрипящей лестнице и остановился перед дверьми, ведущими в квартиру номер четыре. На дверях висела потускневшая медная табличка: «Сабина Бобсшко». Я нажал кнопку звонка, подождал еще немного и затем постучал.

— Могу ли я видеть пана Артура Кропидловского? — обратился я к брюцету средних лет, открывшему дверь.

Он бросил на меня вопросительный взгляд глубоко посаженных глаз и спросил:

— А вы по какому вопросу?

— От пана Криспина, — ответил я и обвел глазами прихожую. Мы были одни, и я сразу же назвал пароль: — Я хотел бы купить софу зеленого цвета.

— У моего знакомого есть топчак, но с красной обивкой, — произнес брюнет вторую часть пароля, передав мне Криспином.

— Все правильно, — с облегчением сказал я после того, как оказался в комнате пана Артура. Я дал ему понять, что всегда, когда устанавливаю контакт с незнакомым человеком, испытываю беспокойство, тем более если это происходит впервые. Я знал, что так реагировать должен любой, занимающийся темными делами.

И все пошло так, как должно быть в соответствии с правилами поведения людей, из которых каждый стремится узнать больше друг о друге. Вначале говорил я, так полагалось, нужно было что-нибудь сказать о себе, а вместе с тем не говорить слишком многого.

— Меня зовут Кароль, настоящая фамилия не имеет значения. Даже лучше, если вы ее не будете знать. Мне надо быть осторожным, — говорил я отрывочно, постепенно процеживая выученную легенду.

Пан Артур поставил на стол бутылку житневки¹ и заговорил сам: немного о себе, немного на общие темы. Криспин был у него дня два назад, приезжал по службе, предупредил о моем визите и оставил письмо для Польдека. Больше ничего не оставил. Просил только, что если у меня будет что-нибудь для передачи, то я могу сообщить это пану Артуру, и лишь по делу очень важному можно встретиться с ним на работе, в артели.

¹ Житневка — польская хлебная водка. — *Прим. ред.*

— Криспин вообще очень осторожный человек, я его давно знаю, — сказал пан Артур, наливая очередную рюмку водки.

Из сказанного им я понял, что он знал Польдека гораздо лучше, чем Криспин, еще во время оккупации. Они вместе занимались какими-то гешефтами, какими именно, пан Артур не уточнял. После освобождения от оккупации Польдек прятался у своих родственников недалеко от Бохни, там столкнулся с людьми из подполья, а затем переметнулся в банду Залца, где и познакомился с Криспином. После того как банда была разбита, Польдек по-прежнему оставался на нелегальном положении, скрываясь от правосудия, проживал сначала у Артура, а затем вернулся под Бохню к Криспину, откуда и решил податься на Запад.

Таким образом, Криспин не был единственным человеком, посвященным в план Польдека удрать за границу, об этом знал и Артур, с которым его во время войны связывали какие-то неизвестные нам дела, не относившиеся прямо к делам подполья. Артур совершенно ясно сказал, что Польдек в период оккупации не состоял ни в какой организации Сопротивления, а лишь после освобождения ушел в подполье. Почему?

Артуру я, разумеется, этих вопросов не задавал. Мне было неизвестно, что Криспин рассказал Артуру. Впрочем, если бы он самым тщательным образом повторил содержание нашей беседы в Тарнуве, это не имело бы большого впечатления. Необходимо было считаться с тем, что они между собой во всех подробностях обсудят свои встречи со мной, и то впечатление, которое я на них произведу, будет иметь решающее значение для дальнейшего развития игры.

— Вы здесь давно живете? — спросил я Артура как бы вскользь.

— Эту комнату я снял еще до выезда Польдека. Мой адрес он знал, и я удивляюсь, почему он, прислав письмо Криспину, не написал и мне пару слов, — рассуждал Артур. — Моя хозяйка — учительница на пенсии, старая вдова, — ничего обо мне не знает. Сын ее служит в армии. Нашел я эту комнату по объявлению. Плачу за нее немало, но жилье меня устраивает: дом спокойный, никто мною не интересуется, некоторые принимают меня даже за товарища сына хозяйки.

— Это хорошо, что вы чувствуете себя в безопасности, — заметил я.

— Да как сказать, — уклончиво ответил Артур. — Здесь меня никто не знает и ни в чем не подозревает. Это

верно. Однако за мной тянутся старые дела. К тому же я не представляю себе, что буду делать, когда кончатся деньги.

— Мы вам поможем...

— Я хотел бы махнуть на Запад, — сказал Артур. — Криспин говорил мне, что у вас есть какие-то каналы, а то, знаете, собственными силами это трудно, можно попасться.

— У нас есть такие возможности, но мы их используем исключительно для своих людей, — ответил я.

— А меня вы таким не считаете? — после некоторой паузы спросил Артур.

— Своих — это тех, кто на нас работает, — пояснил я. — Мы мало знаем друг друга, всего первый раз встречаемся.

Хозяин опять наполнил рюмки и, подняв одну из них, произнес:

— Вы можете на меня рассчитывать, а я хотел бы рассчитывать на ту перспективу, о которой шла речь.

Я с огромным трудом сдерживался, чтобы не задать Артуру еще несколько вопросов. Прежде всего меня интересовал Криспин и его связи с бандой и можем ли мы рассчитывать, что с помощью Артура удастся выйти на главаря банды, насколько тесны его контакты с подпольной сетью. Он высказывался и держался так, словно у него были веские основания скрываться. Почему же Польдек ни разу не упомянул имени Артура? Неужели их связывали какие-то темные дела, тянувшиеся издалека? Каким образом можно получить ответ на эти вопросы? Ясно одно: сейчас еще не время задавать их моему собеседнику.

Когда мы прощались, Артур поинтересовался, как меня можно найти. На будущей неделе он ожидал приезда Криспина.

— Такие люди, как я, не сообщают своих адресов. Можете быть уверены, однако, что через несколько дней я вас навещу. В случае неожиданной встречи в городе прошу не показывать виду, что мы знакомы, — сказал я на прощание.

Когда я выходил из дома, где жил Артур, было уже поздно. Дождь кропил без перерыва, размытые огни уличных фонарей отражались на мокром тротуаре. На опустевшей улице Костюшко было лишь несколько поздних прохожих. Переходя улицу, я еще раз оглянулся на дом Артура, желая отметить в памяти расположение окна его комнаты, и сквозь освещенное стекло увидел, как он провожал меня взглядом до трамвайной остановки. Я стоял на ней один, и дождь бил мне прямо в лицо. Когда со стороны Сальвато-

ра подъехал трамвай, через дорогу перебежал какой-то мужчина, который до этого, как мне показалось, стоял в подворотне дома напротив, и вскочил на площадку заднего вагона. Мне запомнилась лишь его сутуловатая фигура в дождевике.

Во время сзды я внимательно наблюдал, не следят ли за мной. Вспомнилось, как во время предыдущей операции перед встречей со связной главаря банды «Бывалые вояки» за мной почти двое суток неотступно следовал их человек. Стоило тогда сделать какой-либо ложный шаг, например попытаться связаться по телефону с моим начальником, как меня пржкончили бы. Тот давнишний тип запомнился мне по коричневому картузу, а лица мужчины, вскочившего за мной в трамвай, я даже не увидел, и единственными его приметами была сутулая фигура и нахлобученная шляпа. К тому же это были лишь подозрения, мужчина мог просто возвращаться из гостей или после свидания с девушкой и ничего общего не имел ни с Артуром, ни с Криспином, ни с бандой. Как бы то ни было, а о бдительности в таких условиях забывать было нельзя.

Проехав несколько остановок, я на ходу выпрыгнул из трамвая напротив кинотеатра «Рассвет» на улице Звездицкой. Никто за мной не последовал. Значит, все в порядке, «хвоста» нет. Отсюда недалеко было до стоянки такси на улице Страшевского. Я сказал водителю адрес и через несколько минут вышел из машины на Подгурской площади.

Подгуже, так краковяне называют эту площадь, паходится в старом рабочем районе Кракова, расположенном на другом берегу Вислы. Отсюда тянулась ниточка к опасной банде Лешека и ее законспирированной агентуре.

В этой части города у меня было мало знакомых, и этот факт был принят во внимание при выборе моей новой квартиры. Вероятность случайной встречи с кем-либо из знакомых была здесь значительно меньше, чем в центральной части города, где я жил последние несколько лет. Кароль должен был выступать как обычный человек, жить и действовать в своей среде, иметь собственное жилье, которое в определенных обстоятельствах могло пригодиться для успешного хода операции.

Так в течение последних трех недель я стал квартирантом в доме по улице Лимановского. Маленькая комнатка как нельзя лучше подходила для конспиративных целей. Хозяйка — жена железнодорожного проводника, который по долгу службы длительное время бывал в отъезде, вручила

мне ключ от запасного входа со стороны кухни, по которому можно было, не беспокоя никого, попасть со двора. Дом был старый, построенный еще во времена Франца Иосифа.

Я жил под именем Мариана Зайонца, приехавшего якобы из Нижней Силезии на учебу в Краков. Договорившись с хозяйкой о квартире, я на следующий день явился к ней с большим чемоданом, в котором, как я ей сказал, содержался весь мой холостяцкий багаж.

Хозяйка, разумеется, желала, чтобы я прописался по всем правилам, и сама позаботилась обо всех формальностях. Спустя три дня я получил из милиции мое фиктивное удостоверение личности, а с ним и старый, еще оккупационный, паспорт с пропиской.

Таким образом, я по совету Старика обеспечил себе надежные тылы и теперь, возвращаясь от Артура, смело шел к новому месту жительства. При этом я придерживался принципа, что опытный подпольщик никогда не подъезжает на такси прямо к дому, и отпустил машину еще на Подгурской площади. Никогда нельзя предугадать, встречу ли еще с шофером такси и при каких обстоятельствах, а вести себя теперь пужно было так, как вел бы себя действительный член преступной подпольной организации, в личину которого мне пришлось вживаться.

Я чуть было не прошел мимо Зютека, который дежурил у моего дома и неожиданно предстал передо мной в подворотне. Мы уселись в машину, поджидавшую на соседней улице, и через несколько минут были у Старика. Я давно не видел своего начальника таким взволнованным.

— Какие новости? — отрывисто спросил он.

Я как можно точнее и лаконичнее доложил содержание беседы с Артуром, а также передал полученное от него письмо Криспина, адресованное Польдеку.

— Мы здесь играем с бандитами, а они убивают певичных людей! Эта забава в кошки-мышки с разными криспинами, артурами и еще черт знает с кем может продолжаться долго, и самое худшее, что у нас нет уверенности в возможность проникновения в банду. Нам нельзя сидеть сложа руки. На последней неделе бандиты совершили два вооруженных нападения в районе Бохня, Добчице, а прошлой ночью убили крестьянина под Гдовом. После этого исчезли в темноте ночи, сбив с толку погоню в лабиринтах горных троп, так что их поиски до сих пор не увенчались успехом. Вероятно, главарь банды сейчас отсиживается в каком-нибудь укрытии. Как найти его притон и пресечь цепь преступлений? — закончил вопросом Старик.

В ту же ночь была создана специальная поисковая группа для прочесывания нескольких повятов Краковского воеводства. Руководство операцией было доверено поручнику Янеку, прежде работавшему начальником отделения госбезопасности в Бжеске, человеку с большим опытом, отлично знавшему здешние места.

На следующее утро поручник Зютек приобщил к делу под кодовым названием «Паутина» план еще одной операции по раскрытию банды, составленный на нескольких страницах. В Бохненский, Лимановский, Бжеский, Новосондецкий повяты выехали вооруженные пистолетами и гранатами и одетые в штатское работники нашего отдела. Они были разделены на группы по несколько человек, каждая из которых поддерживала связь с центром через связанных, но действовала автономно. Эти группы рассредоточились в тех районах, где предположительно скрывались бандиты.

Каждая группа действовала по своей легенде, что позволяло держать в секрете настоящую цель их пребывания, а также характер всей акции. В те годы появление незнакомого человека в маленьких городках и селах Прикарпатья всегда привлекало внимание местных жителей. Главным условием проведения операции было сохранение строжайшей тайны ее целей.

Поэтому, например, в деревнях Бохненского повята появилась группа геологов, ищущих новые нефтяные месторождения, а в Бжеском повяте группа землемеров начала геодезические съемки, в селениях под Новы-Сопчем к старостам деревень прибыли уполномоченные по поставкам сельскохозяйственной продукции, а в Лимановский повят приехали энергичные представители воеводского сельхозотдела. Действуя в одиночку или по двое, каждый из наших сотрудников имел свою причину нахождения в данной деревне и каждый подвергался опасности встречи с бандой. В этом случае у любого из наших людей имелся номер телефона воинской части, где один из офицеров ожидал сигнала о результатах проверки местности и поддерживал связь со специальными оперативными группами 5-го краковского полка КВВ, готового в любой момент вступить в операцию.

В целом же вся эта акция была одной из многих, проведенных против банды Лешака, каждая из них привлекала максимум внимания руководства, требовала мобилизации сил и средств, колоссальных усилий людей, направленных в отдаленные районы. Это был еще один массированный удар. Неужели же и он не достигнет цели?

Но в деле «Паутина» имелся еще один вариант плана, с которым связывали определенные надежды. Пока это была лишь тоненькая ниточка, которую необходимо терпеливо разматывать. Наш Старик решил использовать и эту возможность для расшифровки банды. Поэтому Магда и я остались в Кракове.

— Необходимо предоставить Артуру веские аргументы, а также заставить Криспина поверить в то, что ты, то есть Кароль, действительно являешься «человеком оттуда», нужно показать ему, что ты действуешь. Одни слова здесь не помогут... — Такую задачу поставил перед нами начальник. Но легко сказать, а что придумать и сделать, чтобы те поверили нам?

— Самым убедительным аргументом для Артура, Криспина и остальной шайки, — пошутил я, — был бы взрыв какого-нибудь заваливающего моста, осуществленный мною вместе с ними.

— С ума сошел! — воскликнул Зютек. — Но надо и впрямь что-нибудь придумать, чтобы создать иллюзию деятельности.

Через три дня я снова вошел в подъезд старого дома на улице Костюшко. На этот раз познакомился с пани Сабипой Бобешко — пожилой, симпатичной и ничего не подозревающей женщиной. Самого пана Артура дома не было. Вечером по договоренности с хозяйкой я пришел снова. Артур ожидал меня и принял подчеркнуто радушно, как старого знакомого, однако по ходу разговора было видно, что он выжидает, желая услышать от меня, с чем я пришел. В его поведении не было ничего удивительного: хотя у него не было оснований мне не верить, но, с другой стороны, не было никакого веского повода для полного доверия.

— Криспина еще не было, — сказал он.

— Меня это сейчас не интересует, — ответил я и сразу приступил к основной цели моего визита, предупредив, что обращаюсь к нему с этим вопросом не только потому, что он сам изъявил желание сотрудничать, — таких людей, дескать, можно найти множество, но прежде всего потому, что его хорошо рекомендовали. Мне хотелось бы доверить ему выполнение одного задания. Если он его выполнит, то может рассчитывать на нашу дальнейшую совместную работу.

На вопрос относительно сути задания я намеренно не ответил, пока Артур не выразил своего полного согласия на сотрудничество. Тогда я стал инструктировать его:

— Завтра утром поедете в Забже и там найдете кафе

«Под лозой». В двенадцать дня в дальнем зале за одним из столиков будет сидеть одинокая женщина. Вы ее узнаете по следующим приметам. Перед ней на столике будет лежать книжка Сенкевича «Камо грядеши?». Чтобы не было никакой ошибки, на книге будет лежать коробок спичек с такой же этикеткой, как эта. — Я показал Артуру коробку с оторванной нижней частью этикетки. — В это время посетителей в кафе бывает мало. Вы подойдете к столику и спросите: «Можно огонька?» Она должна ответить: «Для кого?» На это вы: «Для обожателя». Вот и весь пароль. Вы закурите, присядете за ее столик. Эта женщина — наша связная. Недавно диверсионная группа в Силезии получила приказ выполнить очень важное задание. Женщина передаст вам устную информацию, которую вы затем повторите мне. Почему устную? Чтобы у вас не было с собой никаких компрометирующих данных. Прошу только тщательно запомнить содержание информации. Задавать вопросы не следует. Да, вот еще. Чуть не забыл о вашей совместной легенде, — добавил я. — Делайте вид, что хотите познакомиться с одиноким девушкой. В случае если вас кто-нибудь будет расспрашивать, она скажет то же самое, а об остальном вы ничего не знаете, друг с другом не знакомы. Причину вашего приезда в Забже придумайте сами, это необходимо на всякий случай.

— А мне эта поездка ничем не грозит? — с беспокойством спросил Артур.

— Вообще-то нет, но чем черт не шутит, — ответил я. — Служба безопасности не спит. Иногда можно попасться совершенно по-глупому, пужно научиться избегать этого. Если связная не придет на явку, останетесь там еще на день: запасная встреча назначена на следующий день в то же время. Задание понятно?

— Да, — ответил он, — но... вы уверены, что все это не опасно? Мне не хотелось бы влипнуть в какую-нибудь историю.

— Успокойтесь, пожалуйста, — сказал я с улыбкой. — Дело в том, что завтра я не могу поехать туда сам, у меня более важные дела. А впрочем, в нашей профессии абсолютно безопасных ситуаций нет. Мы ведь работаем не среди друзей, за это нам и платят.

С этими словами я достал из кармана пиджака пачку банкнот, отсчитал несколько бумажек и подал их Артуру.

— Вот вам на первый случай. Не могу допустить, чтобы вы оплачивали расходы по выполнению наших заданий за счет собственного кармана. Встретимся через два дня,

тоже в двенадцать, в баре «Согласие» на Подгуже. Повторите, пожалуйста, задание.

Когда Артур возвращался из Забже, акция по прочесыванию местности, где орудовала банда, продолжалась уже седьмой день. «Геологи» вели свою активную деятельность в Лапанове, Тшчане, Гдове, Добчице, то и дело меняли свои стоянки, ночевки, переезжали из одной деревни в другую, днем делали вид, что производят какие-то исследования, а когда темнело, заходили в сельские корчмы поболтать с крестьянами, а то и просто заглядывали на огонек в какую-нибудь приглянувшуюся им избу. По делу «Паутина» проходили свыше двухсот человек, подозреваемых в контактах с бандой.

Крестьяне проявляли живой интерес к поисках «геологов», замечая при этом, что и до войны здесь появлялись такие люди, которые искали нефть; некоторые уже пустили слух о том, что землю будут выкупать, другие сеяли панику среди крестьян, утверждая, что хозяева за землю получают фигу с маслом. Вблизи Добчице на «поисковиков» смотрели особенно косо: многие из местных жителей во время войны разбогатели за счет пелегального дубления кожи. Война давно закончилась, но некоторые подпольные дубильные мастерские еще действовали, перерабатывая сырье, полученное путем незаконного убоя скота, и поэтому селяне с недоверием разглядывали каждого незнакомца.

В штаб руководства операцией из всех районов стекались донесения сотрудников, секретная связь доставляла разнообразную почту поручнику Янеку. Однако ни одно из донесений до сего времени не пролило свет на выяснение загадки, где укрывался главарь банды со своими ближайшими подручными. Из нескольких источников были получены предположения, что члены банды рассредоточились в различных притонах. Если так было на самом деле, то задача их обнаружения становилась бы еще более трудной. Банда словно под землю провалилась, но акция, которой руководил поручник Янек, продолжалась.

Было около двенадцати, когда я вошел в бар «Согласие». Еще на порогешибанул запах прокисшего пива и селедки, смешанный с чем-то еще более отвратительным. Оглядев столики, стоявшие в полутемном зале, я присел за один из них у окна направо. За грязной буфетной стойкой толстая женщина переругивалась с несколькими нетвердо стоявшими на ногах пьяницами. В противоположном углу устроилась какая-то подозрительная компания, пившая водку с пивом.

— Эй, хозяйка, — крикнул один из них. — Повтори-ка, моя королева, еще четыре «дальнего следования»! — Его товарищ бросил на меня быстрый взгляд исподлобья, как бы оценивая, и продолжил разговор с соседями по столу, однако уже приглушенным голосом.

Я заказал себе пиво в буфете.

«Черт меня дернул назначить встречу с Артуром именно в этом месте», — подумал я, глядя на засаленную поверхность буфетной стойки. Я и не предполагал, что это такой зашарпанный кабак. Название бара пришло тогда в голову, потому что часто видел его вывеску из окна трамвая, когда ехал с другого берега Вислы на Подгуже. Ожидая Артура, я смотрел через покрытое толстым слоем пыли окно. Перед баром то и дело останавливались повозки, возчики слезали с козел и заходили в пивную «на один стаканчик». Перед входом в кабак торговки, расположившись за наспех сколоченными торговыми рядами, наперебой громко расхваливали свой товар.

Буфетчица подошла к моему столику и, подавая кружку пива, услужливо спросила:

— А может быть, пан желает разбавить?

— Пожалуй, — ответил я, не сразу сообразив, что это значит. Буфетчица отправилась назад к стойке и вскоре вернулась с той же самой кружкой, только пиво приняло какую-то красноватую окраску. Видно было, что в него добавили сиропа.

В следующую минуту в баре появился Артур, которого я заметил первым. По тому, как он разглядывал помещение, я понял, что и он тут впервые. Наконец он увидел меня и присел за столик.

— Хозяйка, еще одно разбавленное и два «дальнего следования»! — крикнул я тоном завсегдатая. — Иногда лучше встретиться в простом кабаке, чем в первом классе ресторана, — сказал я Артуру. — Там обращают больше внимания на клиентов. Ну, что у вас?

— Да дело сделано, но пришлось поджечь гостиницу. — Эти слова взволнованный Артур выпалил одним духом.

— Это лишнее, кто им велел поджигать гостиницу? — как бы сам себе буркнул я, притворяясь взволнованным. Однако тут же словно взял себя в руки. — Расскажите-ка все по порядку.

— Ну, значит, она ждала, как вы и говорили, — начал Артур. — То кафе в Забже — совсем приличное место, только в городе страшно дымно, я там был первый раз в жизни...

— Говорите о деле, — остановил я его.

— Ну, подошел я к столику, сказал пароль и присел к ней, а она не сказала даже, как ее зовут, а вообще-то девушка ничего, только какая-то неразговорчивая.

— Что она передала для меня, прошу повторить в точности.

В этот момент к столу подошла буфетчица и поставила перед нами две большие стопки водки и пиво. Подождав, пока она уйдет, Артур передал мне содержание своего разговора со связной. Он был переполнен сознанием важности своей миссии. Связная передала ему следующее: «Портфель с секретными материалами, касающимися объекта Б-17, находится в распоряжении «секции Д». Однако люди, выполнявшие это задание, были застигнуты врасплох неожиданным появлением человека, который мог сорвать проводившуюся в гостинице операцию и привести к аресту членов «секции Д». Этого человека пришлось обезвредить, а также организовать поджог гостиницы. Пожар уничтожил следы операции. Здание сгорело. «Секция Д» находится вне опасности, однако в целях предосторожности ее членам на десять дней приказано прекратить всяческие контакты».

— Это все? — спросил я.

— Совершенно точно, — ответил Артур. — Я запомнил каждое ее слово. Однако работа серьезная, что и говорить, — добавил он и осмотрелся по сторонам. Он видел своими глазами находившийся рядом с вокзалом остов обгоревшего отеля, разговаривал даже с очевидцами пожара, не догадываясь, конечно, о настоящих его причинах.

Наша сотрудница хорошо сыграла роль связной. Акция несуществующей «секции Д» произвела на Артура большое впечатление, тем более что доказательством правдоподобности всего этого было здание обгоревшей гостиницы «Президент» в Забже. Артура интересовали подробности операции, но я не удовлетворил его любопытство.

— Вам это ничего не даст — отрезал я, — лучше забудьте все, и никому ни слова. Если увидите с Криспином, передайте ему, что письмо, которое он написал, Польдек получит самое позднее через два дня.

Артур согласился выполнять и другие задания, но я предупредил его, что на ближайшей неделе буду очень занят, — пусть думает, что это связано с «секцией Д». Затем подробно проинструктировал его о том, как нам поддерживать связь между собой. Я велел ему быть дома по понедельникам и пятницам с девятнадцати часов и ждать. Если ему потребуется передать что-то очень срочное, то для

этого по средам в кафе «Замковое» на улице Гродской будет находиться связная. Я сообщил ему время встречи, опознавательный признак и пароль для контакта с нею.

Сам Артур для нас не представлял такого интереса, как Криспин, который был связан с бандой и являл собой куда более важную фигуру в той игре, которая завязывалась. Многое теперь зависело от того, поверит ли та сторона в версию о таинственной операции в Забже и заставит ли она их рассматривать эту операцию в связи с нашей легендой относительно Польдека?

2

Сейчас я уже не помню номера комнаты, в которой тогда жила Магда. Помню лишь, что нужно было из гостиничного вестибюля пройти по узкому темному коридору, затем подняться на второй этаж, миновать какой-то балкон, повисший над внутренним двором, потом опять проследовать коридором, который вел к дверям ее номера. Этот лабиринт всегда придавал каждому посещению ощущение таинственности, оставшееся в сознании и по сей день, а тогда я посмеивался, что Магда специально выбрала жилье, как в детективном фильме. По поручению Старика за день до встречи в кафе «Замковое» девушка пришла туда с маленьким дорожным чемоданчиком и под видом приезжей сняла под чужой фамилией номер в весьма заурядном отеле «У Розы». Майор предполагал использовать это место для возможной конспиративной встречи с Криспином.

Не только я, выступавший в образе Кароля, но и Магда, как связанная с кем-то занимающим очень высокий пост в подпольной сети, должна была иметь легенду, которую наши противники могли проверить и которой она могла пользоваться в различных, пока трудно предсказуемых обстоятельствах. Гостиничный номер обеспечивал нашей связной хорошие тылы и одновременно позволял проверить место ее жительства, тем самым способствуя ее легализации.

Деконспирацию моей квартиры на Подгуже мы пока отложили на более благоприятное время. Номер в гостинице можно было в любую минуту освободить, не оставляя никаких следов, да к тому же создать у «тех» представление, что у нас есть в гостинице свой хорошо законспирированный агент, а это создало бы мнение о больших возможностях организации, представителем которой выступал Кароль.

Окно комнаты Магды выходило на узенькую улочку

Снятого Томаша. С высоты второго этажа я наблюдал за движением на противоположном тротуаре. Рабочие носили ящики с пивом в небольшую закусочную. Магда уже пошла на встречу. Со стороны Рыночной площади, расположенной отсюда в нескольких десятках метров, я услышал торжественный бой курантов на колокольне ближайшего собора. Сейчас Магда уже сидит за столиком в «Замковом», и, возможно, уже сегодня мы получим от нее важную информацию. Рабочие, выгружавшие пиво, внесли в помещение последние ящики и, забравшись в кузов машины, исчезли за углом улицы. Две недели тому назад именно там поджидал меня Зютек. Мы условились с ним о том, что он будет флажировать между закусочной и углом Флорианской, которую можно было видеть из окна гостиницы. Ему надлежало гулять там до тех пор, пока Магда не даст знак, что он может подняться в номер. Такой знак мы ему тогда дали, однако в комнате у Магды разговора не получилось.

— Никто не пришел на встречу, — сказала она, вернувшись из кафе.

Зютек ответил коротко:

— Надо ждать до следующей среды.

Легко сказать «надо ждать», а ждать было на самом деле гораздо труднее, хотя результатов ожидали не только мы, исполнители, но и авторы плана. Повторится ли все это и на сей раз? Я все время поглядывал на стрелки часов, которые двигались слишком медленно, и шагал взад-вперед по комнате, иногда подходя к окну и всматриваясь в толпу людей, двигавшуюся по тротуару, в надежде увидеть стройную фигурку Магды. Она находилась в шумном кафе. «Наверное, ей сейчас легче», — подумалось мне. Да и Старик тоже находится в кипящем жизнью здании управления, занятый к тому же и другими делами. Поручник Зютек, который сейчас направляется к нам, рассчитывает не только на нас: у него целый отдел сотрудников, прочесывающих местность под руководством неугомонного поручника Янека и отыскивающих места укрытия банды, а я вынужден был сидеть в четырех стенах гостиничной комнаты, ожидая чего-то неведомого, томясь от бездействия.

Мы оставались в тени. Никто не интересовался ни Магдой, ни мной, никто не ожидал от нас чего-то особенного. И только по мере приближения среды — дня возможной встречи — взгляды людей, посвященных в гайны игры, обращались в нашу сторону. Старик верил, что приманка делает свое. Я хорошо его знал по нескольким операциям, в которых мы участвовали вместе, и он всегда верил, что в

определенных условиях один наш человек, внедренный во вражескую организацию, может сделать больше, чем целый полк КВВ. Кроме того, комбинация такого рода позволяла избежать многих жертв. Мы уже провели несколько таких операций, отличавшихся тонким расчетом и закончившихся полным успехом.

— Противнику мы предъявили лишь несколько наших карт, сейчас не мешало бы подбросить ему еще пару аргументов, — доказывал я майору, который тоже размышлял над каким-то новым ходом.

— Нет, пока хватит того, что мы им предложили, нельзя делать дальнейших шагов, пока они не прореагировали на наши первые. Если мы будем слишком навязчивы, то это может вызвать их подозрения.

Решение руководства было для нас законом.

Прогнозы, что через Артура и Криспина нам удастся проникнуть в недра подпольной сети и выйти на главаря банды, некоторые наши коллеги встречали снисходительными усмешками, называя их благими намерениями.

Как дальше будет развиваться игра, действительно трудно было предположить, и мы, ее действующие лица, отдавали себе отчет в том, что наши прогнозы базировались лишь на общей канве оперативного плана, который, как и многие ему подобные, мог окончиться неудачей. Время, хотя и медленно, но шло, и трудно было определить, играет оно на нас или на противника.

Звук быстрых шагов прервал мои размышления. В комнату влетела запыхавшаяся Магда. Прежде чем она произнесла что-либо, я подскочил к ней с вопросом:

— Был Криспин?

— Подожди, отдышись только, мне пришлось попетлять, чтобы не притащить за собой «хвост». — И, не ответив на мой вопрос, она подошла к окну, чтобы дать условный сигнал поручнику Зютеку.

— Я пришла в кафе раньше назначенного времени, — начала она свой доклад. — Выбрала столик, за которым можно было спокойно побеседовать. Через несколько минут появился Артур, увидел опознавательный признак на моем столике и назвал пароль. Мне показалось, что он несколько удивился при виде меня, возможно, он рассчитывал встретиться с той же связной, которая была в Забже. Артур попросил передать пану Каролу, что у него есть очень срочное дело и что он будет ожидать Кароля в известном месте на улице Костюшко...

— А почему он хочет встретиться с Каролем? — поинтересовался Зютек, успевший уже прийти в номер.

— Вот вы какие, — всплеснула руками Магда. — Сначала вдальблываете мне, что я должна вести себя как связная иностранной разведки, слушать, что ей передают, и не задавать лишних вопросов, а потом требуете, чтобы я знала все. Остальное — это дело пана Кароля, — она посмотрела в мою сторону, — он все узнает завтра.

— А как вы договорились относительно встречи? — спросил я Магду.

— Как велел майор, — ответила она. — Я сказала Артуру, что, к сожалению, смогу увидеть Кароля лишь завтра, тогда и передам ему эту ценную информацию. Мы условились, что Артур будет ждать в четверг на известном тебе месте на улице Костюшко в девятнадцать часов или в пятицу в то же время.

— Что еще говорил Артур? — поинтересовался Зютек.

— У меня создалось впечатление, что он хотел о чем-то спросить, но поскольку видел меня в первый раз, то не решился. А так, спрашивал о пане Кароле. Ну, я ответила, как учил майор, что в последнее время Кароль очень занят, и я его вижу редко. Потом поговорили о всяких отвлеченных вещах, мне он сказал несколько комплиментов, ну, это к делу не относится. Попрощались и... я растворилась в толпе, исчезла, как ас разведки, — улыбнулась Магда. Затем уже серьезным тоном сказала, обращаясь к Зютеку: — Вы, товарищ начальник, не беспокойтесь, я произвела на него хорошее впечатление и как женщина, и как член организации. Из кафе я вышла первой и, убедившись, что никто за мной не идет, направилась сюда.

Магда пришла с известием, которое обнадеживало. На следующий день в девятнадцать часов я был на улице Костюшко. До этого мне немало пришлось побродить по городу, так как приходиться раньше условленного времени было нельзя. Этого требовали азы конспирации. Не скрою, меня так и подмывало побыстрее узнать, что за срочный вопрос ко мне у Артура. Именно так он сказал Магде. Если бы я у него застал Криспина, вот тогда дело бы сдвинулось с мертвой точки. Когда я входил в ворота дома, то заметил, что Артур наблюдает за мной в окно. Дверь он открыл мне прежде, чем я успел постучаться. Он встретил меня как старого знакомого: радушно и, я бы сказал, даже угодливо.

— Вы можете чувствовать себя абсолютно свободно,

шеф, — сказал он в прихожей, — моя хозяйка выехала не меньше чем на месяц к больной сестре во Вроцлав.

Стол к моему приходу был уже накрыт. На нем лежали бутерброды, стояла бутылка хорошей водки. Артур вышел в кухню и вернулся оттуда с кипящим чайником. Затем он залил кипятком кофе в стаканах и наполнил рюмки.

— А я уже стал беспокоиться, что вы меня забыли, — начал он, приглашая выпить. — У меня сейчас масса свободного времени, и если потребуется моя помощь...

Вначале беседа шла на общие темы, и я ничего пока из нее для себя не выловил. В конце концов я как бы вскользь бросил:

— Ну а как там Криспин?

— Он у меня был во вторник, — ответил Артур, — и спрашивал, нет ли новостей от Польдека, жалел, что не мог остаться до среды: у него в магазине ожидалась ревизия, а ему очень хотелось увидаться с вами. Но он просил передать, что выйдет на связь в ближайшую среду в кафе «Замковое». Я ему сообщил пароль и опознавательные признаки связанной.

Артур суетился, всячески угождая мне, то и дело подливал в рюмки, словом, давал понять, что считает меня своим начальником. Он расспрашивал о жизни за рубежом и о возможностях возникновения вооруженного конфликта между Востоком и Западом, с которым связывал свои личные планы. И только когда мы выпили по нескольку рюмок жгтневки, стало ясно, что истинной причиной этой встречи является его просьба помочь одному его знакомому по имени Фред, который скрывался от правосудия.

— Мне посоветовал Криспин обратиться к вам с этим вопросом. Фред убежал из тюрьмы и скрывался в Ополе, пока не заметил, что им заинтересовалась безопасность, — говорил Артур. — Тогда он дал оттуда деру и приехал ко мне в Краков. У него нет никаких документов, и он может попасться совершенно случайно, даже при неправильном переходе улицы. Если вы снабдите его документами и предоставите хоть какую-нибудь зацепку для легального существования, он будет на вас работать. Я его знаю, это надежный человек, ему стоит помочь. — Артур смотрел на меня выжидающе.

— Что ему сказали обо мне? — спросил я.

— То, что вы работаете в западной разведке.

— А откуда у вас такие сведения?

— Криспин сказал, — ответил Артур.

— Разумеется, Криспин не скажет, что я работаю в ма-

гистрате, если он устанавливал пароль и устроил у вас нашу явку, — обрезал я его. — Но вы должны держать язык за зубами, не болтать ни с кем без моего разрешения!

Не ожидавший резкости с моей стороны, Артур отстал рюмку, которую поднес было ко рту, и смотрел на меня в замешательстве.

— Фред — надежный парень... — начал он несмело.

— Это еще ничего не значит, — оборвал я его. — Надежных людей тысячи. А если я не соглашусь на встречу с этим вашим Фредом, то на кой черт ему знать обо мне? Зарубите себе на носу раз и навсегда, что без согласования со мной о наших контактах никому ни слова! Понятно?

— Слушаюсь, — ответил Артур.

— У меня тоже есть печальство, и только с ним мы можем принять решение. Когда удобнее с ним увидежся? — спросил я.

— Да хотя бы завтра, — ответил Артур.

— Завтра у меня более важные дела. Послезавтра в восемнадцать, здесь, у вас. Поскольку у Фреда нет документов, на квартире будет безопаснее, чем в городе. Я приду на полчаса раньше, чтобы поговорить сначала с вами.

Артур успокоился и приглашающим жестом поднял рюмку.

— Ну, по последней. Зачем меня видеть дворнику, — сказал я, глядя на часы, — а он скоро закроет ворота. Итак, до субботы.

Поздно вечером я возвратился к себе на Подгуже. Ворота были уже заперты. В это время в окнах домов по улице Лимаковского уже гасили свет, и можно было встретить лишь редких запоздавших прохожих, которые не успели вернуться домой до «поверки»¹. Я знал, где живет дворник, и завязал с ним знакомство сразу же после своего вселения. Казалось, он почувствовал ко мне что-то вроде симпатии, а это было кстати. Я постучал в окно на первом этаже и спустя несколько минут был уже у себя. Хозяйка спала. Долго в моей комнате еще горела настольная лампа — я записывал содержание беседы с Артуром, чтобы на следующее утро передать рапорт Старику.

Известие, что Криспин появится в ближайшую среду в кафе «Замковое», взволновало даже всегда невозмутимого

¹ В больших польских городах дворники закрывают двери и ворота домов в десять-одиннадцать часов вечера. — *Прим. пер.*

начальника. Майор, хотя он в этом и не признавался, все же сомневался в успехе моей миссии. Поэтому каждая новость в нашем деле пробуждала искру надежды. Старик внимательно прочитал мой рапорт о встрече с Артуром. Пока еще никто из нас не знал, кто такой Фред. Действительно ли он бежал из тюрьмы и скрывался, или же это подставная фигура из банды Лешека, направленная в Краков для того, чтобы меня проверить? Старик поручил мне так провести встречу с Артуром и Фредом, чтобы убедить тех, кто, возможно, скрывался за ними, что Кароль действительно выполняет важные разведывательные задания.

В субботу я снова оказался в квартире Артура. Пока мы были вдвоем, я поставил перед ним задачу, которую он так стремился получить.

— Вы будете обслуживать передаточный пункт информации в своей квартире. Наш человек может появиться в любой день между шестнадцатью и восемнадцатью часами. Пароль будет тот же, что передал Криспин. Вы на него должны ответить так же, как отвечали мне. Пришелец оставит для меня материалы, которые необходимо спрятать в каком-либо контейнере и доставить лично мне или той связной, с которой познакомились в «Замковом». Напоминаю пароль: «Я хотел бы купить софу с зеленой обивкой». Что вы ответите?

— «У моего приятеля есть топчан», — сказал после продолжительной паузы Артур.

— Какой топчан? — спросил я. — Это неполный пароль. Вы что, забыли? «У моего приятеля есть топчан, но с красной обивкой». Повторите!

Было уже шесть часов вечера. Вот-вот должен был прийти Фред. Поскольку хотелось переговорить с ним без такого свидетеля, как Артур, я попросил хозяина квартиры, чтобы он познакомил меня со своим товарищем и на два часа оставил нас вдвоем. Артур на секунду заколебался, и я, заметив это, категорически заявил, что разведчики разговаривают между собой только с глазу на глаз.

— Понимаю, — послушно ответил Артур. — Я в таком случае пойду и вернусь в восемь.

— Если Фред уйдет раньше, я подожду вас в квартире и никому не буду открывать.

Вскоре послышался энергичный стук в дверь. Артур ввел в комнату Фреда и, согласно обещанию, вышел.

— Ну что же, слушаю, — обратился я к мужчине, кото-

рый уселся передо мной. Фред на минуту задумался, он, видимо, был несколько обескуражен таким бесцеремонным началом. Я внимательно оглядел его. Широкоплечий, среднего роста, шатен, неплохо одет, слегка бегающие глаза. Единственной приметой, которую мне удалось на нем увидеть, была маленькая бородавка, прилепившаяся на самом кончике носа.

— Артур вроде бы вам сказал обо мне, — проговорил неуверенным тоном Фред. — Я нахожусь в трудном положении.

— Но я хотел бы услышать вашу историю от вас. Нам ведь придется сотрудничать. Между нами не должно быть недомолвок.

В результате я узнал, что Фред был в Армии Крайовой по Львове, затем его призвали в Войско Польское, откуда он дезертировал и, раздобыв документы репатрианта, под другой фамилией приехал в Бытом. Его распознали как дезертира, скрывающегося под чужой фамилией, нашли пистолет и осудили на восемь лет тюрьмы. В момент, когда его выводили из здания суда, он бежал. Затем скрывался в Ополе у знакомой женщины.

— Остальное вы, наверное, знаете, — закончил Фред и посмотрел на меня выжидающе.

— Откуда вы знаете Артура? — спросил я, пытаюсь получить от него интересующие меня подробности.

— Я познакомился с ним в Бытоме в сорок шестом году, у нас были общие дела. Это Артур снабдил меня фальшивыми документами репатрианта. У него у самого такие же.

— А Криспин вам знаком? — поинтересовался я.

— Только по рассказам.

— И вы, значит, хотели бы работать на нас?

— Да, — ответил Фред, — но без документов я не могу свободно передвигаться. У меня нет жилья, и деньги кончились.

— Как ваша настоящая фамилия?

— Неужели это так необходимо знать? У меня теперь нет фамилии.

— Я вам ее дам, но для этого я должен знать о вас все. А может быть, вас подослала безопасность? — бросил я как бы вкось.

— Мое настоящее имя Альфред Камертон, но в Бытоме я выступал под фамилией Хлодек.

— А как бы вы хотели называться теперь?

— Мне все равно. Девичью фамилию матери можно

взять? — спросил он, а когда я утвердительно кивнул, предложил: — В таком случае пусть будет Суский.

Мне не хотелось затягивать разговор. Фред не знал Криспина, поэтому для нас особого интереса не представлял. Я взял его фотографию, чтобы у тех, кто стоял за Криспином, создалось впечатление, что Кароль действует.

Провожая его до дверей, я сказал, чтобы он ждал меня во вторник в шесть вечера у входа в парк Беднарского на Подгуже.

Сейчас уже мне трудно восстановить в памяти многие детали операции «Паутина». Годы стерли подробности многих встреч, разговоров, лица некоторых людей, с которыми мне пришлось тогда встречаться, полузабылись различные задания, порой противоречивая многочисленная информация, поступающая с разных сторон. Помню, нас постоянно мучила мысль, не идем ли мы по ложному пути, не заведет ли он нас в тупик? Артур, Фред, Криспин... Кто еще? В условиях конспирации мы углублялись внутрь реакционного подполья, действующего вне нормальной жизни, и все время боялись порвать ниточку, которая должна была привести нас к тем, кто руководил действиями банды. Это были люди, способные пойти на самые тяжкие преступления, стоявшие на крайне антиобщественных, антинародных позициях и, кроме лютой ненависти к новой действительности, не имевшие никакой другой политической платформы.

События, которые подсказывали нам дальнейший путь проникновения в банду, на первый взгляд не были взаимосвязаны. Каждую неделю приходилось придумывать все новые варианты поисков, изменять направления проводимой игры. Теперь, когда прошло много лет, я листаю пожелтевшие и покрывшиеся архивной пылью тома дела под кодовым названием «Паутина». На основании написанных мною в то время донесений и рапортов стараюсь восстановить ход событий, которые только позже приобрели какую-то логическую связь.

В установленное время и в условленном месте я передал Фреду документы, а также обеспечил ему надежное место укрытия. На первое время он поселился в моей комнатухе на улице Липмановского. Разумеется, хозяйка не была в восторге, но я успокоил ее, что «двоюродный брат» приехал только на несколько дней. Старик посчитал, что помощь

Фреду может стать большим козырем в нашей игре против тех, кого представлял Криспин, а для нас это было самое главное.

И снова наступила среда. Связная от Кароля пошла на встречу в кафе «Замковое».

В тот день я с особым напряжением ожидал возвращения Магды. Когда девушка показалась в дверях, по выражению ее лица понял, что есть новости.

— Приехал Криспин, будет ждать меня через час у кино «Аполло», — выпалила она одним духом.

— Сегодня, как и говорил Старик, — ответил я с нескрываемым облегчением.

Магда вышла, оставив ключи, как и полагалось, у портье: ведь это она снимала номер в гостинице «У Розы». Зютек ждал в столовой на улице Святого Тамоша. Магда должна была сначала дать знать поручику о том, что встреча с Криспином состоялась, а потом «перехватить» его и провести в гостиницу. Затем наступала моя очередь.

Я встретил Криспина как старого знакомого. Магда молча вышла из комнаты, и мы остались одни. Криспин вел себя так же, как и во время нашей встречи в Тарнуве, был спокоен и сдержан. Слушая наш разговор, можно было подумать, что это встретились двое командированных служащих, которые коротают время в беседе обо всем и ни о чем. Я избрал выжидательную тактику и, хотя меня терзало нетерпение спросить, в чем причина его появления, все же не начинал разговора на эту тему, чтобы у него не сложилось впечатление, будто очень уж ожидаю сигнала от «тех».

В конце концов сам Криспин перешел к делу.

— Я получил открытку от Польдека, — начал он.

— Кто-то приехал оттуда? — спросил я, делая вид, что заинтересован известием.

— Нет, — возразил Криспин, — он ее отправил по почте, на марке штемпель Мюнхена.

— Да, его перебросили дальше на Запад, там безопаснее, чем в Берлине. Ну, и что он пишет?

Я знал, что открытку отправил оттуда наш человек по поручению Старика. Криспин сказал, что, к сожалению, открытка содержала лишь обычные приветы. Я высказался в том смысле, что иного и ждать было нельзя. Почта — это не то учреждение, к помощи которого могут прибегать люди нашей профессии, тем более что известие о выезде Польдека за границу могло попасть в органы госбезопасности, которые, по всей вероятности, продолжали его разыскивать в Польше. Криспин согласно кивал. Я по-прежнему не инте-

ресовался, зачем ему понадобился. Вероятно, не для того, подумалось мне, чтобы рассказать об открытке из Мюнхена, содержавшей несколько ничего не значащих слов, хотя, впрочем, и этого нельзя было исключать.

Криспин вспомнил, что как-то он был у Артура. Я поинтересовался, какого он мнения о Фреде. Он не знал его лично, ему о нем рассказывал Артур, который восхищался действиями людей Кароля, со всеми подробностями сообщив также Криспину о том, что я помог Фреду, снабдил его документами и предоставил надежную квартиру. Артур также похвалился тем, что я его втянул в работу, и даже проболтался, что выезжал по моему заданию в Забже. Я, разумеется, выразил свое неудовольствие его болтливостью не потому (я это подчеркнул), что не доверяю Криспину, а потому, что даже малейшая разболтанность в работе разведчика может очень дорого обойтись всем, и каждый должен знать только то, что непосредственно относится к выполняемому им заданию.

— Сегодня нам нужно не много сотрудников, но это должны быть очень надежные и решительные люди, — сказал я, твердо глядя прямо в глаза Криспину. Он помолчал немного и наконец коснулся той темы, которая нас более всего интересовала. Он приехал на встречу со мной по поручению группы людей, потерявших почву под ногами, как он выразился, которые уже давно действуют в подполье, но у которых нет надежных связей. При этих словах я едва удержался, чтобы не выразить радости. Ведь именно этого мы ждали в течение почти трех долгих месяцев. Я спокойно дал ему понять, что наш разведцентр рассчитывает на их группу. Прибыв на Запад, Польдек рассказал о ней все, что могло пригодиться «нашим». Мы знали о больших потенциальных возможностях их организации и получили, дескать, даже задание войти с ней в контакт и узнать поподробнее, чем она может быть нам полезна. Затем я сказал Криспину, что он вовремя начал этот разговор, поскольку «та сторона» связывает с районом Бохня, Тарнув планы проведения очень серьезной операции.

— Чем вы располагаете на местах? — поинтересовался я.

— Я всего лишь связной при группе Лешека, — ответил он.

Все стало на свои места. Я облегченно вздохнул и решил, что дальнейший зондаж Криспина нецелесообразен. Осталось лишь согласовать детали установления контакта с Лешком. Я испытывал двойное удовлетворение: для нас от-

крылся канал проникновения в банду и произошло это по их инициативе. Связой банды будет ожидать меня уже завтра вечером в Тшчане. Мы еще раз повторили обязательные атрибуты встречи: пароль, опознавательные признаки, другие мелочи. Потом еще несколько минут мы вели беседу на отвлеченные темы, и я распрощался с Криспином. Мне казалось маловероятным, чтобы «те» следили за ним, когда он шел на встречу со мной. Однако эту возможность полностью исключать было нельзя, и лишь спустя какое-то время после его ухода я покинул гостиницу «У Розы». Проверив несколько раз, не идет ли кто за мной, уже со спокойной душой зашел в маленькую столовую на улице Святого Томаша, где меня ждал Зютек.

— Я ужасно волновался, — сказал он.

— Теперь понимаешь, что иногда ждать труднее, чем действовать? — ответил я.

— Ладно, кончай философствовать! Старик тоже ждет с нетерпением. Едем.

Было послеобеденное время. Автобусная станция в Кракове. Издалека мелькнула фигура Зютека, пришедшего уточнить, не отменен ли рейс до Жегодины. Когда наш автобус выруливал от автовокзала на улицу, я заметил, как Зютек слегка махнул мне рукой на прощание. Только я и знал, кому был предназначен его жест. Но не ответил. Не было уверенности в том, что «те» не подсадили вслед за мной в автобус «опекуна», ведь они знали, что я должен был выехать из Кракова в это время, чтобы успеть на встречу с их связным. Тщательно изучив трассу, я установил, что после продолжительной стоянки в Гдове автобус делал затем еще остановки: Лапанув, Убжеж и Тшчан. Там предстояло выходить.

Глядя в окно, я размышлял о разговоре со Стариком. Майор лично (в который уже раз) проинструктировал меня, мы вместе проанализировали пункт за пунктом весь ход игры до сегодняшнего ее состояния. Оперативная группа воёводского управления госбезопасности, рассредоточившаяся в округе и занятая поиском следов банды Лешека, пока не могла похвалиться особыми успехами. За все время удалось арестовать нескольких помощников бандитов, представлявших им укрытие, но затем следы прерывались, и люди Лешека по-прежнему оставались на свободе, словно уходили под землю. Старик опасался, как бы в банду не просочились сведения о передвижениях группы поручника Яне-

ка, как это случилось в мае во время подобной операции в другом районе, когда сигнал о наших действиях каким-то образом был передан главарям преступников.

Банда Лепека была сейчас в положении личинки в коконе: опутана сетью помощников, осведомителей, связанных с ней различными конспиративными каналами, семейными и дружескими путями. Самыми большими препятствиями на пути раскрытия этой сети были террор, пасаждаемый ею, и лисья хитрость ее главаря, не останавливающегося ни перед чем. Было известно, что Лешек, этот достойный выкорымыш и заместитель другого палача — Залпа, никогда не сближался с людьми, которые хоть когда-нибудь были арестованы и как-то соприкасались с органами безопасности, и даже с теми, кто, по его мнению, слишком часто бывал в городе. С подозрительностью присматривался он ко вновь прибывшим в те края, даже если это были родственники местных жителей.

Вдалеке показались огни какого-то населенного пункта, машина тяжело поднималась в гору. Еще несколько поворотов — и мы въехали на центральную площадь Гдова. В автобусе сделалось шумно, пожилые крестьянки с мешками за спиной протискивались к выходу. Сразу стало свободнее, и я пересел поближе к водителю, чтобы легче узнать остановку, на которой пужно было выходить. Автобус двинулся дальше. Еще три перегона, чуть более десяти километров, — и я на месте. Мысленно я все время возвращался к разговору со Стариком. Он советовал быть крайне осторожным. «Когда окажешься там, то рассчитывай только на себя, контролируй каждое свое слово. Если допустишь ошибку, то это может дорого стоить. В этой игре ставкой является жизнь. Перед выездом тщательно проверь карманы, напомни себе еще раз, что тебя зовут Мариан Зайонц, и этому не должны противоречить случайная записка или блокпот. С собой возьми только новые документы и колт, но лучше, если ты обойдешься без его применения».

Мне не раз приходилось бывать в подобной ситуации, и я знал, что первая встреча с бандой связана с самым большим риском, но, возможно, именно потому, что последние недели так много думал о встрече с Лешекком, теперь не испытывал уж очень большого волнения. Я располагал хорошо составленной легендой и вез с собой порядочный набор аргументов, которые должны были составить неплохую исходную позицию. Все началось с сообщения Польдека, которое подтверждалось открыткой из Мюнхена, и это служило отличным доказательством правдоподобности всей вер-

сии. Сожженный «нами» отель «Президент» в Забже, а Артур видел его собственными глазами, являлся еще одним веским доказательством. Фред — тоже наш козырь в игре. Его легализация, предоставление ему места жительства, подготовка к разведывательной работе. Да еще Артур в роли содержателя явочной квартиры.

Старик сказал, что материалы, которые подготовлены для использования Каролем, были в соответствующее время вручены Артуру одним «таинственным незнакомцем». Об этом должны уже знать те, кто встретит меня в Тшчане. А может быть, и не в Тшчане, где-нибудь в другом месте? Как знать, куда заведет меня связной, где находится притон, в котором притаились и ждут меня «они»?

В непроницаемой темноте я едва различил бледный свет из окон изб, показавшихся по обеим сторонам дороги. Автобус остановился на каком-то перекрестке. Неужели я на месте?

— Это Убжеж,— ответил шофер на вопрос какого-то подвыпившего пассажира.

На следующей остановке я сошел. Автобус исчез за поворотом. Я остался один. Связной должен был ждать здесь. Стоял теплый майский вечер. Внезапно я увидел появившийся в темноте огонек сигареты и только потом — фигуру мужчины, подошедшего ко мне со стороны деревьев, росших на противоположной стороне дороги.

— Пан Кароль? — обратился он ко мне, оглядываясь.

— Да, от Криспина,— ответил я.

— Один поклон...— сказал он и оборвал фразу.

— ...и три приветов,— закончил я кароль. Мои глаза уже освоились с темнотой. Связной был молодым мужчиной лет двадцати пяти, одет по-деревенски, его лицо заслонял козырек надвинутой на лоб кепки.

— Куда вы меня теперь поведете? — спросил я.

В ответ услышал, что в соседнюю деревню. Мы пошли по шоссе и, пройдя мост, свернули на полевую дорогу. Проводник шел впереди. Минувая последние дворы деревни, мы свернули вправо и пошли узкой тропинкой.

— Что это за река? — поинтересовался я в расчете вытянуть спутника в разговор, чтобы получить от него какую-нибудь полезную информацию.

— Страдомка,— ответил он и продолжал идти молча. Спустя какое-то время добавил: — Впадает в Рабу.

Я спросил его еще о чем-то, а затем отказался от дальнейших вопросов: разговора явно не получалось.

Сейчас уже не помню, долго ли мы так шли, прежде чем,

спустившись под гору, увидели вдалеке огоньки деревни.

— Это Збыднюв,— сообщил мне проводник и показал рукой на хутор, притаившийся под группой раскидистых деревьев. Когда мы подошли поближе, он оставил меня у кустарника, растущего на меже, а сам пошел к дому проверить, все ли там в порядке. Только теперь я заметил, что сквозь щели в ставнях пробивается свет. Машинально я поправил за поясом свой кольт. Вскоре из избы вышел связной и через темные сени ввел меня в дом. Изба слабо освещалась закопченной керосиновой лампой. Какой-то мужчина медленно встал из-за стола и, невнятно пробормотав свою фамилию, подал руку. Поздоровавшись, я ждал, что он скажет, но и он, видимо, ждал моих слов и только внимательно смотрел на меня. Молчание затягивалось. Мы все еще стояли друг перед другом, когда он обратился ко мне с неожиданным вопросом:

— Кто вы такой на самом деле?

— Это, скорее, вы должны мне представиться,— парировал я.— Ваша группа знает, кто приглашен на встречу.

— Сегодня не известно, кому верить,— буркнул он и опять стал меня разглядывать.

Я решил перехватить инициативу в разговоре, понимая, что, если не буду иметь над ним перевес, шансов на успешное выполнение задания будет немного. Я сказал ему, что являюсь представителем резидентуры разведки и приехал сюда не для того, чтобы рассказывать свою биографию, а чтобы согласовать условия нашего возможного сотрудничества, которое осуществимо только в том случае, если действующая самостоятельно группа Лешека и ее агентурная сеть подчинятся нам и будут выполнять наши поручения. Я все еще не решил, какую занять позицию, поскольку было неизвестно, кем является мой собеседник. Однако решил рискнуть и вести разговор в резком, наступательном тоне. Если, дескать, они мне полностью не доверяют, можно спокойно разойтись и никогда больше не встречаться.

— Я этого не говорил,— примирительно сказал мужчина.

— В таком случае изложите, пожалуйста, какими возможностями вы располагаете,— потребовал я.

— У нас хорошо вооруженная группа и законспирированная сеть наших людей числом более ста человек, которые в этой местности могут сделать многое. Но мы нуждаемся в деньгах и оружии, а особенно в боеприпасах. Они у нас на исходе.

— Об этом будем разговаривать тогда,— ответил я решительным тоном,— когда я смогу оценить возможности вашей

группы и сети. Вы являетесь одним из сотрудников штаба группы?

По его уклончивому ответу я понял, что он, скорее, был представителем агентурной сети банды из числа местных жителей. Да и весь его вид и одежда свидетельствовали о том, что он вряд ли был в руководстве банды. Мне не хотелось настраивать его против себя, но и не хотелось говорить ему слишком много, чтобы не лишиться аргументов, которые надлежало употребить только в разговоре с главарем.

— Я приехал для того, чтобы обсудить конкретные поручения группе исполнителей. Поэтому-то наш центр на Западе приказал выйти на связь с Криспином. Группу Лешек мы можем снабдить всем: оружием, деньгами, документами. Но у меня есть начальство, которому я обязан по возвращении доложить о состоянии боевой готовности ваших людей, их обученности, вооружении, размещении агентурной сети, и только тогда у нас будут основания для предметного разговора. Я не буду говорить о заданиях без их исполнителей.

— В округе появились незнакомые люди. Лешек подозревает, что их подослала безопасность, и поэтому он расщедоточил свой личный состав в разных местах.

— А чем вы занимаетесь у Лешака? — спросил я.

— Я руковожу местным отделением сети, мой псевдоним Сад.

Ну что же, подумалось мне, это уже недалеко от цели. При этом я мысленно искал сильный аргумент, который убедил бы главаря в необходимости личной встречи со мной. Сад нарезал хлеб, колбасу, положил на стол яйца, разлил водку в стаканы. Со словами «за наше общее дело» я выпил и бесцеремонно потребовал, чтобы он устроил мне встречу с Лешаком. Затем я говорил о новых условиях борьбы, открывающихся для нас, о заданиях из-за границы, о том, что мы должны провести в окрестностях Бохны диверсионную акцию. Какую? Я могу сказать об этом только руководителю группы. Далее я распространялся о том, что не следует действовать обособленно, но если мы не добьемся согласия с Лешаком, то придется поручить исполнение намеченной операции нашим соратникам из другого района.

— Лешек поручил мне контактировать с вами, — вставил Сад.

— Есть вещи, которые я имею право обсуждать только с командиром или его заместителем, — ответил я. — Когда вы с ними увидите?

— Через два дня.

Я попросил его передать ответ через Криспина.

— Нет, хотелось бы передать вам лично, а не через Криспина, — возразил он.

Не задумываясь над тем, почему он хочет обойти Криспина, я условился встретиться с Садом в ближайшее воскресенье в шестнадцать часов в Кракове и дал ему адрес квартиры на улице Костюшко и пароль для Артура на тот случай, если непредвиденные обстоятельства помешают ему приехать в назначенное время. На прощание я сказал, что буду ждать его лично.

Внезапно Сад прервал разговор, вскочил с места и, подбежав к окну, прислушался. Со стороны деревни все громче слышался лай собак. Он выбежал в сени. «Может быть, это банды?» — подумал я и нащупал рукой кольт. Пуля была в стволе, а теперь я снял пистолет с предохранителя и ждал, прислушиваясь, не подходит ли кто к дому. Прошло порядочно времени, и лай собак постепенно утих. Скрипнули двери в сенях, и в избе появился Сад. Я даже не слышал его шагов. Он проводил меня на сеновал. Стояла теплая майская почва. На рассвете меня разбудила хозяйка, возвращавшаяся с подойником от коровы. Мне подумалось, что это жепы Сады. Она налила мне кружку парного молока и показала, как пройти к автобусной остановке. Сад не появился. Возможно, он и не жил в этом доме.

Первым автобусом я вернулся в Краков. На вокзале меня поджидала Магда. Она стояла в своем светлом поплиновом плащике и высматривала меня в толпе выходящих на улицу пассажиров.

— Все переживали за тебя, а я меньше всех и, наверное, поэтому пришла сюда. Удивляешься, что я здесь?

Мы вышли на Бульварное кольцо. Магда взяла меня под руку, хотя прежде никогда этого не делала, и мне, не знаю почему, стало как-то тепло.

Старик поехал в Варшаву. Мой начальник и Зютек ждали моего возвращения.

— Ты знаешь, я Магду удержать не смог — так рвалась к тебе на вокзал, — сказал Зютек, похлопывая меня по плечу.

Мой доклад о поездке начальник и Зютек часто прерывали вопросами. Я и сам старался не пропустить ни одной детали. Я был пыльный, небритый и страшно усталый. Уже давно окончился мой рассказ, а они все рассуждали о планах, о наших действиях в ближайшие дни. Затем, когда я уже собрался выходить, Зютек сказал:

— Не забудь, что еще сегодня ты должен получить материалы, которые Сташек под видом какого-то таинственного типа передал Артуру. Мы должны создать видимость, что наша сеть действует. И еще одно. Я в твое отсутствие спросил личное дело Альфреда Камертона. Этот твой Фред действительно бежал из тюрьмы, но с движением Сопротивления в войну он не имел ничего общего, не был и членом АК. Во время оккупации он работал у немцев в качестве переводчика в строительных частях. Его судили не только за то, о чем он сказал, но и за присвоение после войны нескольких десятков тысяч злотых в организации «Каритас», где он подвизался, пользуясь документами репатрианта по фамилии Хлодек. А вообще-то Артур точно такой же документ выдал и Польдеку. И нам еще не известно, что за тип Артур. Кропидловский — это не настоящая его фамилия, может быть, нам это разъяснит Польдек, когда мы его придем на допросе. А пока мы не можем взяться всерьез за Артура, чтобы не нарушить легенду, под которой ты выступаешь.

— Собственно говоря, нужно было бы взять и Фреда и Артура, но это помешало бы тебе, так что подождем,— сказал начальник.

На улице Костюшко я поехал во второй половине дня. Артура застал дома. Это было время, когда он, согласно заданию, должен был ждать курьера. Он вышел в кухню и вернулся с книгой в руке.

— Какой-то человек принес это для вас,— сказал он, подавая книгу. Я раскрыл ее и из-за корешка обложки вытянул тоненький, густо исписанный листок папиросной бумаги.

— Как раз это мы и ждем,— сказал я, сделав вид, что с интересом изучаю закодированный текст.

Я стоял у окна. По улице проезжал плотно набитый людьми трамвай. Народ возвращался с работы. Не обращая внимания на Артура, я думал о том, что мне предстоит. Послезавтра в этой квартире я буду разговаривать с Садом. С чем он придет?

Артур поставил чайник на газ, накрыл стол, вынул из буфета бутылку, тарелки и рюмки. Я вернул ему книгу, вложив в нее зашифрованную записку.

— Сегодня должна прийти девушка-курьер. Отдайте ей это.

Артур вышел на кухню.

— Кто-то стучит, откройте, может быть, это она,— крикнул он оттуда.

Это была не Магда. В дверях я увидел сухощавого брюнета.

— Извините, это вы — знакомый Польдека? — сказал он. — Я забыл вашу фамилию, но, к счастью, запомнил номер квартиры. Польдек арестован, мы сидели с ним в одной камере. Он просил передать, что ничего не сказал ни о сахарине, ни о Бауэре. Он сказал, что вы сами все поймете.

В этот момент мне стало ясно, что произошло. Поблагодарив, я почти вытолкнул его за дверь. «Слышал ли Артур?» — молниеносно пронеслась мысль. Я обернулся на приоткрытую дверь в кухню и пошел туда. Что делать?

Артур показался в дверях, и наши глаза встретились. Теперь у меня не было сомнений, что он все слышал. Он секунду колебался, а затем, с силой отпихнув меня, прыгнул по направлению к выходной двери. Я моментально схватил кольт:

— Руки вверх!

3

Артур одним прыжком приблизился к выходу, отчаянно рванув на себя дверь, но она не поддавалась. Вероятно, он рассчитывал на то, что, выпуская незнакомца, я не задвинул щеколду.

— Стой! — крикнул я. — Я стреляю быстрее, чем ты предполагаешь!

Он в отчаянии опустил руки, поняв, что у него нет шансов на побег, и стоял напротив меня у дверей, глядя на ствол пистолета, направленного на него.

— Руки вверх, — повторил я уже спокойнее и добавил: — Отвернись к стене.

Артур подчинился. Я быстро ощупал его, оружия при нем не было. Я еще сам не пришел в себя и до сих пор действовал почти инстинктивно.

— Что ты хочешь со мной сделать? — спросил он, повернув голову через плечо.

«Действительно, что же теперь? — пронеслось у меня в голове. — Ведь не могу же я держать его у стены в прихожей». Окно в комнате было открыто, оно выходило на улицу. Мы находились на невысоком втором этаже. Оставалась лишь кухня. Через маленькое окошко, имевшееся там высоко под потолком, человек не пролезет. Такие мысли крутились у меня в голове.

— Иди туда! — приказал я, подталкивая его в сторону кухни, и указал на стоящий в углу за маленьким столиком табурет. — Садись!

Артур постоял в нерешительности, в конце концов сел и молча искоса стал наблюдать за мной. Не было сомнений, что он только и ждет момента, как бы вырваться и убежать.

В чайнике закипела вода, и крышка подскакивала под давлением пара. Я выключил газ и, не отводя взгляда от Артура, принялся напряженно думать, как поступить. В комнате ждал накрытый стол, за которым мы бы теперь сидели вместе с Артуром, если бы не непредвиденное появление незнакомца. Еще несколько минут назад все выглядело так просто, словно это была одна из сцен фильма, отснятого по заранее подготовленному и хорошо известному сценарию. И вот внезапно ход действия прервался в самом неожиданном месте. К сожалению, мы не знали еще всех действующих лиц, которые могли появиться на сцене.

Ну кто мог подумать, что в квартиру номер четыре постучится незнакомец и сообщит в нескольких словах известие, передающее Польдеком, которое перечеркнет всю легенду Кароля. В глазах Артура я полностью разоблачен. Мне оставалось ждать до тех пор, пока стемнеет, и тогда я смогу вывести его из квартиры. Правда, оставалась надежда на то, что Магда в роли дисциплинированного курьера явится на явку за материалами. А если придет Фред?

— Что ты хочешь со мной сделать? — повторил Артур вопрос, на который не получил ответа. В волнении он обратился ко мне на «ты».

— Это зависит от тебя, — ответил я уклончиво.

Он попросил закурить. Я дал ему пачку сигарет и спички. Он в раздумье затянулся несколько раз.

— Откуда ты знаешь Бауэра? — спросил я. Артур молча курил. — Можешь быть уверен, Польдек теперь расскажет все: и о Бауэре, и о сахарине.

Я заметил, как Артур вздрогнул.

— Черт побери, да ведь это же была случайность, попросту нелепая случайность, что именно вы ему открыли дверь. Ведь я мог быть дома один, когда он постучался... — Артур оборвал фразу и смотрел на меня, словно ожидая чего-то.

— Для тебя несчастье, для меня — счастье. Таким, как ты, судьба благоволит лишь до поры до времени. Рано или поздно каждый попадается, — ответил я.

Артур явно тянул время, может быть еще не теряя надежды как-нибудь выкрутиться. Время от времени я обращался к нему с вопросами, на которые не ждал ответа, зная, что от него ничего не добьешься в этой обстановке. Просто хотелось как-то скоротать время, которое тянулось очень

медленно. Я прислушивался к шагам на лестнице, ожидая Магду. Артур тоже ждал кого-то. Может быть, Фреда? Видно было, как он нервничает, выкуривая одну сигарету за другой и наблюдая за мной и своего угла кухни. Вероятно, он обдумывал тактику, которую следует применить в разговоре со мной.

— Я знал только Криспина, — начал он в нерешительности. — О тех, кто находится в группе, я только слышал, но не имею с ними ничего общего. Если вы меня отпустите, то обещаю, что не скажу никому ни слова.

— А Польдек? — спросил я.

— Это совсем другое дело, — уклончиво ответил он. — Я, дурак, попался на удочку, так как рассчитывал с вашей помощью податься на Запад.

— Если бы ты установил связь не со мной, а действительно с представителем иностранной разведки, то понес бы ответственность не только за старые дела, но и за шпионаж. Как твое настоящее имя? — задал я неожиданный вопрос.

— Меня спровоцировали, — ответил Артур, сделав вид, что не расслышал вопроса.

— Неправда, ты сам просил, чтобы тебе дали задание, ты хотел стать шпионом, но ты не будешь отвечать за то, что исполнял по моим поручениям. Это не провокация. Нам пужен был не столько ты, сколько те, кто находится в банде, хотя ты тоже хорош гусь. Когда прокурор определит меру ответственности за твои шашни с Бауэром, комбинации с сахаринном и фальшивыми документами, которыми ты до сего дня пользуешься, ты тоже скажешь, что это провокация?

— Если хотите, то я буду работать на вас... Поеду к Криспину... Сделаю все, чем могу помочь.

— Не верю. Ты слишком легко предаешь своих вчерашних друзей.

Артур смолк, тяжело облокотился о кухонный стол и сидел с низко опущенной головой. Из неплотно закрытого крана в раковину капала вода.

— Есть еще один выход, — проговорил Артур. — Никто не знает, что вы были у меня, что приходил тот человек от Польдека, и никто не узнает, если я дам вам сто долларов за услугу. Сто долларов за молчание, — повторил он, выжидающе посмотрев на меня.

— Что ты сказал? — спросил я ошарашенно.

— Даю сто пятьдесят, — не унимался он.

— Молчать! — крикнул я в бешенстве от его наглости. Артур испугался, я увидел это по его глубоко запавшим

глазам, которыми он умоляюще ловил мой взгляд. Я оперся спиной о притолоку двери, ведущей в прихожую. С лестничной клетки слышались шаги, теперь уже довольно distinctly можно было различить, как скрипела лестница, как кто-то остановился на нашем этаже. Артур поднял голову, словно ожидал избавления, но опустил ее снова, услышав, что отпирают двери соседней квартиры. Опять наступила тишина, прерываемая звуками капающей воды. Артур по-прежнему почти недвижимо сидел на табурете, лишь изредка поглядывая в мою сторону, но уже не пытался начать разговор, поскольку исчерпал все аргументы. Он понимал, что вырваться отсюда мог бы только с применением силы, но, увидев в моих руках пистолет, побоялся это сделать.

— Что же, за сто пятьдесят долларов ты хотел перечеркнуть свое прошлое? — спросил я. — Нужно было раньше жить по-другому. Чем ты занимался во время оккупации? Кто тебе дал фальшивые документы репатрианта?

Артур молчал. Хотя фамилия Бауэр конкретно мне ничего не говорила, тем не менее я не сомневался, что она связана с периодом войны, так же как и сахарин. В противном случае зачем было ему укрываться после освобождения?

Первое возбуждение спало, я немного успокоился и стал пытаться проанализировать свое положение. Мне и впрямь повезло, что именно я оказался поблизости от дверей и открыл их мужчине, пришедшему с поручением от Польдека. Если бы Артур был в это время один, он давно бы убежал из квартиры, и, вероятно, через несколько часов известие о том, что Польдек вовсе не за границей, а в тюрьме, дошло бы до Криспина, а затем и до главаря банды. Только теперь я понял, с какой опасностью связано то обстоятельство, что наши карты были открыты. Опасность увеличивалась еще и потому, что противник знал уже методы нашей игры.

Я взглянул на Артура, который все так же сидел в углу кухни. Сейчас он был в моих руках, но если бы ему удалось убежать, то Сад не появился бы в воскресенье в Кракове. И тогда, подумал я, наверняка Магда или я, но скорее всего Магда, исполнявшая роль курьера, поехала бы к Криспину, и, вполне вероятно, это была бы ее последняя поездка, она попала бы в ловушку, а в таких случаях главарь банды был безжалостен.

— Ведь убежал бы ты в банду, а? Ну, скажи! — обратился я вполголоса к Артуру.

Он продолжал молчать. Что будет после ареста Артура,

размышлял я, только ли он узнал, кем в действительности является Кароль? А если известие от Польдека дошло и до «тех»? Кто может поручиться, что так не случилось?

Со стороны лестничной клетки опять донесся звук шагов, скрипнули еще несколько ступенек. Артур поднял голову. Наши взгляды встретились. Минута ожидания. Это, вероятно, к нам, кто-то остановился перед дверью. Постучит или нет? «А если это не Магда? — подумал я, глядя на Артура. — Что с ним сделать в таком случае?» Я знал, что где-то на кухне у него устроен тайник, но где? Сейчас я пока контролирую положение, но стоит мне выйти в прихожую, как он, оставшись один, может извлечь из неизвестного мне места пистолет и, если это пришел Фред или другой единомышленник Артура, они будут иметь двойной перевес надо мной. Можно было связать Артура, но теперь уже поздно. Послышался осторожный стук в дверь.

— Кто-то пришел, — оживился Артур.

— Минуточку! Сейчас открою! — крикнул я тому, кто стоял за дверью. — Не двигаться! — приказал я Артуру и сделал шаг в сторону выхода. На долю секунды он пропал у меня из виду, и я тотчас же сделал шаг вперед. Хотя прошло всего какое-то мгновение, Артур молниеносно вскочил и был почти уже в дверях. Он не предполагал, что я вернусь. Увидев направленный на него пистолет, он отпрянул и машинально поднял руки вверх.

— Меня не проведешь, — процедил я сквозь зубы. Очевидно, Артур не отказался от мысли воспользоваться любым случаем для побега, а у меня не было ни секунды на раздумье. — Иду, иду! — прокричал я, повернувшись в сторону выхода. Оставлять Артура в кухне было рискованно, в прихожую с собой я забрать его не мог, оставалась лишь ванная. — Иди сюда, — шепнул я, втолкнул его в ванную и запер там, а затем подошел к входной двери и отодвинул щеколду.

— Я хотела бы купить софу с зеленой обивкой, — продекламировала Магда, входя в прихожую.

— Игра окончилась. Хорошо, что это ты, — произнес я с облегчением, и Магда мгновенно поняла, что произошло что-то непредвиденное. Я в двух словах рассказал ей о случившемся. Необходимо было как можно быстрее вывести отсюда Артура.

— У меня есть «шестерка», — шепотом проговорила Магда, вынимая из сумочки револьвер. — Мы можем вдвоём его вывести.

— А если наткнемся на Фреда? — возразил я.

Магда поняла, что нужно действовать осторожно. На пошалке в прихожей висели ключи от квартиры, которые Артуру уже будут не нужны. Я снял их и отдал девушке.

— До твоего прихода я никому не открою, — сказал я.

Магда кивнула и вышла позвонить по телефону, чтобы сообщить майору о происшедшем и вызвать двух человек, которые забрали бы Артура.

Я снова остался один на один с моим пленником. Однако теперь я уже был спокоен. Мы вернулись на кухню. Смеркалось. Я не зажигал свет, чтобы не показать непрошеным гостям, что в квартире кто-то есть. Магда не возвращалась, хотя прошло уже более получаса. Я опять начал полноваться. Наконец послышался шум открываемой двери. Первой вошла Магда, а за ней Сташек и Войтек, работники нашего отдела. Убедившись, что на лестнице тихо, они вывели Артура. Мы с Магдой остались в квартире. Я выглянул из окна на улицу. Сташек держал Артура под руку, и они выглядели, как двое приятелей, вышедших погулять. На небольшом расстоянии за ними шел Войтек. Пройдя несколько метров, они сели в поджидавший их автомобиль. Машина тронулась и исчезла в темноте. Еще некоторое время я продолжал стоять в задумчивости у окна, забыв о присутствии Магды. Она подошла и положила мне руку на плечо.

— И что же дальше, пан Кароль? — спросила озабоченно. Видно было, что она очень переживает из-за случившегося.

— Какая неудача! — Только сейчас меня охватила бесильная ярость.

— Неужели так глупо закончится наша операция? — прошептала Магда.

На столе стояла бутылка житневки. Я налил две рюмки и одну из них подал Магде. В эту минуту она показалась мне очень близкой...

Время работало на нас. Необходимо было принять какое-то новое решение, обдумать план дальнейших действий. В тот же день поздним вечером майор провел совещание. Мы с Магдой тоже в нем участвовали. Старик нервно ходил по комнате, то и дело задавая вопросы. Мой начальник перелистывал какие-то донесения.

— Мы должны как-то объяснить Криспину и Фреду внезапное исчезновение Артура, — заявил Старик.

— Может быть, скажем, что его перебросили за границу? — вырвалось у Магды.

— Кароль никого не предупреждал о таком намерении.

Хватит с нас, что Польдек «переброшен», — сказал начальник.

— И выслал оттуда это чертово сообщение, — вставил Старик. — Необходимо установить, как это случилось, — обратился он к Зютеку, — и сделать это надо как можно быстрее.

— И надо узнать, только ли Артуру сообщил он это? — добавил я. — Если известие об аресте Польдека дошло до Криспина, то вся основа нашей оперативной игры рассыплется, как карточный домик.

— Польдек рассказал почти все, что знал о Криспине, причем в первые же дни. Он вообще его не жалел, а вот об Артуре не вымолвил ни словечка, по-видимому, опасаясь ответственности за совместные преступления, и именно поэтому направил к нему человека с предостережением, — сказал Зютек. — Отсюда можно предположить, что он не был заинтересован в предостережении Криспина.

— Герман Бауэр работал в гестапо и подчинялся Курту Гейнмайеру, — добавил начальник. — Но это уже другое дело.

— Сначала необходимо объяснить исчезновение Артура, — сказал Старик. — Если бы планировалась его переброска за границу, то он сообщил бы об этом Криспину или Фреду, и только поэтому мы не можем принять эту версию.

— А ведь Кароль мог неожиданно выслать Артура на Побережье, где ему предстояло ожидать приезда одного из иностранных кораблей, — предложил начальник. — Задание рассчитано на длительный срок, деталей можно не сообщать по причинам конспирации. На время отсутствия Артура Кароль может пользоваться его квартирой.

— Вот это хорошо, — согласился Старик. — Сейчас мы ничего лучшего и не придумаем. Многое зависит от того, приедет ли Сад, и с чем приедет. Если бы ты не перехватил сообщение из тюрьмы, — обратился ко мне шеф, — то сейчас уже не о чем было бы говорить. Только по счастливой случайности еще не все потеряно.

В общих чертах Старик обрисовал нам направление дальнейших действий. У нас тогда были две возможности проникнуть к главарю банды: через Сада, если он появится в воскресенье на улице Костюшко, или через Криспина, которого Сад по неизвестным причинам вообще не упоминал, уславливаясь со мной о встрече. Была еще одна слабая надежда найти дорогу к людям, связанным с Лешеком. Польдек на допросе сообщил ряд новых деталей, а также фамилии или псевдонимы нескольких человек, связанных с дея-

тольностью банды и до сих пор не принимавшихся нами во внимание. Все доказывало, что эти люди были частью местной агентурной сети банды в деревнях Клай, Лапанув, Рачеховице. Польдек говорил, что их знает также Криспин. Если бы Польдек находился в настоящее время в диверсионном центре в Западной Германии, то непременно передал бы эту информацию. Поэтому мы можем искать подходы к этим людям, предпринять попытку установить с ними связь и использовать их так, как это сделали бы наши противники из Берлина или Мюнхена.

Положение требовало действовать более наступательно. Каждый день увеличивал опасность, что известие об аресте Польдека или Артура дойдет до банды. Поэтому решено было рассчитывать не только на результаты встречи с Садом, но одновременно искать контакта с Криспином, а также теми, кого назвал Польдек, и под предлогом подготовки крупной диверсионной акции на территории, где действовала банда Лешека, стремиться связаться с опасным главарем.

Нам были известны уже пять человек, связанные с Лешком: Криспин, Сад и трое названных Польдеком из деревень Клай, Лапанув, Рачеховице. Территорию деятельности банды лучше всех знал поручник Янек, которого друзья называли командором, потому что он до войны служил на флоте. Потом Янек принимал участие в сентябрьских боях 1939 года с гитлеровцами, был одним из участников героической обороны полуострова Хель и с первых дней после освобождения работал в Краковском воеводстве, на самых трудных участках сражаясь за становление народной власти, и теперь руководил секретной операцией против банды, которая на территории нескольких повятов была известна под названием «Перун». Старик специально вызвал поручника Янека в Краков, чтобы согласовать с ним ряд важных деталей предстоящих действий, реализация которых поручалась мне.

Поручник Янек несколько раз внимательно прочитал протокол последних показаний Польдека, разложил на столе карту с обозначением мест, где в последнее время банда совершала налеты, раскрыл одну из своих папок и протянул мне кипу различных донесений своей агентуры из угрожаемого района.

— Вот посмотри, с кем мы имеем дело, тебе надо это знать, — сказал он.

Первый попавший мне на глаза рапорт подписал начальник отдела безопасности в Бокне:

«Нападение на школу практикантов-агрономов в Локче-Гурной.

В девятнадцать часов директор школы возвращался из города и был захвачен двумя вооруженными лицами, которые вместе с ним вошли в канцелярию школы. Нападающие перерезали телефонный провод и пригрозили находящимся в помещении учителям, что застрелят любого, кто осмелится выйти из комнаты. Бандиты знали расположение школьных помещений. Они забрали с собой одного из преподавателей и направились к учащимся, которые уже находились в спальне. Поставив подростков лицом к стене, они обрызгали всех бензином, которым затем облили постельные принадлежности. Бандиты заспорили. Один из них хотел запереть всех в помещении и поджечь школу. Другой велел ученикам покинуть здание. Учитель просил, чтобы бандиты не поджигали школу, так как учащейся молодежи, прибывшей из других мест, некуда будет деваться. Налетчики взяли из школьной кассы несколько сот золотых и затем подожгли постели, облитые бензином. При этом они пригрозили, что если пожар не уничтожит всего здания, то ученики в течение недели все равно должны покинуть школу. Стреляя в воздух, бандиты выбежали на улицу. Преподавательский состав и учащиеся сумели погасить пожар. Учебные занятия продолжаются нормально, школа находится под охраной отряда КВБ».

Листок за листком я просмотрел и другие сообщения о совершенных преступлениях, которыми был обозначен путь банды.

«...В Познаховицах был убит Анджей Конечный — член ППР... в Вильковицах убит Францишек Вевюрка — секретарь ячейки ППР... в Скшинке застрелили Анджея Лопаха и Казимежа Дудзика... в Воле Нешковской зверски замучили Юзефа Роска — члена Крестьянской партии... в Грушуве тяжело ранили начальника местного отдела госбезопасности Юзефа Хлопицкого... в Ковце задержали автобус и ограбили пассажиров... в Яновицах под Лимановой совершили нападение на инспектора по сбору налогов Францишка Папежа и захватили 57 тысяч золотых... в Грушуве ограбили сборщика налогов Юзефа Фощинского... в Добчице убили сотрудника органов безопасности Станислава Бараника... в Щежице напали на автобус... в Слупе под Лимановой ранили Юзефа Сару... в Залесянах убили Станислава Хрустеля...»

Далее следовал длинный список совершенных грабежей магазинов и складов сельхозкооперации, расположен-

ных на территории от Мыслениц до Бохни и Бжеска. И просмотрел всю эту пачку донесений о преступлениях: в Красной Ласочице бандиты захватили тридцать тысяч, в Касине — двести тысяч, в Тарнаве — триста тысяч. Щежице, Шик, Грабе, Збыднюв, Закличин... В этих селениях ограбили бедных, преимущественно местных жителей, которые отказались быть пособниками банды. У одних увели свинью, у других отобрали почти все имущество, у третьих — только сапоги...

— Криспин живет недалеко от Бохни в направлении Лапанува, — заметил поручник Янек. — Думаю, что с кем-либо из представителей банды легче всего связаться именно через него. Лешек тоже частенько появлялся в этих местах. В Клае арестовано несколько бандитов, и Лешек наверняка считает тот район опасным для себя. Прежде он нередко появлялся в этой деревне вместе с Коршуном и Зубатым, пили водку у местного продавца. В то время Залп совершил нападение на деревню и убил трех крестьян. Лешек тоже принимал участие в том налете и с тех пор обходит Клай стороной. В Рачеховице он тоже забегает появляться, потому что там проживает его семья.

— Итак, остается тот, кто живет в Лапануве? — обратился я к поручнику.

— Да, — ответил он, — нужно послать к Криспину связную и, сославшись на поручение центра, собрать информацию об этих людях и в какой степени на них можно рассчитывать. Остальное ты обсудишь с Криспином лично. Если он не сможет приехать в понеделник, то пусть Магда выяснит возможность встречи в Бохне.

Когда появился майор, наша беседа уже подходила к концу.

— Магда виделась с Фредом, он будет ждать тебя в четырнадцать в ресторане «У башни» на углу улицы Лимановского и Бенедикта, — сообщил майор. — Легендируй отсутствие Артура. Достаточно будет, если скажешь, что он по важному делу выехал на Побережье. Фреду тоже нужно дать задание, чтобы у него не было слишком много времени на раздумья.

Двумя часами позже я разговаривал с Фредом. Мы вместе обедали в забегаловке на Подгуже. Я сообщил ему о выезде Артура и предупредил, что на теперешний адрес Фреда поступит телеграмма из Гданьска и Гдыни, подписанная Касей. Фред обязан ее немедленно передать мне, в тексте будет содержаться закодированный сигнал от Ар-

тура. Известие о выезде Артура Фред принял без удивления.

— А теперь слушайте задание для вас, — сказал я. — Завтра вам следует выехать поездом, следующим в Бохню. Доедете до станции Станиславице. Это последняя остановка перед Бохней. Оттуда пешком пойдете в Бохню по дороге, идущей вдоль железнодорожного полотна. На пути у вас будет мост через Рабу. Необходимо установить, охраняется ли этот объект военизированной железнодорожной охраной. Из Бохни вы возвратитесь в Краков и в понедельник расскажете мне об увиденном.

Фред подмигнул, давая понять, что догадывается о том, что осталось недосказанным с моей стороны, а потом повторил задание. Я поинтересовался, что он ответит в том случае, если его кто-нибудь спросит о цели прогулки. Он подумал и представил довольно наивную версию относительно поездки к родным, которых в действительности в тех краях у него не было. Я вооружил его простейшей легендой о том, что он отправляется на поиски дешевой комнаты на лето.

На следующий день, который выдался солнечным и погожим, я с чувством смутного беспокойства входил в подъезд столь хорошо мне знакомого дома по улице Костюшко, опасаясь прежде всего возвращения хозяйки квартиры, у которой Артур спал комнату. Именно сейчас это было бы совсем некстати. Пришлось бы объяснять ей, что являюсь знакомым ее жильца, который из-за своего неожиданного отъезда просил приглядеть за квартирой и уплатить долг за жилье. Владелица квартиры ничего не знала о преступном прошлом жильца и теперь ни в коем случае не должна была догадаться, что он арестован, иначе она наверняка сообщила бы об этом Криспину, который в любой день мог войти на улицу Костюшко.

На лестничной клетке я не встретил никого. Быстро вбежав на второй этаж, ключом Артура открыл дверь. Квартира была пуста, и у меня отлегло от сердца. Вскоре в установленное время пришел Сад. Разговор с ним не принес ничего нового. Встреча с главарем банды по-прежнему оставалась под вопросом. Сад сообщил, что беседовал с Лешком, который поручил ему быть посредником между нами. Хотя руководство согласилось на выполнение отдельных наших заданий, оно прежде всего просило помочь оружием и финансовыми средствами на диверсионную деятельность. Я договорился с Садом о следующей встрече, хотя в душе не очень-то надеялся на ее успех.

Снова нас постигло разочарование. Понемногу я терял надежду на удачный исход разработанного плана. К сожалению, инициатива полностью была в руках противника. Напрашивалась аналогия с операцией, в которой я участвовал меньше года тому назад. Удачно сыгранная мною тогда роль заставила Старика поручить мне подобное же вадание, состоящее в том, чтобы воплотиться в шкуру «человека оттуда», носящего на этот раз псевдоним Кароль. А в той операции я выступал под именем Генрик и был офицером одной из западных разведок, переброшенным в Польшу из американской зоны оккупации Германии. В районе Подгаля тогда орудовала более опасная банда под командованием Атамана — бывшего адъютанта Огня.

Ныне, хотя мною исполнялась аналогичная роль, я был совершенно бессилён. Передо мной была как бы стеклянная стена, сквозь которую было видно, что делалось в банде, но нельзя было эту стену сломать. Притаившиеся преступники были по-прежнему неуловимы.

В тот же день, когда я провел безрезультатную встречу с Садом, Магда возвращалась из Бохни, где встречалась с Криспином. Я не очень-то рассчитывал на то, что она привезет с собой что-нибудь заслуживающее внимания.

А тем временем Магда сообщила интереснейшую информацию: Криспин сказал, что в последнюю субботу был в Кракове, несколько раз приходил на улицу Костюшко и не застал там никого. А он хотел через пана Артура передать Каролю, что главарь хочет встретиться с ним лично в ближайший понедельник. Он сообщил об этом Криспину и назначил место встречи у костела в Гдове, передал пароль и опознавательный признак связной, которая будет ждать там в двадцать часов и проведет Кароля к самому главарю. Куда? Неизвестно.

— Заметила ли ты что-нибудь особенное в поведении Криспина? — спросил Старик.

— Да вроде нет, — неуверенно ответила Магда.

— Похоже на ловушку, — сказал мой начальник, вставая с места. — Отчего такая спешка?

— Меня удивляет противоречивость информации от Криспина и от Сада, — задумался я. — А ведь мы получили их примерно в одно и то же время.

— А если в банде уже знают об аресте Польдека и Артура? — задал вопрос Зютек.

Старик, нервно ходивший взад-вперед по кабинету, остановился и проговорил:

— Вот этого-то я и опасаясь...

— Ему нельзя туда ехать, он не вернется! — вырвалось у Магды.

Старик взглянул на нее и как бы в раздумье предложил:

— А что, если послать Фреда?

4

Мысль о направлении Фреда на первую встречу с главарем банды была так неожиданна, что на некоторое время все смолкло. Начальник стал рыться в папке и извлек оттуда листок с текстом, отпечатанным на машинке, с надписью сверху красным карандашом: «Альфред Камертон, сын Вильгельма, он же Хлодек». Зютек сделал жест рукой, как бы желая что-то сказать, но промолчал. Магда нервно теребила в руках коробок со спичками.

Был поздний воскресный вечер. Через открытое окно до нас доносились голоса из Краковского парка и дальние звонки трамваев, проезжавших площадью Инвалидов. Мы сидели в одной из квартир вблизи воеводского управления. Так требовали правила конспирации. Если бы кто-нибудь из «тех» проследил, как Магда или я входим в хорошо известное всем здание управления, нам пришел бы конец. Наша миссия требовала от нас постоянного самоконтроля и неукоснительного соблюдения принятой легенды людей, живущих на нелегальном положении; в глубоком подполье. Играть такую роль нелегко, необходимо было прямо-таки скрываться в родном городе, избегать встреч с друзьями и знакомыми, украдкой ходить по улицам и отказывать себе во многом, что не так давно составляло обычный распорядок жизни. Магда и я уже успели познать эти своеобразные лишения.

Старик продолжал кружить по комнате. Я его знал достаточно хорошо и теперь был уверен, что сейчас он обдумывает какое-то трудное решение, принять которое следовало уже сегодня. Он молча остановился у окна. Теплый летний ветерок перебирал ветки старых деревьев, нес свежесть со стороны парка и мерно колыхал занавеску.

Время торопило, оно не позволяло оттягивать решение. От назначенного срока встречи со связной банды в Гдове нас отделяли считанные часы, и нельзя было узнать, разгадал ли противник наши замыслы.

— Нам надо идти на этот контакт, — первым отозвался начальник, — даже если мы действуем втемную. Любая игра связана с риском... — Майор оборвал фразу на полуслове.

Старик, чьи раздумья были прерваны, резко обернулся, обвел всех взглядом и спросил:

— Что вы предлагаете?

— Если мы пошлем на эту встречу Фреда, то получим значительно меньше, чем от поездки Кароля, который знает действительную цель игры. А она по-настоящему начнется только со времени беседы с главарем, — сказал поручник Зютек.

— Значит, вы хотите, чтобы я послал Кароля? — бросил вопрос Старик и посмотрел в мою сторону.

— Я этого не сказал, товарищ майор, — возразил Зютек.

— Магда была сегодня у их человека в Бохни и вернулась, — вставил начальник.

— Но Магда — всего лишь связная. Банда стремилась бы прежде всего заманить Кароля, — заметил Старик.

— А может быть, Магде поехать туда еще раз и сказать, что не смогла увидеться с Каролем, и попросить перенести встречу на несколько дней? Мы в таком случае выиграем во времени и увидим, как на это отреагирует противная сторона...

— Прекрасная мысль, — подхватила Магда.

— Ты хочешь туда поехать? — спросил я ее.

— Конечно, — не моргнув глазом ответила девушка. Она собрала в горсть щепки разломанного спичечного коробка и ожидающе посмотрела на шефа. Предвосхищая его ответ, я сказал:

— Мы уже несколько месяцев ждем этой встречи. Я беру на себя риск все-таки осуществить ее. Магда не сможет узпать, что они на самом деле замышляют. И ее поездка ничего не даст, а только отсрочит мою встречу с главарем, которая все равно должна состояться. Не завтра, так через несколько дней. Если на встречу придет связная, тогда «те» ограничатся только обсуждением с ней вопроса о дате следующего контакта с Каролем. Они будут хитрить и маскироваться. Каким образом ты узнаешь, что они в действительности замышляют? Прочитаешь их мысли? — обратился я к Магде, которая беспокойно задвигалась на стуле. — Товарищ майор, на встречу в Гдов необходимо ехать мне.

Не понимаю, как я пришел к такому решению. Я бы не выскочил с этим предложением, если бы не Магда, которая с такой готовностью решила поехать к главарю банды, словно речь шла о прогулке в кино на какой-нибудь ковбойский фильм. Сейчас затрудняюсь сказать, что мною тогда руководило. Может быть, желание понравиться девушке?

Мне вспомнился старый анекдот, когда к поляку-парашютисту, находящемуся на борту самолета, подходит офицер и приказывает прыгать. Поляк долго не решался, но когда услышал обращенный к нему вопрос: «Ты что, боишься?», то прыгнул без парашюта.

Много лет прошло со времени того разговора поздним вечером в чьей-то квартире на улице Юлиуша Лея, но я отчетливо помню все происходившее. Не забыл я также и слов Магды, обращенных ко мне:

— Ну вот, нашелся еще один герой...

Иногда очень незначительная деталь надолго остается в памяти. В тот вечер я понял, что игра, в которую мы были вовлечены, втянула не только меня, что не менее глубоко переживает и Магда. Чувства опасности и риска отодвинулись на второй план. Самым главным для нас стала борьба.

— Да, нелегко принимать решение, когда на чашу весов кладется человеческая жизнь, к тому же жизнь одного из ближайших соратников, — в задумчивости проговорил Старик.

Мы ожидали решающего слова Старика, который, по своему обыкновению, во время обсуждения плана какой-либо операции вначале внимательно слушал, что говорили другие, не высказывая своего мнения, задавал вопросы и лишь в конце объявлял решение. Так было и на этот раз, хотя Старик дольше, чем обычно, оттягивал свое последнее слово. Сейчас он даже вышел в соседнюю комнату, слышно было, как он набирает по телефону какой-то номер.

— Попрошу дежурного офицера, — сказал он и, когда его соединили с нужным человеком, поинтересовался, не поступили ли какие-нибудь новые сообщения с мест от поручника Янека и от Мариана. Я знал, что Мариан — работник нашего отдела в Бохне — располагал источником информации из окружения Лешака. Но никаких новых сообщений не поступало. Затем Старик поручил дежурному немедленно соединиться с Гданьском и проследить, чтобы этой ночью была передана срочная телеграмма.

— Сообщаю адрес, — говорил Старик. — Альфред Суский, Краков, улица Лимановского... — Затем он сообщил номер дома и квартиры, где я временно поселил Фреда, а также продиктовал текст телеграммы: — «Помолвка Зоси состоится через несколько недель. Когда определим точную дату, сообщу. Кася».

— Фред получит эту телеграмму завтра утром, — сказал Старик, входя в комнату. — Это сообщение должно убе-

дить его в том, что ты выслал Артура на Побережье и что в связи с полученным заданием он должен там остаться на некоторое время. Ты предупредил Фреда, что Артур пошлет на его имя закодированную телеграмму?

— Да, — ответил я.

— На встречу со связной в Гдове поедет Фред, — вынес окончательное решение Старик. — Он должен выехать туда автобусом завтра сразу после двенадцати. Перед этим он получит телеграмму от Артура и передаст ее тебе. Ты должен соответствующим образом ее прокомментировать. Поездка Фреда будет связана также и с предыдущим заданием, которое он выполнял, с разведкой охраны железнодорожного моста через Рабу, который согласно нашей легенде «секция Д» намеревается взорвать.

Итак, не я, не Магда, а Фред. Я перехватил красноречивый взгляд девушки. Старик продолжал:

— Если бы сообщение об аресте Польдека попало к главарю банды, то судьба Кароля была бы предрешена. Прежде чем прикончить тебя, — повернулся в мою сторону Старик, — они бы ремней из тебя нарезали, чтобы вырвать признания. В этом случае легенда Кароля была бы слишком ненадежной, чтобы убедить «тех». Фред же уверен, что вошел в контакт с иностранной разведкой, а это в психологическом плане имеет огромное значение. Кроме того, он в действительности скрывающийся от правосудия преступник и, будучи прижатым к стене, сумеет это доказать. Большое значение имеет и тот факт, что руководство банды не знает Фреда, как не знает и Кароля, и поэтому вполне вероятно, что они могут принять его за тебя. Для нас реакция Лешека будет отличной проверкой того, много ли знают бандиты. Поэтому я и решил подставить им Фреда. Он проведет вступительную беседу с главарем, оценит их возможности, попытается узнать о ближайших планах, познакомит Лешека с подготовляемой «секцией Д» диверсионной акцией на мосту через Рабу, потребует от них подчинения нашим приказам, определит способы и формы связи и договорится о твоей встрече с главарем. Фред выступит в качестве офицера связи, и это только повысит авторитет Кароля в глазах противника. Тот факт, что Кароль не мог вследствие более важных дел лично прибыть на первую встречу, создаст впечатление, что установление связи с бандой не является единственной целью организации, которую представляет Кароль.

Решение было принято, определены дальнейшие направления игры. Я заметил, что Магда с облегчением встретила

слова Старика, не потому ли, что меня не направили «в первом эшелоне» в банду, а может быть, потому, что отпала необходимость ее поездки в Гдов?

Старик приказал еще, чтобы я приготовил письмо главарю банды, которое Магда должна будет вручить Фреду на автобусной станции в Кракове перед его отъездом в Гдов.

— А почему бы Каролю самому это не сделать завтра утром во время инструктажа Фреда? — спросила Магда.

— Дело не в письме, а в предлоге твоей встречи с Фредом, — ответил начальник. — Передавая письмо, ты покажешь Фреда нашим людям, которые будут присматривать за ним в пути.

В письме Лешек, которое мы тут же составили, имелись рекомендации представителю «секций Д и Р» под псевдонимом Карп для проведения им предварительного разговора с «командиром группы», содержался также призыв приступить к совместной деятельности и просьба о помощи в проведении операции, суть которой изложит Карп. Кроме того, нашему представителю поручалось обсудить дату и место встречи командира группы с Каролем. В конце была подпись и дата, где вместо настоящего года стоял 1946-й.

— Такой датой пользовались прежде Залп и его шайка, — сказал начальник, — хотя они действовали уже после сорок седьмого года. Эту уловку переняли некоторые реакционные подпольные организации, действовавшие уже после амнистии и после выхода многих из подполья. В случае ареста курьера с почтой он утверждал, что материал, находящийся при нем, давно устарел и относится к делам, подлежащим амнистии. Лешек в то время был заместителем Залпа и наверняка помнит эту уловку. Вот мы и воспользуемся их собственным приемом. Возможно, это произведет впечатление на бандита.

Была уже полночь, когда мы с Магдой вышли из дома по улице Юлиуша Лей. В окнах расположенного неподалеку здания воеводского управления безопасности уже потух свет. Бодрствовали только дежурные, отвечавшие в эту позднюю пору за покой и безопасность краковской земли. Нас охватила свежесть летней ночи. Свет настольной лампы еще проникал сквозь занавески открытого окна квартиры, в которой мы только что участвовали в секретном совещании.

Старик и начальник моего отдела еще оставались там, обсуждая результаты следствия, проводимого по делу Польдека и Артура. Здесь каждая мелочь была важна, а может

быть, и имела решающее значение. Краковский парк топул в темноте. Редкие полосы света от немногих уличных фонарей едва пробивались сквозь листву, придавая кронам деревьев какие-то фантастические очертания.

Мы, не сговариваясь, свернули в одну из тенистых аллей и, хотя к дому нам было совсем в другую сторону, пошли по ней молча в направлении улицы Чарновейской. Магда взяла меня под руку.

— Смешно, — сказала она тихонько, — но теперь без всяких опасений я могу показаться только с тобой... А вообще, мы словно пара актеров: Кароль и его связная, играющие роли в одной пьесе. Ты почему хотел ехать в Гдов? — спросила она неожиданно и положила голову на мое плечо. Я чувствовал ее теплое дыхание.

— Я не хотел, чтобы ты туда поехала, — ответил я, не будучи до конца убежденным, что так оно и было.

— Почему? — спросила она еще тише и плотнее прижалась к моему плечу.

— Может быть, мне так хотелось... — Я не договорил до конца, так как наше внимание привлекла какая-то пара, сидевшая на лавочке, укрытой в кустах.

А я подумал о Магде, которая теперь была так близко от меня. Какая она на самом деле? Прежде я знал ее как неприступную, по большей части замкнутую в себе и скрытную девушку. Она окончила какой-то техникум. А впрочем, я не знал точно, так ли это. К нам она пришла в качестве активистки Союза борьбы молодых и была очень хорошим товарищем по службе, но только товарищем. Исполнительная, очень обязательная, она была даже чересчур «службисткой». Словом, это была совсем не та Магда, которая этой ночью шла рядом со мной.

— Тяготит тебя это задание? — спросил я, просто чтобы не молчать.

— Совсем нет! — ответила она. — Я только теперь чувствую свою необходимость, хотя порой мне кажется, что я как актер, перед которым ежедневно премьера, а финала своей роли он не знает.

Мы давно миновали парк и теперь шли по узеньким улочкам старого Кракова. Я не заметил даже, как мы оказались на Бульварном кольце около университета. Магда говорила как бы сама с собой, и я не прерывал ее. Она рассказывала о себе, о том, что она росла одна у родителей. Ее брат умер во время оккупации, отец находился в движении Сопротивления и погиб в концлагере. Она жила вдвоем с матерью. Был у нее и жених. То есть не совсем, чтобы

жених, но так называла его мать, желавшая, чтобы Магда вышла замуж. Он был медик, и они чуть не поженились. Он мечтал о собственном доме на Воле Юстовской и говорил, что заработает на него.

— Он поставил условие, — продолжала Магда, — чтобы я ушла из органов безопасности. Он убеждал меня, что это неподходящее занятие для девушки, и, знаешь, я какое-то время сама колебалась, не уйти ли мне, потому что тогда работала в этом скучном статистическом отделе, подшивая лишь документы, а хотелось на оперативную работу.

— Вот теперь ты на оперативной, — заметил я.

— Именно это и решило дело, — ответила она. — Я порвала с ним, и теперь, даже странно, я чувствую себя счастливой. Но почему я тебе об этом говорю? — Магда немного отодвинулась и вынула руку из-под моего локтя. Я хотел ей ответить, но не нашел нужных слов.

— Ты любила его? — спросил я после долгого молчания.

— Нет, а впрочем, какое это имеет теперь значение? — проговорила она совсем другим тоном. Это уже была не та Магда, которую я как бы заново открыл для себя в этот вечер.

— Ты устала?

— Я бы и так сегодня не уснула, — ответила она, — а тебе надо рано утром быть у Фреда.

Лирическое настроение девушки исчезло бесследно. Может быть, она пожалела о своей откровенности? Порой приходит такой момент, когда человек чувствует непреодолимое желание рассказать о себе, а потом жалеет об этом и хочет вычеркнуть свою исповедь из памяти другого человека, но это уже невозможно.

— Ты спряталась, как улитка в раковину, — сказал я и взял ее за руку. Странное очарование этой девушки беспокоило меня. Мы шли под сводами развесистых крон старых деревьев, чуть дальше прожектор бросал холодный луч света на стену тюрьмы Святого Михаила. Аллея внезапно прервалась у подножия Вавельского холма, еще несколько десятков метров, и мы оказались на набережной Вислы. Совершенно одни среди ночи. Я положил руку на плечо Магды и слегка притянул ее к себе. Она повернула ко мне голову, и я заметил странный блеск ее глаз и почувствовал, как ее пушистые волосы коснулись моего лба. Я привлек ее к себе, она не сопротивлялась. За лоснящейся в темноте лентой реки маячили контуры крыш Подгуже...

Был девятый час утра, когда я выпрыгнул из трамвая на улице Лимановского. Я спешил к Фреду. Только бы застать его дома. Черт бы меня побрал за то, что именно вчера отправил его на разведку моста. А если он не придет до обеда? Автобус в Гдов отъезжал в два часа дня.

— Вернулся уже мой кузен? — спросил я хозяйку, хлопотавшую на кухне.

— Еще не приехал. Почтальон принес ему телеграмму из Гданьска. Я положила ее в комнате на стол, — ответила она, вытирая фартуком руки.

Я вошел в комнату. Аккуратно застеленная кровать свидетельствовала о том, что этой ночью на ней никто не спал. На подушке лежала «Газета Краковская», оставленная мною накануне. Взглянув на телеграмму, я увидел, что она сложена, но распечатана. Любопытная хозяйка, видно, не выдержала и прочитала. Хорошо, если бы Фред был дома.

— А где это вы пропадали, пан Зайонц, паверное, к девушкам ходили? — лукаво подмигнула мне хозяйка.

— Куда мне! — засмеялся я. — Был в Свошовицах у товарища на именинах.

Хозяйке, как видно, в этот день очень хотелось поговорить. Я еще несколько минут посидел с ней, а потом под каким-то предлогом ушел, сказав, что вернусь через час. На всякий случай я оставил на столе записку для Фреда, чтобы он обязательно ждал меня. На почте я бросился к телефонному аппарату. Старика в управлении не было, он опять поехал в Варшаву. Отозвался начальник отдела.

— Если Фред не вернется до двенадцати, — распорядился он, — позвони мне еще раз, но тогда будь готов сам поехать.

Телефон отключился. Только услышав короткие сигналы, сообразил, что надо повесить трубку. Я стоял в перешительности, не зная, что делать. До моего сознания словно не дошли слова начальника. Почему-то вспомнились слова Магды: «Он не может ехать туда, потому что не вернется...» Тяжелой походкой я вышел на улицу, только теперь почувствовав, как устал и голоден. Машинально дошел до угла улиц Бенедикта и Лимановского. Бар «У башни» был уже открыт. Я оказался к нем первым клиентом.

— Колбаса с горчицей, рюмка водки и чай, — заказал я.

Официант знал меня как местного жителя. В образе Марпана Зайонца — жильца в квартире железнодорожника на Подгуже я уже сумел завести новые знакомства: степенный старикашка-дворник, продавщицы в ближайшем магазине, официант в этом баре, некоторые жильцы

моего дома, парикмахер напротив — все признавали меня своим, а дочка одного из жильцов даже не скрывала своих симпатий ко мне. Я постепенно вращался в этот микромир, и никто не догадывался, кем я был в действительности. Легенда Кароля с каждым днем становилась все полнее и реальней. «Пригодится ли она? — думал я, сидя за столиком в баре «У башни». — Меня полюбили мои новые знакомые с улицы Лимаповского, и мне они становились все симпатичнее. Может быть, я их обманывал? Нет. Однажды я исчезну отсюда, и никто ничего знать не будет. Ведь объектом интереса Мариана Зайонца были совсем другие люди, находящиеся вне общества, перед которым он выступал как Кароль. Если Фред не появится вовремя, то уже в ближайшую ночь я буду в логове банды». От одной этой мысли мурашки пошли по спине, я чувствовал страх перед ее кровожадным главарем, лица которого еще не знал. Вчера я как-то иначе думал о своей поездке на встречу с ним, даже сам предложил свою кандидатуру на выезд в Глов. А сегодня я получил приказ и знал, что приказ выполняю.

Меня охватило какое-то странное чувство. Несколько раз я возвращался мыслями к Магде. Интересно, что она подумает, когда увидит меня на автобусной станции вместо Фреда? Да, она девушка гордая. Данку я не видел уже две недели. Она сдавала экзамены и, вероятно, полагала, что я избегаю ее. Две недели тому назад я не думал, кроме нее, ни о ком. Как сложится моя дальнейшая судьба? Что готовят мне «те», позволят ли они мне делить вместе с ними бандитский хлеб? Ну что же, поживем — увидим.

— Пан Антош, пожалуйста, еще одну рюмочку, — кивнул я кельнеру. И тут мне показалось, что за окном мелькнула знакомая фигура Фреда. Я выбежал на улицу и увидел, что не ошибся. Фред направлялся к дому, где помещалась наша явка. Я догнал его, и вскоре мы сидели за тем же столиком в баре. Официант по собственной инициативе принес еще по рюмке.

— А я уже беспокоился за тебя, — неизвестно почему обратился я к нему на «ты». — Как у вас дела? — перешел я на обычный тон.

— Сегодня у меня еще ничего во рту не было, — сказал он, глядя на жареную колбасу. — Не мешало бы подбросить чего-нибудь в топку.

Официант принес вторую порцию для Фреда, и тот стал рассказывать о своей поездке. Он был два раза у моста через Рабу и установил, что мост охраняется бойцами

военизированной железнодорожной охраны. Достав из кармана лист бумаги, показал сделанный им план расположения моста.

— Нужно было запомнить этот план и нарисовать его только после возвращения. Осторожность никогда не помешает. Вот если бы эту бумажку нашли у вас, как бы вы объяснили ее появление?—сделал я замечание Фреду.— Сколько охранников стережет мост?

— Днем я видел одного, а вечером — двоих.

— Чем вооружены?

— Карабинами и, кажется, пистолетами. У одного я заметил кобур на боку.

— Ну, это не проблема,— заметил я как бы про себя — Нужно будет их обезвредить, а потом делать свое дело.

Я похвалил Фреда за хорошее выполнение задания и перешел к главной теме разговора. Тот факт, что он возвратился в положенное время, несколько успокоил меня. Я сообщил ему, что пришла телеграмма от Артура, в которой он сообщал о своей вынужденной задержке на Побережье. Поскольку телеграмма адресована Фреду, я оставил ее дома, чтобы хозяйка квартиры ничего не заподозрила.

— Я направляю к Артуру кого-нибудь из наших,— продолжал я,— и если вы хотите что-нибудь передать ему, то связанная может это сделать.

— У меня нет ничего срочного,— сказал Фред,— разве только привет передайте.

Теперь можно было переходить к делу. Я сказал Фреду, что сегодня вечером должен буду срочно выехать в Силезию, а командир группы, действующей в лесах под Бохней, просит встретиться с ним как раз сегодня вечером. Поскольку поездку в Силезию отложить нельзя, да и дела там очень важные, то на встречу со связанной в Гдове должен поехать Фред.

— Вы поедете в качестве офицера связи под псевдонимом Карп. До сего времени мы поддерживали с командиром группы, к которому вы отправляетесь, только косвенную связь. Вам предстоит первым провести с ним непосредственную беседу. Этот человек полностью надежный, располагает широкой сетью агентов в районе действия, однако до сего времени он работал самостоятельно. Член его организации по имени Польдек сумел нелегально перебраться на Запад. Там он оказался в нашем центре, где сообщил пароль и пути установления связи со своей группой. Мы получили по своим каналам от центра соответст-

вующие инструкции, вошли в контакт с группой, а отсюда — необходимость вашей поездки.

Затем я передал ему некоторые инструкции относительно того, как ему вести себя в разговоре с главарем банды.

Фред внимательно слушал меня, если ему что-то было непонятно, задавал вопросы. Я старался как можно полнее использовать советы Старика, конкретизировать задачу, ввести Карпа в его роль и одновременно не вызвать в нем подозрений. Однако в течение моего монолога меня не оставляли опасения, не станет ли он отпираться от выполнения этой сложной задачи.

— Задание понятно? — спросил я.

— Так точно, — по-военному ответил он, и я почувствовал в его голосе уважение ко мне как к начальнику. Все в порядке. Теперь я уже был спокоен. Фред без колебаний согласился. Ведь если бы он отнекивался, то я не смог бы его заставить принять мои условия. Я сообщил ему время отхода автобуса на Гдов, место встречи со связной банды, вручил несколько тысяч złotych на «представительские расходы», а также предупредил, что наша связная передаст ему на автобусной станции перед отъездом письмо в гильзе сигареты, которое он обязан вручить командиру группы.

Я заказал у официанта еще по рюмке водки. Мы выпили и вышли из бара.

— Завтра в десять буду ждать вас в квартире. Вернусь утренним поездом из Катовице, — бросил я на прощание, провожая его взглядом до подъезда дома. Фред пошел на явочную квартиру. До отхода автобуса у него оставалось еще около четырех часов. Я бесцельно бродил по улицам, не зная, как убить время.

Солнце стояло высоко, небо было чистое, безоблачное. Несколько рюмок водки и бессонная ночь подействовали на меня расслабляюще. Войдя в попавшийся мне по дороге книжный магазин, стал бесцельно рыться на полке с последними новинками. На глаза попалась книга под названием «Странная игра». Автор был мне неизвестен. Я перевернул несколько страниц. В повести говорилось о подпольщиках. Мое внимание привлекли любопытные эпиграфы перед каждой главой. «Вы строите мосты, — прочитал я в одном из них, — а я их взрываю, тем самым мы дополняем друг друга, и мы должны понимать один другого». Я купил эту книгу.

В двенадцать часов позвонил начальнику. Он обрадовался, услышав о том, что мне удалось переговорить с Фредом, а у меня наступила какая-то депрессия. Я ходил по

улицам в жаре и духоте, чувствуя себя очень одиноким. Проходя по площади «Малый рынок», вдруг увидел Данку. Она шла одна, держа в руках какой-то сверток. «Наверное, получила посылку от своих», — подумал я и быстро свернул в проходной двор. Мне не хотелось с ней встретиться. Незаметно для себя очутился вблизи вокзала и некоторое время побродил еще по улицам. Скоро отходил автобус Фреда. Я устроился в подворотне дома, откуда можно было наблюдать за автостанцией. Фред не должен меня здесь увидеть, ведь я сказал ему, что уезжаю в Катовице. Через несколько минут заметил Магду. Неужели я сам себе не хотел признаться, что стремился ее встретить? Ускорив шаги, пошел за ней следом.

— Ну что, уехал? — спросил я, подходя к ней.

Она в изумлении остановилась и повернулась в мою сторону.

— Не думала, что встречу тебя здесь, — сказала она и улыбнулась. — Да, уехал. Войтек сел к нему в автобус.

Мы стояли на узеньком в этом месте тротуаре улицы Тойрской, напротив витрины маленького антикварного магазинчика.

— А я был уверен, что встречу тебя здесь. Пойдем пообедаем. — Наши глаза встретились. По выражению лица девушки заметил, что она колеблется, но это длилось только мгновение. Мы свернули на шумную Флорианскую улицу. Когда вошли в ресторан, Магда подошла к телефону и набрала какой-то номер. Уже с первых ее слов я понял, что она разговаривает с поручником Зютеком:

— Да, все в порядке... Войтек тоже поехал... А зачем мне приходить, и так я ничего больше не скажу тебе... Мне надо идти домой, мама плохо себя чувствует.

— На самом деле? — спросил я, когда мы занимали столик.

— Нет, по ничего лучшего не могла придумать, — ответила Магда. Я был ей признателен за эту певинную ложь.

Увидев на столике книгу, купленную мною в книжном магазине на Подгуже, Магда громко прочитала название: «Странная игра». Потом открыла ее наугад и показала мне эпиграф одной из глав: «Любовь — это то, что происходит между двумя влюбленными существами...» Она хотела еще что-то добавить, но в это время подошел официант.

Ожидая возвращения Фреда, я задавал себе десятки вопросов, на которые ответить мог только он. Хозяйка куда-то ушла. Это было кстати. Ничто не нарушало тишины.

Наконец заскрежетал ключ в замке, и сквозь открытую дверь из кухни я увидел Фреда.

— Только что вернулся из Катовице. В эту ночь не удалось даже глаз сомкнуть. Как насчет связи?— обратился я к нему.

Он стал рассказывать все по очереди. В Гдове встретился около костела со связной, несколько километров они шли по шоссе в направлении Лапанува, затем вошли в лес и ждали, пока стемнеет. Наконец к ним подошел молодой парень, который провел Фреда к месту назначения. Шли они лесом, и Фред не смог сориентироваться, где они находились.

— Ну и потерпелся я страху,— продолжал он.— Когда этот парень ввел меня в какую-то избу, из-за шкафа вдруг выскочил плечистый верзила с пистолетом. Я не знал, что он хочет со мной сделать. Сначала приказал мне выложить все, что было в карманах, затем проверил, нет ли оружия. Очень тщательно осмотрел мои документы. Я пояснил, что они сделаны у нас. Признаюсь, я уж струхнул, как бы он меня не прикончил, но в конце концов не выдержал и деликатненько сделал ему замечание. Вы, говорю, ведете себя как самый заурядный бандюга, а не командир диверсионной группы. Только тогда он стал со мной разговаривать. Поставил бутылку самогона, мы выпили, а он все меня прощупывал. На многие его вопросы я не смог ответить, говорю, что это, мол, вам капитан Кароль объяснит, а я являюсь лишь офицером связи. Он интересовался, знаю ли я Польдека, Криспина, Артура... Спрашивал, кто я такой, как попал на эту работу. Ну, я все рассказал о себе.

— Вы должны были обсудить вопросы сотрудничества группы с нами, ее возможное участие в операции на мосту,— напомнил я Фреду.

— Он сказал мне, что недалеко от моста в то время, когда еще командовал Залц, они расстреляли в Клае нескольких крестьян, и назвал их фамилии, если я правильно запомнил: Болеслав Новак, Войцех Тшаскальский, Ян Сленчак. Что касается организационных вопросов, то сказал, что хочет обсудить их лично с капитаном Каролем. Ну, я и не настаивал, но, ей-богу, повторил ему все, что вы мне наказывали,— оправдывался Фред.

Задав ему еще несколько вопросов, я решил, что больше ничего из него не вытяну. Вдобавок сложилось впечатление, что он чуть-чуть прихвастывает. Вместе с тем из его рассказа трудно было судить об истинных намерениях

главаря. Узнав, кто перед ним находится, Лешек, вероятно, решил не раскрывать всех своих карт. Испугавшийся Фред конечно же провел разговор с ним по линии наименьшего сопротивления, так как боялся своего собеседника. Да и полной уверенности в том, что с ним разговаривал действительно главарь банды, тоже быть не могло. Они расстались на рассвете. Фред не сумел точно описать мне внешность своего собеседника. Условились, что я встречу со связной завтра вечером на центральной площади в Бохне у памятника Казимиру Великому.

Была среда, ранний вечер. Автобус остановился на площади, и я оказался в Бохне. Опять ждала встреча со связной. Опять опознавательный признак, пароль, путь в неизвестном направлении. Не все ли равно куда? А может быть, все окончится уже сегодня? Мне всего 28 лет, я уже переживал все это и мысленно произносил подобный монолог. Так было накануне моей первой встречи с вожаком банды «Бывалые вояки». Эта минута запомнилась мне на всю жизнь. Пастушья хижина на склоне горы Турбач, стволы бандитских автоматов, направленные мне в грудь, и злобный вопрос бандита: «Кто ты такой?» Кошмарное напряжение нервов, страх и мысль, что это — конец.

Однако к чему видеть все только в самых мрачных тонах? Сейчас необходим оптимизм, только оптимизм, а не упадочнические мысли! Я старался отогнать от себя злобные мысли, как назойливую муху. Время тянулось медленно. Нужно поесть, впереди ночь и неотъемлемый атрибут подобных встреч — самогон. Я вошел в наполненную людьми корчму и заставил себя проглотить порцию бигоса. Когда стало темпеть, я пошел на условленное место. Казимир Великий поглядывал сверху на площадь. Возле памятника прогуливалась молоденькая девушка деревенского вида. «Что ее склонило к сотрудничеству с бандой?» — пронеслось в голове. Я сразу же понял, что это она. Ее выдавало волнение, сразу было видно, что она кого-то ждет. Я подошел и произнес пароль. Напряжение сразу прошло: я уже включился в действие. Девушка провела меня за город, и мы подошли к мужчине, который возился с мотоциклом, делая вид, что устраняет неисправность.

— Если нас спросят, то мы незнакомы, просто я папа подвожу до Гдова, — предупредил он, включил мотор и почти похитил меня у связной. Через полчаса езды по шоссе мы свернули на полевую дорогу. Мотоцикл подскакивал

на выбоинах. Еще километр, может быть, чуть больше, и мы остановились вблизи небольшой деревушки.

— Подождите здесь, — сказал мотоциклист. Ночь была безлунная, но звездная. Мой проводник вернулся через несколько минут без мотоцикла. Мы пошли напрямик через рощу. Над деревьями низко нависло небо. Потом показались открытая поляна и контуры едва видимых строений. Мы подошли к какому-то сараю, проводник тихонько свистнул, и кто-то ему ответил. Я пытался сохранять спокойствие, не давать разгуляться нервам. Через полуоткрытые ворота мы вошли внутрь. Там была абсолютная темнота. Внезапно вспыхнул ослепительный луч света. В первое мгновение я различил лишь руку, держащую электрический фонарь, и ствол автомата.

5

Затаив дыхание, я ждал. Казалось, сердце подкатило к горлу. Жуткое ощущение — хаотический бег мысли и стучащая кровь в висках. Секунда, две, может, больше, мучительного молчания. Я не проронил ни слова. Как вести себя? Человек с фонарем приблизился. Один он или нет? Мне его еще не было видно.

— Это я, Щепан... — услышал я за собой голос связанного. Подошедший с автоматом в руках со злостью буркнул что-то себе под нос и погасил фонарь. Тщетно я всматривался в темноту, заполонившую сарай. В ноздри бил запах прелого сена. Снова целая минута мучительной тишины. Я стоял словно изваяние, чувствуя лишь, как бешено колотится сердце. Глаза немного привыкли к темноте. Через приоткрытые ворота сарая я увидел фигуру плечистого мужчины.

— Вас двое? — спросил он приглушенным низким голосом.

- Да, — ответил мой проводник.
- Все в порядке?
- Да, абсолютно.
- Сказал девушке, куда вы едете?
- Ты же не велел говорить.
- Оружие есть?

Я хотел было ответить, полагая, что вопрос относится ко мне, но Щепан опередил меня:

— Есть. Я забрал «трубу», доставляя мотоцикл.

— Кароль — это вы? — обратился он ко мне. Теперь мы стояли лицом к лицу. Я чувствовал на себе его дыхание, уловил во мраке блеск его глаз.

— Собственной персоной, — ответил я. — А вы командир группы Лешек?

— Вы искали со мной контакта, вы его получили, — отрезал он жестко, с ударением произнеся каждое слово.

Значит, это он, главарь банды. Нельзя терять уверенности в себе, ни в коем случае не вызвать ни малейшего подозрения. Мысли мчались как шальные, обгоняя одна другую.

— Вы хотели со мной поговорить и предложили эту встречу, — возразил я тоном, каким начал мой собеседник.

Мне пужно было выиграть время, показать, что чувствую себя совершенно свободно. Потребовалось большое усилие воли, чтобы добиться этого в такой обстановке. Я не имел ни малейшей уверенности в том, что не попал в ловушку. Все решали минуты. Отступать уже было некуда. Сарай наверняка окружен бандитами. Ночная темень надежно укрывала их. Придется ли еще увидеть дневной свет? На моем лице, неразличимом во мраке, главарю, конечно, не прочесть чувства страха. А я все-таки боялся. Полез в карман куртки за сигаретами, оттягивая время.

— Закурим? — предложил я как можно естественнее, угощая его сигаретой. Собственный голос показался каким-то чужим. Но стоявший напротив меня не мог об этом догадаться.

— Не курю, — ответил он.

Я вытащил из пачки сигарету, сунул в рот. С трудом унял дрожь в руках. Зажег спичку и, не поднося огоньк сигарете, быстро осмотрелся вокруг. При слабом свете увидел главаря. Он стоял, небрежно опершись о перегородку в сарае. На плечи был накинут плащ, из-под которого высывался ствол автомата. Это был немецкий автомат «бергман». Главарь банды выглядел куда внушительнее, чем я представлял. Прямо настоящий бык. Я только ростом мог с ним равняться, а в плечах он был по меньшей мере в два раза шире меня. Слабый огонь от спички не рассеял царившего в глубине сарая мрака, и мне не удалось рассмотреть, находился ли там кто еще. Я прикурил сигарету и глубоко затянулся. Если бы меня задумали здесь прикончить, то не позволили бы сунуть руку в карман. Откуда было Лешеку знать, что я вытащу оттуда: пачку сигарет или пистолет? Эта мысль принесла мне настоящее облегчение, хотя еще трудно было предвидеть, что может произойти этой ночью. Я прервал напряженное молчание.

— Мы здесь ждем кого-нибудь еще? — начал я. И когда он ответил, что нет, спросил, где мы обсудим наши дела.

— Недалеко отсюда живет один из моих людей, — предложил главарь банды. — Пойдем на мелину¹.

Мы вышли из сарая. Лешек остановился, прислушался. Потом дал знак. Мы тронулись. Он вел по тропинке вверх, между посадкой картофеля и хлебным полем, колышущимся при слабом дуновении ветра. На взгорке он снова остановился и сказал, чтобы я спрятал в руке сигарету

— Огонь видно издалека, — предостерег он.

С низины долетал заливистый собачий лай. Мы шли в ту сторону сначала по меже, потом густо заросшим кустами оврагом. Я едва различал в кромешной тьме фигуру шагнувшего впереди нас бандита. Сзади шел Щепан. Главарь останавливался каждые несколько десятков шагов, внимательно осматривался вокруг и снова трогался с места. Он двигался почти бесшумно, словно кошка, местность знал как свои пять пальцев и уверенно вел нас в темпоте. Мы остановились у выхода из оврага, в том месте, где оба склона его расходились почти перпендикулярно, образуя окутанную мглой котловину. Бандит соскользнул вниз по откосу, мы последовали за ним. Впереди расстилался луг с разбросанными копнами сена, которым ночь и туман придали загадочные очертания, дальше угадывались развесистые ивы и слабо вырисовывалось какое-то строение. Лешек подождал, пока мы спустимся под откос, и шепотом приказал Щепану:

— Проверь мелину, все ли там чисто или что не так.

Тот кивнул, удалился. Сначала я различал его фигуру, потом он прошмыгнул по тропинке вдоль забора и скрылся во дворе усадьбы. После оврага, где в нескольких метрах ничего невозможно было различить, здесь ночь казалась более светлой, только туман стелился у самой земли. Мы с главарем банды притаились у терновника, под откосом. Теперь стало понятно, почему Фред, возвратившись, так и не мог определить, куда два дня назад завел его связной. В эту минуту и я не в состоянии был сказать, где нахожусь. Нелегко будет восстановить этот путь по карте. Мы с Лешеким обменялись шепотом несколькими короткими фразами. Я пытался завязать с ним беседу, полно-

¹ Мелина — укрытие, потайное место, притон, явка. — *Прим. пер.*

стью отдавая себе отчет в том, что, когда между нами пойдет разговор по существу, мне обязательно надо будет взять инициативу в свои руки.

Щепан возвратился совсем не с той стороны, откуда я ожидал. Все поблизости он тщательно осмотрел.

— Бенка одна. Я проверил. Все в порядке,— доложил он главарю.

Мы подошли к усадьбе. Из открытых дверей слышался голос стоящей в сенях женщины:

— Входите, не заперто.

Едва мы очутились в избе, как она старательно занавесила окно, и лишь потом зажгла керосиновую лампу.

— В деревне спокойно?— спросил Лешек, поздоровавшись с хозяйкой.

— До вечера никто подозрительный не крутился,— ответила она, улыбнувшись бандиту.

Щепан стоял у дверей, не зная, должен ли здесь оставаться. Главарь бесцеремонно шлепнул Бенку по задку.

— Добрая ты девка,— прошептал он, наклонившись к ней, и тут же повернулся к Щепану: — Выйди на улицу, посмотри, нас мог кто-нибудь заметить. Хозяйка позовет тебя, когда приготовит ужин.

— Приходил Казек из-за ручья,— сообщила Бенка, когда Щепан вышел из комнаты,— помогал мне, в поле поработал. Хотел на вечер остаться, еле отвязалась от него.

— Может, учуял что?— насторожился Лешек.— Могу его «спрятать под газон»...

— Да нет, он не из тех, кто стал бы доносить. Наверное, ко мне равнодушен.

— Ты ничего не сболтнула ему?— не унимался главарь. Бенка успокоила его, но он угрожающе произнес: — Мертвые молчат, это самое лучшее лекарство. А может, ты с ним спала?

— Да ты что!— возмутилась хозяйка и вышла в сени. Принесла яйца, кучку щепок. Развела огонь под плитой и захлопотала, бегая по просторной комнате. По тому, как разговаривал главарь банды с женщиной, какими глазами несколько раз посмотрел на нее, я заключил, что здесь он не только укрывался. Бенке было около тридцати, баба ядреная, ее портил только чуть искривленный нос. Лешек открыл дверь в другую комнату, сделав знак, что мы можем туда пройти. Уселись за стол. Через приоткрытые двери из первой комнаты пробивалась полоска света от закопченной лампы, на постели в углу спали двое прижавшихся друг к другу детей. Мы разговаривали вполголоса.

— Хозяина нет дома?— спросил я.

— Посадили его,— ответил бандит,— получил два года за связь с моей группой. Это разве приговор?— добавил он, будто шутя.— Посидит на параше...

— Но эта мелина может быть ненадежной,— высказал я беспокойство.

— Он не признался, что его жена имела с этим что-то общее, дело касалось его хозяйства. Госбезопасность тоже не знает, что я сейчас с ней кручу. После его ареста я в эту деревеньку несколько месяцев не заглядывал, пока не убедился, что наблюдение снято. А сейчас захожу сюда редко, только ночью. Жалко такую девку оставлять подза-лечь, да и тому тоже хватит, через год вернется,— заключил бандит.

— Нам надо поговорить с глазу на глаз. У конспирации свои законы,— перешел я к сути дела.

— Да, но если бы я вас знал,— возразил Лешек.

— Ведь вам же известно, кто я и кого представляю.

— Вроде бы известно, но полной уверенности у меня нет,— проговорил он, впери в меня сверлящий взгляд.

— Вы знаете Польдека...

— Да, он был со мной в группе еще у Залпа. Слишком смелым его не назовешь, но он рискнул и подался на Запад. Может, побоялся остаться и действовать тут,— возразил главарь банды.

— В то время я его не знал,— стал я убеждать моего собеседника.— Мне известно, что он нелегально перешел границу, добрался до нашего центра в Западном Берлине, рассказал о вашей группе и сети, о том, что у вас нет связи с той стороной и вы действуете на свой страх и риск, сообщил установленный вами пароль и каким способом можно добраться до Криспина. Такую информацию мне передал центр и приказал установить с вами связь. Иначе я не встретился бы с вами. Верно?— задал я вопрос бандиту, который по-прежнему испытующе смотрел на меня.

— И да и нет,— загадочно ответил главарь.— У меня такое правило,— продолжал он, прямо буравя меня глазами.— Если встречаю трех человек, одному из которых не верю, то предпочитаю всех троих перевести в разряд окостеневших, чем дать себя провести кому-нибудь из них. Потому и жив еще,— закончил он, выжидающе глядя на меня.

— Как все это понимать?

— Так, как сказал.

— Если вы мне угрожаете, тогда не надо было назначать эту встречу.

— Может, как раз для этого и назначил. Лучше угрожать, чем самому быть под угрозой, — уверил он меня. Но тут же добавил совсем иным тоном, словно почувствовав, что переборщил: — Я еще не сказал последнего слова.

Нашу беседу прервала хозяйка, пригласив поужинать. Она вошла в самый неподходящий момент. Я пока не сообразил, что имел в виду главарь банды. Неужели он меня подозревал и все это время вел свою игру? Тогда зачем было тащить меня на мелину, мог бы расправиться со мной и там, в пустом сарае.

Сковорода яичницы уже стояла на покрытом газетой столе, а рядом хлеб, стаканы и полная бутылка самогона. Женщина налила по полстакана, подняла один из них и с гордостью сообщила:

— «Лунница» прямо из Лонцка, первый сорт. — Наверное, заметив, что я не понял ее, пояснила: — Эту водку гонят ночью из слив, чтобы милиция не накрыла бимбровни¹. В Лонцке делают самую лучшую. А вы не здешний?

Я кивнул и выпил до дна крепкий, наверное шестидесятиградусный, самогон. Непроизвольно мой взгляд скользнул по жирным заголовкам заменявшей скатерть газеты: «Ты встал на вахту мира?.. Более одного миллиона 480 тысяч подписей под Стокгольмским воззванием — таков итог кампании в Краковском воеводстве... Подписание польско-немецких соглашений... Граница по Одре и Нысе создала условия для добрососедских отношений... Открытие дней Кракова... Члены диверсионной банды предстали перед Краковским судом».

— Не одну банку такой сливовицы нужно выпить вместе, чтобы узнать человека, — в раздумье проговорил Лешек.

Я заметил, что он отпил едва половине того, что было налито. Бенка осушила стакан одним духом, даже не покривившись. Я машинально брал ложкой яичницу, ел хлеб. Надо было есть: крепкий самогон быстро ударял в голову. Не скрою, этот самогон, прозрачный и чистый, как слеза, нравился мне, и я, не увиливая, выпивал все, что мне наливала Бенка. Несколько таких порций придали мне уверенности в себе. Главное было не перебрать. Я хотел показать, что чувствую себя свободно, ничуть не осторожничаю. А сам все это время думал о разговоре с сидящим за столом напротив меня головорезом. Он допил последний глоток сливовицы, оставшийся на дне стакана, и встал.

¹ Бимбровня — притон самогонщиков. — *Прим. ред.*

— Пойду позову Щепана, пусть тоже чего-нибудь перекусит, — сказал он и вышел из дома.

Бенка налила еще. Она была уже навеселе.

— Он много не пьет, — пояснила она, имея в виду Лешека, — с тех пор как его пьяного ранили и чуть не схватили, и мне не позволяет.

— Будем здоровы, — я поднял стакан. — Хорошо тут у вас.

— Здесь предгорье, лес и вода рядом, — подхватила она, — на каникулы гости приезжают из города. В том году у меня на даче жили две женщины, дочь с матерью. Красивая девушка из Кракова, оставила свой адрес. Потом я узнала, что она работает в воеводских органах госбезопасности. И кто бы мог подумать! Юзек, — так назвала она Лешека, — все никак не мог успокоиться, что я так поздно об этом узнала. Он велел мне съездить к ней и уговорить, чтобы и этим летом опять приехала, даже записал ее адрес и фамилию, но я боюсь это делать.

— Дай выпить, — попросил вошедший Щепан. — Холод ночью дожимает собачий, с гор сползает.

— Где Лешек? — спросил я, недовольный тем, что прервался разговор с женщиной, которой сливовица развязала язык.

Щепан выдул стакан «лунницы», вытер губы рукой и сообщил, что Лешек отправился к людям охранения посмотреть, как там у них, и сразу вернется.

Значит, он все же не доверял мне и решил подстраховаться. Это еще ни о чем не говорит, утешал я себя мысленно, вспомнив подобную ситуацию, когда был у «Бывалых вояк». Я все чаще прибегал к такого рода сравнениям. А ведь в жизни не бывает двух одинаковых ситуаций, они просто не повторяются. Я, однако, забеспокоился. До рассвета оставалось каких-то три часа. Разговор с главарем банды, от которого зависел успех миссии Кароля, пока еще не дал никаких результатов. Что должно было означать это его «последнее слово»? Так он выразился. Бенка разлила остатки самогона по стаканам, потом стала заигрывать со Щепаном. Я не вмешивался в их беседу. Обдумывал, что сказать главарю. Наконец он вернулся. Мы уединились в другой комнате.

— Вы не сказали последнего слова, — начал я, напominив ему о его заявлении.

— И не скажу, пока чего-то не услышу от вас. По-вашему, все сходится, а по-моему — нет, потому и нашла коса на камень, — дерзко ответил бандит.

— Не для того мы встретились, чтобы играть в жмурки, я хочу услышать от командира, какие возможности есть у группы и сети, обсудить вопросы нашего сотрудничества и передать конкретные задания. О некоторых делах я говорил с Криспином и с Садом, но некоторые вещи могу сообщить только командиру. Такой я получил приказ.

— От кого? — спросил атаман.

— Не задавайте глупых вопросов! Или будем доверять друг другу, или...

Лешек перебил меня:

— Какая у меня гарантия, что разговариваю с человеком оттуда, а не с подставным лицом из госбезопасности? Вопрос его прозвучал агрессивно.

— Пароли и способ связи с Криспином я не по звездам прочитал. Что вы еще от меня хотите? — парировал я.

— Говоришь, что Польдек сообщил пароль и направил тебя ко мне? — еще более злобно проговорил бандит.

«Почему он с такой настойчивостью возвращается к Польдеку?» — подумал я, и снова охватило опасение: или он только злит меня, чтобы как следует проверить, или же ему известно, что на самом деле Польдек попал не на Запад, а в тюрьму. Так или иначе, но мне оставалось одно: настаивать на своем.

— Для тебя я капитан Кароль, — попытался я осадить бандита и, стараясь быть спокойным, повторил, что Польдек сообщил эти данные нашему центру в Западном Берлине, откуда их передали сюда, в страну, по каналу связи.

— И ничего больше ты мне не скажешь? — рявкнул грозный главарь банды.

— Выражайся яснее, — потребовал я, все больше теряясь в догадках. — Не понимаю, о чем речь.

— Я жду твоего последнего слова, мне нужен знак, ты должен знать, что я имею в виду. Ну? — напирал бандит.

Я лихорадочно искал ответ и не находил его.

— Значит, не знаешь, — продолжал он. — А я научился у Залпа: командир должен быть беспощадным, если он хочет жить. «Не убьешь ты, прикончат тебя» — так говорил Залп. Польдек с Криспином установили пароль, который ты назвал, это все так, но тот же Польдек договорился со мной еще об одном условном знаке, о котором не знает даже Криспин. Пока что я от тебя этого знака не получил. Если ты оттуда, то должен об этом знать. Ну и что теперь, пан Кароль?! — крикнул вдруг бандит и схватился за автомат.

Я вскочил. На постели в углу комнаты беспокойно заво-

рочался спящий ребенок. Я выжидающе замер на месте. Главарь, готовый броситься, стоял, направив на меня автомат. Нас разделял только стол. И сразу же в дверях показался Щепан. В руке у него был пистолет.

— Господи! Юзек! Не стреляй! Только не тут! — умоляюще запричитала в другой комнате хозяйка.

Я инстинктивно подвинулся на шаг ближе к окну. В этот момент в голове была полнейшая пустота. Лишь сознание, что начал игру, заведомо обреченную на провал. Я попросту влип. Теперь я стоял у края пропасти.

— Без фокусов, у дома мои люди! — пригрозил Лешек, лишь я шевельнулся.

На постели заплакал ребенок.

— Не дури, если с моей головы упадет хоть один волос, ты сам себе подпишешь смертный приговор, — выпалил я.

— И ты еще пугаешь меня? — возмутился бандит.

— Спокойно, выслушай, что скажу тебе, — обратился я к нему, присаживаясь на табурет. — Если я отсюда не вернусь, этого будет достаточно, чтобы «Голос Америки» передал информацию, что бывший заместитель Залпа, человек, имевший заслуги, теперь самозванец, действует по своему усмотрению и, как обыкновенный преступник, убивает людей, борющихся с коммунизмом. На кого тогда ты намерен рассчитывать? Кто подаст тебе руку? Твои люди измотаются раньше, чем ты попадешь в руки госбезопасности. Останешься один. Соображаешь, на кого поднимаешь оружие? Хочешь все, что до сих пор сделал, перечеркнуть?

Пропанеся эти слова, я с огромным напряжением ожидал, какую реакцию они вызовут у главаря банды. Он заколебался и с минуту о чем-то думал. Наконец заговорил, но уже не так агрессивно:

— Я стреляный воробей и не дам себя провести!

Я понял, что мои слова все же произвели на него впечатление. Еще через минуту он спросил:

— А если бы я вам поверил, что бы вы могли мне предложить?

— То, чего мы ожидаем от группы и сети, мы в общих чертах обсудили с Садом в Кракове, — ответил я.

— Как это в Кракове? — не поверил главарь. — Вы же с ним встречались около Тшчана!

— Правильно, — подтвердил я, — первая наша встреча состоялась на прошлой неделе около Тшчана. Я тогда передал Саду наши предложения для вас относительно финансовой помощи группе, нашего сотрудничества и некоторых

диверсионных заданий. Я сообщил также адрес нашего тайника для связи. Сад в прошлое воскресенье приехал в Краков и сказал, что разговаривал с вами и что ему поручено впредь быть посредником между нами. Он утверждал, что руководитель группы пока не хочет устанавливать непосредственную связь и уполномочил его вести дальнейшие переговоры, а также согласовать вопрос финансовой помощи с нашей стороны. В тот же день моя связная привезла от Криспина информацию, противоположную тому, что сообщил Сад. Она передала, что вы хотите встретиться со мной лично. Мне это показалось подозрительным. Так как я был занят очень важными делами, на встречу прибыл Карп, наш офицер связи. Вы не были этим удовлетворены и стали добиваться личной встречи со мной...

— Вы дали Саду деньги? — перебил меня Лешек.

— Не дал и не посвятил его в детали заданий, обсудить которые могу только с вами. Я ему об этом прямо сказал.

— Сукин сын! — возмутился главарь банды. — Я совсем не посылал его в Краков.

Я поспешил воспользоваться возможностью перевести разговор на другую тему, лишь бы отвлечь внимание главаря банды от этого злосчастного условного знака, который мне был неизвестен, и выиграть время на размышление. Я знал, что, если не выкручусь, ничто меня не спасет. Удобным предлогом послужил мне Сад. Как оказалось, он действовал на свой страх и риск, стараясь перехватить связь банды с мнимой сетью иностранной разведки, возможно, рассчитывая, что ему удастся вытянуть из нас большую часть денег. Лешек заинтересовался, что было предметом нашего разговора с Садом, который не рассказал ему о встрече со мной в Кракове. Я сказал главарю, что пока не намеревался устанавливать с ним контакт, так как наш центр предупредил о высылке дополнительных указаний.

— И вот только сейчас, — предположил я, — кажется, догадываюсь, что вместе с ожидаемой инструкцией, возможно, получу условный знак от Польдека, который вы так настоятельно требуете. Наша связь с Западом — это вам не па трамвае прокатиться, осуществляется она в трудных условиях по определенному каналу, на это нужно время. На днях мы ожидаем курьера. После прибытия Польдека в Западный Берлин мы получили оттуда лишь один раз почту, в которой вместе с другими материалами было пока только письмо Криспину и пароль, оказавшийся правильным.

Я тщательно подбирал аргументы, убеждая Лешака, что на сегодняшнюю встречу прибыл по настоятельному его тре-

бованию, переданному Криспином нашей связной. Мне удалось заинтересовать главаря банды. Он включился в разговор, которым теперь управлял я. Он стал расспрашивать об обстановке в мире, о возможности начала вооруженного конфликта. Я вытащил последний номер «Газеты Краковской».

— Это, конечно, пропаганда красных, — прокомментировал я, — но между строк тоже можно многое прочесть. — И процитировал ему выборочно несколько сообщений: — «...Войска Ли Сын Мана совершили нападение на Корейскую Народно-Демократическую Республику... Радио Пхеньяна передает: сегодня утром войска так называемой национальной обороны правительства Южной Кореи внезапно атаковали территорию Северной Кореи вдоль всей 38-й параллели... Западные державы отвергают предложение о проведении свободных выборов и образовании единого Берлипа...»

Я интерпретировал эти две информации, что называется, самые свежие: на востоке американцы уже нанесли удар — именно на этой неделе вспыхнул вооруженный конфликт в Корее, в Берлине обстановка все более обостряется, и мы должны быть готовы к действиям в любой момент. Я пообещал Лешекку, что доставлю ему польскую прессу с Запада, которая яснее освещает эти события.

— Не для того я, рискуя жизнью, веду борьбу и действую для той стороны, чтобы из-за какой-то недомолвки погибнуть от руки своего человека, — горько упрекнул я главаря банды. — Я, конечно, не удивлен, что вы меня проверяете, я поступил бы точно так же, но нельзя же пороть горячку. Все выяснится, — попытался я еще раз успокоить бандита.

Главарь слушал меня внимательно, все более втягиваясь в разговор, принявший форму свободного обмена мнениями.

Этого разговора мне не забыть. Я взвешивал каждое слово, чтобы убедить такого опасного противника. Попросту — я спасал собственную жизнь. Вопросов не задавал, чтобы не усилить подозрительности атамана. Я ему прямо сказал:

— Обо всех деталях поговорим позже, когда вы полностью будете мне доверять.

Лешек хотел, однако, знать, как будет выглядеть наше сотрудничество. Задал мне по этому поводу несколько вопросов. Такую заинтересованность я принял за добрый знак — это означало, что мне удалось выкарабкаться из критического положения. Щепан уже давно удалился в другую комнату. Мы говорили с глазу на глаз. Все же моя по-

виция оставалась проигранной. Помня об этом, я ни в коем случае не пытался оказывать нажим на способного на все атамана, располагавшего таким серьезным аргументом, как познание мною условного знака, установленного с Польдеком. В общем, тень подозрения продолжала висеть надомной. Так как я не расспрашивал главаря о конкретных действиях и возможностях связанных с ним людей, то и сам должен был ограничиться лишь общими словами о перспективе нашего сотрудничества. Если уж конспирация, то конспирация. Я не удовлетворил до конца любопытство Лешака. Но мне стало понятно из его слов, что он узнал от Криспина о нашей «диверсии», проведенной в Забже, в результате которой сгорела гостиница «Президент». Этот факт был для него серьезным аргументом, подтверждавшим, что сеть, представляемая Каролом, осуществляет конкретные действия. Такой ход принимался в расчет.

— Главным условием нашего дальнейшего сотрудничества, — заявил я, — будет полное подчинение вашей группы и сети приказам руководящего центра на Западе. Работа наша разделяется на две секции: «Д» и «Р» — диверсия и разведка. Действовать предстоит исключительно осторожно, чтобы избежать разоблачения и ненужных жертв с нашей стороны. Ни одной акции не проводить по своему усмотрению. Цель нашей деятельности — подготовка удара нашей сетью в день начала вооруженного конфликта. Ближайшей акцией, которую мы проведем в районе ваших действий, будет уничтожение железнодорожного моста на линии восток — запад между Тарнувом и Краковом.

Главарь банды пожаловался на трудности, которые все чаще преследовали его. Особенно он сетовал на отсутствие средств, необходимых для содержания и сохранения группы. Признался, что намеревается в скором времени совершить нападение на сберегательную кассу. Агент банды разузнал, когда в ней будет около шести миллионов злотых. Это пополнит фонд содержания группы. Однако Лешек не сообщил, в каком населенном пункте запланировано это ограбление. Лишь позже я узнал, что в Доброй. Мне пришлось заставить главаря пока отказаться от этого нападения.

— Госбезопасность сразу же блокирует всю местность. Прочесывание этого района может сорвать нашу запланированную сверху операцию по выведению из строя важной стратегической железнодорожной линии. А это, вы должны признать, дело куда более важное, чем какое-то ограбление на свой страх и риск. Нам незачем ставить друг другу палки в колеса, — решительно высказался я, одновремен-

по заверив, что на следующий день вышлю связную, которая явится к Криспину и оставит для Лешка аванс фонда на содержание группы. Таким путем я старался заморозить преступную деятельность банды и не допустить осуществления ею нового террористического акта. Кажется, мне удалось его в этом убедить.

— Вы ничем не рискуете, — сказал я в заключение. — Впрочем, возможно, что по возвращении в Краков я уже застаю там курьера из центра. Если он привезет также известия от Польдека, а именно то, чего вы требуете, то вместе с деньгами я передам для вас почту, которую связная оставит у Криспина.

— Ладно, — согласился после длительных колебаний главарь банды. — Назначим нашу следующую встречу и тогда поговорим по-другому.

Небо на востоке серело. Приближался рассвет. Еще несколько фраз и трудных, терзающих душу минут неуверенности: выпустит меня отсюда этот убийца или нет?

Наконец я не выдержал:

— Как я отсюда выберусь?

Бандит заколебался: ведь еще два часа назад он держал меня под дулом автомата.

— Щепан проведет вас к шоссе и покажет дорогу к остановке.

Я был спасен. Но все еще не верил. Полностью ощутил это, лишь когда остался один, далеко от притона, и увидел светлую ленту шоссе. Сочная зелень полей утопала в лучах солнца. Кошмарная ночь миновала. Уже давно мир не казался мне таким радостным. Свежее утро предвещало жаркий день. Первым автобусом я вернулся в Краков.

Пока я не был в состоянии представить, как дальше будут развиваться события. Если таинственный условный знак останется неизвестным, моя миссия не имеет ни малейшего шанса на успех. Рушилась легенда Кароля. Только случаю я обязан, что остался жив после встречи с главарем банды. Заново переживая ночной разговор, мысленно анализировал каждое его слово. И лишь в Кракове невероятное нервное напряжение спало, но чувствовал я себя совершенно измученным.

Осмотрелся. Магды на вокзале не было: откуда она могла знать, каким автобусом я вернусь в Краков? Но нет! Это она! Вышла из ворот дома, в котором когда-то я дожидался, пока она провожала Фреда. Поздоровался с ней, словно вернувшись с того света. Но разве это было не так?

Я не находил слов, чтобы поведать о том, что пережил минувшей ночью в притоне главаря банды. Магда не спрашивала. В первые минуты она довольствовалась лишь фактом, что я снова в Кракове и хотя грязный, небритый, зато иду рядом с ней по улице Старовисльной. А я был попросту счастлив, что вообще удалось оттуда вернуться.

— Начальник ожидает в квартире на Кармелицкой, поезжай туда прямо сейчас, — сообщила девушка. — А вечером могу тебя пригласить на «Обременительное алиби», слышала, что это хороший фильм. Я достала билеты на девятнадцать в «Ванду». Так что если у тебя нет других планов... — Магда сделала вид, будто она ничуть в этом не заинтересована. Вчера, когда я выезжал на встречу с главарем банды, мне даже и в голову не пришло подумать, что буду делать сегодня вечером, вообще не имел никаких планов. Мы расстались с Магдой у почтамта, но она все же незаметно проследовала позади меня несколько десятков метров, чтобы проверить, не увязался ли за мной какой-нибудь «опекун».

Лешек мог дать кому-нибудь задание проследить, куда я отправлюсь после ночного свидания. Еще несколько раз мелькнула в толпе прохожих фигура девушки в голубом платье. Подходя к воротам дома, в котором меня ожидал руководитель, я увидел поручника Сташека. Он подал незаметно знак, означавший, что «хвоста» нет. Значит, все в порядке и я спокойно мог подняться наверх. Майор приветствовал меня так, словно я вернулся из дальнего похода, хотя нас разделяла лишь одна ночь моего пребывания во вражеском логове. Я доложил о состоявшемся там разговоре. Затем ответил на многочисленные вопросы начальника. Его интересовала каждая подробность, мельчайшие детали, по ним он хотел определить реакцию опасного противника. К сожалению, на один вопрос у нас не было ответа: какой условный знак ожидает от меня главарь банды. От решения этой загадки зависел дальнейший ход нашей игры.

— Нам наконец удалось установить, через кого Польдек передал сведения Артуру, — сказал мне майор, заканчивая разговор. — Поручник Янек как раз беседует с человеком, который пришел тогда на улицу Костюшко.

Последние слова начальника едва дошли до моего сознания. Он, кажется, заметил это. Я еще пытался как-то сосредоточиться, но физическое и нервное истощение не по-

звоняло дальше думать об этих делах. Организм требовал отдыха. Майор вышел. Я остался один в однокомнатной квартире на Кармелицкой, и не было никакого желания сейчас покидать ее. Спать, только спать.

Кушетка стояла у стены. Рядом — ночной столик и будильник. Несколько машинальных движений. Через окно проникал городской шум и душный воздух раскаленной жаркими лучами солнца улицы. Я погрузился в тяжелый сон.

У стены стоит какой-то человек, другой показывается из-за портьеры у двери. Пригнувшись, налетчики приближаются. Я вижу их уродливо искривленные, расплывающиеся в полумраке лица. В дверях вырастает фигура третьего налетчика. Он направляет на меня ствол автомата. Хочу крикнуть. Но сил нет, голос пропал. Слова застревают в горле. Я дрожу, как в лихорадке. Чувствую капли холодного пота на лбу. Враги движутся бесшумно, медленно, молча. Как долго они будут так идти? Первый уже близко, еще ближе, вот он стоит надо мной, наклоняется, дышит на меня самогонным перегаром. Вытаскивает из-за пояса пистолет. Я смотрю на него сквозь щелки чуть разжатых век, боясь шире открыть глаза или сделать хоть малейшее движение. Он целится в мою голову из пистолета, я вижу черное круглое отверстие ствола. Пытаюсь вскочить, но силы оставили меня, и я лежу без движения. Что делать? Что делать? Эта мысль болью отдаёт в виски. Слышу голос: «Вставай, сукин сын!» Кто это? Неужели Атаман, главарь банды «Бывалые вояки»? Но это невозможно. Снова тот же голос: «Вставай!» Нет, это не Атаман, теперь уж точно знаю, что это Лешек, отчетливо вижу его лицо. Черное дуло пистолета увеличивается, разрастается на глазах, заслоняет лицо бандита и приближается к моему лбу. Кошмарное ощущение безысходности тянется целую вечность.

Сон это или явь? Я вскочил с кушетки, не совсем придя в себя. В комнате никого не было. Резкий звонок будильника на ночном столике прервал этот кошмар. Не в лучшем настроении я отправился в город. Побрился у парикмахера и поехал, немного опаздывая, на свидание. Магда ожидала у кинотеатра на улице Гертруды.

— Я подумала, что тебе нужно как-то отвлечься, расслабиться, — сказала девушка, словно оправдываясь.

— Ты просто прелесть, — ободрил я ее, хотя в этот момент пошел бы куда-нибудь в другое место. Но зачем огорчать девушку?

В зрительный зал мы вошли уже после начала сеанса. — Что нового? — спросил я, когда мы сели на свои места. Увиденное во сне все еще преследовало меня. Магда наклонилась ко мне:

— Марыся завтра утром едет к Криспину.

— Зачем?

— Начальник поручил ей договориться о вашей встрече с Лешекком.

— Это невозможно. Откуда ты знаешь? — спросил я и беспокойно повернулся, так что спинка кресла закричала.

— Я виделась с ней, она спрашивала, как к нему попасть!

— Ти-и-и-ше! — услышали мы возмущенный шепот сидящего сзади зрителя. — Нашли место для разговоров!

— Был Сад, — снова зашептала Магда, воспользовавшись перерывом между кинохроникой и фильмом. — На улице Костюшко, конечно, никого не застал. Хозяйка еще не вернулась. Я сегодня туда заходила и нашла записку, подсунутую под двери. Сад просит, чтобы пан Кароль ожидал его завтра, предупредил, что придет.

— Это еще не повод, чтобы преждевременно отправляться к Криспину.

Начался фильм. Луи Жув играл две главные роли в замечательной, насыщенной блистательным юмором комедии. Магда с интересом следила за развитием событий в фильме. Лишь иногда бросала взгляд в мою сторону. Известие о скором возобновлении контакта с бандой так взволновало меня, что я не мог уже сосредоточить внимание на том, что происходило на экране. Почему такое неожиданное решение? Я ничего не мог понять. Посылать сейчас связную лишено смысла: она договорится о моей встрече с главарем, а я там ничего не добьюсь. Мало того, меня могут окончательно раскусить, если я не назову таинственный знак, которого требовал от меня Лешек. Майор, видимо, плохо понял мой отчет о ночной встрече, в противном случае он не принял бы такого решения.

— Смотри! — прошептала Магда, стиснув мою руку в один из захватывающих моментов. Я пытался следить за действием фильма. Напрасно. С экрана до меня долетали лишь отрывки происходящего: какое-то следствие, какая-то афера, пистолетные выстрелы...

С чем придет Сад? Почему майор посылает Марысю, а не Магду? Я продолжал размышлять. Марыся была подключена к нашей операции еще раньше, выступала в роли связной, ходила на встречу с Артуром в Забже в кафе «Под

гроздью», прекрасно подала легенду о поджоге нами гостиницы «Президент», но Магда... Конец фильма прервал мои размышления.

— Подумать только, один актер, и две такие разные роли. Тебе кто больше понравился, циник Исмор или сентиментальный Дюпон? — полюбопытствовала девушка, когда мы вышли из кинотеатра на улицу.

— Ты нравишься мне больше всех, — отшутился я.

— «Все случайно в этом самом смешном мире», — повторила девушка заключительное правоучение фильма. А я в этот момент, возвратившись к ходу своих рассуждений, опять задавал себе все тот же вопрос: «Почему Марыся, а не Магда?»

— Ты в прошлом году где провела отпуск? — спросил я. Не знаю, почему именно сейчас я вспомнил рассказ любовницы главаря банды. О нем я доложил майору тоже, и это сильно его обеспокоило. Он, конечно, уже проверил, кто из наших девушек отдыхал на даче Бенки.

— Я была с мамой в предгорье, — не скрывая удивления, ответила она.

— Вы куда выезжали? — продолжал я.

— В Устронь Шлёнски... А зачем тебе это вдруг понадобилось?

Я громко рассмеялся. «Слава богу, — подумал я. — Хорошенькая история вышла бы, если бы это Магда выезжала в прошлом году на дачу как раз туда, где я был минувшей ночью. Обыкновенная случайность могла привести к разоблачению связной, и легенда Кароля рассыпалась бы как картонный домик».

Решение руководителя, о котором узнал в кино от Магды, вывело меня, что называется, из состояния равновесия. Я задал девушке еще несколько вопросов, но, к сожалению, больше она ничего не знала. Я решил немедленно связаться со Стариком. Был уверен, что мне удастся его убедить. Еще можно отменить поездку Марыся к Криспину. Магда старалась меня успокоить. Если бы она знала все о моей встрече минувшей ночью, то думала бы иначе. Почта была еще открыта.

Позвонил Старiku, но никто не поднимал трубку. Я связался с дежурным офицером.

— Старика уже неделю пет в Кракове, — услышал в ответ.

— А начальник?

— Майор выехал в Бохню с поручником Янеком, вернется утром.

Я был бессилен что-либо предпринять. Ни с кем другим посоветоваться больше я не мог: план нашей операции сохранился в строжайшей тайне и был известен ограниченному кругу лиц.

— Зайдем куда-нибудь поужинаем, — предложил я. В эту минуту Магда была для меня самым близким человеком, правда, она не могла рассеять моих сомнений, но все же была одним из немногочисленных сотрудников, посвященных, хотя и частично, в операцию «Паутина». Беспокойные мысли не покидали меня.

Лишь на следующий день убедился, насколько необоснованными были мои опасения. Вопреки моим ожиданиям новый день начался полосой удач в затейной игре. Препятствие на пути к главарю банды было устранено благодаря очень важным для нашей операции сведениям, которых я не знал накануне вечером. Человек, направленный Польдеком на улицу Костюшко, оказался освобожденным из тюрьмы бедным учеником. Он должен был попросить Артура, чтобы тот послал Криспину записку, в которой поставил бы перед подписью и после нее знак равенства. Вытолкнутый мною за дверь, он не мог мне ничего сказать, но в беседе с поручником Янеком упомянул об этой детали. Странный знак заинтересовал майора. Он приказал допросить Польдека, который после очной ставки с Артуром, уверенный, что Криспин тоже сидит, рассказал все. Когда его спросили о знаке равенства, Польдек признался, что договорился с Лешекком таким способом помечать предназначенные для него сведения и знак этот сообщить лицу, которое установит связь с главарем. Загадка таинственного знака, которого так домогался от меня главарь банды, была решена. И вполне вероятно, что если бы не известная доля счастья и не колебания главаря, которыми удалось воспользоваться, то еще вчера мне пришлось бы заплатить по вышей ставке за два маленьких знака равенства.

Операция шла по плану. Сад, как и ожидалось, появился на квартире Артура. Воспользовавшись тем, что Лешек действительно поручил ему одноразовое посредничество в наших контактах, он постарался вытянуть из меня средства будто бы на финансирование группы. Но шила в мешке не утаишь. У меня не было никаких сомнений, что хитрый мошенник решил действовать на свой страх и риск. Я сделал хорошую мину при плохой игре, чем окончательно вошел в доверие к этому жулику. Он мог нам еще пригодиться при обстоятельствах, которые сейчас трудно было предугадать.

Мы ожидали Марысю. Поздним вечером она возвратилась от Криспина и сообщила, что условилась с ним обо всем. Он свяжется с Лешком и в течение двух дней отправит по адресу Фреда поздравительную телеграмму по случаю именин. Указанное в телеграмме имя должно было означать день, на который приходились эти именины, и говорило о дате моего приезда в Бохню на встречу. Связная передала Криспину записку, предназначенную для Лешка и, разумеется, снабженную знаком, о котором он договорился с Польдеком.

Два дня я провел в квартире на Подгуже, ожидая вестей от Криспина. Учил в это время Фреда пользоваться кодом. Наконец почтальон принес желанную телеграмму. На следующий день я был уже в Бохне. Ночью Щепан, как и в прошлый раз, провел меня к притону главара.

Я убедился, что все, чего мы добились до сих пор, было только вступлением к игре. Эта встреча открыла новый этап в моих отношениях с главарем, который по-прежнему принимал все меры предосторожности, но поверил, что я на самом деле являюсь представителем диверсионного центра в Западном Берлине, куда ранее прибыл Польдек. Аргументы, предоставленные Лешку, уже довольно долго просачивались в его сознание. Довершили дело два знака равенства, о которых знали только он и Польдек. Остался, однако, звериный инстинкт преступника, которому грозило только одно наказание — смертный приговор, поэтому он не верил даже тем, с кем столько лет действовал вместе, а уж мне и того меньше. В общем, предстояло преодолеть еще много преград, чтобы завоевать полное доверие главара.

Ночь выдалась безоблачная. Мы сидели с Лешком на мелине, в темной кузне. Через открытое окно пропикал лунный свет. На столе стояла бутылка самотона из слив и два стакана. Хозяйка спала в комнате. Около дома дежурили Щепан и еще двое из охраны. Навсегда в моей памяти остался этот разговор. С ужасом и негодованием слушал я длинный рассказ атамана. Перед моими глазами протянулась цепь чудовищных злодеяний. Лешек рассказывал о том, что в 1946 году Лиса втянул его в банду Залпа. Они выступали под условным названием «Жандармерия». Вначале он исполнял обязанности командира отделения. В августе 1946 года Залп назначил его своим заместителем.

— Тогда у меня был псевдоним Вереск, — вспоминал бандит. — Весной того года я участвовал в первой операции, мы разгромили отделение милиции в Тшчане и забрали все оружие. Потом налетели на отделение в Лапануве. Трех

милиционеров отвели в лес, и после следствия Волк из Убжежа и Ящик из Збыднюва врезали им в лоб. Один еще жил. Я добил его. Трупы закопали на опушке леса около Кобыльца.

Я знал этих товарищей, фамилии которых не забыл даже преступник. Тогда же эта банда убила Казимежа Модзельевского, Яна Спичака и Станислава Захаряша.

— Потом снова несколько налетов на отделения в Каменке, Ивковой, — продолжал атаман. — Зубатый застрелил начальника отделения из Тшчана, хорошо помню, это было первого мая. В Незнановице на шоссе мы остановили автомашину, русского офицера и водителя застрелили в зарослях на берегу Рабы. На том самом месте в нашу засаду попал грузовик, завязалась перестрелка, двое военных были убиты, Лиса, Крыска и Равич доби́ли трех раненых в лесу под Любомежем. Недалеко оттуда вместе с Лисой я прикончил Яна Лесьняка из органов государственной безопасности и милиционера Дыбеля, а в Гдове — секретаря ППР Бэдыля, в Вульке Зренчицкой схватили солтыса¹. Крыска застрелил его около дома. На шоссе под Волицей попал нам в руки начальник отделения милиции из Лапанува. Мы закопали его в перелеске около Тарнавы. — Главарь банды умолк, с минуту к чему-то прислушиваясь, потом выглянул в окно и тихо свистнул. Из кустов за изгородью ему ответили таким же коротким приглушенным свистом. Успокоенный, он поднял стакан: — За здоровье тех, кто все пережил.

— За новые времена, — ответил я.

Лешек выпил до дна.

Бандит рассказывал дальше. Стал хвастаться, как вся банда «сражалась» в Тшчане, нападению подверглись три автомашины с милицией — убитых восемь, раненых четырнадцать сотрудников. В Кобыльце он вместе с Зубатым убил местного крестьянина Войцеха Сатолу, в Любомеже бандиты похитили Хуту и застрелили в ивняке. Имени убитого он не помнил. В Камыке захватили трех милиционеров. Залп вынес им смертный приговор — три выстрела в затылок. В Кале Лешек убил неизвестного мужчину — показался подозрительным. Другого убил Зубатый.

— В тот же день в Тарговиско, — продолжал атаман, — я пристрелил еще одного, тоже показался подозрительным, а уже поздно вечером в Доменице Сип рубанул еще трех таких, что крутились возле нас. Несколько дней после этого в Верушице я прикончил женщину. Кажется, ее фамилия

¹ Солтыс — сельский староста. — *Прим. ред.*

была Рыбова. Приказал ее прикончить Залп. За лучшую жизнь, — поднял он стакан и задумался. Ждал, пока я выпью. Ничего не ответив на его тост, я влил самогон в рот, с трудом проглотил его. — Столько всего было, трудно вспомнить, — произнес он почти шепотом, низким охрипшим голосом. — Когда погиб Залп, я принял руководство группой, стал вести список. — Он достал из кармана измятую записную книжку, старательно занавесил окно и зажег стоявшую на столе свечу. Перевернув несколько листков со списком преступлений, при слабом свете догорающей свечи стал перечислять фамилии людей, которых уничтожила банда. Читал вполголоса: — Станислав Хрусьцель, Анджей Копечный, Францишек Велюрка, Анджей Лопак, Казимеж Дудзик, Юзеф Роек, Владислав Хальцаж...

С содроганием слушал я кошмарные признания убийцы. Страшен был этот кровавый итог деятельности банды, продолжавшейся уже несколько лет.

— Не убьешь ты, прикончат тебя. Так всегда говорил Залп, — убежденно повторил главарь слова, сказанные им при первой встрече со мной. Опять наполнив стаканы, дном бутылки придавил фитиль гаснущей свечи и открыл окно. Бледный свет месяца снова залил кухню. — Еще немного, и отправил бы я вас к святому Петру. У меня все должно совпадать. Будьте здоровы, пан Каролы! Но если бы ты оказался не тем, то долго бы у меня умирал, — заверил он, вперив в меня дикий взгляд. По моей спине пробежали мурашки.

— В нашей ситуации нет иного выхода, — согласился я и поднял стакан, — либо жить, либо погибать. Но кому хочется умирать по недоразумению... Я вовсе не удивляюсь, что вы так осторожны. У борьбы свои законы. За наше сотрудничество! — предложил я тост, и мы выпили до дна.

— Залп погиб на кладбище около Закличина, — вспомнил Лешек. — Напоролся на милицкий патруль, кончилось дело перестрелкой, и его убили. Сегодня даже сам Залп немного бы добился. У нас земля горит под ногами. На каждом шагу засады, нас преследуют солдаты КВВ, мы собираемся только для проведения операции, а потом снова зарываемся в землю. Мой заместитель Бобр готовит нападение на железнодорожную кассу в Доброй, после того как наш агент даст знать, когда в кассе будут деньги.

«Теперь или никогда, — подумал я. — Надо ковать железо, пока горячо и подчинить себе необузданного главаря». Твердым, не допускающим возражений голосом я разъяснил Лешеку условия его сотрудничества с диверсионным цент-

ром. Выступая с позиции пачальника, запретил под угрозой применения самых жестких санкций проведение каких-либо самовольных акций. Одновременно дал обещание оказать финансовую помощь, а также обеспечить группу оружием и боеприпасами. В виде аванса выдал бандиту девяносто тысяч золотых для поддержания группы. Не считая, он спрятал в карман пачку банкнот, которые я положил на стол, но было заметно, что деньги произвели на него впечатление. Я заверил его, что мы пришлем инструкторов, которые обучат назначенных им людей проведению диверсий. Открывал перед Лешеком широкие перспективы деятельности, старался сыграть на его бандитском самолюбии. Мы договорились, что на следующий вечер пришло нашего человека, который научит его пользоваться кодом. Необходимо закодировать историю деятельности группы и, как свидетельство заслуг Лешека, переслать записи за границу. (Благодаря тому, что все так и вышло, я могу сегодня довольно подробно цитировать записи главаря банды.) Я предупредил Лешека, что код могут знать только он и один человек из группы.

Наш разговор походил на разыгрываемую в необычных условиях шахматную партию. Игра шла по высшей ставке. Один неверный ход мог привести к проигрышу. Бандит с огромным вниманием слушал мои слова, мысленно их взвешивал, затем снова задавал вопросы, ожидая конкретных ответов. Мне нельзя было заходить слишком далеко. Опрометчивое высказывание могло возбудить подозрение готового на все бандита. Им управлял инстинкт самозащиты. Наши мысли бежали по совершенно разным тропинкам, с двух противоположных полюсов, но об этом знал только я. Если противник не догадается о моих истинных намерениях, нам удастся устроить банде западню и раскрыть законспирированную сеть ее помощников.

— Прежде чем мы наметим ближайшую задачу, я хотел бы изучить состав вашей группы и агентурной сети, ваши возможности и потребности, — заявил я Лешеку.

После минутного размышления он сообщил, что на территории нескольких повятов имеет в своем распоряжении примерно сто человек, составляющих сеть банды.

— Некоторые, — пожаловался он, — все чаще стали увлиять от сотрудничества с нами. Корпус внутренней безопасности прочесывает местность, парализует наши передвижения, рассылает повсюду своих людей, они ходят по деревням, стараются выследить наши мелины.

Я сделал вывод, что у главаря достаточно своих аген-

тов, которые получают информацию о наших планах, даже из некоторых отделений милиции.

— На тех, кто уваливает от содействия нам, у меня тоже есть управа. О некоторых знаю очень много, уже не один убедился, что со мной шутки плохи и меня надо слушаться, — с угрозой в голосе произнес главварь и потряс висевшим на подлокотнике деревянного кресла автоматом. — Другим тоже есть чем пригрозить, попрыгают у меня...

Лешек продолжал говорить. Стал жаловаться, что теперь неизвестно, кому можно верить, многие укрытия, какими он раньше располагал, «сгорели», все труднее передвигаться по местности. Ему пришлось разбросать своих людей, группа не может собираться на одной мелине, так как это сразу привлечет внимание и облегчит организацию засады. Ядро группы состоит из пяти человек, скрывающихся уже несколько лет и работавших еще с Залпом.

— Мой заместитель Бобр вместе с Бегом сейчас в другом районе, — сказал Лешек, — в треугольнике шоссе Гдов — Величка, Величка — Дзекановице, Дзекановице — Гдов. Около Добчице у меня есть хорошо укрытый бункер, в котором хранятся оружие, боеприпасы и на всякий случай продовольственные запасы, если придется надолго затаиться. Бобр припрятал два коротковолновых радиопередатчика, оставшиеся нам от Залпа, их можно использовать, если достать несколько деталей.

— Как у вас с оружием? — спросил я.

— Три пулемета, три автомата «бергман», четыре автомата ППШ, револьверы, пистолеты, около двадцати уже ненадежных английских оборонительных гранат — вот и все наши запасы, — перечислил Лешек. — Немного оружия есть еще у людей из сети, но для проведения серьезной операции этого совсем мало. Обыкновенные винтовки в счет не идут, они не годятся для таких дел. Нам нужны автоматы, гранаты, боеприпасы и немного пистолетов для людей из сети.

— Такое оружие имеее? — спросил я, доставая из-за пояса новехонький кольт калибра 11,4 мм. Одним нажатием пальца вынул из рукоятки магазин. Лешек взял пистолет в руки и с интересом стал разглядывать его. Магазин остался у меня в руке, я выщелкнул из него один патрон и положил бандиту на ладонь. — Сравните со своим, — предложил я.

— Нечего и сравнивать, — согласился он, взвешивая на ладони толстый тяжелый патрон. — Оружие лучше некуда.

— Безотказное, американское, — выразительно произнес

я. — Только с патронами туго дело, у нас их не производят, а убойная сила несравненно больше, чем у парабеллума или бельгийского ФН. Калибр много значит. Один раз я врезал вот в такие же двери, — показал я на вход в комнату, — так пуля как сквозь масло прошла. Выпьем, — предложил я, подняв стакан. Мне хотелось поближе сойтись с главарем, который вел себя уже значительно свободнее.

— Будем здоровы! — поддержал Лешек. Мы опрокинули стаканы. — Одни при луне самогон гонят, а другие его пьют, — пошутил главарь, выплеснув на пол несколько капель.

— Лишь бы не чересчур, — заметил я. — Уже не один попался из-за водки.

Главарь промолчал и разлил остатки самогона по стаканам. Я не возражал и, пользуясь тем, что разговор протекал непринужденно, старался выжать все возможное из своей легенды, под которой выступал перед главарем. Рассказывал ему о загранице, о наших контактах с Западом, о канале связи, о моем пребывании в центре в Западной Германии, о нескольких собственных приключениях. Затем стал говорить о трудных условиях нашей небезопасной работы в стране, поставил перед Лешekom в общих чертах задачи на ближайшее будущее.

— Наша деятельность, как я уже говорил, разделяется на две секции. В секции «Р» работают люди не разоблаченные, которые могут легально передвигаться по району своего проживания и, исходя из этого, вести разведку и подготавливать определенные диверсионные акции. Меньшая по численности секция «Д» должна состоять из людей, проживающих на нелегальном положении, но испытанных во многих операциях, которых можно перебрасывать с места на место для проведения диверсий.

Перейдя к деталям, я приказал ему к следующей встрече разработать план разделения сети банды на несколько хорошо законспирированных групп, которые будут включены в секцию «Р», а также наметить руководителями этих групп самых надежных агентов сети. При этом я рассчитывал получить данные, которые помогли бы нам установить, кто в действительности сотрудничает с бандой. Затем я представил план взрыва железнодорожного моста у Бохни, потребовав, чтобы Лешек на следующую встречу привел скрывающихся на мелницах своих ближайших помощников для совместного обсуждения операции, которой дал кодовое название «Чайка». Главарь добивался, чтобы ему предва-

рительно было доставлено оружие и боеприпасы. По немалому опыту я знал, что доставка оружия была бы самым веским аргументом для членов банды, куда более убедительным, чем безупречно разработанная легенда, пароли и опознавательные признаки. Но я знал также, что такого обещания нельзя было выполнить. Если бы мы дали бандитам оружие, позже они направили бы его против нас. Проект подрыва моста также представлял собой лишь легенду. Однако мне вдруг в голову пришла одна мысль, и я согласился.

— Вы правы, — успокоил я бандита. — Оружие вы должны получить перед операцией «Чайка». Подрыв моста вызовет ответные действия госбезопасности, необходимо будет тогда укрыться в надежном месте и переждать. Я согласую этот вопрос с руководителем нашего центра майором Ежи. Оружие спрятано на мельнице за Неполомице. Вы подойдете туда со своей группой и заберете то, что вам выделит майор.

Главарь был доволен. Небо на востоке уже светлело. Близился рассвет, и мы торопились закончить обсуждение последних деталей. Я предупредил Лешека, чтобы он в целях конспирации ни словом не обмолвился о наших планах ни одному из агентов сети, которых он наметит руководителями групп секции «Р».

— Узнают, когда дадим им конкретные задания, — решил я.

Вдохновить деятельность подполья было только предложением, которым я намеревался воспользоваться, чтобы раскрыть сеть ближайших помощников банды. Оставалось еще самое важное дело: назначить встречу со мной полного состава банды, самых опасных единомышленников атамана, которые, будто кроты в норах, торчали где-то на неизвестных нам мелинах. Ведь это и было главной целью затеянной игры.

— Связь со всей группой установлю в течение трех дней, — заявил Лешек.

— Хорошо, раньше все равно не смогу приехать, — ответил я.

— Через три дня пришло к вам в Краков Бенку, — предложил бандит.

Я принял его предложение. На листке написал, где буду ожидать прибытия связной: «Бар «Гонг», улица Славовска, 6, вход через ворота, время 10 часов». Мысль о передаче оружия не давала мне покоя. Эту возможность я считал луч-

шей для организации засады, чем операция, которую окрестил «Чайкой». Неужели финал задуманной акции был уже так близок?

7

Рассвет застал меня на мелине банды. На погруженную еще в сон деревушку ветер нагонял клубы серо-голубого тумана. Они перекатывались по ложбине, спускались все ниже, окутывая утопающие в садах крестьянские дворы. Солнце неожиданно появилось из-за холма, позолотило Бокненскую возвышенность и живописное предгорье Бескид. На крутую вершину Каменной напознала темная туча, а еще одна закрывала горизонт с юга. Мы стояли за изгородью, укрытые кустами лещины, окаймлявшей усадьбу. Лешек поднял к глазам бинокль, внимательно осмотрел окрестность.

— Идти сейчас либо подождать до сумерек. Днем опасно, можно привлечь к себе внимание, госбезопасность прочесывает местность, — высказал беспокойство главарь банды. Солнечные лучи обламывались о кромку темных туч, двигавшихся к северу.

— Думаю, успею до дождя, — ответил я, прощаясь с главарем. Лешек рукой подозвал Щепана, и я поблагодарил его за то, что он был хорошим проводником. Дорога к остановке была мне уже известна, и я пошел в направлении к перелеску, а дальше знакомой тропинкой за деревней, по которой меня до этого водил Щепан. Главарь банды смотрел мне вслед, пока я не скрылся за деревьями. Очутившись под их кропами, я оглянулся и увидел четыре человеческие фигуры. Это главарь банды и его охрана покидали ночное пристанище — дом Бэпки. Проскочив по сбегавшей вниз меже, они пропали из виду.

«Значит, побоялся все же остаться на известной мне мелине, — подумал я. — Сразу замел за собой следы».

На этот раз я проделывал обратный путь в более радостном настроении, чем в предыдущий, когда возвращался, терзаемый беспокойством, что все сорвется. Сопротивление опасного бандита было сломлено — этой ночью он разговаривал со мной, как со своим. Так, по крайней мере, казалось. Доверился ли он мне на самом деле? Тот факт, что он с такой жестокой откровенностью рассказывал историю своей деятельности, перечислял множество совершенных преступлений, еще ни о чем не говорил. Главарь ведь хорошо знал, что все его деяния ничуть не меньше известны не

только каждому жителю этих мест, но и органам безопасности. Стало быть, никакой тайны он не раскрыл. Но в моей памяти навсегда остались эта ночь и чудовищные признания убийцы стольких невинных жертв. Какими словами можно выразить трагедию жен, чьих мужей убили бандиты? Как описать горе детей, лишившихся своих отцов? Способный на все, главарь не знал слова «жалость». Я навсегда запомнил его слова: «Для меня застрелить человека — все равно что плюнуть, мертвые не говорят».

Долго я искал пути к кровавому злодею, пробивал проход, по которому можно было бы проникнуть в банду, внедриться в нее. И лишь сейчас, возвращаясь со встречи с вожаком банды, припомнил рассказ подпоручника, который сражался еще с бандой Залпа, а теперь, являясь нашим оперативным сотрудником в Бохне, уже много месяцев дни и ночи гонялся за бандой Лешака. Подпоручник Мариан добыл ценные сведения; они послужили Старику основой для задуманной игры. И в тот вечер, когда я перевоплощался, влезая в волчью шкуру «человека оттуда», выступающего теперь под псевдонимом Кароль, мы долго говорили с подпоручником Марианом. И хотя в этих воспоминаниях, написанных спустя годы, Мариан, как и другие участники операции, по-прежнему остается безымянным героем, я не могу не сказать о нем.

В тот вечер Мариан рассказал мне, как в одну из августовских ночей получил сообщение об убийстве бандой Лешака в Лапануве крестьянина. Двумя часами позже он уже находился на месте преступления. Два члена банды, ворвавшись ночью в дом Юзефа Роека, жившего в Воле Нешковской Бохленского повята, схватили хозяина, допрашивали, били, а затем застрелили в комнате. Юзеф Роек, малоземельный крестьянин, был деятелем левого крыла крестьянской партии Стронництво людове и кооперации в Лапануве. Он погиб от бандитской пули.

— Я первым прибыл в дом убитого, — рассказывал подпоручник Мариан. — Застал там двух дочерей Юзефа Роека, рыдающих над его телом. Одной было, наверное, лет восемь, другой — около одиннадцати. Тогда я поклялся этим сиротам, что отомщу за смерть их отца.

После августовской ночи того года прошло много месяцев. Десятки облав и засад закончились неудачей. Еще через несколько месяцев, в день именин главаря банды, удалось окружить Лешака. Однако головорезы босиком по снегу добрались до похищенных ими коней и, отстреливаясь из автоматов, оторвались от преследования. И сейчас Мари-

ан оказывал большую помощь в проводимой нами игре. Сможем ли мы заманить в западню главаря банды, а значит, исполнить клятву, которую подпоручник Мариан дал детям погибшего Юзефа Роека?

Впереди показался какой-то поселок. Когда я подходил к шоссе, заметил двух милиционеров у перепутья. Мне нужно было идти туда, чтобы добраться до автобусной остановки. Раньше я проскальзывал через эти места, пользуясь полевыми тропинками, старательно минуя хутора и поселки. Теперь же у меня не было другого пути. Повернуть назад или идти дальше как ни в чем не бывало? А если меня задержат? Нет, вернуться я уже не мог, наверняка меня заметили. Подобный шаг лишь вызвал бы подозрения. Ведь я находился в районе, подвергавшемся разбойным налетам. Парадоксальны были мои опасения, парадоксальны, но и оправданы. Я никому не мог признаться, кем являюсь на самом деле, и должен был избегать милиции точно так же, как это делал бы на моем месте настоящий преступник. Так предписывала легенда Кароля. Кроме поручника Янека, бывшего начальника из Бжеско, который теперь руководил операцией по прочесыванию местности, и Мариана из Бохни, никто не был посвящен в миссию, выполняемую мной в этом районе. Нелегко было остерегаться не только противника, в сеть которого я внедрялся, но и наших людей. Трудно было даже предвидеть, где банда может иметь своих агентов.

Когда я был уже близко, ко мне подошел один из милиционеров, а второй остался стоять шагах в двадцати с автоматом через плечо.

— Попрошу документы, — обратился он ко мне.

Я подал ему удостоверение личности и старую оккупационную кеннкарту, то есть тоже удостоверение личности, или пропуск. Он осмотрел кеннкарту, внимательно прочитал удостоверение.

— Житель из Кракова? — спросил он, лишь бы что-то сказать.

— Да, — подтвердил я. И добавил полушутя: — Двадцать лет как из Кракова.

— А здесь по каким делам?

— Ищу дешевую дачу, хотел бы снять что-нибудь.

Капрал вернул мне документы, о чем-то подумал и предложил несколько адресов. Я угостил его сигаретой и объяснил, что в общем-то комнату уже снял, назвав при этом деревушку, которую миновал, возвращаясь с мелипы главаря банды. Быстрый ответ удовлетворил капрала, что по-

могло мне выйти из затруднительного положения. Теперь я смело шел по шоссе к остановке, чтобы побыстрее сесть в автобус. Мне вспомнилась встреча с патрулем корпуса внутренней безопасности. Я шел тогда из Рабки на Старе-Верхи, где предстояла встреча с бандой «Бывалые вояки». По дороге меня задержали солдаты КВБ. В то время я выполнял такое же, как и сейчас, задание, с той лишь разницей, что у меня был псевдоним Генрик. Солдаты КВБ вели себя более придирчиво, грозились даже передать меня органам госбезопасности. Но я упорно держался легенды, утверждая, что приехал на время отпуска в Рабку и иду на прогулку на гору Турбач. Я мог это доказать — специально снял комнату в Рабке, где прописался под чужой фамилией. Документы тоже были в порядке. Меня отпустили. Когда через час я добрался до банды, оказалось, что мою личность проверял мнимый патруль. Главарь банды выслал на дорогу, по которой я должен был проходить, двух своих людей, переодетых в форму убитых ими солдат КВБ. Достаточно было одного неосторожного слова, и я сам себе вынес бы смертный приговор. Офицер службы госбезопасности в некоторых случаях трудной борьбы на «тихом фронте» ошибается только один раз.

Если мне придется чаще бывать в этих местах, то нужно, как выяснилось после встречи с милиционерами, подкрепить аргументами не совсем отработанную легенду Кароля. Вздумай они проверить то, что я им сказал, моя липа с паемом на лето дачи сразу была бы раскрыта.

Если прежде задуманная акция развивалась без видимой надежды на успех и не раз приходилось пассивно ожидать неделю, а то и две даже незначительного случая, дававшего едва заметную возможность продвинуться вперед, то теперь, по возвращении в Краков со второй встречи с главарем банды, я был втянут в ход событий, сменявших друг друга, как кадры на киноленте.

Восстанавливаю самые важные из них, имевшие существенное значение для проникновения в банду и ее сеть. Эта цель была достигнута, вторая встреча с главарем банды вызвала приостановку террористической деятельности банды; лучше было поступиться несколькими десятками тысяч злотых, выданных мною главарю из государственной казны, чем завлатить дорогой ценой — несколькими, а то и многими человеческими жизнями, которые записала бы на свой кровавый счет банда в этот период.

В тот день когда я выехал на встречу с Лешekom, в Краков возвратилась нани Сабина Бобешко, владелица квар-

тиры на улице Костюшко, и лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств днем раньше поручник Сташек обнаружил на кухне тайник, в котором Артур хранил компрометирующие его документы. Доставленный из тюрьмы преступник уже ничего не отрицал. Так закончилась карьера бывшего сотрудника германской полиции, или шупо, пользовавшегося фальшивой репатриационной карточкой на имя Кропидловского. Артур во время оккупации действовал совместно с Польдеком, был агентом немецкой полиции, крутился среди поляков, занимавшихся торговлей, и за каждый донос получал плату в размере десяти процентов стоимости товара, конфискованного шупо. Самой крупной аферой, которую провернули Артур и Польдек, был провал контрабандной перевозки сахара из Богумина в Краков. Несколько арестованных тогда поляков оказались в концлагерях. Дело бывшего гитлеровского агента было передано прокурору. Пани Сабина Бобешко ничего, разумеется, об этом не знала и пока не должна была знать.

Теперь следовало обезопасить легенду Кароля. Ведь на улицу Костюшко мог прийти Сад, Криспин или Фред, которые ни в коем случае не должны были догадаться об истинном положении вещей. Я навестил хозяйку, знавшую меня как коллегу ее квартиранта, и сообщил ей, что во время ее отсутствия Артуру понадобилось выехать на месяц или два на Побережье, и он попросил меня внести за него причитающуюся плату за снимаемую комнату.

— Какой солидный человек! — восхищалась пани Сабина, угощая меня чаем. — Конечно, я оставляю для него эту комнату.

Все шло хорошо. Хозяйка, уверенная в отъезде Артура, станет повторять каждому, кто им заинтересуется, именно эту информацию.

Возвращение Сабины Бобешко воспрепятствовало дальнейшему использованию снимаемой Артуром комнаты. Надо было найти новое помещение для импровизированной мелины и пункта связи сети Кароля. Пользоваться же комнатой на Подгуже вместе с Фредом долго не имело смысла; не только из-за хозяев квартиры, которые пока ни в чем не разбирались, но и из-за самого Фреда — он в конце концов может разгадать наши замыслы.

В этот день я отправил Фреда на мелину главаря банды, дав поручение как инструктору по организации диверсий обучить командира той группы коду и записать с помощью выбранной мной системы кодировки все «подвиги» людей Лешека, а также составленный план размещения в

районе сети, поименованной мною как секция «Р». Пока что мы не хотели вводить в игру нашего сотрудника, но не из боязни перед возможной опасностью, а исходя из того, что Фреду, скрывающемуся преступнику, легче будет найти общий язык с главарем банды. К тому же Фред был абсолютно уверен в том, что сеть Кароля реально существует и действует. Задание выехать в опасный район он воспринял без энтузиазма, но отправился в тот же день после обеда автобусом Краков — Жегоцина к месту встречи.

Вечером я встретился с поручником Янеком. Мы провели с ним несколько часов на конспиративной квартире на улице Кармелицкой. Командор, как называли мы Янека, в этот день составил для начальника подробный отчет о действиях оперативной группы, принимающей участие в операции «М». Такое условное название получила проводимая уже несколько месяцев операция по прочесыванию полей, в границах которых передвигалась банда. Оперативная группа парализовала банду, лишила ее свободы перемещения на местности, но обезвредить не смогла. Детальный доклад поручника Янека, составленный на нескольких машинописных страницах, охватывал целый ряд оперативных мероприятий.

«Воевые действия силами одного батальона, разделенные на четыре периода, начаты 7 марта с. г., — писал поручник Янек. — В первом периоде прочесывались окрестные деревни в районе действий банды, в следующие два периода устраивались почные засады на маршрутах переходов банды, а остальными подразделениями днем прочесывался весь район действий банды. За последние две недели таких засад было устроено 27 в 11 пунктах. В четвертом периоде организованы ночные засады на маршрутах переходов банды, при этом подразделения скрытно располагались в домах поблизости от засад. Остальными силами в составе 6 групп проведено прочесывание одновременно с трех сходящихся направлений. В результате за последние две недели захвачено: 1 станковый пулемет, 5 винтовок, 1 автомат ППШ, 10 пистолетов, 16 гранат, 2400 единиц различных боеприпасов... Пойман бандит Станислав С., который 5 апреля с. г. днем совершил вооруженное нападение на кооператив в Радиборске...»

Далее следовало изложение хода операций, проведенных в Бохне, Лимановой и Мысленице под кодовым наименованием «Лещина», «Паяцы», «Гром»; затем данные контрразведки по обследованию местности, десятки фамилий хозяев мелин и подозреваемых в сотрудничестве с бандой,

список родственников главаря банды в Ковце, Грушове, Коморниках, Рудае, Залесянах, Межане, Сикшинке, Фальковице, Корнатке, а также оперативные данные о сети сигнализации и о законспирированных группах наших сотрудников. Группа, действовавшая под видом изыскательской партии, ищущей нефтяное месторождение, оказалась раскрытой; то же самое произошло и с группой, «проводившей мелиоративные работы».

И наконец последнее предложение доклада: «Конкретной информации относительно банды Лешека во время проведения операции не получено». Несколько месяцев огромных усилий одного из батальонов 5-го краковского полка КВВ, а также оперативной группы, участвовавших в операции «М», не принесли ожидаемых результатов.

— Лешек рассредоточил своих людей, каждый бандит сидит на мелине один, а мы ищем их, как иголку в стоге сена, — невесело заключил поручник Янек.

Стемнело. Мы ожидали начальника. Свет не зажигали. Янек вспоминал первый день своей работы в тех местах. Раньше он здесь не бывал. В должность он вступил в Бже-ско в феврале 1947 года.

— Этот день мне памятен, — рассказывал Янек. — Не успел приехать, и сразу же, как гром среди ясного неба, на меня обрушилось известие о гибели наших трех сотрудников. Они задержали около Радлува осведомителя гестапо, доставили его на железнодорожную станцию в Бядолинах и исчезли без следа. Лишь позже стало известно, что они попали в засаду и были схвачены бандитами. Веспой нашли страшно изуродованные тела, выброшенные на берег реки Ушвицы около Щуровой. Это были убитые бандой Стапислав Пропобис, шахтер, Стапислав Райтар, бывший участник войны в Испании, который весь период оккупации сражался в рядах партизан в Жешувском повяте, и Мечислав Новак, сын бедного крестьянина, всего девятнадцати лет от роду. Все трое были сотрудниками службы безопасности в Бже-ско.

Потом Янек поведал о трагедиях, свидетелем которых был сам. В Бже-ском повяте в то время свирепствовали банды Серого и Яхимека. В Радлуве они убили Михала Голаса, жившего еще в батрацком бараке около бывшей помещичьей усадьбы. По аграрной реформе он получил землю, но не успел похозяйствовать. Бандит Яхимек вечером ворвался в барак и на глазах пятерых детей выпустил в Голаса очередь из автомата. Михал был членом ОРМО — Добровольного резерва гражданской милиции, то есть отрядов

содействия гражданской милиции. После этого Яхимек, придя в Бискупице Радловске, напал на дом Трачовой, угрожал вдове, мужа которой убили немцы, и застрелил ее двадцатилетнего сына. Парепь в тот день принес домой первую зарплату. Он начал работать на фабрике в Недомице и подал заявление о приеме в партию. Мать на коленях умоляла бандюгу, целовала его руки, чтобы он сохранил жизнь ее сыну, но напрасно. В Радлуве на Подлесе выстрелом в затылок он убил мать нескольких детей Теклю Муху лишь потому, что ее сын был подофицером Войска Польского...

На почном столике у постели мерно тикал будильник. Мы все время поглядывали на медленнодвигающиеся стрелки часов. Майор должен был приехать к нам уже час назад. Видимо, что-то непредвиденное его задержало, но он, конечно, появится, в противном случае перенес бы встречу на завтра. Мы размышляли о трагической судьбе людей, живущих в паническом страхе перед бандой, о наших людях, которые порой в одиночку или вдвоем шли по следу вооруженных убийц, о солдатах КВВ, членах ОРМО и милиционерах, которые в отдаленных глухих деревушках спали с оружием, с гранатами под подушкой, каждую ночь ожидая встречи со смертью.

Операция против банды Лешека была третьим такого масштаба предприятием, в котором я принимал участие. Нельзя сказать, что это были безопасные задания. Но у меня было совсем иное, возможно, более выгодное положение, чем у тысяч безымянных героев — наших сотрудников, которые в предшествующие годы боролись за укрепление народной власти в Польше и верность делу ценили дороже собственной жизни. Верно, я принимал участие в крупных операциях, но после каждой из них возвращался в тихий Краков. Те люди не переживали таких приключений, как я, но они день и ночь несли службу на самых опасных участках.

Самой тяжелой была доля безоружного крестьянина, живущего в опасных районах. Банды терроризировали население, под страхом смерти припуждали к повиновению, самозванные главари выступали под политической вывеской различных организаций, а в действительности грабили и убивали людей по своему усмотрению.

Никогда не забуду, как я пришел с «Бывалыми вояками» на мелину в окрестностях Кросьценко. Главарь банды не имел в этой деревушке доверенного человека. Приближался рассвет. Надо было где-то залечь на день. Местом постоя была выбрана гуральская хата за деревней. Под

окно подошли два бандита, одетые в военную форму. Застучали прикладами автоматов в окно, крикнули: «Откройте, мы из КВВ!» Хозяин открыл, не зная, что это банда, а если бы и знал, разве смог бы не впустить налетчиков. За домом стоял овин. Главарь банды забрал из избы сына гурала как заложника. Было ему лет двенадцать. Целый день сидел он, насмерть перепутанный, в углу овина. Банда расположилась на выстланном сеном глиняном полу. Пришлось дожидаться, пока стемнеет. На посту попеременно находились по два бандита. Хозяин всем принес еду. Боялся за жизнь сына.

— Если выдашь, что мы тут, или вовремя не предупредишь об опасности, первую пулю влеплю в лоб твоему сыночку! — пригрозил Атаман

Вечером банда покинула укрытие. Главарь снова предупредил крестьянина:

— Если хоть слово скажешь, что мы тут были, хату спалю, а дни свои можешь считать законченными!

Банда скрылась, уйдя по крутой горной тропинке. Хозяин остался один на один с тяжелыми мыслями. Если доложить — ожидай мести банды. Если не доложить, вступаешь в столкновение с законом — придется отвечать за сотрудничество с подпольем. Да, нелегкие то были годы...

Наш разговор прервал тихий стук в дверь. Было около десяти часов. Майор пришел с готовым планом действий. На разработку деталей оставалось два дня. А пока в нескольких словах он ознакомил нас с основными моментами акции, предвещавшей финал всей операции. Все ли так будет в действительности, зависело от исхода моей встречи со связной Лешака в баре «Голт».

— Если Бенка сообщит, что главарь установил связь с остальными членами банды и вместе с ними ожидает Кароля, мы начнем. Наша группа немедленно организует засаду, куда ты и приведешь банду, — изложил свой замысел начальник.

— Не слишком ли быстро? — засомневался я, озадаченный неожиданным решением майора. Но он не дал мне даже закончить мысль.

— Нельзя упускать случая, — возразил он. — Время работает против нас. Дело Польдека и Артура уже принято прокуратурой, вскоре они предстанут перед судом, и тогда их арест не удастся скрыть. Повтори еще раз подробно, что ты говорил главарю о мелине с оружием.

— Сказал лишь, что мелина находится за Неполомице, на мельнице, но местности не назвал, — ответил я.

— И это называется «лишь»? — перебил меня майор. — Надо было сказать, что на мелине, но не уточнять, что на мельнице. Откуда теперь возьмешь ты эту мельницу?

Да, майор был прав, я, что называется, зарапортовался. Времени на организацию засады у нас оставалось всего два дня, а предстояло выбрать место, где можно было бы создать видимость хорошо укрытой мелины. Передачу оружия банде Лешека решено было использовать как приманку, чтобы затащить всех сразу в расставленную ловушку. Меня тревожили сомнения, удастся ли склонить главаря пойти в незнакомую банде местность. Я учитывал и возможное сопротивление главаря, которое еще не удалось сломить. Успех всей операции зависел прежде всего от того, как я разыграю встречу с Лешekom. А если эта поспешность покажется ему подозрительной? Однако времени раздумывать не было. Уже этой ночью, перед рассветом, мы вчетвером выехали в Пуцу Неполомицкую. В подходящем месте мы выскочили из машины и дальше уже пешком двинулись через лесную чащу, чтобы не привлекать чьего-либо внимания, — никто не должен был догадаться, кто мы на самом деле. Взамен мельницы мы выбрали небольшую лесную сторожку, находившуюся на другом конце пуци. Незнакомая бандитам местность определенно гарантировала, что она не сможет раньше времени разгадать наши замыслы.

В полдень я возвратился в Краков. Трое остались в районе сторожки, чтобы поточнее изучить местность. Поручику Сташкеку предстояло хорошо проверить путь от границы пуци до мелины. Ему выпала роль связного. Он должен был ожидать банду на пункте связи, а затем как проводник провести ее через пуцу. Этим открывалась возможность подключить к операции еще одного нашего человека. Сташек полностью подходил для выполнения такой миссии. Во время оккупации он исходил вдоль и поперек жешувские леса. Бывший боец Батальонов хлопских¹, он в первые же дни после освобождения от оккупации поступил на службу в органы безопасности, принимал участие во многих операциях против банд, в последний раз в роли человека из другой группы выступал вместе со мной в операции

¹ Батальоны хлопские — крестьянские отряды самозащиты от гитлеровцев. В 1944 году большая часть их вошла в состав Армии Людовой. — *Прим. ред.*

против «Бывалых вояк». Мы понимали друг друга, что называется, с полуслова.

Фред уже ожидал меня на улице Лимановского. Он возвратился после встречи с Лешеком, привез закодированный план размещения агентурной сети банды, а также перечень ее «подвигов». Когда я приехал на Подгуже, он вручил мне раскодированный текст послания. Главарь банды сообщил также, что связная будет ждать Кароля в условленном месте и в назначенный час. Итак, все шло пока, как было задумано. Группа напряженно работала над планом операции. Возможно, что уже через несколько дней банда Лешака больше не станет лишать сна жителей нескольких повятов краковской земли.

Около суток оставалось еще до встречи с Бенкой. С каждым часом я ощущал, как возрастает нервное напряжение. Майор уже назначил группу сотрудников, распределил роли. Один должен был стать мельником, двое — сыновьями хозяина мелины, а еще двое — бандитами, которые будут выдавать оружие. Большое количество людей могло бы всполошить Лешака. Поэтому мы ограничились этой пятеркой. Ну и, разумеется, мое участие в операции, как и связного, то есть поручника Сташека, было вполне естественным и не могло возбудить каких-либо подозрений противной стороны.

До тех пор, пока у нас не было полной уверенности в том, что финал операции удастся, мне следовало позаботиться о соблюдении правдивости легенды, являвшейся основой проводимой игры. Поэтому в тот же день пани Сабина Бобешко и Фред получили открытки с поздравлениями от Артура. Открытки были отсланы из Гдыни и служили адресатам еще одним доказательством, что их знакомый по-прежнему пребывает на Побережье.

Комнатушка на Подгуже, которую сейчас занимал Фред, не могла больше использоваться ни как пункт связи, ни как мелина Кароля. У меня самого не было времени заняться поисками новой квартиры, так как двое суток почти не спал, все это время находясь в движении. Майор поручил Магде найти для меня подходящее помещение. Я как раз ее ожидал в кафе «Яма Михаликова» и рассматривал на стенах гравюры, напоминавшие о старых временах «Зеленого Балоники», их блеске, пышности и великолепии. От соседнего столика до меня долетали обрывки разговора двух мужчин, сидевших здесь, наверное, уже несколько часов за чашкой кофе.

— У меня, уважаемый пан, такой уж образ жизни сло-

жился, что я перед завтраком и после ужина всегда выхожу с собачкой погулять. В эту пору вы меня можете встретить, я захожу на чашечку черного сюда или к Новорольскому. Образ жизни — это необыкновенно важная вещь...

«Образ жизни»... Я по-настоящему никогда не задумывался над этим термином, но в тот момент он прозвучал для меня особенно чуждо. Когда я смогу вот так сказать: «У меня сложился такой образ жизни»? Мысленно я смеялся.

Магда опоздала минут на пятнадцать. Влетела в кафе, уселась за столик рядом со мной и схватила мой еще не тронутый кофе. Возбужденное состояние девушки, ее волнение были сразу заметны. Она говорила, словно хотела высказать все сразу, не давая мне даже раскрыть рта. Майор передал ей, что она выезжает вместе со мной на встречу с главарем банды. Она радовалась, что примет непосредственное участие в финале операции, и была очень довольна своей ролью. Я изобразил на своем лице удивление по поводу такого решения начальника, но Магда возмутилась:

— Ты что, не понимаешь зачем? Это же ясно. Ты останешься с этими головорезами, меня представишь только как связную, чтобы обосноваг наш совместный приезд, а потом я вернусь. Дам знать нашей группе, что все идет по плану и можно приступать к операции.

— Еще неизвестно, с чем придет связная Лешека, — возразил я с напускным упорством. Лицо Магды на мгновение омрачилось.

Я заметил, что так ценящий свой образ жизни мужчина за соседним столом с явным интересом приглядывается к Магде. Хотя мы разговаривали вполголоса, не исключено, что кое-что долетело до его уха, когда Магда произнесла какие-то слова громче. На всякий случай я обратил ее внимание на это и рассказал о случайно подслушанном обрывке беседы. Магда улыбнулась. Мужчина продолжал за пей наблюдать. И только тогда я заметил, что на Магде было новое платье, фасон которого прекрасно подчеркивал стройность фигуры. Мы переместились тему разговора. Магда рассказала, как нашла для меня новую квартиру.

— Какой-то актер уезжает на три месяца и дал объявление в «Эхо Кракова». Я пошла по указанному адресу. Хозяин сообщил, что уже нашел квартиросъемщика, который даст окончательный ответ сегодня вечером. Я поняла, что он просто набивает цену. Заплатила ему вперед за весь срок. Он как увидел наличные, ни о чем больше не спрашивал. Сегодня я взяла у него ключи.

Я слушал девушку, с удовольствием глядя на ее красиво очерченные губы и глаза, которым интимное освещение кафе придавало особый блеск. Мне передалась удивительно теплая атмосфера «Ямы Михаликовой». Кажется, то же самое чувствовала и Магда.

Когда мы выходили из кафе, накрапывал дождь. Я поймал проезжавшее мимо такси. Девушка назвала адрес. Остановились мы у самых ворот дома на площади Вольница.

— Может, зайдешь? — сказала Магда, доставая из сумки ключи.

— Будет хорошо, если ты меня туда проводишь, — решительно предложил я и, не дожидаясь ответа, расплатился с водителем. Такси исчезло за углом. Дождь усилился. Магда задержалась у ворот, очевидно заколебавшись, но потом первой пошла вверх. Открыла двери. Небольшая прихожая, в углу десятка полтора порожних бутылок, кухня с газом, ванная и уютно обставленная комната. На столе несколько банок консервов, хлеб, масло, сахар и чай.

— Я тут прибрала немного и для начала снабдила тебя продуктами, чтобы ты не голодал, — сказала Магда и усеялась на диван. Я присел рядом с ней и закурил.

— Куда пойдешь в такой дождь, — показал я ей на окно, — может, это последний такой вечер. Кто знает, как кончится завтра наша игра. Хорошо, что ты есть...

— «Хорошо, что ты есть», — повторила она тихо.

Некоторое время мы помолчали, словно чего-то ожидая. Через окно прощил слабый свет угасающего дня. Наступили серые сумерки. Я не стал включать лампу. Первой заговорила Магда:

— Когда завершается игра, пара актеров расходится, как после окончания спектакля.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил я, глядя ей в глаза.

— Некоторые считают, — продолжала она, — что свершение любви начинается, когда двое обвенчаются. Я думаю иначе...

Я протянул руку, чтобы стряхнуть капли дождя, сверкавшие, как жемчужины, в ее волосах, кончиками пальцев осторожно коснулся шеи Магды и крепко обнял ее. Слышен был далекий шум дождя. Над пепельницей поднимался дымок, сигарета догорала сама и наконец потасла...

Бар «Гонг» был небольшим третьеразрядным заведением, каких и поныне много встретишь в закоулках старого

Кракова. Все увеселительное заведение размещалось в продолговатом зальчике, окно которого выходило во двор. В эту пору сюда заглядывали лишь немногочисленные посетители, преимущественно ремесленники из ближайших мастерских. Я занял свободный столик в конце зала. Развернул «Газету Краковскую», но через минуту поймал себя на том, что не читаю, а только смотрю на колонки черных строк. Думал о предстоящей операции. Бенка должна подойти через несколько минут. Заставил себя пробежать заголовки, извещавшие о последних событиях:

«...Вторая воеводская партийная конференция в Кракове избрала новый состав воеводского комитета... Началась неделя в защиту Кореи. Протест против варварской американской агрессии... 200 миллионов подписей под мирным воззванием... Нота правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции по вопросу о свободной территории Триест... Посол ПНР в Париже Е. Путрамент возвращается в страну... Образование нового правительства во Франции... Коллективы подхватывают июльский почин...»

«Если операция удастся, — подумал я, — и у нас будет свой почин». Отложив газету, с нетерпением стал поглядывать на входные двери. У буфета стояли за кружкой пива два трубочиста в лоснящихся цилиндрах. Трубочист — это к счастью. «Как встретишь утром трубочиста, возьмишься за пуговицу, и у тебя будет хороший день», — говорила когда-то моя мама. Я никогда не верил в приметы, но сейчас торопливо схватился за пуговицу, на счастье мне и тем, что уже выехали в Пушу Неполомицкую.

Майор тоже выехал, лично возглавив руководство всей операцией. Все мы знали, что начальник нашего отдела, опытный деятель подполья времен оккупации, никогда не ожидал результатов важнейших операций в своем кабинете или в автомобиле, как делали некоторые «сановники». Майор всегда шел с нами туда, где грозила опасность. Оперативная группа, составленная из нескольких хорошо подготовленных людей, уже отправилась на место встречи, в сторожку лесника. Поручник Сташек как связной должен был ожидать на импровизированном пункте связи в Клае, чтобы проводить банду к месту засады. Все было предусмотрено до мелочей, только Бенка не приходила. Связная должна была появиться уже полчаса назад. Время тянулось мучительно медленно.

Готовая к отъезду Магда ожидала под часами на улице Славковской сигнала, чтобы немедленно передать его даль-

ше. Наконец в бар вошла Бенка. Она узнала меня и подошла к столику. Сердце у меня забилося сильнее, словно с него свалилась большая тяжесть. С первых же слов связанной главаря банды я понял, что Лешек ждет нас вечером. Установил ли он связь с остальными членами банды, Бенка точно не знала. Однако она полагала, что установил, иначе бы он ей об этом что-нибудь сказал.

Через несколько минут в баре появилась Магда. Она оставилась у буфета и попросила стакан апельсинового напитка. Когда мы встретились с ней взглядами, я поднял руку и поправил волосы. Это был условный знак: все идет по плану, приступаем к операции. Магда тотчас покинула бар, на буфете остался недопитый стакан. Я еще разговаривал со связанной Лепека, а к Пуще Неполомицкой уже полетел сигнал: приступаем к операции!

8

Все говорило о том, что наступил решающий момент: разыгрывался последний акт драмы. Известие, которое привезла Бенка, привело всех в состояние необыкновенной наэлектризованности. Главарь банды установил связь со своими помощниками и накануне вечером отправился на встречу с Бобром. Доверенный человек сети должен был ожидать нас в Бохне и проводить к месту расположения банды. Я не сомневался, что от финала так хорошо задуманного предприятия нас отделяло всего несколько часов.

Магда правильно поняла мой знак. Засада была подготовлена. Сигнал к действию уже достиг нашей группы, притаившейся в Пуще Неполомицкой.

Поезд, с которым мы выехали в тот же день после обеда, ходил только в будни. Я стоял в проходе переполненного вагона. Магда и связанная Лешка заняли последние свободные места в купе. Глядя в окно, я провожал глазами убегающие назад станции и в мыслях перебирал возможные варианты окончания игры. На каждой остановке из вагона быстро выскакивали возвращающиеся с работы люди, чтобы завтра, как всегда, снова ехать привычным путем из Бохны в Краков. Несколькими месяцами раньше я ехал этим же поездом в Тарнув на встречу с Криспином. Тогда все было сплошной неизвестностью. Потом недели настоящего поиска путей к противнику без всяких, как казалось вначале, шансов на успех. Минуты отчаяния сменялись надеждой, и снова сомнения. Наконец первая встреча лицом к лицу с коварным главарем. Не выиграв ничего,

можно было в тот момент потерять все. И вот теперь снова максимальное усилие воли: ожидание завершения операции.

Миновали Подленже. Еще несколько полустанков, и будет Бохия — цель нашего пугешествия. Магда сидела в купе напротив Бенки, а рядом три железнодорожника и еще один пассажир играли в карты. Магда разговаривала со связаной главаря. Их слов я не слышал, лишь несколько раз ловил взгляд Магды, спокойный, даже нарочито безучастный. Поезд остановился в Клае. Справа стояло небольшое здание станции, слева — несколько разбросанных домов, а дальше простиралась Пуца Неполомицкая. Примерно в километре отсюда почью поручник Сташек будет, перевоплотившись в связаного, дожидаться бандитов. Я еще раз окинул взглядом знакомую местность. Поезд тронулся, за окнами вагона исчезли строения Клая. Колеса глухо простучали по мосту в Стапиславице. Внизу заблестела на солнце лента реки. Еще несколько минут, и мы наконец выходим.

Я пригласил обеих связанных в буфет, потом мы пешком прошлись по городу, как трое хорошо знакомых людей. Бенка силилась показать городские манеры, а Магда прикидывалась девчонкой из провинции, я же делал вид, что ухаживаю за обеими.

— В случае чего, — предупредил я, взяв их под руки, — мы познакомились в поезде. Это самая лучшая легенда.

— Да, конечно, или к одной, или к другой, — согласилась Бенка и многообещающе посмотрела на меня.

— Познакомился с обеими, чтобы остановиться на одной, — попытался я пошутить.

Короткая прогулка по городу. Бенка пела кривыми улочками: зная здесь каждый закоулок, избегала главной дороги, где ее как местную неожиданно могли увидеть знакомые. Связпой главаря банды должен был ожидать в ресторане, прозванном завсегдатаями «Бизонией». Солнце склонялось к западу, бросая последние лучи на крыши старых каменных домиков. Мы вышли к рынку. Отсюда начинались средневековые тракты, Краковский и Сондецкий, и здесь же когда-то позвышались ворота Бохпенского замка и Королевской шахты, называвшейся «Регис». Несколько веков назад Казимир Великий заложил в Бохне соляные копи, обеспечив городу расцвет, пышность и развитие. Благодарные жители дали главной улице имя короля, а на рыночной площади воздвигли ему памятник. Место это я изучил до мельчайших подробностей — здесь ожидал связаную, когда первый раз ехал на встречу с главарем банды.

— Уже пора,— посмотрел на часы, сказала Бенка.— Он должен быть там.

Магда осталась на рынке. Ожидая нас, она разглядывала витрины уже закрытых магазинов, ничем не отличаясь от местных девчат.

В ресторане все столики были заняты.

— Выпьем что-нибудь в буфете,— предложил я Бенке, которая в это время осматривалась в зале. И тут я заметил Криспина, который стоял в дверях, ведущих в другой зал, но не подал виду, что мы знакомы. Он мог прийти сюда случайно. Мне не было известно, кто тот связной, которого мы ждали, он или другой человек. Теперь слово было за Бенкой — она должна была свести меня с ним. Криспин подошел к буфету, остановился рядом, но тоже делал вид, что нас не знает. Он попросил пачку сигарет и долго шарил по карманам, отыскивая мелочь. Оглянувшись в нашу сторону, заплатил за сигареты и, уже отходя, шепнул Бенке:

— В Узборне, около Святого Марка.

Магду мы нашли на рынке. Двинулись по дороге вверх, мимо домов с фруктовыми садами. Потом была улица Святого Марка, впадающий в Рабу небольшой ручей Бабица, а дальше — утопающий в зелени деревьев холм. Открывалась необычайно красочная панорама города, живописно расположенного на фоне Бохненской возвышенности. Криспин ожидал нас в роще Узборня.

— Здесь можно свободно поговорить,— сказал он, подойдя к нам.

Все мы знали Криспина, разумеется, и Магда. Она, как и я, узнала его. Это немного озадачило Бенку. Видимо, Лешек ее об этом не предупредил.

Короткий разговор состоялся в скрытом в зарослях кустарника уголке парка. Криспин был очень осторожен, боялся, что кто-нибудь увидит нас вместе. Объяснил, что должен остерегаться, так как здесь его все знают.

Лешек прислал своего человека, сообщил мне Криспин, и приказал встретиться ему с нами в «Бизопии», а также уведомлял, что из-за непредвиденных обстоятельств он, главарь банды, может увидеться с нами только завтра ночью. Место встречи и другие подробности мы узнаем из записки, которую найдем завтра после полудня под черепицей, покрывающей каменный столб стены вокруг костела в Гдове. Это будет второй столб справа, считая от перехода к дому приходского священника, за стволом старой липы.

— Это все? — спросил я разочарованно.

— Это все, что передал мне связной,— ответил Крис-

пин.— Сам я с Лешек не разговаривал. Со слов связаного понял, что Лешек на мелине далеко отсюда. Наверное, оп прикинул и решил, что не успеет вовремя подойти. Двигаться можно только ночью.

Я не стал долго задерживать Криспина, поняв, что от него больше ничего не узнаю. Солнце скрылось за горизонтом. Мы остались одни в роще Узборня. «Значит, еще двадцать четыре часа в состоянии неуверенности,— подумал я со злостью.— Мы хоть знаем, в чем дело, а те, что в составе оперативной группы, будут ждать до утра в пуще, притаившись в засаде в полной готовности». Приближалась ночь, надо было позаботиться о себе. Я был не один. Поймал вопрошающий взгляд Магды: что дальше? Этот вопрос я задал Бенке. Она сказала, что на ночь должна вернуться домой, и предложила нам переночевать у нее. Я мог поступить иначе, но зачем будить лишние подозрения? Нельзя чувствовать себя слишком уверенно в этой местности. Мы вернулись в город. Последний автобус на Гдов уже ушел. Я помнил дорогу, по которой ехал на мотоцикле со Щепаном, по крайней мере, километров двадцать. Надо было ловить попутный транспорт. Но пока ничего не попадалось. Единственный выход — такси. Я назвал таксисту, стоявшему на рынке, деревушку, подсказанную мне любовницей главаря банды. Полчаса сзды — и мы вышли около небольшого хутора.

— Видно сразу, что нездешние,— заметил таксист.— Местные заставляют подвозить даже по бездорожью прямо под дом, чтобы все видели, что на такси прибыли. Такая у нас тут мода.

Когда автомобиль скрылся за поворотом шоссе, мы изменили направление пути.

— От такого всего можно ожидать,— сказал я Бенке.— Может, он милиции помогает. Теперь не каждому удастся получить патент на такси.

По полевой дороге, через перелесок и межу, мы подошли к дому Бенки. Я узнал группу деревьев, росших во дворе. Сумерки сгущались.

— Вы, значит, коллега той девушки из краковской безопасности, которая отдыхала у меня с матерью прошлым летом,— неожиданно обратилась Бенка к Магде, когда мы остановились между хлебным и картофельным полем метрах в ста от усадьбы.

Слова связаной Лешека настолько захватили врасплох Магду, что она растерялась и не знала, что сказать. Я быстро выяснил, что имела в виду Бенка. В доме она оставила

соседку, которая смотрела за детьми, и сказал ей, что едет в краковскую тюрьму на свидание с мужем, поэтому надо как-то объяснить этой женщине наше совместное возвращение. Все в деревне знали, что предыдущим летом у Бенки жили две дачницы. Этот факт нам и следовало использовать. Магда должна выдавать себя за подругу той девушки из Кракова. А я? Меня позабавила сложившаяся ситуация. Парадокс заключался в том, что так оно и было на самом деле.

— Коллега из безопасности? — Громко рассмеявшись и обняв Магду, я предложил: — Может, сделаем вид, что мы влюбленная парочка?

Девушка не ответила, только выразительно посмотрела на меня.

Мы вошли в сени. На меня надвинулось кошмарное, еще довольно свежее воспоминание о разговоре с Лешеком. Комната, та же самая, что и тогда, сейчас выглядела иначе. Тусклый свет закоптелой лампы. В плите разгорается огонь. Бутылка самогона на столе. Соседка спросила, что нового в городе, уходит она не собиралась. Выразила мнение, что мы с Магдой подходим друг другу. Мы сели за стол на лавке у стены. Подняли стаканы, выпили за здоровье. Девушка поперхнулась, но тоже выпила. Бенка подбадривала, я поддерживал ее. Магда притворялась, что пьет, хотела быть на равных. Бенка тянула до дна. Час прошел в разговорах обо всем и ни о чем. Пора было ложиться спать.

— Перепочевать в овине — одно удовольствие для городских, — заметила соседка.

Бенка покосилась на нее и вышла вместе с нами показывать дорогу.

— Все любопытствовала, кто вы такие да откуда, теперь успокоилась, домой пойдет. Может, вы потом зайдете ко мне один, — предложила захмелевшая любовница главаря банды, когда Магда вошла в овин.

Я проскользнул в чуть приоткрытые ворота. Запах свежего сена ударил в нос. На небе светила полная луна. Серебряные ниточки проникали сквозь щели, тянулись к столбам, поддерживающим перекрытие, и образовывали на них замысловатые геометрические фигуры.

Хмель шумел в голове. Я поискал глазами Магду, ступая по сему, разбросанному по всему глиняному полу. Вдруг под крышей затрелетала какая-то птица. Девушка протянула мне в темноте руку. Я почувствовал, как она дрожит. Мы молчали. Потом через минуту я спросил ее шепотом:

— Почему ты тогда, в Кракове, не хотела ко мне зайти? Если бы не дождь...

— Может, потому, что очень хотела, — тихо ответила Магда, прежде чем я договорил, и крепко прильнула ко мне всем телом. Вокруг нас царила ничем не парушаемая тишина. Мы были одни в душной июльской ночи...

Ровно в полдень мы вышли на шоссе около Маршовице. На небе ни облачка, солнечные лучи падали сверху почти отвесно, жара стояла изнуряющая. Издалека доносился колокольный звон. «Гдов — 2 км» — прочитал я на дорожном указателе. Мы с облегчением вздохнули. Решили входить в город порознь. Магда должна была зайти на почту и дать телеграмму, что задерживается у родственников. Майор уже определенно беспокоится. Да и откуда им там знать, что с нами? В пуще, в лесной сторожке, готовая действовать, ожидает сигнала наша оперативная группа.

Нас вполне можно было принять за туристов, выбравшихся на краеведческую экскурсию. Я подпоясался скатанной курткой, спрятав в ней пистолет. Оружие мне потребуется лишь ночью. Магда перебросила свитер через спортивную сумку и шагала, не отставая от меня.

Гдов. Я шел позади девушки на некотором удалении. С букетом васильков в руке она скрылась за дверью небольшого почтового отделения. Я ждал. Когда же она вновь появилась, мы поменялись ролями. Теперь Магда шла за мной, незаметно наблюдая. Я остановился в центре городка, на перекрестке дорог, ведущих в Краков, Мысленице и Лапанув. Рядом возвышалась стена костела и росли старые раскидистые липы. Без труда я отыскал столб, второй от перехода к дому приходского священника. Здесь главарь банды устроил свой «почтовый ящик» для передачи корреспонденции. Меня заслонял толстый ствол дерева, во дворе костела никого не было. Я сунул руку под выщербленную черепицу, не найдя отверстия, залез под другую, она сдвинулась, и здесь я нащупал сложенную записку, которую тут же сжал в ладони. Затем медленно прошелся вокруг костела. Магда в это время стояла у дома с другой стороны улицы. Я подал ей знак, и она последовала за мной. Надо было проверить, не наблюдает ли сейчас кто за нами. Только за городом я прочитал записку от главаря банды. Он сообщал: «Сегодня, как стемнеет, у статуи святого на повороте шоссе в Загужанах». Подошла Магда, я отдал ей запи-

ску, и мы отправились опять в город пообедать. Теперь я был спокоен.

Загужапы. Поворот убегающего вниз шоссе. Холмистый ландшафт предгорья. Вдали вырисовывались темные, в сумерках расплывчатые пятна лесов. На взгорье у дороги белела, укрытая ветвями четырех деревьев, статуя святого. По обочине мы добрались с Магдой к месту встречи. Стояла вечерняя тишина. Поблизости не видно ни души. Со стороны деревушки подъехала машина. Мы спрятались за деревья. Вдруг Магда схватила меня за руку. За пригорком сидел человек. Он встал и подошел к нам. Это был Щепан.

— Не узнал вас в сумерках, думал, что вы один придете, — сказал он мне, с любопытством посмотрев на стоящую рядом девушку.

Я объяснил ему, что взял с собой связную.

— С такой и я бы охотно прогулялся, — пошутил Щепан, подмигнув, и поздоровался с нами за руку.

Из-за поворота шоссе до нас донеслись голоса. Группа парней и девчат, совершавших вечернюю прогулку, приближалась к нам.

Мы укрылись за деревьями. Над поросшими лесом холмами поднялась луна в светлом круге.

— Это к дождю, — заметил Щепан.

Мы двигались гуськом по узкой тропинке: первым проводник, за ним Магда, потом я. Предстояло пройти несколько километров. Из слов связного я понял, что Лешек не один. Собрал ли он весь свой штаб? Это было необычайно важно. Меня ждало трудное задание. Фотографии Бобра, Канцика, Порыва и Бега я не раз рассматривал в Кракове. Все они были собраны в деле под условным названием «Паутина». Я держал в памяти лица, запечатленные на снимках. Удастся ли мне узнать этих бандюг на мелине, при первой встрече? Одних снимков мало. Я выучил также их словесные портреты. Мысленно я повторял наиболее характерные приметы каждого из них.

Дороге, кажется, не было конца. Поскорее бы добраться до мелины! Магда храбрилась, но едва поспевала за Щепаном, который задал быстрый темп ходьбы. А тем временем наша группа уже вторую ночь в полной боевой готовности ожидала на импровизированной мелине в лесной сторожке. Июльские ночи коротки. Я понимал, что сегодня банда не сумеет проделать такой переход. Значит, финал наступит лишь завтра ночью. Я помнил каждую деталь запланированной операции, но непроизвольно в мыслях повторял их:

«Кароль в двадцать три тридцать вместе с бандой подхо-

дит к месту встречи. Здесь всех принимает поручник Сташек и ведет по намеченному маршруту через Пущу Неполомицкую. (Рекомендуемый быстрый темп перехода имеет целью утомить бандитов.) В тридцати метрах от места засады банду останавливает сторожевой пост (обмен паролем) и проводит ее в покинутую лесную сторожку. Здесь членов банды приглашают в кирпичный погреб, где их будут ожидать два наших соответствующим образом подготовленных сотрудника. Они будут выступать в роли людей, от которых Лешек должен получить оружие. По пути к погребу, около строений, банда встретится с охранением. В роли охраняющего выступит майор, руководитель операции, который условным свистом вызовет человека из охраны, укрытого у овина, и спросит его, все ли в порядке. Только тогда он спустится в погреб вместе со Сташеком, Каролем и членами банды и предложит измученным продолжительным маршем людям Лешека немного отдохнуть и поужинать (водка и еда будут заранее приготовлены).

После ужина Кароль отдаст приказ нашим сотрудникам, выступающим в роли бандитов, перелести оружие из мелины в погреб, при этом соблюдать видимость осторожности, обращать внимание, чтобы при открывании двери не пробивался наружу свет.

Сотрудники принесут ящик с оружием и отправятся за взрывчаткой (в ящиках по двадцать килограммов тротила). В этот момент войдет еще один человек из охраны. Когда будет принесен второй ящик, Кароль пошлет двух бандитов в охрану. Их сразу же за дверью на выходе схватят, обезоружат и свяжут. Одновременно группа сотрудников в погребе обезоруживает и остальных.

Если Лешек не согласится войти с бандой в погреб, Кароль сделает вид, что не обратил на это никакого внимания, и предложит отдохнуть и поужинать спаружи. В это время два сотрудника будут носить оружие в погреб, где позже и состоится «передача оружия» и где бандиты будут схвачены, как и предусматривалось первым вариантом плана...»

Каждый участник операции имел четко определенную задачу, каждый должен был заниматься своим, намеченным ему бандитом. Весь отряд делился на две группы. Первая, под непосредственным командованием майора, из пяти человек, не считая поручника Сташека и меня, то есть тех, которые не могли возбудить подозрений, так как должны были прийти вместе с бандой. В первую группу входили сотрудники нашего отдела: Станислав, Эдек, Метек, Сташек и

Юзек. Последний уже выступал в подобной роли против банды Атамана. Тогда он выдавал себя за командира другой банды под псевдонимом Диск.

Вторая группа составляла охранение. Поручник Янек, Зютек, Сташек и Витольд — как охрана — имели конкретное задание, требующее непосредственного участия в операции. В состав отряда входил также резервный взвод 5-го краковского полка КВБ и, на всякий случай, врач, ожидавший в надежно укрытой в пуще санитарной машине. Допускалось, что в таком опасном предприятии могло дойти и до стрельбы. Не подлежало сомнению, что финал операции — борьба не на жизнь, а на смерть.

Подробный план действий группы занимал десятка полтора страниц машинописного текста. Я запомнил все детали, в первую очередь те, которые касались меня. Ошибка кого-либо из нас могла бы стоить слишком дорого.

Согласится ли Лешек сразу отправиться за оружием? Мы считали, что он примет наше предложение, так как сам об этом просил. Мы же исполняли его желание. Оружие и боеприпасы — лучшая приманка, он должен схватить наживку, размышлял я, шагая вслед за Магдой.

— Далеко еще? — спросил я Щепана.

— За той вон деревней нас ждут в сарае, — ответил он, показав на черневшие в долине строения. В окнах некоторых домов еще горел свет. Надо было обойти деревушку. Минут через пятнадцать все должно проясниться. А завтра на рассвете Магда тронется в обратный путь к Кракову и доставит последний сигнал. Надо набраться терпения. Еще только одна ночь.

Мы приближались к темневшим вдаль зарослям. Щепан замедлил шаг, настороженно прислушиваясь. Где-то в деревне заливалась лаем собака, потом умолкла. Луна спряталась за тучи. От отдельно стоящего сарая нас отделяло несколько десятков метров. Узкая тропинка извивалась над откосом. Темнота сгущалась. Мы подходили молча. Вдруг кто-то тихо свистнул из-за куста сирени. Главарь как тень появился из зарослей в нескольких метрах перед нами.

Мы поздоровались, обменявшись несколькими общими словами. Я представил Лешеку Магду, сказав, что он должен лично знать нашу связную. Пользоваться условным знаком и паролем при конспиративной встрече в большом городе удобно — это не бросается в глаза, однако в деревенских условиях это обращает внимание других людей, чего следует избегать.

— Я думал, вы Бенку с собой возьмете,— недовольно буркнул главарь.

— Мужчина с девушкой всегда могут сойти за влюбленную парочку, это не вызывает подозрений сторожного наблюдателя,— уклончиво возразил я.

— Да еще с такой...— шутливо поддержал меня Щепан, не сводя глаз с Магды. Девушка молчала. Я видел, что она была смущена, паверное, первый раз попала в такое неловкое положение.

— Что нового? — задал я обычный вопрос. Сразу не хотел спрашивать главаря о том, что меня интересовало больше всего. Я не видел остальных бандитов, которых рассчитывал застать на мелине. «Пока не буду полностью уверен,— подумал я,— карты свои открывать не следует».

— В Типчане появился какой-то отряд службы безопасности,— сообщил Лешек,— поэтому я не хотел крутиться в тех местах и назначил нашу встречу в другом пункте.

Я полностью одобрил предусмотрительность главаря.

— Береженого бог бережет,— вспомнил я известную поговорку.

Меня заинтересовали голоса, доносившиеся из сарая. Отдельных слов я не разбирал, так как паходившиеся там люди разговаривали негромко. Мы вошли с Лешекком внутрь. В сарае царил полный мрак. Главарь банды познакомил меня с тремя мужчинами, проговорив при этом что-то себе под нос. Те ли это, которых я предполагал встретить здесь? Этот вопрос был сейчас для меня главным. Но в таких условиях выучепные наизусть словесные портреты бандитов оказались ненужными. Решил брать быка за рога.

— Это хорошо, что вы установили связь с остальными сотрудниками группы,— начал я.— Мне хотелось бы обсудить кое-что наедине с вами и вашим заместителем. Кто здесь будет Бобр? До сих пор мы не имели удовольствия познакомиться.

— Не удалось мне привести Бобра и тех людей,— сказал Лешек.

Я не верил услышанному. Итак, снова все сорвалось.

— Почему? — спросил я, едва скрывая недовольство.

— Не все от меня зависит,— с неуверенностью в голосе произнес Лешек.

— Вы сообщили им место и время встречи? — уже тоном начальника задал я вопрос.

— Да... я потом все объясню...— ответил главарь и замолчал. Я догадался, что он не хочет говорить в присутствии этих людей.— Я пока занялся реорганизацией сети

на местах и преобразованием ее в секцию «Р», о чем мы в последний раз говорили.

Вначале Лешек пытался отвлечь мое внимание от Бобра и остальных бандитов, не прибывших на назначенную встречу. Находящихся в сарае трех мужчин представил мне как людей, достойных доверия и имеющих большие возможности вести разведку.

— Это руководители группы сети, то есть секции «Р», в Лимаповой, Добчице и Лапануве,— объяснил атаман. Он все добивался, чтобы я обсудил с ними задачи на ближайшее будущее. Я заинтересовался перегонным заводом в Лимаповой, а также планом «разработки» отделения милиции в Лапануве и Добчице, так как Лешек раньше уже напоминал мне об этом. Надо было воспользоваться случаем, чтобы сойтись поближе с этими людьми. Я считал, что, поддерживая в дальнейшем с ними связь, мы сможем получить много полезной информации о резервах банды. Выяснилось, что Лешек имел своего агента даже в одном из отделений милиции.

На рассвете я отправил Магду в Краков. К сожалению, она не повезла донесения, которого ожидали наши люди. Финальную часть операции в Пуце Неполомицкой надо было проводить лишь в том случае, если бы банда прибыла на встречу в полном составе. Я решил остаться с Лешekom. Долго искать предлог для этого не пришлось. Я ухватился за предложение главарей организовать деятельность секции «Р». Мы договорились с Магдой поддерживать постоянную связь в двух пунктах. Первый — в Кракове, как и прежде, в баре «Гонг» на улице Славковской, а второй — в Лапануве, в частной пивной Гживача. Мое решение остаться с главарем связывалось с надеждой лучше изучить сеть банды, поближе узнать людей и оказывать непосредственное влияние на то, чтобы собрать вместе всех имеющих отношение к руководству бандой. Это было единственное условие и главный смысл организации засады, куда следовало завести банду. Магда поняла мой замысел.

Лишь на следующий день, когда связная уже была в Кракове, я выяснил, как в действительности обстояли дела. Обстановка сложилась такая, что ее никто из нас и предвидеть не мог. Шила в мешке не утаишь.

— Бобр сеет смуту в группе,— признался мне паутро Лешек.— Заявил, что он должен быть командиром...

Итак, в банде дело дошло до раскола. Бобр, Канчик и Порыв отказывались подчиняться Лешeku, пытались даже забунтовать сеть сотрудничавших с бандой помощников.

Только Бег, хотя и находился вместе с ними, остался, как и прежде, верным главарю. Это мне давало какую-то надежду на будущее. Я заверил Лешека, что только его одного признаю командиром и не намерен за его спиной устанавливать какие-либо контакты с Бобром. Лешек задумался, словно принимая какое-то важное решение, и наконец заявил:

— Или этот сукин сын подчинится, или я пошлю ему пулю в лоб.

Я знал, что главарь банды не шутил.

9

Раскол в банде перечеркнул наши планы. А ведь днем раньше можно было считать, что лишь один шаг отделяет нас от финала всей операции. Тем временем события развивались вопреки нашим предположениям. В подобной ситуации засада, устроенная в покинутой лесной сторожке, оказалась ненужной и осталась еще одним неосуществленным вариантом плана ликвидации банды. Игра продолжалась. Ее целью было заманить в ловушку руководство банды, а не одного главара и пескольких человек из сети его помощников. Такой исход лишил бы нас возможности добраться до Бобра и остальных бандитов, скрывающихся, как кроты в норах, в неизвестных нам притонах, а также до значительной части еще не раскрытой агентурной сети банды.

Меня волновали смешанные чувства. Правильно ли я поступил, решив остаться с главарем, или должен был вернуться вместе с Магдой в Краков? У меня не было сомнений, что наша группа, получив сигнал от Магды, покинула импровизированную мелину в Пуще Неполомицкой. Главное, чтобы все было сохранено в строжайшей тайне. Один неверный шаг мог обернуться для меня, оставшегося в банде, очень печально.

К сожалению, майор не знал о расколе в банде. Когда Магда уходила, мне самому не было об этом известно. Поэтому приходилось действовать самостоятельно. Беспокоило, не примет ли руководитель операции какого-либо решения, идущего вразрез с моими намерениями.

Сразу же после ухода Магды мы отправились на другую мелину. Лешек был настолько осторожен, что не хотел оставаться в месте, известном связной. Он, как лиса, замечал за собой следы. Каждую ночь мы меняли место постоя. Я узнавал все новых агентов банды. Главарь представил мне руководителей групп, преобразованных в секцию «Р» в Доб-

рой, Скипидльной и Щежице. Каждую ночь я видел новых людей, снабжавших банду продовольствием, облегчавших ее пребывание и действия на местности, доставлявших сведения о передвижении патрулей милиции и КВБ.

Главарь стал мне доверять, даже щеголял передо мной своими возможностями, хвастался хорошо организованной сетью помощников. Я сам убедился в том, что банда имела много информаторов. Таким способом Лешек пытался отвлечь мое внимание от раскола в группе. Он даже уговаривал меня не сообщать об этом руководству, представителем которого я выступал под псевдонимом Кароль. Одновременно он пытался во что бы то ни стало связаться с Бобром и оставшимися с ним руководителями банды.

— Мне с этим сукиным сыном обязательно надо встретиться, — с ненавистью говорил он. — Если он не подчинится, я его прикончу без жалости, тогда остальные пойдут за мной.

Я успокаивал его, заверяя, что, как бы ни складывалась обстановка, руководителем может быть только он, а не этот смутьян, как я называл Бобра. С одной стороны, я сам тоже стремился встретиться с Бобром, а с другой — старался не допустить кровавой мести Лешека, которая могла вызвать совершенно непредвиденные последствия. И наконец, вообще не имело смысла доводить дело до кровопролитной схватки между преступниками. Необходимо было взять их живыми и отдать в руки правосудия.

В конце концов я потребовал от главаря банды выделить связного, которого мы послали на пункт связи в Краков. Выбор пал на Криспина. Все складывалось удачно, ибо днем раньше на его адрес пришла снова открытка, отправленная из Мюнхена. На этот раз сообщение предназначалось самому главарю. Лешек узнал почерк Польдека и с удовлетворением воспринял подтверждение истинности послания: около невыразительной подписи слабо просматривались два знака равенства.

Но это было не все. Сильно забилося мое сердце, когда бандит в моем присутствии начал аккуратно отклеивать немецкую почтовую марку, на которой четко выделялся штемпель мюнхенской почты.

«Значит, они договорились еще о каком-то дополнительном условном знаке», — подумал я. Трудно было допустить, что бандит увлекается филателией. Мне снова пришлось пережить минуту мучительной неизвестности, терзающей неуверенности. Я не испытывал желания опять оказаться под подозрением. Неужели еще одна ловушка?

Но нет. Под наклеенной на открытку маркой я увидел четко обозначенный знак равенства. Стало ясно, что наши продвинулись вперед, добыв тайный контрольный знак.

Мы сидели в сарае вдвоем — Лешек, Криспин и я. Лешек чокнулся со мной прямо бутылкой:

— Твое здоровье, Кароль. Теперь все в порядке. У меня есть подтверждение, о котором никто другой не мог знать.

Я понял, что этот тост означал высшую степень доверия, каким одарил меня бандит. Да, именно этого знака он ожидал. Я сказал главарю:

— Если сомневался, надо было прямо сказать, мне известно об этом знаке. Наши сообщили о нем в последней почте, полученной по каналу из Западной Германии. Мы не можем взаимно церемониться.

Бандит буркнул что-то под нос, выпил и минуту спустя объяснил:

— Я не мог этого от тебя потребовать, дополнительный знак должен был получить прямо от Польдека. Так мы с ним договорились.

Мы были в дружеских отношениях с бандитом, уже говорили друг другу «ты». Теперь я не сомневался, что всегда подозрительный Лешек с этой минуты считает меня настоящим «человеком оттуда». Раньше он и верил мне как будто, но был осторожен.

Утром следующего дня Криспин поехал в Краков на встречу в баре «Гонг». На всякий случай, если наши пошлют кого-то нового, я снабдил его паролем и опознавательным признаком. Кроме того, вручил Криспину записку, спрятанную в гильзе папиросы. Я составил короткий текст, который закодировал, пользуясь известным главарю ключом: «Бобр пытается расколоть группу, отказывается подчиняться приказам Лешака. Остаюсь на месте до установления связи с взбунтовавшимися — буду вести решительный разговор».

Так хотелось написать больше, но, к сожалению, я не мог себе этого позволить. Каждое слово подвергалось цензуре банды. Криспин был доверенным человеком Лешака, а он знал код.

Сегодня, спустя много лет, я не в состоянии подробно восстановить те трудные дни, прожитые вместе с бандитами. Многие детали продолжительного путешествия по мелинам уже стерлись в памяти. Однако всегда живы факты, влиявшие на ход проводимой борьбы, обозначавшие конту-

ры и направление игры. Остались также общие впечатления, некоторые отдельные образы, расплывчатые лица людей, которых тогда знал. Одни помогали банде из личных материальных интересов, другие в силу старых связей либо же из страха перед шантажом или мстью готового на все главаря.

Раскол, вызванный действиями Бобра, сильно ударил по Лешеку, чувствовавшему, что почва все быстрее уходит у него из-под ног. В течение нескольких дней он мобилизовал людей из агентурной сети, которые постоянно ходили с нами и составляли охрану. Опасаясь потерять власть, главарь искал теперь опору во мне, повсюду хвастаясь, что только он имеет настоящую связь с центром на Западе. Я не мог этого отрицать, ведь так гласила легенда, под которой я выступал как «человек оттуда». Мне уже нелзя было сбросить волчью шкуру, в которую я вырядился, назвавшись Каролом.

Главарь банды поднял на ноги всю свою сеть, чтобы установить местопребывание Бобра. Я не сомневался, что именно через Лешека и его людей найду кратчайший путь к остальным бандитам. «Разве кто-либо другой добрался бы до них быстрее, чем соучастники бандитского ремесла?» — думал я, уверенный в правильности выбранного варианта. Теперь сеть Лешека в какой-то степени работала и на меня. Я проникал в тыл действовавшей банды. Это был значительный шаг вперед. Пока что я был отрезан от своих, от людей, руководивших всей операцией. Действовал самостоятельно. За основу принял решение прежде всего свести друг с другом враждующих вожаков и помприть их, даже если потребуется склонить их пойти на взаимные уступки. Лишь тогда можно было думать об организации засады. А пока у меня не было обоснованного плана для осуществления всего этого.

Действия против банды не прерывались. Хотя наибольшие надежды связывались с нашим вариантом, однако ставить только на одну карту было недальновидно. Патрули милиции и КВБ продолжали прочесывать местность. Это представляло для меня дополнительную опасность.

Лето было в разгаре. Крестьяне окрестных деревень вышли в поле на жатву. Копны скошенного хлеба стояли на жнивье, дожидаясь, когда их свезут в овипы. На границе Подгуже и Бескид появилось много туристов, съехавшихся в живописные деревеньки на берегах Рабы и Дунайца.

Я превратился в дачника. Сняв компату в маленькой деревушке около Лапанува, я дополнил свою легенду на случай встречи с милицией. Хозяйке представился по фальшивым документам, в которых значилось, что я Мариан Зайонц. Благодаря этому мне стало свободнее передвигаться по местности. О том, что часто совершающий прогулки дачник — законспирированный диверсант «оттуда», знал только Лешек.

Через два дня возвратился Криспин. Он привез ответ, полученный в баре «Гонг». Закодированное послание, подписанное шефом центра, содержало категорический приказ выяснить обстановку, провести решительный разговор с Бобром и информировать центр, можно ли рассчитывать на участие всей группы в диверсионной акции.

Из лаконичного содержания приказа я сделал вывод, что майор одобряет принятое мною решение. Главарь воспринял послание буквально. Криспин передал также устное сообщение, что связанная приедет в условленное место в назначенный день. Итак, через четыре дня на частной квартире в Лапануве мне предстояла встреча с Магдой.

В эту ночь Лешек с нетерпением ожидал Щепана и еще двух человек из сети, посланных с задачей установить местопребывание своего взбунтовавшегося заместителя. Бобра я знал лишь по словесному портрету, находящемуся в деле под названием «Паутина». Сейчас я узнавал о нем все больше, слушая Лешека. Бобр, прежде чем присоединиться к банде, действовал самостоятельно, имел свою группу, сотрудничал с бандой Огня, опасным преступником Топором, а также Мстителем, работавшим в Кракове в так называемой группе быстрого исполнения. Оттуда он вынес навыки конспирации и диверсий. После разгрома банды он скрывался, а спустя несколько месяцев примкнул к Лешеку и стал его заместителем.

— Не сегодня он впал в предводительскую амбицию. Хитрая bestia, — жаловался мне главарь.

На рассвете появился Щепан. Связь со второй частью банды была установлена. Это известие взбудоражило и главаря и меня. Бобр согласился на встречу, однако поставил условие, чтобы в разговоре приняли участие только двое: Лешек и я. Сметливый бандит не указал точно место, а лишь назвал пункт связи у Сада, который должен был проводить нас на мелину. Теперь я понял, что ранее Сад действовал не по своему усмотрению, — за ним скрывался Бобр.

— Бойтся за свою шкуру, знает, что будет, когда доберусь до него,— объяснил Лешек.

На следующий день поздно вечером мы добрались до усадьбы Сада. Невдалеке, в зарослях, нас ожидали десять человек из сети Лешака, с оружием наготове. Главарь не предупредил меня об этом заранее. Он, кажется, заметил, что я удивлен, и, когда мы притаились в зарослях, сказал:

— Детали никогда не известны, я решил обеспечить себе перевес.

Я не ответил. Подумал только: «Неужели мне придется стать свидетелем кровавой расправы?»

Ночь выдалась безлунная. Низко над землей нависли тучи. Мы сидели в зарослях недалеко от усадьбы Сада. Хотя мы подошли к ней с другой стороны, не как в первый раз, когда я был здесь на встрече, я все же узнал едва различимые в темноте очертания знакомых строений. В одном из окон мерцал свет керосиновой лампы. Сад ждал нашего прибытия. Я пытался разглядеть притаившихся в зарослях людей Лешака. Десять человек. Все из числа местных жителей. Завтра утром они разойдутся по окрестным деревням, спрячут оружие и выйдут в поле как степенные, заботливые хозяева, будут выдавать себя за добропорядочных людей. В этом собственно и заключалась сила кусающего из-за угла главаря банды, сила, которой так бахвалился Лешек. Опасность, грозившая со стороны нескольких людей, составлявших руководство банды, не была бы такой большой, если бы они действовали одни. Законспирированная сеть агентов представляла куда более серьезную угрозу.

Я присматривался к лицам людей, в молчании ожидавших приказа главаря. Некоторых я знал рапыше. Это были руководители бандитских групп из Лимановой, Добчице, Схпидльной, Щежице и... Криспиа. Лешек отозвал его в сторону. Разговаривали они шепотом.

Мы припили сюда вчетвером — Лешек, Щепан, бандит по кличке Минер двадцати с лишним лет, находившийся в дружеских отношениях с главарем, с характерным протяжным гуральским говором, и я. Тех, в зарослях, было десять.

Я был один среди единомышленников главаря. Несколько человек имели спрятанные под плащами автоматы, у других были пистолеты и гранаты. Я заметил известные мне еще со времен оккупации немецкие наступательные гранаты с длинной ручкой. Минер держал ручной пулемет.

Что задумал Лешек? Эта мысль не давала мне покоя. Я подошел к разговаривавшему с Криспином бандиту.

— Нам не удалось установить укрытие Фрапека, к Саду я не подходил, ждал тебя, — услышал я шепот Криспина, докладывавшего Лешеку.

— Плохо дело, — выразил недовольство Лешек. — Лучше было бы знать все заранее и окружить мелину этого сукина сына. Сад ничего не скажет, он с теми заодно. — Главарь замолчал и нерешительно посмотрел на меня.

Я понимал, что речь шла о Бобре, имя и фамилия которого мне были известны из дела «Паутина». Нужно было как можно скорее проникнуть в замыслы главаря.

— Что задумал? — вмешался я в разговор, задав вопрос шутливым тоном.

— Я внимательно осмотрел все в округе, — доложил Криспин. — Ничего подозрительного не заметил.

— Зачем ты привел сюда этих людей? — прямо спросил я Лешека. — Кто-нибудь мог заметить их и донести в отделение милиции. Не хватало только, чтобы какая-нибудь сволочь напустила на нас опасность. Они же тут недалеко стоят, а ты лишний шум поднимаешь.

— Я должен приструнить этого смутьяна, — упорствовал бандит. — Как увидит, что нас больше, так сразу перестанет прыгать. — Лешек помрачнел. — Ну что ты узнал? — повернулся он к Криспину.

— У Вицека тут хорошо дело поставлено, — начал тот. — Он все разведает и говорит, что никто из его людей не заметил, чтобы те кого-нибудь призывали в охрану.

— Что еще за Вицек? — резко спросил я.

— Надежный челопек из этой деревни, — ответил Лешек. Он задумался и через минуту произнес как бы про себя: — У Бобра нет здесь своих людей, но он мог созвать их из-под Мысленице, сам он родом из Скшинки, там у него хорошие связи.

— В любом случае я не позволю тебе спровоцировать побоище. У нас важное задание и противник другой, посерьезнее. Мы должны найти с Бобром общий язык, этого требуют интересы дела.

— Если не подчипится, — огрызнулся атаман, — голову ему отверну, а остальных людей заберу с собой.

— Об этом сам с ним поговорю, — прервал я бандита. — Если удостоверюсь, что он намерен мешать нам, всегда успеем с ним рассчитаться. Не пори горячку. Категорически запрещаю любые самовольные выходки. Категорически, понял?

— Посмотрим,— стоял на своем по до конца убежденный Лешек.— От такого всего можно ожидать. Не убьешь ты, прикончат тебя,— повторил он свой постоянный девиз. Оставив меня с Криспиным, он отошел к своим охранникам, сидевшим двумя группами.

«Плохо, что встречаюсь с Магдой только через два дня»,— думал я. Никакой другой возможности передать майору донесение о складывающейся обстановке у меня не было. А тут в любой момент дело могло дойти до бандитского самосуда.

Как теперь себя вести? Этот вопрос не выходил у меня из головы. Не слишком ли я рассчитываю на свою находчивость и на счастливый исход? Товарищи не раз говорили мне, что я в рубашке родился, когда удавалось выйти целым и невредимым из очередного переплета. Все это вздор! Нельзя так рассуждать. Надо что-то предпринять, чтобы овладеть положением. Я утешал себя тем, что какое-то решение мне продиктуют события, которые вскоре должны были разыграться. Только одно знал твердо: сейчас я не мог отступать, ибо зашел так далеко, что сворачивать уже некуда.

Я находился среди людей, признававших только одно право — право на преступление. Лешек способен на все, Бобр также не остановится ни перед чем. Я чувствовал, что от моего поведения в значительной мере будет зависеть исход всей игры. Надо было как-то укротить чрезмерно буйный темперамент бандитов.

Главарь отдавал шепотом последние приказания, показывая на дом Сада. Я не слышал его слов. Первая группа — пять человек вместе с Мипером, забравшим с собой ручной пулемет,— пригнувшись, двинулась вдоль изгороди.

Пошел мелкий дождь. Я плотнее закутался в спортивную куртку. Главарь банды вернулся к нам и сказал:

— Я оставил их в резерве,— он показал в ту сторону, где в темноте исчезла только что ушедшая группа.— К Саду зайдем втроем: Кароль, Криспин и я. Остальные будут в охране. Сад отведет нас, наверное, на мелину Бобра. Потом я тебе скажу, что дальше делать,— повернулся он к Криспину.— Может, узнаем что сначала от Сада...

Лешек перекинул автомат под мышку, проверил пистолет. Я вытащил кольт и тоже проверил его. В несколько прыжков приблизились к дому. Криспин заглянул в окно.

— Он один,— услышали мы его шепот.

Остальные домочадцы спали, видимо, в другой комнате. Мы вошли в сени. Первым — главарь. Уже в дверях я за-

метил фигуры двух людей, остановившихся под окном. Это была, конечно, охрана Лешака.

— Ну вот и мы. Где твои друзья-приятели? — начал главарь.

Сад вскочил.

— Что так рано? Вы же должны быть через час? — спросил он, здороваясь со мной.

— Ночь короткая, — ответил Лешак, — нам нужно затемно уйти.

— Можете остаться на день, — предложил хозяин.

— Мне свои мелины больше подходят.

— А я что, не свой? — обиделся Сад.

— С Бобром крутишь, — осадил его главарь.

— Лучше с Бобром, чем с безопасностью, — огрызнулся Сад.

— Тогда по-другому поговорим, мне двух слов хватит, ты знаешь, — с угрозой в голосе произнес Лешак. — Где Франек?

— Недалеко отсюда, сейчас пойдем туда, — выразил готовность Сад.

— Говори где? Чего молчишь, язык проглотил? — наступал на него главарь. — От кого скрываешь?

За окном кто-то из охраны прошел по усыпанной гравием дорожке. В комнату долетел звук шагов.

— Уговор был — на встречу придешь только ты и пан Кароль, — уклончиво заговорил Сад.

— Он тоже пойдет с нами, — прервал его Лешак, показав на Криспина. — Время не терпит, пошли.

— Нетерпеливый какой, — возмущился Сад, но все же натянул плащ, задул керосиновую лампу и заглянул во вторую комнату. — Запри двери, — сказал он жене.

Мы вышли из дома. Дождь усилился, было темно, хоть глаз выколи. Лешак наклонился к Криспину:

— Охране скажи, пусть идут за нами и смотрят в оба. — Главарь говорил быстро, пользуясь отсутствием Сада, оставшего от нас. — Как войдем в мелину Бобра, сразу окружить ее и ждать. Если через час не выйду, первая группа врывается внутрь. Раньше не показываться. Остальное как договорились.

Сад показался на пороге, присоединился к нам и подозрительно огляделся по сторонам. Он услышал голос Криспина, передававшего за домом последнюю инструкцию людям из охраны. Сад заметил только двоих, остальные скрылись в темноте. Лешак успокоил его, сказав, что приказал своему охранению держаться на расстоянии. Когда Крис-

пип возвратился, мы тронулись в путь. Сад вел нас по невидимой в темноте, одному ему известной тропинке. Минут через пятнадцать мы остановились у росшей на меже дикой груши.

— Попрад... Попрад... — долетел до нас приглушенный голос человека, прятавшегося на жнивье в копне ржи.

— Впадает в Дунаец... впадает в Дунаец... — быстро ответил Сад.

«Это их пароль и отзыв», — подумал я, с напряжением ожидая, что будет дальше. Лешек пригнулся, как бы готовившись прыгнуть. Он был очень возбужден.

Из-за едва различимой копны показался одетый в непромокаемый плащ мужчина. Подошел к нам. Обменялся несколькими словами с Садом и повел нас дальше напрямик через стерню. Я сразу понял, что ни Лешек, ни Криспин не знали этого человека. Бобр тоже обезопасил себя, пришел я к заключению.

— Погодите немного, — попросил нас проводник, когда мы прошагали несколько сот метров через поле и луг. Он подошел к какому-то дому и, быстро вернувшись, провел нас внутрь. Первым вошел Сад, за ним я, потом Криспин и Лешек. В комнате мы увидели трех человек. За столом стоял коренастый брюнет. Он поправил висевший на плече автомат и подошел к нам. Известный мне словесный портрет был настолько точен, что я сразу узнал Бобра. Широкоплечий, намного ниже меня ростом, черные курчавые волосы, желтая, почти прозрачная кожа лица и характерные опущенные вниз уголки рта. Это, конечно, он.

Два других бандита тоже были вооружены. Один стоял у окна, занавешенного шерстяным одеялом, другой — у дверей, ведущих в соседнюю комнату. Я подошел к Бобру, Лешек остался у дверей в сени. Готовый к прыжку в любой миг, он держал в руках свой «бергман»...

— Пав Кароль, — представил меня Сад.

— Пока мы знакомы только понаслышке. Я капитан Кароль, — сказал я как можно спокойнее, умышленно добавив слово «капитан». Поздоровался сначала с взбунтовавшимся заместителем главаря, а затем с находившимися в комнате бандитами. Бобр измерил меня пристальным взглядом, хотел что-то сказать, но тут же подозрительно посмотрел в сторону входных дверей. Я посмотрел туда же. Лешек все еще стоял на пороге. Он принял теперь агрессивную позу, не двигался с места и настороженно следил за присутствующими в комнате бандитами. Воцарилось мучительное ожидание.

— Ты что, особого приглашения ждешь? — произнес наконец Бобр.

Я заметил, как скрестились их взгляды. Ни один из них не знал, чего можно ожидать от другого.

Главарь банды не отвечал, испытывая терпение своего визави еще несколько секунд. Не только я, но и Криспин, Сад и оба сообщника Бобра с ожиданием смотрели на двух соперников. Бобр был ниже Лешека, столь же хорошо сложен, но, как я успел сразу заметить, лет на десять старше. Встретившие нас в доме сейчас имели перевес: трое с автоматами, а у Сада наверняка был пистолет. Я решил немедленно взять инициативу в свои руки, но Лешек опередил меня.

— Думаешь, я один пришел? Без охраны только баран ходит, — заговорил он и приблизился к Бобру. — Мелина окружена моими людьми.

— Ты, стерва, что пугаешь? — хриплым голосом рявкнул Бобр.

— Не пугаю, а предостерегаю, — выпалил Лешек. — Не петушись. Покуражился один раз, хватит. Ты знаешь, мне двух слов довольно — и кончатся шутки. Если у тебя голова закружилась, так я сшибу ее. Это так ты встречаешь командира группы?

— Сам назпачил себя, самозванный главарь, ты никогда не был солдатом, — возразил Бобр. — Ты еще под стол пешком ходил, когда я группой командовал. Черепашу знали все, сначала в Армии Крайовой, потом в Народовых силах збройных и в Польском стронництве людовом. А у тебя что? Чем можешь похвалиться? Обыкновенный бандит, — процедил он сквозь зубы.

— Дерьмо, политик вонючий! — перебил его Лешек. — Своих людей порастерял, прыгал с цветка на цветок, из Армии Крайовой к энсэзетовцам переметнулся, потом прикинул, что в ПСЛ оперишься, а под конец один остался. Напомнить, кем ты был? Держал лавчонку около Рачеховице, — повернулся он ко мне, — а корчит из себя героя. Давно бы уже болтался на виселице, если бы я не принял тебя в группу. На что рассчитываешь? Что пая Кароль даст тебе мешок долларов или сразу за границу перебросит? Ты самый обыкновенный хорек! — крикнул главарь. Он подскочил к своему взбунтовавшемуся заместителю и потряс у него перед носом автоматом.

Бобр растерялся, видимо не зная, как ему поступить. Агрессивность главаря выбила его из колеи. Он отступил на шаг и взглянул на своих сообщников. Они не вмешива-

лись в эту горячую перепалку, но каждый держал оружие наготове и не спускал глаз со взбешенного Лешека. Я опасался, что дело может кончиться потасовкой.

— Довольно! — приказал я. — Разве за тем сюда пришел, чтобы смотреть, как вы с кулаками друг на друга лезете? Чего добиваетесь?

— Я ему покажу, кто бандит! Кто под маркой организации клал себе в карман контрибуции! — кричал главарь.

— А ты чем занимался? — огрызнулся Бобр.

— Хватит сводить личные счета! — решительно прервал я. Взял Лешека за руку и показал ему на табурет. — Садись.

Главарь сел почти машинально. Я показал Бобру на место с другой стороны стола. Он заколебался, сделал жест, означавший, что не намерен так легко уступить.

— Вы что ждете, прошу садиться, — приказал я ему тем же тоном. Стоявшие в комнате бандиты расслабились, почувствовали себя свободнее. Бобр попытался что-то сказать. Жестом руки я остановил его. Сейчас мне никак нельзя было упускать инициативу. Предложил враждующим бандитам пачку американских сигарет «Кэмел», чтобы выиграть время и остудить их пыл. Закурили все. В комнате установилась более спокойная атмосфера. Я сделал глубокую затяжку, медленно выпустил дым и спокойным, деловым тоном начал излагать свои доводы. Говорил, что поражен внутренними дрызгами в группе, что не для того устанавливал связь с Лешекком, чтобы выступать здесь арбитром, что все мы в одинаковом положении и нам постоянно грозит опасность, что нас должна объединять совместная борьба, а раскол в группе только на руку противнику.

— Если дело дойдет до кровопролития, вы окажете услугу безопасности, — едко заметил я.

Говорил не прерываясь, не давая сказать ни слова сидящим за столом, напрягая всю волю, чтобы казаться спокойным. Впрочем, я тоже имел право, как и они, быть взволнованным разыгравшейся сценой, которая грозила такой опасностью. Хотя Бобра и остальных членов банды я видел впервые и не знал, что им передали о состоявшихся со мной разговорах Сад или Лешек, считал, однако, удобным снова повторить все подробности так хорошо заученной мною легенды:

— Звать меня Кароль, постоянное имя... ну, это не имеет значения. Документы у меня в порядке, есть даже справка с места работы из солидного государственного учреждения. Все это подготовлено в нашем центре в Запад-

ной Германии. Служу в разведке. Наша сеть действует в Польше, располагает каналом связи с Западом и здесь, за «железным занавесом», выполняет определенные разведывательно-диверсионные задания. Какие? Это тайна. Каждый может знать лишь столько, сколько необходимо для его личной деятельности. Я знаю, естественно, больше, но говорить могу исключительно о заданиях, связанных с определенными людьми. Таковы законы глубокой конспирации, имеющие силу в разведывательной службе. Наша сеть — организация кадровая, в ней могут работать лишь исключительно надежные и проверенные люди. О том, как я установил связь с группой, знают Лешек и Криспин. Я также получил о них исчерпывающую информацию. Решающим является факт, доверяем ли мы полностью друг другу. Если нет, то мы должны расстаться и никогда больше не встречаться. В этом случае наше сотрудничество не имеет ни малейшего смысла. Лешек уже познакомился с некоторыми нашими планами, — продолжал я, сделав главарю знак, чтобы он не перебивал меня. — Мы обсудили с ним много дел. Нам необходимо как можно скорее приступить к проведению операций. Вооруженный конфликт не за горами. Руководство центра в Западной Германии поручило нам выполнение важных разведывательных и диверсионных заданий на территории страны, в том числе и на вашей местности. Отсутствие единства в вашей группе затрудняет наше взаимодействие.

— Какие задания? — заинтересовался Бобр.

— О конкретных акциях, — ответил я, — могу говорить только с людьми, которые с полной ответственностью подчинятся приказам нашего руководящего центра за границей. Мне хотелось бы знать вашу позицию, — сказал я, глядя на Бобра. — Позже мы обсудим, смотря по обстоятельствам, ближайшие задачи в более узком кругу.

Когда я замолчал, главарь банды беспокойно заерзал на табурете. «Как бы снова не затеял скандал, — подумал я. — Нельзя допустить стычки между ними». Я дал слово Бобру. Хотел услышать, как он отнесся ко всему сказанному мной. Бобр говорил долго и путано. Начал с перечисления своих заслуг в борьбе с коммунистическим режимом. Лешек несколько раз прерывал его, то и дело бросал вопросы, иногда с издевкой. Он хорошо знал прошлое своего соучастника в преступлениях и старался сделать его посмешищем в моих глазах. Заместитель главаря путался в ответах. Потом начал сам спрашивать. Заинтересовался моей деятельностью, допытывался, кого я представляю, как я попал к Ле-

шеку, какие задания будут поручены группе, какие планируются акции. Его интересовали мелкие, как будто мало-важные детали, он задавал несущественные, но обдуманые вопросы, придирался к словам, упрекал меня в том, что я говорю общими фразами, требовал конкретности. Я сразу понял, что он прошел куда лучшую школу подпольщика, чем более примитивный Лешек. Разговор с заместителем главаря стоил мне больших сил.

Замечания, которые Лешек настойчиво вставлял в разговор, сначала выводили меня из равновесия, но потом я понял, что было бы трудно выбрать лучшего адвоката. Кто бы мог предположить, что в грозном главаре банды я найду такого «союзника»? Лешек буквально выручал меня с ответами. Самому бы мне не отыскать более убедительных аргументов, тем более что каждое слово, произнесенное не мной, а им, звучало намного достовернее и убеждало бандитов, знавших друг друга не один год. Он говорил то, чего мне произносить не подобало. Другое дело, что мне на руку была особая обстановка, сложившаяся в банде. Кроме того, главарь мог поссориться со своим заместителем и другими доверенными лицами, но ни один из них не стал бы подозревать его в сотрудничестве с органами безопасности. Это вообще не принималось во внимание.

Итак, я позволил главарю говорить, а сам внимательно слушал, чтобы в случае надобности вмешаться в разговор. Лешек упомянул о некоторых подробностях нашего сотрудничества, стараясь показать взбунтовавшемуся заместителю, что знает намного больше его. Он вспомнил о пароле и контрольном знаке, установленном с доверенным человеком, который пробрался нелегально в Западный Берлин, о контакте со мной, о тайнственном знаке равенства, который как доказательство он получил совершенно другим путем, прямо из Мюнхена, о финансировании деятельности группы, об оружии, об операции «Чайка», вспомнил даже о значительной операции, проведенной в некоем месте, и о поджоге отеля.

На вопрос Бобра, точно ли ему известно, что тот человек перебрался на Запад, Лешек подтвердил это. Криспин вмешался в разговор, заявив, что знает лично нескольких абсолютно надежных людей, которые тоже в сети, хорошо законспирированы в Кракове и в других местах.

Бурю удалось предотвратить, и я с облегчением вздохнул. Стало ясно, что испугавшийся потерять бразды правления главарь бандитской шайки рассчитывал на мою поддержку. Сила выдвинутых им аргументов была неоспор-

ма. Я видел, что Бобр смотрит теперь на меня иначе. Видимо, поверил, что я — «человек оттуда». В таком случае надо решительно действовать — обсудить конкретные предложения, подчинить себе всю бандитскую шайку и завершить выполнение задания, о котором среди присутствующих знал только я.

Бобр говорил еще что-то, а я размышлял, как бы эффективнее поставить вопрос, как вдруг бандит умолк на полуслове. Лешек и Бобр почти одновременно вскочили с мест. Я мгновенно выхватил из-за пояса кольт. Мне не нужно было перезаряжать его: патрон уже был дослан в ствол. Пальцем я отвел предохранитель. Мои действия были инстинктивны — думать было некогда. Секунды тишины. За окном раздались голоса, быстрые шаги, потом топот в сенях, возня, глухой звук удара и грохот падающего тела.

— Что это? — выдавил из себя Бобр.

Никто не ответил. Лешек одним прыжком очутился у дверей и стремительно их распахнул. Из темных сеней в комнату ворвались люди с автоматами на изготовку. За ними из мрака вынырнули другие. Чьи это люди: Лешака или Бобра?

Я отскочил к стене.

— Не стрелять! — крикнул я. — Опустить оружие!

10

В комнате воцарилась напряженная тишина, готовая взорваться выстрелами. Три типа с автоматами в руках застыли на пороге. Больше всех был перепуган Бобр. Я видел его лицо. С трудом сдерживая дрожь в руках, стиснувших автомат, он медленно двигался к стене. Бандит, видимо, не ожидал такого палета. Он знал, что это люди Лешака, и чувствовал себя попавшим в капкан. При слабом свете керосиновой лампы я разглядел лица людей из охраны главаря. Остальные наготове ждали в темных сенях. Две враждующие группы бандитов стояли друг против друга не двигаясь. Бобр бегающими глазами смотрел то на главаря, то на стволы автоматов в руках ворвавшихся в дом и замерших в угрожающей позе налетчиков. Каждый нерв на лице заместителя главаря банды дрожал от безумного напряжения. Я ощущал удары своего сердца, стучавшего, словно молот по наковальне. Достаточно было одного движения кого-либо из этой раздражаемой распрями шайки — и началась бы стрельба. Все это длилось секунды, но то,

что пришлось пережить в эти мгновения, навсегда осталось в памяти.

— Опустить оружие! — крикнул я еще раз и подскочил к главарю банды.

Лешек сбросил на руку ремень «бергмана», держа палец на спусковом крючке. Он стоял, небрежно опираясь о стену, и с иронической усмешкой смотрел на Бобра. На этот раз бандиты повиновались моему приказу и медленно, словно нехотя, опустили стволы автоматов к полу.

— Ты что вытворяешь?! — набросился я на главаря и сильно схватил его за плечо.

— Думаешь, буду с тобой цацкаться, сукин сын! — заржал тот на своего вышедшего из повиновения заместителя. — Не вздумай шутки выкидывать, изба окружена! Выбирай: или со мной, или пулю в лоб.

Лешек сделал движение, словно хотел вплотную приблизиться к Бобру. Я еще крепче сжал пальцами его плечо.

— Прекратить! — крикнул я и встал между ним и Бобром. — Только без самосуда, — добавил уже спокойнее. — Мы еще не закончили разговор. Пока что мне принадлежит последнее слово, а потом ты можешь делать, что тебе угодно. Хочешь быть обыкновенным бандюгой или все же командиром организованной диверсионной группы?

— Я же не сказал, что не хочу подчиняться приказам центра, это он все делает по-своему, — неуверенно заговорил Бобр.

— Не допущу, чтобы наши люди грозили друг другу оружием, — категорически заявил я, делая ударение на каждом слове. — Враг находится в другом месте. Прикажи своим людям, чтобы немедленно вышли отсюда, — повернулся я к Лешку. — Если ты этого не сделаешь, то выйду я, и это будет наша последняя встреча.

Бобр попытался что-то сказать, но я не позволил.

— Это приказ — повторил я главарю и спрятал кольт. — Если хочешь, чтобы тебя слушались, сам должен подчиняться, — добавил я и легонько подмигнул, как бы давая понять, что договоренность остается в силе. Ведь до этого я не раз заверял его, что в споре с Бобром буду на его, Лешка, стороне.

Бандит колебался еще с минуту. Мысленно взвешивал, какое решение ему принять. Я занял свое прежнее место за столом.

— Времени мало, прошу садиться, — обратился я к главарю банды, хотя ворвавшиеся в комнату продолжали стоять.

Он дал знак своим охранникам покинуть мелину. В избе остались все, кто был до вторжения людей Лешака. Теперь я потребовал от Бобра, чтобы его люди, которые были свидетелями первой части нашей беседы, тоже вышли из комнаты. Бандит пытливо посмотрел на меня, пытаюсь выяснить, куда я клоню.

— Хочу, чтобы мы поговорили в узком кругу, — сказал я ему.

Бобр не возражал, попросил только, чтобы вместе с его людьми удалился и Криспин. Я кивнул. Из сеней до нас долетал голос пострадавшего, который хотел преградить дорогу людям Лешака.

Мы остались втроем — Лешек, Бобр и я. Ко мне возвратилось спокойствие. До этого я старался своим внешним видом не выдать внутреннего напряжения, которое, казалось, достигло предела. Лешек считает меня своим союзником, размышляя я, а Бобр, в свою очередь, должен быть мне благодарен за то, что я помог ему выбраться из затруднительного положения, поэтому у него также нет причин не верить в искренность моих намерений. Нужно как-то использовать это обстоятельство и хитро разыграть концовку нашего разговора.

Начал с атаки. Старый, испытанный способ. Решил смешать с грязью вожжаков перессорившейся шайки. Выходка Лешака была рискованной, достойной осуждения, и это трудно было обойти молчанием. Против Бобра также имелось обоснованное обвинение в том, что его действия вызвали брожение в группе. Я не выбирал выражений, так как рядовые бандиты не слышали моих слов. Я обеспечил себе преимущество, вынудив бандитов перейти к обороне. Сначала Бобр, а потом и Лешек пытались оправдаться. Но я ни одному не дал раскрыть рта, поставив перед ними условие полного подчинения инструкциям руководящего центра, представителем которого я выступал. Позиция Лешака была мне известна, я ждал, что скажет Бобр. Заместитель главаря говорил немного, но, когда я поставил перед ним конкретный вопрос, он заявил о своей готовности к сотрудничеству и заверил, что полностью подчиняется нашим приказам.

Мы договорились, что через четыре дня, два часа спустя после наступления сумерек, группа соберется в одном месте. Затем все отправятся за оружием в Пуцу Неполомицкую, где получают также взрывчатку, необходимую для осуществления операции «Чайка». Лешек пояснил, что речь идет об уничтожении железнодорожного моста через Рабу.

— Это очень важная со стратегической точки зрения железнодорожная линия Краков — Медыка, — добавил я.

По моему приказанию главарь банды выдал для людей Бобра деньги. С неохотой он отсчитывал банкноты.

— Пока это аванс, — сказал я. — Более солидную сумму привезу в следующий раз или пришлю через связную. Если у вас есть где обменять, можем выплачивать в долларах.

— Группа соберется с той стороны шоссе на моей мельнице, — сообщил Лешек Бобру, который все еще недоверчиво смотрел на главаря. — Криспин будет ждать вас у Бенки и проведет на место моего постоя. Оттуда будет намного ближе к мельнице в пуще.

Небо на востоке светлело. Приближалось утро. Лешек позвал Криспина и вышел с ним из дома к своим людям. Бобр выскочил на минутку, а когда вернулся, я догадался, что он хочет поговорить, но не при главаре, который в этот момент вернулся в избу.

— Пора в дорогу, — сказал Лешек. — Нам придется поспешить, чтобы попасть на мельницу до рассвета.

Прощаясь с Бобром, я почувствовал, как он сунул мне в руку клочок бумаги.

— Только ни слова Лешеку, потом все объясню, — шепнул он, чтобы не услышал стоявший в сених главарь банды. Я спрятал бумажку в карман. В путь мы отправились двумя группами, впереди которых шел дозор — два подростка, выглядевшие так, как будто собрались на работу в поле.

— Я совсем забыл предупредить людей из охраны, чтобы не заходили на мельницу Бобра. Нагнал я на этого сукина сына страху так, что поджилки у него тряслись. Ничего, не помешает, — злорадствовал Лешек.

Я не стал упрекать его, сам в пылу разговора забыл об этом. В кармане нащупал бумажку, которую получил от Бобра. Распирало любопытство: что там он написал и почему сделал это за спиной главаря? Неужели опять какой-нибудь сюрприз?

День занялся позже, чем обычно. На востоке низко ползли темные, грязные тучи. Не было видно ни клочка неба. Мы брели через стерню, размокшую после ночного проливного дождя. Ноги глубоко вязли в земле. В мокрых ботинках хлюпала вода. Утренний холод давал о себе знать. После часа форсированного марша остановились около какой-то деревушки. Вожак распустил своих людей. Все разошлись в разные стороны. С нами остался только Минер и еще два бандита, вооруженные автоматами, — Шимон и Зенек. Когда все скрылись из виду, мы осторожно подошли к

усадыбе за деревней. В нескольких десятках метров дальше вырисовывалась темная линия молодого леса.

— Тут будет безопаснее, можно в случае чего быстро отскочить к лесу, — решил Лешек и приоткрыл ворота риги. Мы проскользнули внутрь. В коровнике мычала корова. Лешек и Минер подошли к окну избы. Постучали. Главарь двинул по раме прикладом автомата, вскочил в хату, не дожидаясь, когда хозяин откроет двери. Минер остался во дворе. Я наблюдал эту сцену через щель в дощатой стене риги. Через минуту бандит показался в дверях и бросил на землю двух зарезанных кур. Из сеней следом за ним выскочила голосившая женщина. Бандит наотмашь ударил ее по лицу и втолкнул в хату. Потом вернулся в ригу, приведя с собой девочку. Было ей лет десять. Главарь банды посадил насмерть перепуганное, плачущее дитя в риге.

— Этот хам вздумал мне противиться, — сказал о хозяине Лешек, — ну я и забрал у него деточку, чтобы не рыпался. Теперь сам будет смотреть, чтобы с нами что не произошло. Он у меня в руках. До вечера тут переждем. Через час подадут нам, сволочи, вареных кур и бульон. Теперь уже поздно искать другое укрытие.

Я не ожидал приезда Магды в Лапанув. На всякий случай приказал Лешеку, чтобы Щепан сходил в ресторан Гживача и передал связной, что я должен выехать раньше. В присутствии Лешека обосновал это необходимостью приготовить оружие, за которым мы должны отправиться в Пущу Неполомицкую. Однако знал, что и в этот раз результата не будет. Кто знает, может, сейчас на счет шли уже часы. Вечером я был в Кракове. Позвонил майору и, не успев даже побриться, отправился на конспиративную встречу с начальником в снятой Магдой квартире на площади Вольница.

Содержание записки, врученной мне Бобром, знал уже наизусть. Прочитал ее несколько раз по дороге в Краков.

По приезде отдал майору. На клочке газеты Бобр написал: «К Бенке не пойду. Все объяснит Сад. В четверг в четыре дня он будет в Кракове на том месте, где был в последний раз».

— Значит, Бобр ведет двойную игру. За спиной главаря замышляет свое, — заключил майор. — Мы должны выйти на связь. Но как? Сабина Бобешко уже вернулась на квартиру.

В четверг после полудня я медленно прохаживался по

улице Костюшко. Здесь почти каждый дом был мне знаком. Черт побери, ругался я про себя, сколько трудностей может иногда возникнуть из-за какой-нибудь мелочи!

Если записать все ходы в игре, которую мы вели, это было бы слишком обременительно для читателя. Конечный результат каждого дела складывался из кропотливого труда многих наших сотрудников. Много из того, что было предпринято, не привело ни к чему, но этого нельзя было предвидеть. Мелочи, выставившие в определенный момент до масштаба проблем; трудные испытания и мучительные сомнения, не дававшие покоя, пока загадке не находилось решения; многие мероприятия требовали огромного труда, хотя лишь часть их помогала достичь цели; в отдельных фазах игры нельзя было с уверенностью утверждать, что из задуманного окажется в действительности выполненным. В этом и заключалась наша работа.

Я припомнил свой разговор с Садом на квартире Артура. Тогда я был уверен, что имею дело с обыкновенным мошенником, действующим на свой страх и риск и желавшим, ссылаясь на главаря банды, как можно больше выудить у нас денег. Все предпосылки и логические выводы свидетельствовали об этом. Однако в преступной среде правят иные законы, там своя логика. Оказалось, что уже тогда Сад выполнял указания Бобра, который за спиной Лешака пытался установить связь с предполагаемым диверсионным центром.

Но почему Бобр сам, от своего имени, не сделал этого? Он или боялся грозного главаря, или не был еще полностью уверен в том, что я на самом деле являюсь «человеком оттуда». Я допускал и такой вариант: его курьер имел выход лишь на один пункт связи, а квартира пани Бобешко тогда пустовала, и он никого не застал.

Время приближалось к четырем часам дня. Магда уже давно вела наблюдение за домом на улице Костюшко. Сейчас она находилась недалеко от ворот. Я подошел поближе. Девушка подала мне условный знак, что хозяйка квартиры еще не вернулась из города, и я вошел под низкие своды ворот. Если Сад не опаздывает, то должен появиться с минуты на минуту. Отсутствие хозяйки облегчало дело, позволяло избежать лишних осложнений. Только бы не встретить ее на лестнице!

Мы решили перехватить связника заместителя главаря

банды, прежде чем он постучит в дверь квартиры, где когда-то была мелина Артура.

«Я хотел бы купить диван в зеленую полоску», — произнес бы Сад первые слова пароля и вместо отзыва, который ожидал услышать, увидел бы удивленное лицо пани Сабилы Бобешко.

Я был единственным человеком, который мог подойти к Саду. Никто, кроме меня, не узнал бы его. Магда прогуливалась по противоположной стороне улицы. Чтобы чем-то себя занять, я рассматривал список жильцов. Потом взглянул на часы. Наступило время встречи. В воротах остановились две жилички из флигеля. Они раньше видели меня, когда я приходил к Артуру. Я зашел в подъезд и стал медленно подниматься по ступенькам. Остановился у окошка на лестничной площадке, потом, почти машинально, — у дверей бывшей мелины, поднялся на пол-этажа выше. Здесь окно выходило во двор, где играли дети. Когда-то я проклинал скрипящие ступеньки лестницы, а сегодня это было мне на руку. Когда кто-то входил в подъезд, шаги были хорошо слышны, и я начинал спускаться вниз. Маневр этот повторялся несколько раз.

Снова закрипели ступеньки. Хозяйка Артура останавливалась через каждые несколько шагов, и я бы сразу определил ее походку. Сейчас же поднимался мужчина. Я пошел вниз. На площадке увидел Сада. Наконец-то!

Когда мы выходили из ворот, соседки из флигеля все еще болтали. Магда стояла на улице. Увидев нас, она с деланной заинтересованностью стала рассматривать снимки в стеклянной витрине фотоателье.

— Поговорим где-нибудь в другом месте, — сказал я Саду. — К хозяйке кто-то приехал и очень интересовался про разные квартирные дела и новости. Надо быть осторожными. Мы обычно время от времени меняем места связи.

По берегу Вислы мы подошли к мосту, откуда было недалеко до площади Вольница. Я привел связного в свою новую квартиру. С первых же слов Сада я понял, что вопрос решен. Бобр окончательно порвал с главарем банды.

— Лешек знает об этом? — спросил я.

— Нет, — ответил связной. — Бобр только для видимости согласился на сбор всей группы. Он не хотел стычки с людьми Лешека. Приказал мне передать, что никого не пришлет на встречу у Бенки. Лешека он перехитрил. Собрал вечером людей, и они пошли на другую мелину, точно не знаю куда, но, кажется, на юг от Велички. Лешек не знает тех мест.

— Так вы приехали ко мне на улицу Костюшко по поручению Бобра? — задал я следующий вопрос.

— Да.

— Зачем же он водил нас за нос? Надо было сразу все поставить на свои места.

— Бобр тогда еще не был уверен, что мы установили связь с тем, с кем нужно, и приказал мне ничего не говорить, — объяснил Сад.

— А теперь?

— А теперь — да, — ответил связной. — Поручил мне даже заверить вас, что он согласен на сотрудничество с руководящим центром на тех условиях, какие сообщили вы на последней встрече, но с Лешекком он не хочет взаимодействовать. Просил, чтобы вы Лешекку не говорили, что я был в Кракове и что мы установили с вами связь.

— Почему?

— Лешек мстительный. Он бы никогда не простил этого Бобра.

Мы вынуждены были вести игру на два фронта. Сад сообщил мне способ выхода на связь с Бобром, который добивался встречи со мной на день раньше теперь уже ненужного сбора всей банды на мелине Лешека. Хитрый бандит хотел увидаться со мной до моей встречи с главарем, но не знал, что я условился с Лешекком тоже на сутки раньше, то есть на тот же день, в который Бобр предлагал мне приехать под Величку.

«Ладно, не раздвоюсь, — решил я. — Как только связать одно с другим и при этом не вызвать подозрений у Лешека, что веду двойную игру?» — размышлял я. Сад, видимо, заметил мои колебания.

— Бобру очень важно, чтобы вы приехали именно в это время, — старался он меня убедить. — Он обязательно хочет переговорить с вами до вашей встречи с Лешекком. Потом он сменит мелину, и тогда снова надо будет договариваться о встрече.

Мой собеседник не догадался, почему его последние слова убедили меня. «Нельзя упускать случай, который может не повториться», — подумал я и принял предложение взбунтовавшегося заместителя главара. Теперь он действовал самостоятельно, и откладывание встречи с ним было связано с риском прервать связь с оставшейся частью банды. Чрезмерно впечатлительный Бобр стал бы подозревать, что я на стороне Лешека. Поэтому я с Садом определил место встречи в Величке, откуда мы пойдём на мелину Бобра. На всякий случай я приказал ему запомнить, как попасть на

квартиру на площади Вольница, которая каждый вторник и каждую пятницу в шестнадцать часов будет служить запасным пунктом связи, и сообщил новый пароль, если вдруг двери откроет кто-то незнакомый.

— Этот адрес вы можете дать только Бобру. Прошу также передать ему, что для меня важен прежде всего успех нашего дела, поэтому не буду вмешиваться в его взаимоотношения с Лешком, если он будет выполнять задания нашего центра. Остальное обсудим с ним лично, — сказал я Саду на прощание, проводив связанного до дверей.

С этого дня квартира на площади Вольница стала выполнять роль мнимой мелины «сети Кароля». После того как противник узнал этот адрес, ни один из наших сотрудников уже не мог переступить через порог данного жилья.

Под вечер я вышел в город и из гардероба какого-то кафе позвонил майору. Договорились встретиться на улице Кармелицкой. На конспиративной квартире я застал поручика Янека и подпоручника Мариана из Бохни. Они приехали, чтобы обсудить дальнейший план действий. Мы ожидали руководителя операции «Паутина».

— Ты не знаешь, что тебе грозило, — рассказал мне Мариан. — Еще немного, и наши изрешетили бы вас. Тех лбов там было шесть, у всех в кармане смертный приговор, но и ты мог погибнуть...

Оказалось, что запуганный главарем банды крестьянин незаметно выбрался из дома, прибежал в отделение милиции и сообщил, что в его риге скрываются бандиты.

— «Очень вас прошу, — передал его слова Мариан, — нападите на них, как будут от меня уходить вечером, тогда оставят мне дочку, они взяли ее заложницей. Пригрозили, что в случае чего первую пулю в мою деточку пустят. Они так и сделают, если вы раньше окружите усадьбу». Начальник отделения сразу же собрал всех милиционеров и ормовцев. Если бы я не появился в отделении в этот момент, они бы отправились на операцию. Мне едва удалось предотвратить несчастье. Начальник не знал, в чем дело. «У меня банда, считай, в руках, — говорил он мне, — а вы запрещаете идти на операцию». Нельзя же было ему сказать, что в банде наш человек.

— Но ведь есть приказ, что о каждой планируемой операции необходимо докладывать, — заметил поручник Янек.

— Иногда минуты решают все, — возразил Мариан. — Я ручаюсь, что этот начальник доложил бы обо всем после операции.

У меня мурашки пробежали по спине, когда представил себе, в какую переделку мог попасть.

Наконец прибыл майор, и мы все вместе несколько часов обсуждали и взвешивали различные варианты плана. Сеть помощников Лешека в значительной степени уже была изучена. Многих людей я знал лично, о других получил информацию, которая давала возможность довольно точно установить их местожительство и фамилии. Оперативная группа, рассредоточенная на территории нескольких повят, также установила фамилии хозяев многих мелин банды. Карта пестрила разноцветными знаками, одни из которых означали помощников из сети банды, другие — раскрытые прибежища. В сейфе майора хранился длинный список лиц, которым грозила уголовная ответственность за сотрудничество с реакционным бандитским подпольем: Криспин, Щепан, Бенка, Сад, Минер, Шимон, Войцех, Зенек...

Майор приказал ждать. Преждевременная акция против сети помощников банды могла бы помешать поимке самых опасных членов бандитской шайки. Раскол банды на две независимые группы значительно осложнил окончание операции. На следующий день мне предстоял выезд на встречу с Бобром. Вся трудность заключалась в том, что одновременно мы должны были организовать засаду обоим шайкам — Бобра и Лешека, в противном случае или тот или другой разгадал бы наш замысел.

— Значит, завтра Бобр будет ждать тебя где-то под Величкой, а Лешек — на мелине у Бенки, — сказал майор.

— Да. Думаю, что Лешек и тех, кто с ним придет, я смогу бы уже завтра завести в засаду, но сомневаюсь, что на этой первой встрече удастся устроить ловушку Бобру.

— Действительно, шансов почти нет, — согласился начальник. — Мы не знаем убежища Бобра, который сейчас, опасаясь мести главаря, конечно же постарается как следует себя обезопасить.

— Сад рассчитывает, что на встречу в Величке приду один, — подумал я вслух. — Если приведу с собой наших людей, пусть даже очень похожих на диверсантов, взбунтовавшаяся шайка может всполошиться и не пойдет с нами на связь.

— Мы должны поднять на ноги всю оперативную группу, — сказал после продолжительного раздумья майор. — Впереди у нас ночь и еще полдня. Окончательное решение примем завтра.

Намерение окружить мятежных сторонников Бобра было

связано с довольно большим риском. Майор взвесил все «за» и «против» и остановился на этом варианте плана.

Назавтра после полудня я поехал на встречу со связным Бобра. Сад ожидал меня на железнодорожном вокзале Велички. Я действовал точно по инструкции начальника. Вначале выяснил, даст ли встреча с Бобром в этот вечер нужный результат. Сад проинформировал меня, что нас ждут в другой деревушке за Величкой. Лишь после этого я заявил связному, что с нами пойдет еще один человек из нашей сети.

— Это инструктор по проведению диверсий, он впредь будет поддерживать связь с Бобром, — объяснил я.

Сад не возражал, хотя напомнил мне, что Франек — так он называл Бобра — предостерегал его ни в коем случае не обнаруживать их укрытия, если что-либо ему покажется подозрительным.

Все было заранее подготовлено. Мы зашли в ближайший бар. За столиком за кружкой пива сидел плечистый мужчина, одетый в поношенный прорезиненный плащ. Это был поручник Юзек, который сейчас играл роль инструктора секции «Д». Мы остановились у буфета, как тогда в Бохне, когда я ожидал связного от Лешека. Юзек заметил меня и вышел из заведения. Потом он шел за нами на некотором расстоянии. Приблизился к нам, когда мы очутились за городом. Сад повел нас на мелину Бобра.

В это самое время Магда вышла из автобуса недалеко от деревушки, в которой жила Бенка. Хотя девушка и хотела ехать одна, утверждая, что отлично доберется сама до мелины главара, майор все же выслал с ней поручника Сташека. Включение в игру еще одного человека с нашей стороны имело определенную цель. Магда знала Бенку и Лешека и, следовательно, могла как связанная заменить Щепана или Криспина.

«Опа должна уже быть недалеко от мелины Лешека, — думал я о девушке, идя за Садом. — Лишь бы вовремя подошла к стоящему за деревней дому любовницы главара банды».

Мы присели на опушке какой-то рощицы. Лучи заходящего солнца золотили верхушки деревьев. Несколько подrostков, покриывая, гнали с луга коров к деревушке, лежащей в котловине. Сад ждал, когда стемнеет. Мы переговаривались обо всем и ни о чем. Поручник Юзек исчерпал весь свой репертуар шуток и анекдотов. Я не поддерживал разговора. Мысленно я был с Магдой. Беспокоило, не вызовет ли подозрений у Лешека прибытие девушки с незнако-

мым мужчиной. Поручник Сташек должен был оставаться на мелине вожака до моего прибытия туда. Только бы не допустил какой-нибудь оплошности! В такой обстановке достаточно одного неосторожного слова. Игра на два фронта, которую мы сейчас ведем, вызывала дополнительные трудности. Майор все это имел в виду и стремился как можно быстрее завершить операцию. В этот вечер кроме меня и Магды в банду прибыли двое наших людей. Оперативная группа действовала на переводя дыхания.

Мелина Бобра находилась от нас в нескольких десятках метров, в небольшом домике, спрятавшемся среди деревьев. Почему мы ожидали вблизи от укрытия банды? Я подумал об этом, когда Сад подвел нас к дому. Место, где мы сидели до наступления темноты, хорошо просматривалось с мелины Бобра. Возможно, бандиты наблюдали за нами, желая удостовериться, не скрывается ли кто еще за нами.

Бобр окинул Юзека подозрительным взглядом. Я представил поручника.

— Стен останется у вас в группе на несколько дней, — объявил я, назвав Юзека его псевдонимом. — Он посвятит вас в секреты и тайны нашей работы. Речь идет о кодах, связи, диверсионных заданиях... Сам я не могу уделить вам столько времени, у меня есть дела и в другом районе.

Бобр заколебался. Я опасался, что он запротестует. Не дав ему заговорить, сообщил о предстоящей доставке оружия и взрывчатки.

— Стен раскрыт, — предупредил я также Бобра, — его разыскивает краковская безопасность. Он побудет немного у вас, проведет инструктаж, а затем пойдет с той группой, которая передаст вам оружие.

Я разговаривал с Бобром почти до самого рассвета. Он был куда любопытнее и дотошнее Лешека. Вытащив сто-долларовую бумажку, я вручил ее бандиту:

— Не удалось обменять. Если у вас будут затруднения, можем выплачивать злотыми.

Зеленый банкнот произвел впечатление на самозваного предводителя бандитов.

— Вы знаете, почему я медлил с установлением связи? — спросил Бобр. — Просто хотел убедиться, что все услышанное мной не легенда. Боялся какого-нибудь подвоха. Если бы это все так и было, Лешек уже давно попал бы в капкан. Я лучше десять раз все обнюхаю, чем с ходу головой в петлю полезу.

Люди Бобра всю ночь охраняли мелину. С глазу на глаз

с предводителем шайки я обсудил задания, вопросы организации разведывательной и диверсионной деятельности.

— Ваша группа, — уведомил я его, — будет предназначена для специальных акций. Благодаря этому мы сможем избежать столкновений с группой Лешека. Вам нельзя ничего предпринимать по своему усмотрению, никаких ходов. Необходимо ввести в заблуждение безопасность, усыпить бдительность врага. Пусть считают, что вы сменили район своих действий.

Бобр принял выдвинутые мной условия.

Примерно полсуток спустя я без труда отыскал в Лапапуве деревянный одноэтажный дом. Вошел в частный ресторан Гживача. Несколько выпивающих за столиками и возле буфета мужчин с любопытством посмотрели на меня, сразу поняв, что я не здешний. Я с нетерпением поглядывал на двери. Ждал Магду, которая должна была прийти сюда с мелины Лешека. Я не был уверен, что он тоже не сменил своего укрытия. Я договорился с Бобром о постоянной с ним связи и прямо из Велички приехал в Лапапув. Поручник Юзек остался в мятежной пайке, а поручник Сташек под псевдонимом Пик должен был уже находиться у главаря банды. Одолевали сомнения, все ли идет по намеченному плану. Приближался финал операции.

В ресторан вошла Магда и улыбнулась мне с порога.

— Я тут как на иголках сидел. Рассказывай все по порядку, — заторопил я девушку. Если бы посетители пана Гживача не глазели с таким любопытством на нас, я бы поцеловал ее.

— Как на крыльях летела, чтобы поскорей с тобою встретиться, — прошептала Магда и со свойственной ей обстоятельностью стала мне рассказывать, как проходила встреча с Лешekom. Каждая деталь могла иметь значение. Я внимательно слушал. Девушка сидела напротив меня, говорила медленно, деловито. «Энергичная, смелая», — думал я, внимая ее словам. Она вызывала у меня уважение этими качествами, но я ни разу прежде ей об этом не говорил.

Лешек пока не знал, что сбор группы в одном месте не состоится и что Бобр обвел его вокруг пальца. Главарь несколько раз спросил Магду, почему я задерживаюсь на один день.

У Бенки нас ожидал только связной, Лешек со своими четырьмя головорезами и поручником Стапексом сидел на мелине в соседней деревушке в одиноко стоящем сарае.

Было светло, когда мы добрались до места постоя банды. Лешек и Пик сидели над развернутой «Газетой Краковской». Пик читал вслух:

— «...Целью разведки «Милитари Интеллидженс Сикс», которой служил Сливиньский, была подготовка к новой кровавой бойне. Речь прокурора на процессе британского шпиона... Военный прокурор полковник Литыньский в заключение своей обвинительной речи потребовал для Сливиньского за шпионскую и диверсионную деятельность высшей меры наказания. На третий день процесса суд после рассмотрения уличающих материалов, содержащихся в деле, предоставил слово обвинителю...»

— Веревка по нему плачет, — прокомментировал главарь банды. — Интересно, как он попался? — Потом показал на статью, в которой сообщалось, что известный польский скульптор профессор Ксаверий Дуниковский награжден орденом Строителя Народной Польши, который был вручен ему в Бельведере. Лауреат обратился с благодарственным письмом к Председателю Государственного совета.

— Попался бы мне в руки этот коммунист! — рявкнул главарь.

— Вы тут сидите как у Христа за пазухой, а я чуть дышу, — заговорил я в полушутливом тоне. — Целую ночь пришлось упражняться с этим твоим Бобром.

Лешек подпрыгнул как опаренный. Магда не сказала ему, куда я поехал накануне вечером.

— Бобр отказался подчиняться тебе, — сообщил я атаману и рассказал, как Сад прибыл в Краков на уже известный ему пункт связи и без ведома Лешека попросил меня приехать на встречу. Затем коротко изложил суть разговора с бывшим заместителем главаря, стараясь выглядеть в выгодном свете в глазах разъяренного бандита. Лешек буквально кипел от злости.

— Не я буду, если не достану его хоть из-под земли. Не уйдет он от меня никуда, этот сукин сын! — сыпал угрозами главарь.

— Об этом поговорим потом, — прервал я бандита. — Я сам тебе помогу выйти на Бобра, а пока нам нужно подготовиться к серьезной акции. Мы долго собираемся сидеть сложа руки? Я получил приказ из центра на этой неделе

взорвать железнодорожный мост на Рабе. После операции «Чайка» получим оружие и разберемся с Бобром.

— Я прикончу его без звука, — перебил меня бандит.

— Сейчас я здесь приказываю. Так или иначе Бобр никуда не денется, — остановил я Лешека и отозвал его в сторону, чтобы обсудить план операции, которая до последней минуты, как я подчеркнул, должна для всех оставаться полной тайной. — Через четыре дня под покровом ночи взорвем мост, поэтому надо хорошо разведать ближайшие окрестности. У тебя в Стапиславице есть надежные люди?

— Да, по рядом живут и два осведомителя безопасности, — ответил Лешек.

Неожиданно мне в голову пришла мысль, которую заранее не придумаешь.

— Тебя там знают?

— Да, — ответил Лешек, еще не понимая, чего хочу.

— Этого я и боялся, — выразил я сожаление. — Поэтому двинемся двумя группами. В первой пойдут в разведку мои люди, ты подробно их проинструктируешь, и они прикончат этих агентов. Потом на очищенную местность вступим мы и без опасений быть раскрытыми взорвем мост. Я вернусь под вечер накануне операции с нашими людьми и подрывником.

Лешек проводил меня и Магду, пройдя с нами несколько сот метров по дороге, которая вела к шоссе. Главарь настаивал, чтобы я остался до рассвета в расположении банды. Наверняка рассчитывал, что расскажу ему еще что-нибудь о разговоре с Бобром. Он посылал на его голову проклятья, какие только знал, с трудом сдерживая обуревавшую его жажду мести. Никак не мог себе простить, что дал так легко себя провести и не воспользовался удобным моментом расправиться с вышедшим из повиновения сообщником.

— Ведь был же он тогда у меня, можно сказать, в мешке, — продолжал он сокрушаться, вспоминая о последней встрече.

Я заверил Лешека, что сам ему помогу схватить дезертиров.

— Сначала проведем операцию «Чайка», — сказал я еще раз на прощание, давая ему понять, что утром у меня важная встреча в Кракове: ожидаем курьера из-за границы.

Поручник Сташек остался на мелине с целью контролировать каждое движение Лешека перед операцией «Чайка», получив также трудное задание не допустить прибы-

тия более четырех человек из сети помощников банды. Пока я беседовал с Лешком, Магда договорилась обо всем со Сташеком.

— Хороший этот Пик у вас, — похвалил главарь нашего офицера, сумевшего получить признание бандита. Это вселяло надежду, что Сташеку легче будет выполнить свою задачу. Старый, испытанный сотрудник органов безопасности, побывавший в разных переделках, он сразу вжился в свою роль. Когда-то, в Макуве Подгаляньском в операции против банды Огня, а потом в Новы-Тарге против банды «Бывалые вояки» ему пришлось многое пережить.

Ранним утром поезд прибыл на перрон краковского вокзала. Мы имели в своем распоряжении несколько дорогих теперь часов. Предстояло расчетливо подготовить две почти равнозначные операции, которые должны были завершить изнуряющую многомесячную оперативную работу.

Майор с величайшим вниманием выслушал наши предложения, многократно возвращаясь к интересовавшим его деталям. Потом я сидел, ожидая вызова, в квартире на улице Кармелицкой. Магда поехала на Подгуже к Фреду, который мог оказаться нам нужным. Начальник целый день, что называется, вертелся волчком, дважды забегал ко мне, чтобы согласовать некоторые детали плана последней части нашей игры, потому что я знал врага лучше других — изнутри.

Утром следующего дня все сотрудники, которые должны были принять участие в операции, в полной готовности ожидали сигнала к выезду на место. Каждый оперативный работник получил строго определенное задание. Начальник изложил основные установки операции, затем задачу каждого в отдельности, чтобы все роли были четко усвоены.

Это распределение ролей происходило, как в театре, обошлось лишь без генеральной репетиции, потому что никакой репетиции провести было невозможно, а предстояло играть, не зная партий противника, импровизировать под стволами пистолетов, опасаясь, как бы кто-нибудь не совершил ошибку. Никто из нас не мог рассчитывать на помощь суфлера.

Проникновение в логово врага связано с постоянным риском. Начата игра, ставка в которой высочайшая — жизнь. Казалось бы, труднее всего самому находиться среди готовых на любое злодеяние преступников, но в действительности это выглядит совсем иначе. Пока я находился в банде, мне было значительно спокойнее. Я знал, что если хорошо разыграю свою роль, то не подвергнусь неожидан-

пой опасности. Теперь же тревожные мысли о моих товарищах, которые были сейчас там, среди врагов, одолевали меня. Пик в эти минуты «работал» у Лешека, Стен — у Бобра, а завтра или послезавтра к операции подключатся новые люди. И каждый из них переживал то же, что и я. Успех решался не одним человеком.

— Будешь до конца играть на двух сценах, — благословил меня майор, провожая в путь. Я знал, что иначе и быть не может. Если бы к Лешеку или к Бобру вместо меня заявился кто-то другой, они не стали бы с ним разговаривать. Бывают такие обстоятельства, когда какой-то определенный человек становится незаменим. Видимо, поэтому начальник посчитал, что брать в одну и ту же ночь бандитов двух враждующих шаек было бы предприятием, заранее обреченным на неудачу.

— Действовать надо стремительно, — резюмировал майор свой инструктаж. — Начнем с Лешека. Заведешь его в западню под предлогом выполнения операции «Чайка». Спустя несколько часов, прежде чем в Мысленице станет известно, что случилось минутой ночью под Бокней, заманим в ловушку Бобра вместе со взбунтовавшейся частью банды. Сегодня поедешь сам к Бобру, — решил руководитель операции, — подготовишь встречу через два дня, вечером, якобы для передачи оружия. Завтра установишь связь с нашими людьми, которые будут выступать в качестве разведчиков. Вечером отправитесь на мелину главаря банды. Ночью мы проведем первый акт операции и немедленно перебросим людей туда, где ты назначишь встречу с Бобром. Финал операции должен разыграться около полуночи, в течение следующих суток, и будет серьезным экзаменом всей нашей группы.

Поздний послеобеденный час того же дня. Связной Бобра в назначенный час ожидал на пункте связи в Величке. Мы тронулись в путь. В сумерки я находился на том же, что и в предыдущий раз, месте расположения банды. Бобр не сменил укрытия. «Это хороший знак», — подумал я. Всю шайку я нашел в полном составе: Бобр, Канчик, Порыв и Бег, который все же остался верным взбунтовавшемуся заместителю главаря. Значит, все в порядке. В дороге мне в голову пришла мысль: не разбросал ли по разным мелинам Бобр своих бандитов? Но нет, видно, боялся остаться один. Только что же со Стеном?

— Как дела? — спросил я, здороваясь с бандитами. Меня беспокоило отсутствие поручника Юзека, оставшегося в банде. — Где Стен? У меня для него документы, —

добавил я, чтобы объяснить свою заинтересованность его персоной.

— Он нам ко двору пришелся, — ответил Бобр, послав Бега сменить сидевшего в охранении Стена. — Сам попросился в дозор, — объяснил бандит, — такой компанейский парень... Я сразу уловил, что он спец по диверсиям. Здорово поднатаскал наших ребят, они даже рты раскрывали от удивления.

— Желторотого не стал бы присылать к нам, — с удовлетворением заявил я.

Вскоре прибыл Стен. Держал он себя, как старый забияка, за короткое время сумев завоевать расположение Бобра, его доверие и симпатии всей шайки. Доложил мне несколько официально, хлопнул Бобра по плечу — они уже были друг с другом на «ты» — и, подбросив пистолет ловким движением, высказал свое мнение:

— Это мировые ребята, пан канитан, с ними можно идти коней воровать.

Я достал из вещевого мешка подготовленные для Стена удостоверение личности и служебное удостоверение, выданное окружным управлением государственных железных дорог, а также отпускное свидетельство.

— С этого дня ты будешь Юзеф Доминяк, работаешь на железной дороге, сейчас находишься в отпуске. Выучи наизусть всю свою биографию. Пока наши люди не успели подготовить тебе свидетельство о рождении, получишь его через неделю. А эти бумажки ты немного обтрепи, чтобы не выглядели, как будто их прямо из печатной машины вынули.

Бобр вместе со Стеном внимательно рассматривал документы. Я заметил, что они произвели на бандита нужное мне впечатление.

— Хорошая работа, — подтвердил он одобрительно. — Теперь можешь свободно передвигаться, это понадобится группе, — сказал он Стену.

— Надолго я его здесь не оставлю. Вот только организует вам дело, а потом получит новое задание. Такие, как он, на дороге не валяются. Мы хотим иметь в сети меньше людей, зато хорошо обученных. От этого выиграют все — меньше опасности провала, — развеял я надежды Бобра.

Сели ужинать. Я с аппетитом принялся есть отменную кровяную колбасу из деревенской свинины с кашей. Бутылка житневки, потом еще одна. стакан ходил по кругу. Поручник Юек, он же Стен, хорошо справился с заданием. За то время, пока я отсутствовал, он вместе с Бобром со-

ставил даже список доверенных лиц, сотрудничавших с бандой. Они подготовили закодированный план размещения будущей секции «Д», в котором перечислялось около сорока фамилий членов сети, количество оружия, возможности добывания сведений, оценивалась работоспособность банды, а также ее участие в уже проведенных акциях. Я спрятал важный документ в вещевой мешок. Лед был сломан. Бобр ничего не подозревал, лишь с опасением допытывался о главаре банды. Он страшно боялся мести вожака. Я заверил его в своей лояльности. Остальное пошло как по маслу. Мы договорились о встрече через два дня в двенадцать часов. Бобр предложил, что они будут ждать на мелине в Винярах около Добчице. Я там никогда не был, поэтому попросил подробнее описать мне местность. «Почему Бобр настаивает на Винярах?» — подумал я. Бандит указал пункт, в котором будет ожидать связной: около Купице, в месте, где впадающий ниже в реку Рабу ручей пересекает шоссе.

— Согласен, — принял я его предложение.

— Теперь, раз у меня уже есть документы, могу заменить связного, — вступил в разговор Степ. — Зачем посвящать в эти дела новых людей?

— Ты прав, — согласился бандит. — Я как-то об этом раньше не подумал.

Это было действительно здорово. Наш человек в роли связного банды, да еще в такой репающий момент, мог наилучшим образом за несколько минут установить перед началом операции место расположения шайки. Я готов был стиснуть в объятиях Юзека за эту замечательную инициативу, проявленную им, но внешне вел себя так, будто мне было совершенно безразлично, с кем встречаться на шоссе. Поручник Юзек должен был оставаться с бандитами до конца.

Я возвращался в Величку по полевой дороге, обсаженной с обеих сторон тополями. По мере удаления от пристанища банды все прибавлял я прибавлял шаг. Ветер шумел в верхушках деревьев, шелестел листьями. Солнце все выше поднималось над горизонтом.

«Там, где шоссе пересекает ручей, ниже впадающий в Рабу...»

Я мысленно повторял названия неизвестных мне мест. Нельзя упустить ни одной детали. Сегодня наступит полуфинал акции — засада на Лешека, а завтра Виняры — Купице. Теперь я знал, что там разыгрывается финал всего представления.

Когда солнце перекаатилось в этот день на вторую половину небосклона, я был уже далеко за Бохней. Вышел из автобуса в открытом поле. На остановке не видно было ни одной живой души. Тем лучше. Дальше, в нескольких сотнях метров, лежала деревушка, названия которой уже не помню. Минут пятнадцать ожидал, прохаживаясь по обочине дороги. Наконец из-за поворота шоссе показался покрытый брезентом «пикап», на каких местные кооперативы перевозили овощи. Водитель затормозил и остановил машину в нескольких метрах от меня. Из-под брезента выглянул поручник Зютек, протянул мне руку и помог вскочить в кузов автомобиля. Машина тут же тронулась с места.

— Привет, пан Кароль, — поздоровался со мной, засмеявшись, Зютек. — Представляю тебе двух человек из так называемого разведывательного патруля. Это Молот и Коготь. Мой псевдоним Крот. Сегодня ночью буду подрывником. Уже поднял на воздух несколько мостов. Водитель также надежный агент сети.

— Что ты разболтался, — отозвался один из «диверсантов», — поговорим серьезно.

От мелины главаря банды нас отделяло самое большое двадцать минут езды.

«Пикап» подскакивал на ухабистой дороге. Из-под колес клубами вылетала пыль, проникавшая под брезент и лезшая в глаза. Рокот мотора заглушал наш разговор. Мы делились последними соображениями. В такой обстановке трудно все предвидеть. Разработка плана действий и распределение ролей между участниками операции еще не гарантировали успеха. От логических построений плана до реализации задуманного пролегал трудный путь. Невозможно было предугадать реакцию противника, мы не могли знать, что нас ждет на мелине главаря банды, который наверняка с меньшим напряжением готовился к операции «Чайка». Правда, он рассчитывал совсем не на то, что подготовили мы. Слишком много подробностей было ему известно, и он ни о чем не в силах был догадаться.

Водитель остановил машину. Мы выскочили из кузова около рощи. Этой дорогой меня когда-то вел Щепан.

— Вернешься сюда через два часа, — сказал Зютек водителю. — Изобразишь, что забарахлил мотор. Остальное как договорились.

Автомобиль исчез в облаке пыли за поворотом шоссе.

Мы паискосок перебежали по свежевспаханной стерне и углубились в лесные заросли. Здесь надо было переждать. Солнце клонилось к западу. Недалеко, за взгорком, стоял одинокий сарай — укрытие главаря банды. А вдруг он сменил мелину?

Мы вчетвером уселись под старым буком. Последние лучи солнца золотили чуть пожелтевшие листья. Вверху на деревьях заворковали встревоженные дикие голуби. Разговаривали шепотом. Собственно, говорить было уже не о чем. Наступил момент действовать.

— Ты как договорился с Бобром? — спросил один из паших, у которого был псевдоним Молот.

— Завтра они ожидают на новой мелине, в Випярах, около Добчице, — ответил я.

— Он как огня боится Лешёка, больше, чем нас, — заметил Зютек. — Около Добчице чувствует себя уверенней, поэтому и подался туда.

Пора было продолжать путь. Стемнело. Пробираясь сквозь заросли, мы выбрались на взгорок. С опушки рощи как на ладони был виден одинокий сарай. Мне пришлось там пережить минуты страха в первую встречу с главарем. Итак, вперед. Трогаемся. Пистолеты заряжены. Я поправил торчавший за поясом кольт. Именно этот пистолет однажды спас мне жизнь. Я шел первым. За мной поручик Зютек со спрятанным под брезентовым плащом автоматом и два «диверсанта», вооруженные американскими пистолетами-пулеметами «томпсон». Еще несколько сот метров, два картофельных поля, луг и невспаханная стерня.

Сарай стоял на невысоком бугорке. Подходили молча. С каждым шагом росло напряжение. Как долго можно так жить, на одних нервах? Я посмотрел на шедших за мной товарищей: они шагали уверенно, не сводя глаз с ворот сарая. Еще несколько шагов. Коготь и Молот быстро спрятались за росшим у мелины кустарником. Необходима величайшая осторожность. Показалось, что кто-то зашевелился у сарая и задвигались ветки дикой сирени. Да, это охрана, выставленная главарем. «Сколько людей, интересно, мобилизовал Лешёк?» — промелькнуло у меня в голове. Заскрипели ворота. «Мелины они не сменили», — с облегчением подумал я. Следующие минуты развеют последние сомнения...

Из-за куста дикой сирени показался главарь банды. Теперь я отчетливо видел его.

— Скорее! Что вы ползаете как черепахи? — встретил он

нас шуткой и махнул мне рукой. В сарае ожидали еще четверо вооруженных людей, среди них Пик.

— Привет, Пик! Как тебе хлеб диверсанта у Лешака? — пошутил я, здороваясь с поручником Сташеком. — Это Крот, спец по подрыву мостов, — представил я Зютека.

— Все в порядке, — ответил, смеясь, Пик.

Я осмотрелся. Сарай до самого верха был набит сепом. В вечерних сумерках без труда рассмотрел людей Лешака. Прикинул, какие силы у банды. Минер стоял, опираясь на ручной пулемет; рядом Шимон и Зютек — оба с автоматами; главарь держал под мышкой «бергман». Пик курил, пряча в руке сигарету. Сено было сухое, как порох, достаточно одной искорки, чтобы все запылало. Я подал условный сигнал — короткий и длинный свисток. Притаившиеся за межей двое наших людей вошли в сарай. Атаман беспокойно задвигался. С выжидающим уставился на вошедших.

— Коготь и Молот из секции «Д», — представил я прибывших.

Лешек как будто успокоился, его внимание привлёк «томпсон», и он стал с восхищением разглядывать его. Такого типа оружия ему еще не доводилось видеть.

— Я думал, ты придешь один, а они — завтра, — обратился он ко мне. — На завтра я вызвал четырех хорошо вооруженных людей из сети местных помощников.

Внешне я никак не отреагировал на его сообщение, хотя обрадовался, что вызвал он их не сегодня, и приступил к сути дела.

— Отправь двух человек. Пусть идут к опушке рощи около шоссе, получают там взрывчатку и автоматы. Через полчаса подъедет крытый «пикап». — Я назвал номер машины, чтобы не допустить ошибки. Лишь после того, как главарь выслал Минера и Шимона, я спросил Пика, знает ли он Ворона. Тот ответил утвердительно.

— Это надежный человек, — пояснил я. — Он будет сопровождать машину. Пик, иди с ними, и чтобы все обошлось без недоразумений. Через час вы должны вернуться. Не задерживайтесь. Времени у нас в обрез.

Пик и два члена шайки двинулись к шоссе. Главарь был удивлен такой поспешностью.

— Сейчас все узнаешь, — сказал я. — Пока они не вернулись, обсудим план действий. Шеф-резидент передал новые инструкции. Выставь охрану, чтобы нас здесь никто не застал врасплох.

Из людей главаря банды с нами остался только Зенек. Лешек заколебался. В его глазах появилось беспокойство.

Он смотрел на трех вооруженных людей, которые пришли со мной в бандитское укрытие. К ним он еще не привык. Я сразу спохватился.

— Между прочим, насчет Бобра... Палки в колеса ставит тебе. Сейчас мы дадим задание патрулю, они первыми вступят в операцию, — сказал я, указав на Котя и Молота.

— Мне идти с ним в охранение? — спросил, для видимости колеблясь, Крот, показав на Зенека.

— Да, потом мы вас позовем, — решительно заявил я, поставив Лешака перед свершившимся фактом. Главарь не возражал, теперь уже полностью подчинившись моей воле, и молча вышел из сарая. Внутри него становилось все темнее. Один из наших «диверсантов» задел ногой за лежащую на полу доску и, наверное, потерял бы равновесие, если бы не оперся о перегородку, одновременно очутившись за спиной бандита. Лешак тут же придвинулся к стене.

— Не люблю, чтобы у меня кто-то был за спиной, независимо кто, уж такое у меня правило, — проворчал он, словно оправдываясь.

— К делу, садитесь, папове, — взял я инициативу в свои руки. — Бобр прислал вчера в Краков связного. Яму тебе роет. Поэтому шеф принял решение ускорить проведение операции.

Я попал в точку, потому что главарь сразу вспылал яростью. Были задеты его самые чувствительные струны.

— Чертово семя! — выкрикнул он проклятье.

— Не перебивай, — остановил я бандита. — Мы сначала решили, что перебросим Бобра в другой район, но этот сукин сын не только противится, но и нагло взялся заманить тебя в ловушку. У него намерение принять на себя командование всем районом. На это мы не пойдем. Шеф-президент вынес приговор этому скандалисту. Поэтому сегодня мы должны провести операцию «Чайка», а следующей ночью расправимся с Бобром. У него мелина под Величкой. Нам известно место его пребывания. Они ждут связи. Надо избежать шума. Если станет известно, что ты прикончил Бобра, это повредит нашей дальнейшей деятельности. К мелине пойдут мои люди, сделают свое дело и исчезнут. Никто в округе не знает их в лицо. Пустим слух, что неизвестная группа, взорвавшая мост на Рабе, убила Бобра. А ты будешь снова действовать.

— Я говорил, его надо прибить. Сам мог бы его тогда порешить, — яростно рявкнул главарь.

— Сделаем это втихую, — вступил в разговор Коготь.—

Застапем врасплож Бобра, наденем на него американские наручники, притащим его сюда, в лес, и тогда пан Лешек с ним побеседует.

— Ты обеспечишь охрану, — отдал я распоряжение Лешеку, — своих людей не раскрывай. Набросай расположение мелины, — обратился я к Молоту, а главарю объяснил: — Он уже там был.

Молот зажег фонарик, достал бумагу и карандаш.

— Сукин сын! — кипел от злости ослепленный ненавистью Лешек. — Лахудра, против меня вздумал пойти!

— Видел пан такую игрушку? — показал Коготь бандиту два металлических кольца наручников. — Это для Бобра.

— Как ими пользоваться? — спросил бандит, протянув руку.

— Очень просто... Вот так... — объяснил наш человек и молниеносно защелкнул наручники на руках главаря.

Лешек лишь спустя минуту осознал, что произошло. Сначала не поверил. Рванул руки. Наручники лишь крепче сдавили кисти на сгибах. Бандит посмотрел на меня диким взглядом.

Прежде чем главарь успел подать голос, его сообщник был уже скручен.

Через час мы все вышли на шоссе, где с погашенными фарами нас ожидал «пикап». Я увидел водителя, поднявшего капот и копавшегося в моторе, тем самым оправдывая свою «вынужденную» остановку в открытом поле. Темная ночь. Из зарослей вышел майор, а за ним остальные люди из нашей группы. С ними были и два бандита, отправившиеся за взрывчаткой. Их обезоружили у автомашины.

Поручник Зютек доложил руководителю операции о выполнении задания. Два человека из «патруля» привели к «пикапу» связанного главаря банды и его помощника.

Ночь покрыла тайной предпоследний акт представления. Оставался еще один, завершающий. Эпилог. Операция, получившая в наших строго секретных документах название «Паутина», прервала цепь преступлений банды. В жизни бывает все совсем иначе, чем в ковбойском фильме или в рожлепной буйной фантазией сенсационной повести. Может быть, поэтому последние аккорды были взяты не так уверенно и оказались не такими эффектными, как вся длившаяся томительные месяцы эмоциональная игра. Лешеку нечего было терять. Ни в одной стране и ни при каком строе он не смог бы вести нормальный образ жизни. «Для меня убить человека — все равно что плюнуть. Не

убьешь ты, прикончат тебя» — это был главный девиз кровавого главаря банды.

Виняры. Двадцать часов десять минут. Бобр ожидал где-то поблизости. Осенние сумерки. Мощеная дорога в предгорье. Ручей, впадающий в Рабу. Это здесь. Я подошел к месту встречи. Как всегда, испытываю внутреннее волнение. Борьба с нервным напряжением. Неподалеку виднеется какая-то усадьба. Только бы со двора никто не вышел. В вечерней тишине слышен только шум бегущей воды в ручье. Подождал еще минуту. Из зарослей раздался знакомый свист, сначала короткий, затем длинный. Это Юзек. Я вздохнул облегченно. Один он или нет? Да, еще кто-то с ним. Короткое рукопожатие. И тут же двое наших перебежали через шоссе.

— Кто это? — спросил второй, что был с Юзек.

— Наши... — ответил я, но не успел договорить. Юзек схватил его за пояс, и через секунду тот был недвижим.

Обрывисто перебрасываемся словами. Да, они на мелине, двести метров выше. Нет, ничего не видели. Сколько их? Осталось еще трое. Двое в охране около дома и Бобр с хозяином в избе. Нет, они ничего не подозревают.

— Веди, Юзек!

Один из наших остался со связанным бандитом. Кольцо смыкалось. Майор подтянул поближе людей из группы резерва. Мы втроем направились к дому. Юзек знал здесь каждый кустик. Он позвал скрывавшихся за изгородью двух членов банды.

— Иди с ним, — сказал он одному из них, показав на поручника Войтека. — Только мигом. Наш парень остался у шоссе, вы принесете оружие. Быстро, чтобы никто не заметил.

Мы вошли в избу вдвоем. Юзек остался во дворе с одним бандитом, а второй, как и приказал ему Юзек, пошел с Войтеком.

— Представляю пану моего шефа, — обратился я к Бобру. — Он хотел бы с папом лично побеседовать.

— А где остальные? — спросил предводитель шайки.

— В охране, — ответил я почти не своим голосом.

— Весь район действий переходит под ваше командование, — заговорил «шеф». — Лешка мы перебрасываем в другой район, а там, может быть, и за кордон.

Бобр удовлетворенно вздохнул, но тут же напрягся. Возможно, по выражению наших лиц понял, зачем мы пришли. Выбора не оставалось. Мы стояли в одном шаге от бандита. Минута борьбы. Бобр сопротивлялся отчаянно, но

вынужден был уступить. Почти одновременно были скручены и другие бандиты.

Цветная ракета прочертила светлый след в темно-синем небе. Затем еще одна, и еще. Руководитель операции подал условный сигнал для групп, находившихся на местности. Этой же ночью была ликвидирована раскрытая ранее сеть помощников банды.

Светало, когда мы двинулись к Кракову. Дым из труб спускался к земле и расстилался низко над ней.

— К дождю, — глядя на дым, высказал предположение кто-то из сидевших в машине.

«Наконец-то покой», — подумал я, только сейчас почувствовав страшную усталость.

Где-то впереди — граница. Тщетно пытался я что-либо рассмотреть в окутывавшей нас непроглядной тьме. Если бы не проводник, я совершенно потерял бы ориентировку. Ни к чему оказались бы выученные на память характерные приметы на маршруте переброски и топографическая схема местности. Царила черная ночь, низко стлался густой туман. Мы продвигались вперед без единого звука.

— Еще сотня-другая метров — и мы должны подойти к «стене», — прошептал проводник.

Мы остановились на минуту и, притаившись в зарослях, вновь облили подошвы ботинок керосином, чтобы собака не могла взять след. И снова несколько прыжков к следующим кустам.

Перед нами — открытое поле и слабо белеющая заплата снега. На этом светлом фоне я заметил нечто похожее на человеческую фигуру. Мне показалось, что человек стоял в нескольких десятках метров впереди нас. Схватив проводника за плечи, я молча показал ему на едва приметный силуэт. «Здесь можно встретиться только с пограничной охраной», — подумал я. Мы прижались к мерзлой земле, от которой веяло холодом. Тот стоял не двигаясь, и я отчетливо видел торчащий за его спиной ствол винтовки. Проводник подполз к нему поближе с другой стороны, потом вернулся.

— У страха глаза велики, — шепнул он мне на ухо и двинулся дальше. Оказалось, что это был ствол засохшего, трухлявого дерева.

Дальше мы продвигались на коленях, теперь еще медленнее, еще осторожнее, то и дело припадая к земле и чутко прислушиваясь. Более полутора часов заняло у нас преодоление отрезка пути длиною в несколько сот метров. И вот последняя остановка. Отыскиваем небольшую выемку в земле, накачиваем резиновый плотик, обмениваемся последними фразами. Внизу круто извивается русло реки.

Граница. Я приготовился к решающему броску. Минуты выжидания. Я напряженно вслушиваюсь. Слышится лишь тихий шум лениво текущей воды. Проводник подал знак. Схватив плот, я в несколько прыжков преодолел пространство, отделявшее меня от реки. Сначала я спустил плотик с высокого берега, потом соскользнул сам. И вот течение несет меня вниз, я с большим трудом пытаюсь коротким, как лопатка, веслом выдерживать нужное направление импровизированной лодки. Скорее, скорее на ту сторону! Метрах в двадцати ниже по течению меня прибило к противоположному берегу. Я быстро ухватился за ветки ивы и выполз на сушу. С минуту лежал, слившись с землей, желая чуть ли не врасти в нее. Плот запрыгал на воде и медленно поплыл обратно. Это проводник потянул его к себе за шнур. Мой помощник убирал следы нашего пребывания. Я знал, что должен как можно быстрее, выражаясь шпионским языком, «оторваться от стены» и идти в направлении, перпендикулярном реке, являющейся границей. Подождал еще минуту. Где-то в темноте послышался шорох. Может, кто-то приближается ко мне? Прислушался, напряженно выжидая. Даже собственное дыхание мешало мне, и я придержал его, продолжая вслушиваться, вжавшись в землю. Все отчетливее раздавался шелест раздвигаемых веток ивы. Тревожные мгновения. Но тут я об-

легчею вздохнул: из зарослей выскочило какое-то существо. Не знаю, был ли то заяц или одичавший кот.

Я находился на противоположном берегу Нысы, на немецкой земле. Теперь мог рассчитывать только на себя. Дорога вела на запад. В эту же ночь мне предстояло добраться до первого пункта связи, отстоящего от границы на полтора десятка километров. Маршрут переброски был выучен наизусть, и последнюю неделю я каждый день неоднократно повторял каждую его деталь. Впереди лежал совершенно открытый луг с километр шириной, за ним шоссе, справа стояло десятка два домов. Во дворах лаяли собаки. Надо обойти это селение слева, пересечь шоссе и полями выбраться на холм, пройти там линию электропередачи высокого напряжения и, двигаясь вдоль мачт, обычным походным шагом достичь нескольких строений. Над дверью одного из них прибита цифра семнадцать. На стук из дома должен выйти крестьянин, которому следует сказать пароль.

Я проклинал туман. Враг он мне или союзник — было еще неизвестно. А сейчас — вперед! Я стал быстро удаляться от реки, делая первые шаги по незнакомой местности. Только бы до рассвета оказаться в надежном укрытии. Я шел к невидимому шоссе вслепую. Неожиданно нога зацепилась за какую-то проволоку, и я растянулся на земле. «Возможно, это сигнализация немецкой пограничной службы», — с ужасом подумал я и быстро вскочил, стараясь поскорее удалиться от этого опасного места. Пробежав не более двадцати метров, снова упал как подкошенный. Опять палетел на натянутую между столбиков проволоку, под прямым углом уходившую отсюда в другом направлении. Двигаясь вдоль проводов, я старался разгадать их назначение. Так дошел до того места, где наткнулся на первое препятствие. Ограждение имело форму квадрата. Это был загон для откорма скота. «У страха глаза велики» — вспомнил я слова проводника.

Луг незаметно поднимался вверх. Я упорно высматривал, не покажется ли шоссе. Наконец-то! В отдалении слышался рокот мотора, но лишь через несколько минут стал виден расплывчатый свет фар, двигавшихся в тумане белыми пятнами. Машина медленно проехала и исчезла справа за окруженным деревьями зданием.

Километрах в десяти на север лежал Гёрлиц, откуда шоссе вело на юг к Острицу, а где-то поблизости должна была находиться мельница Лобан. Я восстанавливал в памяти топографическую карту окрестных мест. Описав ши-

рокую дугу, пересек шоссе и двинулся дальше вверх. Наконец, взобравшись на холм, вышел прямо на разветвленную мачту линии электропередачи. Я почувствовал себя счастливым. Туман немного поредел, но все вокруг еще было погружено во мрак глубокой ноябрьской ночи. Теперь надо взять влево, но как раздвинуть взглядом эту темень и добраться до следующей мачты? Я шел, напряженно всматриваясь несколько раз спотыкался и падал. Линия вела прямо через поля. Я брел вслепую от мачты к мачте, вначале не видя даже высоко подвешенных проводов.

Легкий ветерок стал разгонять туман. Приближался рассвет. Мне уже давно следовало быть на мелине, то есть в укрытии, в назначенном месте. Инструкция гласила, что от высоковольтной линии я в течение часа должен добраться до пункта связи. Впереди мощевая дорога, немного ниже — неизвестное промышленное предприятие. То и дело сверкали фонарики проезжающих велосипедистов. Меня охватило беспокойство. Кажется, я потерял направление. Что делать? Подойдя к обочине шоссе, прочитал дорожный указатель. Теперь уже сомнений не было: я ошибся. В темноте двинулся в обратном направлении.

С немецким языком у меня было далеко не все в порядке. На каждом шагу мне грозило разоблачение. Передвигаться днем было опасно. Я нашел укрытие в стоявшем неподалеку стоге соломы и зарылся в нем, чтобы до сумерек никто меня не обнаружил. Только теперь я почувствовал мучительную боль в локтях и коленях, которые при падении ушиб о твердую кочковатую землю. Рассветало. Запымался серый осенний день. Издалека долетал бой часов на колокольне, медленно отмеряя каждые четверть часа. Страшно измученный, я погрузился в тяжелый сон. Сколько спал, не знаю. Разбудил меня пронзительный вой фабричного гудка. Сначала не мог даже пошевелиться — так очоленел. Ноябрьский холод пронизывал до костей. Однако приходилось оставаться неподвижным. Метрах в десяти — пятнадцати от моего укрытия проходила полевая дорога. Слышны были голоса детей, видимо возвращавшихся из школы домой. Взглянул на часы. Миповал полдень. Еще несколько часов до наступления вечера. Надо переждать. Становилось все холоднее. К тому же напоминал о себе голод. У меня с собой была только булка с колбасой и четвертинка вишневки, которую я захватил для немца-хозяина моей первой явки. Я откупорил бутылку, отпил немного водки, полагая, что этого хватит, чтобы согреться. Но куда там! Я не вытерпел, и уже через час бутылка была пуста.

Время тянулось медленно. Я как спасения ожидал темноты, а куранты все так же лениво отбивали каждые пятнадцать минут, казавшиеся часами. Я думал о завтрашнем и последующих днях, о неизвестном будущем, о том, что ожидает меня в Берлине, и о том, как примут меня те, из центра в Мюнхене. Все, что мне предстояло, трудно было предугадать. Я шел в неведомое. Мог ли я еще месяц назад даже в самых смелых предположениях представить, куда забросит меня судьба? Что мне придется тайком перебираться через границу на Запад? День уходил. Терзал нестерпимый голод, и хотелось хотя бы глотком воды смочить пересохший рот и спекшиеся губы. Терпение, только терпение. Еще два часа — и я двинусь дальше в путь под покровом ночи. Церковные часы пробили четыре. Теперь уже никак нельзя заснуть. В нескольких десятках метров, на холме, пересекала поля отчетливо видимая сейчас высоковольтная линия.

Минул почти год, как я внедрился в агентурную сеть. На маленькой станции в Венгже-Вельке я установил первый контакт со связным. По легенде я был «разоблаченным», не имевшим никаких документов и укрывающимся более двух лет. Возможность установления контакта с «теми» я воспринял как спасение. Лишь бы пережить все это и не попасть в руки госбезопасности. Мне грозило пожизненное заключение.

Связной приехал в назначенный час поездом из Кракова. Я встречал его на перроне. После того как я узнал его по условному знаку, мы перебрались через железнодорожные пути и пошли проселочной дорогой, скрывшись от посторонних глаз среди уже созревших хлебов. Так началась игра, ставкой в которой могла быть жизнь.

Спустя две недели тот же связной привез мне «липу», отлично сработанную. С этого дня мне надлежало забыть свое собственное имя и фамилию. Теперь я был Рышард Черник.

— Можете свободно передвигаться, — заверил меня связной и сообщил первое задание. Я должен был осесть в Новой Гуте, устроиться на работу в строительное объединение комбината.

— Как только вы там освоитесь, я привезу новые задания, — уведомил меня связной прощаясь.

Через две недели я в резиновых сапогах и фуфайке шагнул по изрытому экскаватором полю от Могилы к Плешуву. Раз уж «те» обеспечили мне легализацию, то, вне всякого сомнения, они больше не позволят сидеть сложа руки. Теперь я был им подвластен. И, если бы задумал уклониться от сотрудничества, они, безусловно, стали бы меня шантажировать. В шпионском ремесле дозволен любой прием.

Связной каждый месяц приезжал на конспиративную квартиру, привозил очередное задание и забирал шпионскую информацию. Я стал агентом иностранной разведки. На кого работал, пока еще не было ясно. Сеть была надежно законспирирована, назойливых вопросов задавать не следовало. Передо мной словно выросла стена, через которую пельзя было проникнуть. Я знал только связного. Кто стоял за ним? Ответ на этот вопрос я нашел лишь спустя год.

— Через три дня в семнадцать часов вам надо быть в Варшаве у кафе «Дануся». В руке будете держать вот этот еженедельник, — сообщил мне связной на очередной встрече, вручив не помню уж какую газету с бросавшейся в глаза первой страницей. Угол ее был оторван.

— Это опознавательный признак, — объяснил мой собеседник. — К вам подойдет наш человек, у него будет оторванная часть страницы. Это не так просто подделать. Если она подойдет, вы назовете пароль.

Что явилось поводом для вызова меня на встречу с человеком, как я полагал, высоко стоящим на иерархической лестнице глубоко законспирированной шпионской сети, оставалось только гадать. Связной был нем как рыба.

— Мне приказано передать вам только это, — лаконично сказал он.

Задавать вопросы не имело смысла. Через три дня я выехал в Варшаву.

Без особого труда нашел маленькое кафе «Дануся». Теперь на этом месте возвышается внушительное многоэтажное здание. Как и требовала конспирация, значительно раньше осмотрел место встречи. Время тянулось медленно, я бесцельно крутился на месте, то и дело с нетерпением бросая взгляд на стрелки часов. Еще целых два часа томительного ожидания! Но вот час, потом лишь минуты отделяли меня от того момента, когда я смогу удовлетворить любопытство. Кажется, подсознательно я чувствовал, что встреча с человеком, которого прежде ни разу не видел в лицо, каким-то образом повлияет на мою дальнейшую судьбу. Одно поведение связного позволяло так думать: ведь он даже не договорился со мной о следующем свидании. Возможно.

теперь предстояло поддерживать связь с этим таинственным незнакомцем из руководства сети. «Вот это было бы в высшей степени посвящение в тайну», — с удовлетворением подумал я, предвкушая удачу.

Точно в семнадцать часов я остановился перед одноэтажным зданием, в котором размещалось кафе «Дануся».

По Маршалковской двигались сотни людей, возвращавшихся с работы. День клонился к вечеру. Вспыхнули огни уличных фонарей. Я достал из кармана еженедельник с характерно оторванным углом. Осмотрелся, ища глазами незнакомому мне человека. Я ждал минуту, две... Неожиданно от толпы отделился мужчина, решительным шагом направился ко мне, будто увидел знакомого, и свободно заговорил:

— Откуда я вас знаю?

Я повернулся к нему и, получив опознавательный признак — оторванный угол, точно подходивший к моей газете, — произнес вторую часть пароля:

— По пансионату «Альбион» в Закопане.

— В самом деле, мы же играли там в бридж, — согласился он, улыбувшись.

Обменявшись рукопожатием, мы растворились в толпе.

На улице Хожей мой «знакомый по пансионату» остановил проезжавшее мимо такси, и мы отправились за город. Жолибож, Беяны, Млоцины остались позади. За это время мы перебросились несколькими обычными ни к чему не обязывающими фразами. Наконец вышли из такси около группы небольших домиков. Лишь позже я догадался, что это Буракув. Здесь на конспиративной квартире состоялся решающий разговор. Вначале мне трудно было сообразить, к чему клонит мой собеседник. Он задавал мне самые различные вопросы, стараясь полнее узнать о моем участии в борьбе с коммунизмом, подробно интересовался моим прошлым: почему я скрывался, как установил контакт со связным. В общем, интерес ко мне был повышенный. Вновь пришлось повторить выученные наизусть мельчайшие подробности биографии. «Неужели меня в чем-то подозревают?» — с опасением думал я, отвечая на вопросы. Но нет. У меня камень с души свалился, когда я понял, о чем идет речь.

— Третья мировая война не за горами, Америка нанесет удар по Советскому Союзу, и нам предстоит активные действия, — заговорил мой новый шеф Йот, как он мне представился. — У нас постоянная связь с центром на Западе. Мы решили послать вас курьером, перебросив через грани-

цу по нашему каналу в Западную Германию. Туда вы возьмете с собой материалы, которые получите непосредственно перед отправкой, а нам доставите оттуда инструкции и, разумеется, деньги для продолжения нашей деятельности.

— Почему меня? — Предложение было неожиданным. Ожидал всего, но только не этого. Чтобы мне выпала такая важная роль, да в такой опасной игре! — Я всего-навсего рядовой член подпольной сети, — попытался я объяснить, — не ориентируюсь во многих делах. В Германии мне будут задавать десятки вопросов, на которые я не в состоянии ответить.

— Именно поэтому вас, — решительно заявил Йот. — Это задание означает наше доверие к вам. Ваш путь небезопасен, вас могут взять на границе или в восточной зоне Германии. В любом случае нас вы не провалите, потому что знаете мало. Квартира, в которой мы разговариваем, будет пустовать до тех пор, пока мы не получим сигнал, что курьер благополучно прибыл в Берлин. Все, что вам нужно будет взять с собой, получите в микрофильмах, а остальное вам скажут на Западе.

— Вы, конечно, понимаете, что трудно вот так сразу, в течение нескольких минут, принять решение, — сказал я, внимательно наблюдая за Йотом, и попросил дать мне время все обдумать. Не говорить же ему, что действую не в одиночку...

На следующий день вечером я согласился выполнить задание. Переход через границу был намечен через десять дней. Таким образом, я переступил порог, за которым меня ожидало посвящение в самые сокровенные тайны. Ежедневно, как только темнело, мы встречались с Йотом в небольшой комнатке в Буракуве. Он приходил незаметно и около полуночи исчезал. Не знаю, была ли у него поблизости другая конспиративная квартира или он садился в ожидавший его автомобиль и возвращался в Варшаву. Трудились мы без устали. Я учил наизусть, как молитву, инструкцию, касающуюся выполнения предстоящего задания. Пароли, связи, пункты маршрута переброски — каждая деталь должна была остаться в памяти.

— Никаких записей, — предостерег меня Йот. Каждый вечер перед уходом он сжигал выученную часть шпионских наставлений и старательно растирал в пепельнице сгоревшие листки бумаги.

Накануне выезда Йот пришел раньше обычного и проси-

дел со мной до утра. Подготовка подходила к концу. Ночь прошла в оживленной беседе.

Экзамен завершился благополучно. Еще несколько последних указаний — и в путь.

— Теперь вас ожидает серьезное испытание там, на границе. Успех зависит от сообразительности и способности быстро ориентироваться в определенной ситуации. Если вы попадетесь, то должны утверждать, что убежали отсюда сами. Если вы признаетесь в связи с нами, это обойдется вам многими годами тюрьмы.

Ранним утром я покинул квартиру в Буракуве и через несколько часов выехал из Варшавы поездом до Любани. Но еще раньше успел встретиться с тем, кто с утра ожидал меня в квартире на улице Вильчей. Там на прощание я услышал слова: «Мужайся. Контролируй каждый свой шаг».

Поздно вечером я вышел из здания вокзала в Любани. Покинув вагон, равнодушно прошел мимо двух милиционеров, ходивших около здания, и вскоре затерялся в пустынных улочках уснувшего городка. Минут через пятнадцать я разыскал дом, где после обмена паролем мне предоставили убежище до прибытия проводника. Это был первый пункт маршрута переброски по нелегальному каналу. После полудня на старом «пикапе» меня доставили к приграничной полосе. Затем под покровом темноты пешком я добрался до самой границы, которую и перешел ночью, оказавшись на немецкой стороне. Кажется, все просто и легко, но это совсем не так.

Сторонний наблюдатель, проследив за моими действиями, мог бы попросту предположить, что я — преступник, скрывающийся от правосудия, уготовившего мне пожизненное заключение. По приказу еще не совсем знакомых мне хозяев я пересек нелегально границу, вырвавшись, как говорят на Западе, из-за «железного занавеса». Если бы все так и происходило на самом деле, то это была бы грязная и банальная история.

В действительности же все обстояло иначе. Однако об этом знал лишь узкий круг людей — сотрудников польской контрразведки. Рышард Черник был вымышленной фигурой, как и вся его легенда. Я — офицер службы госбезопасности, умело внедренный в нелегально действующую в Польше подпольную сеть с заданием как можно глубже проникнуть в тыл врага для последующего разоблачения его антипольской деятельности. Порученная мне моими по-выми «хозяевами» роль курьера, или эmissара, предоставляла для этого значительные возможности.

Встреча со связным на маленькой станции в Вейгжце-Вельке была первым шагом в длительной тайной операции. Так началась двойная игра. Трудно было предугадать, какие опасности подстерегали меня в этой игре. Я влез в шкуру скрывающегося преступника и должен был им оставаться неизвестно сколько времени.

До сих пор помню слова начальника отдела, обсуждавшего со мной детали нелегкого оперативного задания:

— Ты научился играть роль бандита, из предыдущих операций вынес богатый опыт, как вести себя в стане врага и проникать в его тыл, познал язык конспирации и законы, правящие в подполье. Такое искусство нельзя постичь в несколько дней или изучить теоретически. Это нужно пережить самому.

Я чувствовал себя польщенным, ведь это была своего рода похвала. Несомненно, мой начальник был прав. Я охотно принял предложенную роль. Если бы мне приказали внедриться в шайку карманных воров, я не согласился бы выполнить такое задание. Я не знал их обычаев, привычек, повадок, так что они сразу бы распознали во мне чужака. Но в подполье я пробыл уже несколько лет, действовал на нелегальном уровне в собственной стране и по указанию руководства выполнял специальные оперативные задания. Наиболее важным из них была поимка банды «Бывалые воляки». Я прибыл в банду в качестве переброшенного из Западной Германии офицера связи диверсионного центра, где находился несколько месяцев под псевдонимом Генрик в чине поручника и за это время сумел завоевать доверие ее руководства. И однажды настал счастливый час — банда попала в подготовленную нашей группой западню. Затем последовала вторая подобная операция против зверствовавшей в краковском крае банды Лешека, где я выступал как переброшенный агент иностранной разведки под псевдонимом Кароль.

Сколько раз мне еще придется влезать в чужую шкуру? Я назывался Марианом Сковроньским, когда у «Бывалых воляк» играл роль таинственного Геврика, Марианом Зайонцем — когда проник в банду Лешека в качестве капитана Кароля. Теперь я — Рышард Черник, в игре, конец которой терялся в неизвестности.

Если бы дело было лишь в смене фамилий и личных документов! Но ведь с каждой новой ролью выявлялась необходимость в разработке до мельчайших подробностей легенды, под которой следовало выступать, может быть,

очень долго, отказавшись от дома и семьи. На невидимом фронте каждая ошибка грозит смертью.

— Ты должен забыть собственное имя, — говорил мой начальник, убирая в сейф заклеенные в конверте мои личные документы. Мог ли кто-либо навязать мне задания, выполнявшиеся мною? Я уже знал цену лишений и цену страха — неизменных спутников подобного рода деятельности, как познали ее безымянные бойцы тайного фронта — мои коллеги, работавшие в тени и не раз умиравшие в тени.

Возможно, уже завтра мне снова прикажут сменить фамилию. Километрах в пятнадцати — двадцати, на тайной квартире немецкого крестьянина, удостоверение личности Рышарда Черника будет заменено немецким аусвайсом, который будет моим личным документом в дороге до Берлина. Так гласила инструкция по переброске курьера, полученная от Йота. Какое имя будет у меня завтра? Впрочем, не все ли равно: Ганс, Курт или Иоганн. Главное — избежать еще неизвестных мне опасностей, не дать себя разоблачить. Чувствовал я себя ужасно одиноким, но отступить было некуда.

Стемнело. Ночь выдалась более светлой, чем вчера. Пора идти. Я покинул укрытие. «Еще час, может быть, два, и меня напоят горячим чаем», — думал я, убыстряя шаги.

За полночь я добрался до цели моего путешествия. По крайней мере, так мне показалось. Недалеко от высоковольтной линии я заметил какие-то строения. По описанию, в одном из домов должен находиться первый пункт связи по маршруту капала переброски. Спрятавшись под откосом, я стал осматриваться. Наверное, это здесь.

Какое-то странное волнение не позволяло мне еще несколько минут сдвинуться с места и рассмотреть табличку с номером на дверях. Я вглядывался в черневшие на фоне светлой стены окна первого и второго этажей. Вокруг царил тишина, нигде ни огонька, хозяева смотрят уже десятые сны. Нужно подойти и осторожно все проверить, чтобы не нарваться на неприятности. Если бы это случилось, то тогда я бы вышел из игры. Рышард Черник оказался бы разоблаченным для тех, кто послал его на Запад.

Бесшумно, словно кошка, я проскользнул к двери. Номер дома был тот самый — семнадцать. Слева окно кухни, справа — спальни. Я тихонько постучал в окно. Тишина. Постучал еще раз, немного сильнее. В комнате зажгли ночник, затем он погас, кто-то открыл форточку, и низкий мужской голос спросил по-немецки:

— Что вам нужно?

— Вам привет от господина Пауля, — ответил я тоже по-немецки слегка приглушенным голосом, ожидая, когда тот произнесет следующую часть пароля. В темноте нельзя было даже разглядеть его лица.

— Когда его жена посетит нас? — ответил немец.

«Все правильно», — с огромным облегчением подумал я и быстро произнес последние слова пароля для проверки:

— Она приедет через четырнадцать дней.

Хозяин закрыл форточку и, не зажигая огня, через минуту открыл входную дверь.

— Пожалуйста, — пригласил он.

Я вошел, а он, закрыв дверь, включил карманный фонарик и повел меня дальше.

— Пожалуйста, здесь, — говорил он, указывая узким лучом фонаря на лестницу.

Я понял, что он не хочет, чтобы кто-то спаружи заметил в такую позднюю пору подозрительное движение в его доме.

В темноте не удавалось рассмотреть моего нового покровителя. В окно проникал слабый свет месяца, появившегося из-за туч. Крестьянин показал мне место в маленькой мансарде. Вскоре выяснилось столь желанный чай и тарелка дымящейся яичницы, вкуснее которой я, кажется, ничего в жизни не ел.

Проспал я долго, но спал бы, наверное, еще, если бы меня не разбудил хозяин. Мои познания в немецком оказались скудными, я с трудом понимал, что мне говорил немец. Ему пришлось повторить свои слова несколько раз, прежде чем я сообразил, что остаюсь у него в доме до завтрашнего вечера. Он отправил телеграмму, из ее текста человек, которого хозяин назвал Беноном, должен понять, что я нахожусь здесь, и выслать связную. Немец предупредил, чтобы я соблюдал все меры предосторожности, не показывался в окне и не спускался на первый этаж.

— Никто не должен видеть вас здесь. Каждый чужой у границы сразу обращает на себя внимание, — объяснил он.

То засыпая, то размышляя, просидел я в маленькой каморке до вечера. Когда стемнело, появилась связная. Я догадался, что она впервые видела моего хозяина. По крайней мере, так можно было судить по ее поведению. Наверняка и она пришла сюда, назвав условный пароль.

— Меня зовут Труда, — представилась она уверенно, — моя фамилия вас не должна интересовать. Я провожу вас к господину Бенону.

Крестьянин ушел, оставив нас наедине. Девушка внимательно рассматривала меня большими карими глазами. Это

была красивая, высокая брюнетка, и, как нетрудно было догадаться, она принадлежала к тому типу женщин, которые знают цену своей красоте и прекрасно умеют пользоваться ею.

Я ждал, что скажет эта красотка. Труда достала из сумочки пачку сигарет «Кэмел» и, угощая меня, спросила:

— Вы когда перешли границу?

— Позавчера ночью.

— Тогда почему вы прибыли сюда с опозданием на двадцать четыре часа? — продолжала она. Затем повторила свой вопрос, догадавшись, что я не слишком хорошо ее понял. Говорила она куда отчетливее, чем мой бауэр на своем крестьянском диалекте.

Я старался как можно короче объяснить связаной, что приключилось со мной той ночью. Это получалось у меня не очень убедительно, пока я не нарисовал по памяти схему местности. Лишь после этого она поняла, в чем дело, и стала допытываться, где я укрывался в течение дня. Она обозначила указанное мною место на схеме и, аккуратно сложив, спрятала схему в сумочку.

С какой стати я должен все объяснять, оправдываться перед ней? Подумав так, я, кажется, непроизвольно сделал какой-то жест, и, заметив его, она тут же сказала:

— Господи! Бенон поручил мне подробно выяснить, где вы паходились целые сутки после перехода границы.

Только теперь до меня дошло, о чем шла речь. Меня попросту проверяли, не попал ли я в руки восточногерманских властей, которые могли меня выпустить лишь в том случае, если бы я дал согласие с ними сотрудничать. Я рассказал до мельчайших подробностей, что делал той ночью. Не забыл даже упомянуть о бутылке из-под вишневки, которую оставил в стоге соломы. Труда слушала очень внимательно, несколько раз прерывая меня вопросами. «Видимо, будут проверять, — подумал я, — пайдут следы, которые я оставил на своем пути. Не хватало только сразу попасть под подозрение». Брошенная бутылка в подробно описанном мною месте все же служила доказательством, что говорю правду. Я старался произвести на девушку самое лучшее впечатление.

— Я привезла для вас документы, — сменила наконец тему разговора связаная и протянула мне немецкий аусвайс.

Я прочитал несколько раз все, что в нем было написано, повторяя вполголоса свои новые данные. Итак, с этого момента я — немец, родившийся в Лейпциге.

— Разрешите представиться. Меня зовут Эрих Генрих

Шранке, — шутливым тоном произнес я, приложив все усилия, чтобы это прозвучало на сносом немецком языке, и зачитал свои анкетные данные.

Девушка попросила вернуть польские документы. Когда я вручил ей удостоверение личности Рышарда Черника, она, смеясь, сказала:

— Ну и говорите вы по-немецки! Как испанская королева!

Оказалось, что господин Бенон, с которым мне предстояло завтра познакомиться в Берлине, и это предвидел. Он снабдил связную чисто сделанной фиктивной справкой, подтверждавшей, что Эрих Генрих Шранке болен раком горла и направляется в онкологическую больницу в Восточном Берлине.

В этот же вечер в сопровождении красивой девушки, которая превосходно играла роль моей кузины, я сел на ближайшей станции в поезд, следовавший на Берлин. Трудно заботливо ухаживала за больным кузенком. Она старательно укутала мне шею, предварительно намазав ее какой-то голубовато-фиолетовой жидкостью, и не отходила от меня ни на шаг. На железной дороге по пути в Берлин патрули народной милиции довольно часто проводили проверку документов. Достаточно было во время одной такой проверки произнести мне всего несколько слов, как тут же любому стало бы ясно, какой я немец.

Нам пришлось предъявлять свои удостоверения два раза. Трудно подавала документы первой, затем я. «Угнетенный болезнью», я показывал милиционерам свой аусвайс и на их стереотипные вопросы необычайно хриплым голосом отвечал несколькими заученными словами. Девушка тотчас же вступала в разговор и показывала медицинскую справку о моей болезни, а также направление на исследование в берлинскую больницу. Милиционеры сочувственно кивали и проходили дальше по вагону.

2

Наконец Берлин. Остбанхоф — Восточный вокзал. Поезд прибыл на перрон. Смешавшись с толпой пассажиров, мы вышли из переполненного вагона. Я с интересом огляделся, первый раз в жизни оказавшись в Берлине.

— Еще одна пересадка, и мы будем в безопасности, — шепнула связная, когда мы вошли в туннель. — В американском секторе нам уже ничто не грозит.

«Нам уже ничто не грозит», — мысленно повторил я ее слова. — Тебе-то точно не грозит, а вот у меня совсем дру-

гое положение». Я отдавал себе отчет, что, когда я окажусь на той стороне, вступлю в настоящую игру, мне придется контролировать каждый жест, следить за каждым словом, чтобы не выдать себя.

Труда, оглядевшись, взяла меня под руку, и мы спустились на освещенный перрон подземки. В это время из туннеля, скрипя тормозами, появился электропоезд.

Девушка заспешила: кажется, она заметила среди ожидавших поезда пассажиров кого-то из знакомых. Похоже, он намеревался подойти к нам. Состав остановился. Труда потащила меня дальше, стараясь избежать, видимо, нежелательной встречи с этим человеком. Мы вошли в один из последних вагонов. Все сиденья были заняты. Мы встали посередине вагона. Немка внимательно осматривала пассажиров, вошедших вместе с нами на этой остановке. Кто-то из них обратился ко мне с вопросом. Труда, опередив меня, ответила:

— Вам нужно ехать до конечной станции.

Поезд мчался по туннелю, останавливаясь на ярко освещенных подземных станциях. Я не ожидал, что мы так быстро пересечем границу секторов.

— Потсдамская площадь, — сказала мне девушка.

Мы находились уже в Западном секторе Берлина. Связная словно сбросила с себя напряженность и почти не скрывала от меня внутреннего удовлетворения. Но разговаривали мы все же вполголоса. Труда была осторожна, старалась не обращать на себя внимания. Метро в городе оставалось под управлением властей Восточного Берлина. Поэтому надо было соблюдать осторожность, предупредила она меня.

Еще одна пересадка, кажется, это был Гляйздрайэк. Немка обратила мое внимание на одного брюнета в поношенном коричневом плаще и надвинутой на лоб шляпе. Да, он сел на той же остановке, что и мы, и все время приглядывался к нам. Возможно, ему понравилась девушка. После пересадки он снова сел в наш вагон. Мы заняли места у окна, а он остался стоять. Неужели он следил за нами? «Может, это кто-то из наших, — предположил я, но тут же отбросил подобную мысль: зачем им идти за нами? — Скорее, это человек из сети Бенона». Опасения оказались напрасными. Брюнет вышел раньше нас на одной из станций в районе Шёнеберга.

Иннсбрукерплатц в американском секторе Берлина. Нетрудно было заметить перемену в поведении Труды. Лишь здесь она почувствовала себя полностью свободной. Когда

мы уселись за столик в маленьком кафе на Хауптштрассе, она заказала кофе и коньяк.

— Ваше здоровье, — подняла рюмку, улыбаясь. Теперь она ничего не опасалась. Я выпил копыак до дна.

— Ты, конечно, понимаешь, кузен, что провалиться можно только раз, — заговорила, словно объясняя, Труда и привела слова еще незнакомого мне Бенона: — «Если попадешься, ты уже никому не нужен». — Потом добавила: — А если добьешься успеха, никто тебя публично не похвалит.

Не помню где, но я уже когда-то слышал вторую часть этого правила.

— Ты говоришь, как опытный разведчик, — пошутил я.

Мы позавтракали. Моя провожатая заплатила по счету, оставив официантке чаевые.

И вот мы идем по незнакомому городу. Ослепительные витрины немецких магазинов задерживали взгляд. По центральной улице двигались толпы прохожих. В переполненном автобусе мы доехали до какого-то оживленного перекрестка.

— Это главная артерия района Штеглиц, — объяснила мне Труда. — Райнштрассе и ее продолжение Шлоссштрассе берлинцы называют Нойе Лейпцигерштрассе.

Связная не торопилась. Мы снова зашли в какое-то кафе. Время тянулось медленно. Труда сказала, что недалеко отсюда в семнадцать часов нас ждет Бенон. Сейчас девушка, пожалуй, была слишком самоуверенна. Этого раньше я у нее не замечал. Еще несколько часов назад, по дороге в Берлин, она дрожала за свою безопасность, теперь же была совсем другая — спокойная и беззаботная. А меня в это время одолевали разные мысли. Внешне мне следовало вести себя так же, как и Труда, в действительности же именно в эти минуты я ощущал волнение в предчувствии какой-то неведомой опасности.

А если через два часа Бенон скажет мне: «Нам прекрасно известно, кто ты на самом деле есть, попался ты, братец, на удочку. С нашей стороны это была лишь игра, чтобы под предлогом переброски за границу заманить тебя в западню, из которой нет выхода»? При этой мысли у меня мурашки пробежали по спине. Что ж, и это возможно. Я чувствовал себя одним из партнеров необычной партии в покер, играющим втемную и не знающим карт противника.

Сотни разноцветных неоновых огней сверкали на главной улице берлинского района Штеглиц. Бенон, видимо, уже ожидал нас в ресторане «Кемпински». Несколько минут мы бродили по соседним улицам.

— Пора, — сказала связанная.

Мы вошли в стоящий особняком ресторан ровно в семнадцать. Лишь несколько столиков были заняты. Труда представила меня элегантно одетому блондину высокого роста. Он сидел один в глубине ярко освещенного зала. Ему было около сорока лет. Я понял, что это и есть Бенон, руководитель, отвечавший за канал переброски.

— А, это вы, — заговорил он по-польски с сильным акцентом и показал мне место за столом, не пригласив, однако, связаную. Бенон перебросился с ней несколькими словами по-немецки. Я понял, что он отчитывает ее, так как ожидал нас увидеть здесь еще вчера. Труда пыталась объяснить ему, в чем дело, но он прервал ее пренебрежительно:

— Твоя роль на сегодня окончена, через два часа будь во Флеминге и жди меня. Знаешь, где это?

— Да, — ответила она и выскользнула из зала.

Когда мы покинули ресторан «Кемпински», на город опустились ранние осенние сумерки.

— Не говорите громко по-польски, на нас обратят внимание, какой-нибудь коммунистический агент может нами заинтересоваться, — предупредил меня Бенон на улице.

Мы пошли пешком. Конспиративная квартира, где мне было подготовлено надежное убежище, находилась неподалеку, в этом же районе.

— О Берлине написано и сказано за последние годы больше, чем о каком-либо другом городе, — говорил мне по дороге Бенон. — Здесь переплетаются нити всех разведок. Надо быть крайне осторожным.

Мы продолжали идти по широкой Шлоссштрассе. Над большим зданием кинотеатра внимание привлекала световая реклама какого-то сенсационного фильма «Асфальтовые джунгли». До сих пор помню название этого фильма и возникшие тогда у меня ассоциации.

Циммерманштрассе. Мы свернули на небольшую, слабо освещенную улочку рядом с огромной витриной магазина «Саламаандра». На двери одной из квартир каменного дома под номером тридцать три была прикреплена табличка с фамилией Меллер. Бенон позвонил. Дверь открыла хозяйка, пожилая полная шатенка. Позднее я узнал, что она вдова офицера вермахта, убитого на восточном фронте. Обставленная в старом стиле квартира состояла из трех комнат и кухни. Одну комнату занимала фрау Меллер, другую — ее жилец Георг Сова, третья являлась конспиративной квартирой, используемой для различных темных целей шпионской группы, которой руководил Бенон.

— Я привел вам гостя, он остановится на несколько дней в Берлине, — уведомил ее Бенон.

Хозяйка провела нас в комнату, которая раньше служила, наверное, столовой. Едва мы расположились, как в квартиру вошел жилец фрау Меллер, открыв дверь своим ключом. Бенон позвал его в комнату.

— Ничего подозрительного не заметил? — спросил он. Нетрудно было догадаться, что Бенон проверял, не следил ли кто за нами.

— Все в порядке, шеф, — угодливо ответил вошедший.

После этого Бенон и представил мне моего будущего соседа Георга Сову.

— Поддай кофе и коньяк, — распорядился он.

Георг сделал какой-то неопределенный жест, словно пытался оправдаться, и показал на порожнюю бутылку, стоявшую на старинном гданьском буфете. Шеф, сразу поняв в чем дело, смерил Сову взглядом, выражавшим неодобрение, и молча протянул ему двадцатимарковую бумажку. Георг исчез за дверью.

Хозяйка подала тем временем кофе. Минут через пятнадцать появился запыхавшийся Сова и, вытащив из сумки бутылку коньяка марки «шток», услужливо наполнил наши рюмки. Я заметил, что оставшиеся деньги он вернул Бенону лишь после его выразительного взгляда.

Выпили рюмку, другую. Разговор велся чисто стереотипный. Георг не раскрывал рта, зато услужливо и поспешно наполнял наши рюмки. Бенон перескакивал с темы на тему. Говорил о жизни разделенного на секторы города, о прежнем великолепии Берлина, называл важнейшие пункты столицы, которые перешли в руки коммунистов, — Фридрихштрассе, Унтер-ден-Линден, Александерплатц, Лейпцигерштрассе... С лютой ненавистью рассказывал о блокаде Берлина, о воздушном мосте.

— Мы находимся на передовой линии тайного фронта пока лишь «холодной войны», — серьезным тоном произнес Бенон, подняв рюмку, и неожиданно переменял разговор, задав еще несколько вопросов, касающихся моих анкетных данных. Его интересовала дата моего рождения, профессия родителей, где рос, куда ходил в школу.

Меня охватило необычное беспокойство. Зачем ему все это понадобилось? Я чувствовал какой-то подвох. Неужели он меня проверяет? Мысль напряженно работала. Каждый ответ должен совпадать с моей легендой. Георг снова налил коньяку. Бенон опять переменял разговор, заговорив

о Польше, о Варшаве. Затем так же неожиданно опять заговорил обо мне.

Чего он хочет? Опасения мои все возрастали, но я ни единым жестом не выдал своего состояния. Надо было играть! Я с трудом боролся с охватившей меня усталостью, клонило в сон. Почему Бенон интересовался моим прошлым? Дата и место рождения не имели ничего общего с ролью, какую мне предстояло играть. Я непроизвольно повторял про себя отдельные пункты биографии, которой стал пользоваться, как только превратился в Рышарда Черника. Родился я 26 апреля 1922 года в Кнышине. Мне было известно, что город сровняли с землей во время войны, но говорить об этом не должен. А если какой-нибудь их агент получил задание раздобыть мое метрическое свидетельство? Что, если метрические книги уцелели? Эти и другие вопросы порождали всевозможные сомнения и лишали покоя. Думай не думай, оставалось только верить, что наши товарищи очень тщательно разработали мою легенду и обеспечили ее надежность.

— Какие у нас дальнейшие планы? — спросил я.

Бенон посмотрел на часы. Связная по меньшей мере уже час ждала его в условленном месте во Флеминге.

— Сегодня ничего конкретного не могу сообщить, — ответил он, поднимаясь со стула. — Пока прошу пикуда не выходить из этой квартиры. Оставляю вас на Георга, он позаботится обо всем.

Георг Сова проводил своего шефа до двери и вернулся в комнату. Теперь он, почувствовав себя в роли хозяина, изъявил желание поболтать: видимо, к этому его побуждала не до конца опорожненная бутылка. Мне удалось избавиться от общества навязанного мне опекуна, который тщательно закупорил недопитую бутылку и удалился с ней в соседнюю комнату. Через несколько минут я лежал на широкой постели, когда-то служившей обер-лейтенанту Меллеру. На противоположной стене, между часами и старинным буфетом, висела фотография, на которой он был запечатлен в парадном мундире.

Первая ночь в Берлине, по другую сторону тайного фронта. Я был один среди чужих. Лежал в темноте с открытыми глазами и размышлял. Несмотря на смертельную усталость, никак не мог уснуть. Я вспоминал все сказанное мною за последние двадцать четыре часа. Анализировал содержание разговоров, думал о людях, с которыми столкнулся: Труда, Бенон, Георг, фрау Меллер... Мне еще не были известны их тайные связи. Несомненно, выше всех

их стоял Бенон, но и он был пешкой на шпионской шахматной доске. Кто скрывается за ним?

Варшава, Краков, родной дом, семья — все это теперь казалось страшно далеким. Завтра придет новый день, за ним наступит следующий и впереди еще много вечеров, подобных этому, когда я в одиночестве буду восстанавливать в памяти каждый шаг, вспоминать чуть ли не каждое задание. Не знаю, сколько я ворочался с боку на бок, пока меня не сморил тяжелый сон.

Я еще слышал, как старые часы пробили какой-то час...

В комнате царит полумрак опускающегося вечера. Перед глазами хорошо знакомая мне обстановка квартиры. Две маленькие комнатки на первом этаже. Кухонка, коричневое покрывало на ней, рядом столик, радиоприемник, полка с книгами и детская кроватка. За широким венецианским окном осенний ветер раскачивает голые ветки сирени. Дверь во вторую комнату приоткрыта. Видна лишь часть круглого стола, накрытого желтой скатертью с симметричным узором, который много лет назад вышила моя мать.

Я слышу разговор, но не вижу людей, находящихся в другой комнате. Узнаю голос моей жены. Вначале долетают лишь отдельные слова диалога, ведущегося на повышенных тонах. Напрягаю слух. Спор слышится все отчетливее. Подсознательно ощущаю какую-то опасность.

— ...Это какая-то ошибка. Вы должны понять, что я ничего об этом не знаю. Вы обратились не по тому адресу, — слышу возбужденный голос Данки. Затем — чирканье спички о коробку. Собеседник прикурил сигарету. Я жду, что он скажет; кто это — не знаю. Наконец до меня долетает приглушенный низкий мужской голос.

— Спрашиваю последний раз, почему у него не такая фамилия, как у вас? — угрожает мужчина. Мне знаком его голос. Да, точно, знаком. Но откуда? Никак не могу сообразить. Лихорадочно ищу ответ. Но пока не нахожу.

— Я никогда не видела этого человека, — решительно отрицает моя жена; она возбуждена — в голосе ее слышится дрожь.

— Врешь! — наступает тот. — Он — твой муж!

Мне хочется крикнуть, но слова застревают в горле. Я онемел от изумления. Это голос Бенона, я узнал его. Мне надо защитить Данку, предостеречь ее, спасти. Слышу грохот перевернутого стула и спазматический плач дочери.

Пытаюсь вскочить, но меня словно парализовало. Бессилие доводит меня до отчаяния.

— Данка! Данка! — кричу я, но чувствую, что сам не слышу собственного голоса и она меня не слышит...

Я проснулся весь в поту. С несказанным облегчением, еще не совсем придя в себя, страхнул этот мучительный сон. С большой фотографии мне улыбался обер-лейтенант в мундире гитлеровской армии. «Что за чертовщина? — удивился я, протирая глаза. — Да ведь я в Берлине». Вскочив с постели, отодвинул штору: за окном — мелкий осяпный дождь. В этот момент ко мне в дверь постучал Георг.

— Фрау Меллер спрашивает, можно ли подавать завтрак?

— Да, конечно, — быстро ответил я.

Начался новый день. Что-то он принесет? До обеда должен прийти Бенон. Несколько раз в течение дня помимо воли я возвращался к драматической сцене, пережитой во сне. Мысленно я был далеко: в маленькой квартирке на площади Казимира Великого, где остались Данка и маленькая дочка Ева, уже выговаривавшая несколько слов, когда я их покинул. Сейчас нас разделяло несколько сот километров и две границы, а казалось, что я нахожусь в другом полушарии, возможно потому, что при воплощении в Рышарда Черника или Эриха Генриха Шранке мне нельзя было даже помышлять о своем доме, о жене, которая там, на родине, осталась одна с дочерью, обреченная на долгие дни одиночества. Она знала, что мне поручена тайная миссия, но не могла знать, где я сейчас нахожусь и когда вернусь. Друзья и знакомые наверняка спрашивали ее: где твой муж? Что она могла ответить... Тайна, причинявшая ей ежедневные мучения, заставляла молчать и от многого отказываться.

Георг не позволил мне долго размышлять, пригласив меня в свою комнату. Хозяйка сделала утреннюю уборку, затем переоделась и через приоткрытую дверь уведомила нас, что едет делать покупки.

— Не забудьте о сигаретах, — по-немецки напомнил ей Георг, после чего объяснил мне, что все товары первой необходимости приобретаются в Восточном Берлине, так как цены там на них ниже¹.

Я внимательно приглядывался к моему опекуну, стараясь удержать в памяти его внешность. Это был сухооща-

¹ В ту пору передвижение жителей Западного Берлина в Восточный и наоборот осуществлялось беспрепятственно. — *Прим. ред.*

вый мужчина с темно-русыми волосами, со спортивной походкой, носивший потрепанный пепельного цвета костюм. На вид ему можно было дать лет сорок. «Никаких особых примет, — подумал я. — Не один десяток людей с такой внешностью можно встретить на любой улице».

Какие функции он выполнял в своем шпионском ремесле? Ответ на этот вопрос значил многое. Я пришел к выводу, что Георг — второстепенный агент, и не ошибся. Бенон нанял Сову как знавшего польский язык для выполнения отдельных заданий и платил ему за определенные услуги или за «рабочий день», как, например, сейчас, когда Георг играл роль ангела-хранителя, радевшего о моей безопасности. Меня раздражала и тяготила эта опека. Хотелось выйти в город и при удобном случае опустить в почтовый ящик поздравительную открытку, которая предназначалась условному адресату в Варшаве, указанному центром. Это был бы сигнал, что я благополучно прибыл в Берлин.

— Пойду прогуляюсь, — обратился я к Георгу.

— Шеф не разрешил мне отходить от вас ни на шаг, он каждую минуту может здесь появиться, так что придется подождать его, — объяснил Георг.

Я понимал, что даже если бы вышел, то не избавился бы от его опеки, которая полностью сковывала мою свободу. Не оставалось ничего другого, как ждать.

Около полудня послышались два коротких и два длинных звонка, быстро следовавших один за другим.

— Это шеф, — сказал Георг, вскочив со стула.

— Как вы у нас устроились? — прямо от двери спросил Бенон.

— Сяжу здесь, как под арестом, — ответил я полушутливо. — Если ничего неотложного не предвидится, то хотелось бы посмотреть, что делается на белом свете.

— Может, вам все же лучше такой арест, чем свобода в коммунистическом раю? — отшутился немец. — Всеу свое время, а пока надо кое о чем поговорить. Оставь нас одних, — без всяких церемоний приказал он своему помощнику.

Георг тут же вышел из комнаты.

— В Берлине разное случается, — начал Бенон. — Вы должны быть ко всему готовы. Мне приказано обеспечить наше пребывание здесь в полной тайне. Разведка противника не спит, а вы, как я слышал, должны возвратиться за «железный занавес». Если провалитесь, то вам грозят «качели» или пожизненное заключение. Наши американские друзья в Мюнхене в таком случае вычеркнут из своего спи-

ска еще одного работающего на них человека, и тогда никто вас не признает своим. Они считают, что все можно сделать за доллары, но в то же время деньги в таком деле никогда не заменят опыта. Без нашей помощи американцы немногого бы добились. Никто лучше не знает, как работать против Советского Союза, чем немецкая разведка,— разглагольствовал Бенон.

Шила в мешке не утаишь. Разведывательная группа Бенона состояла из одних немцев и работала на американскую разведку. Это сотрудничество — на высшем уровне — начал бывший гитлеровский генерал Рейнхард Гелен. Другая из СС и гестапо называли его Серый Генерал или Доктор. После разгрома третьего рейха он с ближайшими сотрудниками из абвера укрылся на небольшой ферме в Альпах. Они ждали, откуда подует ветер. В нескольких десятках ящиков они вывезли совершенно секретные документы разведывательного отдела генерального штаба, в которых содержались разведывательные сведения о Советском Союзе и странах Восточной Европы (ныне социалистических). Специалист гитлеровской разведки быстро сориентировался, что определенные политические круги США популяризируют теорию третьей мировой войны и стремятся вызвать вооруженный конфликт между Востоком и Западом. Американская разведка не имела опыта работы на Востоке. Гелен воспользовался этим фактом и установил контакт с высшими чинами ЦРУ. На шпионской бирже начался закулисный торг. Благодаря этому Рейнхарду Гелену удалось избежать ответственности за преступления, совершенные в последнюю войну. Центральное разведывательное управление приставило к бывшему шефу разведки немецкого генерального штаба своего шефа разведки в Бонне Плезентса. Гелен получил задание организовать разведывательную сеть, направленную против Советского Союза, Польши и других стран, лежащих к востоку от Эльбы. Недалеко от Мюнхена, в небольшом населенном пункте Пуллах, гитлеровский генерал обосновал хорошо законспирированную главную квартиру так называемой «Организации Гелена». Первым заданием было: организация саботажа и диверсий, а также инспирирование «белой партизанской войны» на Востоке. Те же самые люди, которые несколько лет назад изъявили готовность сотрудничать с гитлеровской армией Власова и Бандерой, которые организовали дивизию СС «Галитчина», снова получили возможность использовать свои старые методы и опыт. Американцы выделяли на эти цели ежегодно около шести миллионов долларов. Лишь в июле 1955 года

западногерманское правительство приняло под свое покровительство «Организацию Гелена» и реорганизовало ее в Федеральную информационную службу—Бундеснахрихтendienst.

Когда я вел разговор на одной из шпионских тайных квартир в Берлине с Беноном Бартемом, люди Гелена еще работали непосредственно на американцев.

— Я уже переговорил с нашим центром в Мюнхене,— сообщил мне Бенон.— Через четыре дня вас заберут из Берлина. Мы должны подождать, когда прилетит специальный самолет, так будет надежнее. Самый трудный участок пути вы уже преодолели. Осталось немного времени, и тогда вы увидите город. Разумеется, под нашей охраной,— добавил он и стал инструктировать меня, как нужно передвигаться по городу. В каждом его предложении сквозил страх перед деятельностью, как он выразился, коммунистических агентов. Запомнились некоторые отрывки из этого шпионского обучения.

— Когда идете по улице, всегда держитесь левой стороны тротуара и двигайтесь навстречу автомобильному транспорту. Этот способ предохраняет наших людей от так называемого тайного снятия, то есть от похищения. Человек, идущий по правой стороне тротуара, рискует тем, что неожиданно сзади подъедет автомобиль, остановится на какие-то секунды и четыре сильные руки втянут его внутрь машины, которая тотчас сорвется с места, так что, прежде чем кто-то из прохожих успеет крикнуть, ее и след простынет, и она потеряется в большом городе. Если на улице,— продолжал Бенон,— рядом с вами упадет женщина и даже если ей будет грозить смерть под колесами наезжающего на нее автомобиля, спасать ее не надо, а нужно сделать вид, что вы всего этого не замечаете, и немедленно удалиться от места происшествия. В противном случае вас могут задержать как свидетеля, а сотрудник разведки должен быть незаметен в толпе. Вы упомянули вчера, что знаете французский,— сменил тему разговора Бенон.

— Настолько, чтобы свободно объясняться,— подтвердил я.

— Отлично. Тогда с этой минуты у вас будет другая фамилия, и вы будете выдавать себя за французского гражданина, торгового представителя одной из парижских фирм в Германии. Так на вас никто не обратит внимания.

Затем Бенон еще долго анализировал возможности новых путей переброски, прокладываемых из Берлина в Польшу.

Несколько часов спустя я вышел в город как Жан Поль,

француз, который, ясное дело, ни слова не понимал польски. Бенон выплатил мне первое шпионское жалование — триста марок на личные расходы. Первыми покупками, сделанными мною на Шлосштрассе, были план Берлина и разговорник «Француз в Германии». Немецкий аусвайс на имя Эриха Генриха Шранке лег в сейф руководителя разведывательной группы в Берлине.

3

Постепенно я познавал механизм шпионской деятельности в Западном Берлине. Люди Бенона, как кроты, прокладывали каналы переброски в Польшу, а также старались завербовать кандидатов для диверсионных школ под Мюнхеном, руководимых американской разведкой. Георг Сова и другие вербовщики обрабатывали перебежчиков, нелегально перешедших границу, пытаясь привлечь их к работе на иностранную разведку. Вознаграждение получали за каждого завербованного. За доллары легко покупались автомобили и виллы, купить человека было куда труднее. Агенты Бенона обшаривали лагеря беженцев, но даже там, где нужда человеческая доходила до последнего предела, не часто могли они похвастаться успехами.

— Легче подготовить весь маршрут канала переброски, чем заполучить одного кандидата для школы диверсантов, который потом пригодился бы для засылки в чужую страну, — разоткровенничался Бенон, протягивая мне пачку сигарет «Кэмел».

Я вынул сигарету, немец предупредительно подал огонь, признавая во мне своего союзника. Я вынужденно улыбнулся, но что-то сопротивлялось во мне, искушало бросить ему в лицо несколько слов правды. Но нельзя раскрывать свои чувства. Когда-нибудь еще придется встретиться с ним при иных обстоятельствах.

Бенон попросил меня подготовить польский вариант описания нового маршрута переброски. Речь шла о точном переводе с немецкого на польский инструкции по преодолению маршрута. Весь этот маршрут обслуживали немцы — друзья Бенона.

Без особого рвения я согласился оказать посильную помощь. Бенон дал мне несколько страниц машинописного текста и пачку от руки составленных топографических схем местности. Несколько часов мы сидели над переводом инструкции. Возможно, сегодня, спустя годы, мне не удалось бы восстановить ее в памяти, если бы тогда она не была пе-

реправлена в Польшу и не находилась сейчас в архиве под грифом «совершенно секретно».

Вверху заголовок: «Развитие путей связи диверсионного центра». Ниже условное название маршрута переброски, имевшего в американских документах той поры наименование «Этуаль» («Звезда»). Приведу несколько отрывков. Они наглядно показывают, как берлинская разведывательная группа, руководимая немцем Беноном, прокладывала каналы связи в нашу страну.

«...После перехода границы и достижения населенного пункта Э. следует найти магазин с вывеской «Герхард Б. Галантерея» и обратиться к продавцу со словами: «Я хотел бы поговорить с господином Герхардом». После знакомства добавить: «Я пришел от Бено». Господин Герхард информирован, что явившийся к нему человек пробирается в Западный Берлин. Словесный портрет господина Герхарда: рост сто восемьдесят сантиметров, глаза голубые, волосы белокурые... Герхард и Бено — бывшие сослуживцы по вермахту...

...Условия укрывания: Герхард обеспечивает пришедшему убежище, однако следует иметь в виду, что населенный пункт небольшой, поэтому длительное пребывание здесь чужого грозит опасностью, тем более что существует требование докладывать о каждом, кто появляется на частной квартире хотя бы на одну ночь...

...Дорога к Берлину: на станции Нойерсдорф следует купить билет до Лейпцига, брать билет до самого Берлина не рекомендуется. Поезда до Лейпцига через Дрезден отходят от станции Нойерсдорф в девять, десять пятьдесят, а скорый — в четырнадцать двадцать шесть. На этой линии пересадка в Дрездене, однако не следует досезжать до главного вокзала в Дрездене, а нужно пересесть на станции Дрезден-Нойштадт. Билет до Берлина надлежит взять лишь на вокзале в Лейпциге. Поезд, отходящий вечером из Лейпцига, прибывает в Берлин около шести на вокзал Остбанхоф, называвшийся ранее Штадтбанхоф...

...Переезд в Западный Берлин: выйдя из поезда, необходимо перейти на предпоследний перрон, обозначенный буквой «Е», и сесть в трамвай, идущий в направлении к Потсдаму, доехать до остановки Фридрихштрассе. Там пересесть в метро и ехать до станции Зюд-Энде, которая находится уже в пределах американского сектора...

...Поезд, отправляющийся из Лейпцига в утренние часы, прибывает в Берлин около двадцати часов на вокзал Анхальтенбанхоф. На том же вокзале следует спуститься по

лестнице с перрона к подземке и ехать без пересадки до станции Зюд-Энде. Плата за проезд через весь Берлин на всех средствах передвижения составляет двадцать пфеннигов, поэтому нужно иметь по одной марке восточной и западной...

...Одежда в пути: костюм должен быть не слишком новый, не модного покроя, не эlegantный, пожалуй, спортивный, не бросающейся в глаза расцветки. Очень ходовой коричневый цвет различных оттенков. Костюм должен быть чистый, брюки отутюжены, ботинки достаточно поношенные, но не дырявые. Не брать с собой ничего лишнего, лучше потрепанный портфель, дешевый, не кожаный...

...Техническая сторона переброски: за три недели до отправления перебрасываемого человека необходимо уведомить обусловленным письмом о дне его переброски и времени прибытия к Герхарду. За десять дней до переброски следует отправить телеграмму по адресу: Мечислав Г. 433 Бэттерси Парк Роуд Лондон SW 11 следующего содержания: «Элизабет родила сына». Если телеграмма будет дана, например, шестнадцатого июня, это будет означать, что перебрасываемый через границу человек прибует к господину Герхарду двадцать шестого июня, в тот же день его будет ждать проводник, высланный из Западного Берлина...

«Всегда бы тебе пользоваться услугами такого переводчика, как я», — с удовлетворением подумал я, заканчивая перевод последних строк шпионской инструкции.

— Хороша работа? — задал мне вопрос Бенон и, не дожидаясь ответа, сказал: — Даже в Берлин мои клиенты будут приезжать с западной стороны. Бросок от границы к Лейпцигу должен усыпить бдительность красных.

— Вы и в самом деле превосходно все это составили, — похвалил я агента, просматривая приложенные к инструкции схемы.

— Прозит! — произнес он довольный собой, поднимая рюмку. — Такой опыт имеется уже давно.

— Будьте здоровы! — ответил я на его тост.

Маршрут, получивший наименование «Этуаль», предназначался для переброски агентов в обе стороны: в Польшу и обратно. Позднее я познакомился с несколькими другими проектами маршрутов. Бенон сочинял все новые варианты каналов. Помогали ему в этом надежные друзья по гитлеровской армии.

Маршрут под условным названием «Шульц» вел через Цедьюню только в одну сторону — от нашей границы в Берлин. Идея переброски была поразительно проста. Рыбак Герман К. в указанную ночь должен был выплыть на лодке «па рыбалку» и на немецкой стороне ожидать сигнала. Всплеск от трех камней, брошенных в равнине, через несколько секунд, промежутки в воду, должен был послужить перевозчику знаком, по которому следовало за считанные минуты подогнать лодку к польскому берегу. Но как бросить камень на семьдесят — сто метров, чтобы ожидающий в лодке немец мог услышать плеск воды? Нашелся и тут выход. Шпионская инструкция рекомендовала камень величиной с кулак завернуть в тряпку и крепко обвязать шпагатом, оставив длинный конец. Взявшись за конец шпагата, сильно раскрутить камень и бросить его. В этом случае он улетал намного дальше.

Был ли Бенон единственным исполнителем поступавших из Мюнхена распоряжений? Возможно, сам он полагал, что является незаменимым. Американцы же рассуждали иначе. Они пользовались услугами немца, но считались с тем, что однажды их агент может не возвратиться с какого-либо задания из Восточного Берлина. Если бы он провалился, маршруты переброски пришлось бы записать в графу потерь, а людей соответственно в графу разоблаченных.

Несколько дней спустя я познакомился с планом запасного маршрута переброски под условным названием «Лувр». Этот путь был разработан тайно от Бенона. На сей раз канал проходил через Франкфурт-на-Одере. На Луизенштрассе, 12 был подготовлен конспиративный пункт приема людей.

Кто бы мог хоть в чем-либо подозревать старую пепсионерку, хозяйку квартиры на третьем этаже? Впучка старушки, двадцатилетняя Уши, работала на трамвайной линии в Берлине. Ее сослуживица, прозванная Ирене, была по происхождению полька (настоящее ее имя было Мише); она вышла замуж за немца, который якобы спас ей жизнь во время оккупации. Мише жила в дружбе с бабушкой Уши. Она призналась старушке, что ожидает из Польши родственника, которому дала ее адрес. Если он придет, то спросит: «Ирене дома?» Наивная фрау Анна согласилась оказать услугу Мише и обещала сразу же уведомить ее о прибытии родственника.

Хозяйка квартиры не знала, что за этим кроется. Но во всем хорошо ориентировались обе проводницы — Мише, она же Ирене, и Уши. Но и они понятия не имели о хозяйке

конспиративной квартиры американской разведки Ядвига Войнаровской, проживающей по адресу: Мюнхен, 13, Винцерерштрассе, 48. Путь переброски в «Лувр» оставался в непосредственном ведении центра в Мюнхене.

Сумерки уже опускались на старые каменные дома на Циммерманштрассе, когда мы с Бенонем покинули конспиративную квартиру. Фрау Медлер давно вернулась с покупками из Восточного Берлина. Бенон предупредил, что в пятницу меня перебросят на американском военном самолете в Западную Германию. Оставалось ждать еще четыре дня в Берлине. В путеводителе я прочитал, что от Мюнхена нас отделяет сто пятьдесят минут полета, от Ганновера — восемьдесят пять, от Гамбурга — только восемьдесят. Не располагая пока более подробными данными, я не знал, где приземлюсь и кто будет руководить переброской: немецкий агент Бенон или же кто-то из его американских хозяев.

Если бы я и в самом деле был их человеком, то не испытывал бы той тревоги, какая беспокоила по известным причинам меня, офицера польской контрразведки, находившегося в такой чрезвычайной обстановке. Здесь, в Берлине, агент иностранной разведки чувствовал бы себя в безопасности, а я, хотя и испытывал прямо противоположные чувства, должен был маскироваться и аккуратно играть свою роль.

Мы вошли в небольшой бар недалеко от студии радиостанции и шпионского центра в Западном Берлине РИАС. Бенон пригласил меня на обед. Я думал о художественной открытке, которую мне так нужно было бросить в почтовый ящик. Когда еще представится удобный случай отправить по условленному адресу привет? Наши ждали в Варшаве первого известия из Берлина. И так хотелось послать несколько слов Данке. Но о чем я ей мог написать? Так просто, что жив... Нет, нельзя. Каждый опрометчивый шаг грозит разоблачением. У меня еще звучали в ушах слова предостережения при последнем разговоре в Варшаве на улице Вильчей.

Теперь уже нет возврата назад.

Кельнер подал второе блюдо. Бенон заказал пиво и стал с аппетитом уплетать свиное жаркое с салатом из картофеля. Я мысленно повторял важнейшие элементы маршрута «Этуаль», размышляя, удастся ли мне передать о нем информацию из Берлина. А если наши до моего возвращения переключат этот канал? Ведь не вернусь же я на родину в спальном вагоне экспресса Париж — Берлин — Варшава. Меня снова ожидал нелегальный переход границы. Но когда? Сейчас не время об этом думать.

— Георг будет занят весь вечер. Я поручил ему одно дело. Сегодня я составлю вам компанию. Надо увидеть, как выглядит Берлин ночью, и обмыть вашу переброску,— предложил Бенон.

Что я мог ему возразить? Что у меня иные планы?

Кельнер принес два пива.

— С удовольствием,— ответил я Бенону по-французски. Он улыбнулся, ему понравилась моя быстрая реакция. Ведь я выступал как Жан Поль, представитель французской торговой фирмы. Дальше мы вели разговор вполголоса, чтобы за соседним столиком не слышали, что мы говорим по-польски. Бенон расспрашивал меня о Варшаве. Я понял, что он хорошо знает нашу столицу, но периода оккупации. Итак, у меня не было никакого сомнения, с кем я имею дело. «Ты хотел бы вернуться туда в том же качестве, что и тогда»,— подумал я.

— Берлин — окно на восток для нашей разведки,— говорил немец,— но американцы очень осторожны, никому не доверяют. Каждый переброшенный оттуда человек проходит специальную проверку на детекторе лжи.

Неужели и меня ожидал такой экзамен?

Полушутя я расспрашивал Бенона:

— Так правда, что можно насквозь просветить человека, узнать его второе «я», скрытые мысли и намерения?

Я пытался разговорить его на эту тему. Мне очень хотелось узнать, что он сам думает о детекторе лжи. Каждая подробность казалась мне существенной.

— Американцы придают большое значение этому методу обнаружения лжи,— ответил немец, поднося ко рту большую кружку пива.— Они между собой проводят время от времени контрольные проверки, а уж о других и говорить нечего.

— Вам тоже пришлось это испытать?

— Если бы только раз, а то одно время сам несколько месяцев добровольно соглашался подвергнуться проверке. Они любят, когда кто-нибудь по своей инициативе этого требует, будто настаивает на тщательном врачебном осмотре. Специалисты утверждают, что добровольное прохождение проверки через детектор лжи повышает значимость результатов.

— Мне сам факт проведения такого рода проверки кажется унижительным. Кому-то верят, кому-то нет. Проверку своих сотрудников можно принять за отсутствие доверия. Понимаю, что в отношении врагов или подозреваемых личностей не стоит пренебрегать никакими средствами, но мы

каждый день рискуем в борьбе с коммунизмом,— заговорил я, стараясь показать свое возмущение. Нельзя было допустить, чтобы мой собеседник вдруг заподозрил, что меня страшит подобного рода проверка.

— Они никому не верят,— повторил Бенон.— Когда-то я отобрал двух хороших людей на курсы диверсантов. Один убежал из Польши, ему там грозило тюремное заключение, и он это даже доказал, а второй два года сидел в лагере. Я считал обоих вполне надежными, а после такой проверки оказалось, что не подходят.

В бар вошла шумная компания: три захмелевших немца с молоденькой девушкой. Уселись рядом с нами, за соседний столик. Бенон выцедил из кружки остатки пива и стал искать глазами кельнера. Я был очень зол, что эти подвыпившие немцы помешали продолжить нужный мне разговор. Хотя меня наши и предупредили о практикуемых американцами методах, все же избавиться от ненужного страха мне никак не удавалось. Я знал, что детектор лжи ничего не доказывал.

«Когда тебя посадят на стул, понадобится душевная стойкость и хладнокровие»,— все еще слышал я слова, сказанные мне в последний раз в Варшаве на улице Вильчей. Однако я много бы дал, чтобы избежать этого испытания нервов. Теперь, после разговора с Беном, я понял, что этого мне не миновать. Мысль об ожидавшей проверке не давала покоя и в последующие дни внешне беззаботного пребывания в Западном Берлине неотступно возвращалась и лезла, как назойливая муха.

Может быть, лучше вызваться добровольно и с наигранным юмором заявить, что наслышался от господина Бенона о чудо-аппарате, который меня страшно заинтересовал? Или же ждать, когда они сами предложат это «удовольствие»? А может, разыграть иную сцену — удариться в амбицию и с возмущением протестовать: испытывайте себе на здоровье каких-нибудь тыловых крыс, а не прошедших сквозь огонь и воду людей, борющихся с коммунизмом и на каждом шагу рискующих своей жизнью!

— Господа будут платить вместе или каждый за себя?— спросил подошедший кельнер.

— Вместе,— ответил Бенон и заплатил по счету.

Кельнер услужливо проводил нас до выхода. Видимо, Бенон был частым посетителем этого заведения.

Вторник, среда, четверг, пятница... От пребывания в Западном Берлине в памяти остались лишь обрывки впечатлений, мимолетные воспоминания и образы, словно отдель-

тые кадры из увиденного много лет назад фильма. Никогда, однако, мне не забыть атмосферы «асфальтовых джунглей», к которой я должен был привыкнуть. Возможно, именно поэтому несколько дней ожидания, когда ничего не происходило, а все самое важное и неизвестное еще предстояло, позволили мне акклиматизироваться на той стороне тихого фронта.

Бар «Чардаш». Ужин с Бенопом. Обмыть мою переброску он пригласил и Труду. Это была уже не та девушка, с которой я познакомился у бауэра. Элегантная шуба, со вкусом сшитое платье, драгоценности, искусная косметика.

— Не узнал бы вас ни за что, — признался я ей, здороваясь.

— Там мне надо было выглядеть обыкновенной немкой, — ответила она.

Еще вчера я задавал себе вопрос: что побудило ее к сотрудничеству с этими людьми? Во всяком случае, не идея. Ну ладно, заурядный немец выпущен был тяжело трудиться, чтобы обеспечить себе необходимые средства на жизнь. А она? Хотела быть «незаурядной»?

Мы заняли столик поближе к оркестру. Первый раз в жизни я попал в такое увеселительное заведение. Горящие свечи, оркестр, стилизованный под цыганский, официанты в смокингах, следящие за каждым вашим движением, в глубине коктейль-бар и несколько красивых, соответствующим образом подобранных, ожидающих гостей барменш. Неужели так выглядел Берлин через несколько лет после програнной войны?

Официант подал раковые шейки в остром соусе и светлое, с золотистым оттенком, вино французской марки «шабли». Труды требовала такая. Нет, здесь он слишком дорогой, стоит столько же, сколько и бутылка шампанского. Мы полпили бокалы. Потом был коньяк, жареный миндаль и снова коньяк.

Немец обратился к девушке, назвав ее Уши. «Значит, фрау Анна во Франкфурте-на-Одере — это твоя бабушка, — догадался я. — Конспиративная квартира на Луизенштрассе. Ты крутишь с Бенопом, а за его спиной работаешь непосредственно на американцев. Это они разработали канал переброски под условным названием «Лувр». Но об этом я узнал несколько позже. Ты, девушка, не Труды, это только псевдоним, которым ты назвалась мне при первой встрече в нескольких километрах от польской границы».

Языки у собеседников развязались. Что с Георгом? Должен вернуться утром. Первая проверка маршрута «Эту-

аль». Проверяются пункты связи. Я ловил немецкие слова. Все лучше понимал их значение, оставляя в памяти.

Танцевало несколько пар. Я пригласил девушку на танец раз, другой. Ее волосы дивно пахли. Она была так близко, ее красота действовала на меня. В баре преобладала английская речь. Американцы. «Штерн фон Рио» — «Звезда Рио». Откуда я знаю это танго? Низкий экзотический голос: Зараг Леандер... Я был тогда в лесу... Штерн... это по-немецки значит звезда. А по-французски — этуаль. «Этуаль» — это условное наименование маршрута переброски в Польшу. Мы с Данкой выбрали себе одну такую звезду из созвездия Малой Медведицы. «Где бы ты ни был,— говорила мне жена,— посмотри на небо, и я тоже буду смотреть».

— Ты прекрасно танцуешь, Уши,— прошептал я на ухо немке. «Собственно, зачем я говорю ей приятные слова?» Девушка прижималась ко мне, но я знал, что этой ночью она пойдет с Бенонем, впрочем, не в первый раз. Оркестр перестал играть. Мы вернулись к столику. Еще один коньяк. На здоровье!

— Он тоже знает Польшу... был в Варшаве... потом командовал у генерала Власова...— говорила мне изрядно захмелевшая Уши.

— Ты совсем опьянела! — прервал девушку Бенон и потянул ее на танец. Если бы не он, эта красотка рассказала бы больше. Я видел, как во время танца Бенон делал ей выговор.

Я помнил власовцев. Однажды они окружили наш партизанский отряд под Злотым Потоком. С одной стороны они, а с другой — отряд СС. Они уничтожили несколько десятков наших людей. Тогда я потерял двух самых близких друзей.

Уши и Бенон сели за столик. Оркестр продолжал играть. «Может, ты тогда командовал там и управлял огнем, который велся по нашим»,— думал я, глядя на немца. Однако следовало играть. Безошибочно. Контролируй себя, братец! Бенон поднял рюмку. Наконец последнюю. Заплатил он за всех много. И вот мы выходим. Угодливый портье открыл дверцу такси.

Шел второй час ночи. По дороге на здании какого-то кинотеатра я увидел улыбающееся лицо Эрнста Роммеля и огромную рекламу сделанного в Голливуде фильма «Роммель — лиса пустыни». Меня привезли на Циммерманштрассе. Бенон подождал, пока я поднимаюсь к квартире фрау Меллер. Потом такси отъехало.

Я встал рано утром, так как представилась прекрасная возможность сделать задуманное. Я прикинул, что Сова должен вернуться из Нойгерсдорфа позже. Из инструкции к новому маршруту переброски «Этуаль» я запомнил, когда приходит поезд из Лейпцига в Берлин. У меня было достаточно времени. На художественной открытке я набросал несколько слов и условленный адрес частной квартиры в Варшаве. Это наш почтовый ящик. Фрау Меллер посчитала вполне естественным, что я вышел купить сигареты. Открытку я отправил. Спустя несколько дней она дойдет до адресата. Эта мысль меня ободрила. Речь шла не только о наших, но и о Данке. Ей, конечно, сообщат о моей весточке, и она будет спокойнее себя чувствовать.

Георг вернулся около полудня. Принес последний номер «Ревю». На первой полосе мне бросилось в глаза объявление о том, что начинается публикация биографии Гитлера. Чуть ниже жирным шрифтом был напечатан заголовок статьи «В Штутгарте состоялась встреча бывших солдат африканского корпуса». Мне припомнилась реклама американского фильма, увиденная прошедшей ночью, и улыбающееся лицо гитлеровского маршала Эрнста Роммеля.

Бенон быстро вошел в квартиру. Он спешил, даже не снял плащ. Перебросился несколькими словами с Георгом в соседней комнате. Видимо, он хотел узнать о поездке агента по заданию.

— У вас есть время осмотреть Берлин. Будешь его гидом, Георг,— бросил он, выходя из квартиры.

Сова принял это приказание без энтузиазма. Я пригласил его на обед. У меня еще оставалось больше двухсот марок. Несколько рюмок улучшили самочувствие моего опекуна. Он любил выпить за чужой счет. Жаловался, что Бенон мало платит. Около станции «Зоопарк» мы узнали в экскурсионном бюро, что поездки на автокарах по Западному Берлину проводятся ежедневно в десять часов. Значит, лишь завтра. Мы поймали такси. Теперь я был туристом. Мы доехали до площади Большой Звезды. Посредине стоял памятник.

— Зигесойле,— объяснил Георг. Я не сразу нашел польское соответствие: Колонна Победы.— В британском секторе находится еще один памятник Победы,— сказал Сова.— Его воздвигли русские. Их солдаты постоянно несут там почетный караул. Удивительный город Берлин.

Снова такси, и вот Потсдамерплатц.

— Драйзекторенэк,— произнес Георг и тут же перевел:— Угол трех секторов.

Высоко над нами бежали буквы световой газеты. Немец объяснил, что через нее «свободный мир» передает известия в Восточный Берлин. «Используются все возможные средства для раздувания «холодной войны»,— подумал я.

По пути к Штеглицу мы остановились еще у Шёнебергской ратуши.

— Это резиденция нынешнего сената, а на башне ратуши — фрайхайтсглоке — колокол свободы,— продолжал свои объяснения Сова.— Его учредили американцы, живущие в Берлине.

Недалеко от ратуши я узнал здание радиостанции РИАС. Вчера мы здесь были с Бенонем.

— Это суперсовременная станция,— заметил Георг.

Я кивнул, ничего не сказав ему. Мне было известно, что оттуда по волнам эфира плывет не только хорошая музыка, но и летят зашифрованные сигналы для действующих в Польше и где-то еще шпионов.

И снова вечер закончился в пивной. Георг не упускал ни малейшей возможности. Он ухитрился откупорить еще одну бутылку, которую мы захватили с собой. Прямо-таки счастье, что ему не так много было нужно: он быстро хмелел. Иначе неизвестно, как долго он бы мне надоедал.

— Кракау, я... шёне штادت... Ты знаешь «Бизанц»... супер-ресторан...— канючил он пьяным голосом, мешая немецкие слова с польскими.

Да, конечно. Кто тогда не знал в Кракове немецкий ресторан «Бизанц» на углу Крупничей и Подваля? Я жил на соседней улице. Ходил в торговый техникум Воронича. Все другие средние школы немцы закрыли. Потом меня взяли на стройку. Загнали строить аэродром в Раковице. Я убежал оттуда. Может, ты был одним из тех, кто за мной гнался? Я скрывался в деревне. Пошел в партизаны, вступив в первый же отряд, проходивший через деревню, где я прятался.

Еще один день пришлось терпеть общество этого отвратительного типа. Потом я отсчитывал уже часы. В пятиицу утром пришел Бенон. Пора было собираться в путь. Через несколько минут я был готов. Весь мой багаж уместился в портфеле. В нем был также тайник со шпионскими материалами, которые по прибытии в центр в Западной Германии мне надлежало передать человеку, знающему пароль. Такси ждало внизу. Бенон подсунил мне расписку.

— Вы мне только подпишите. Сумму я проставлю по-

том, когда подсчитаю расходы. Сейчас на это нет времени. Через час нам надо быть на аэродроме,— сказал он.

Я заколебался. Бенон протянул ручку, торопя меня.

«Урываешь, где только можешь, прохвост»,— подумал я. Не стоило, однако, создавать проблему, тем более в такой ситуации. Я нажил бы себе врага. Я знал, что на мой счет немец вытянет из американцев в два, а то и в три раза больше, чем заплатил мне, покроет с лихвой ужин в цыганском ресторанчике и еще заработает. Наплевать! Я подписал. Обирайте американских друзей!

Мы вышли на огромной площади перед аэродромом Темпельгоф. Бенон отпустил такси. Некоторое время мы прогуливались возле большой стоянки автомобилей. Бенон то и дело спрашивался, сколько прошло времени, и поглядывал на центр площади. Ровно в одиннадцать пятнадцать к стоящему там памятнику подошел офицер американской разведки.

— Хау ду ю ду! — приветствовал он Бенона и меня. — Через сорок минут самолет вылетает.

Для меня начинался новый, решающий этап выполнения задания.

Времени оставалось мало. Американец обменялся с Беноном несколькими фразами. Говорили они по-английски. Немец с трудом подбирал слова — он плохо знал язык своих хозяев. Я не понимал ничего, но был уверен, что разговор шел обо мне.

«Роли переменились»,— думал я, глядя на Бенона. Теперь он вел себя услужливо перед американцем, как до этого Георг перед Беноном. Старался он служить как можно лучше, чтобы платили больше.

— Коллега проволит нас на аэродром,— обратился ко мне Бенон,— через проход, куда не пускают пассажиров. Самолет уже стоит на поле, готовый к вылету. Осторожность никогда не помешает, лучше избежать лишнего взгляда. Во время полета прошу не говорить по-польски.

Минут через двадцать мы уже сидели в американском военном самолете. Кроме нас троих и членов экипажа здесь было только шесть пассажиров. Женщина и пять мужчин. Я окинул их взглядом. От моего внимания не ускользнуло, что двое «буксировали» человека, который не был похож на американца. Это сразу бросалось в глаза. Я услышал, как он сказал несколько слов по-чешски. Видимо, кандидат в шпионы, которого затем перебросят в Чехословакию. Таким путем туристы не путешествовали.

Самолет поднялся в воздух. Несколько десятков минут

полета по так называемому воздушному коридору над Германской Демократической Республикой. А что дальше? Где мы приземлимся? Я размышлял об этом, но не спрашивал. Не все ли равно, в конце концов, в Бонне или в Мюнхене. Я сидел один у иллюминатора. Мы летели на большой высоте. Под нами — одни клубящиеся облака. Бенон занял место позади меня, рядом с сотрудником американской разведки. Разговаривали они вполголоса. Из пилотской кабины вышел один из членов экипажа и что-то сказал. Бенон перегнулся через спинку кресла и шепнул мне на ухо:

— Пересекли границу, мы за «железным занавесом»...

— Ол райт! — произнес я одно из немногих сохранившихся в памяти английских слов.

Еще минут двадцать полета, затем самолет сделал несколько кругов, опускаясь все ниже, и наконец сел на взлетно-посадочную полосу. Прямо из самолета последовала пересадка в «кадиллак». Автомобиль подъехал со стороны стоящего вдали здания аэровокзала и остановился у полосы. За рулем сидел, очевидно, сотрудник ЦРУ. Без всякой проверки мы выехали через боковые ворота за пределы аэропорта. Вскоре машина уже катила по городу.

— Мы во Франкфурте-на-Майне, — сообщил Бенон, когда сделали остановку на какой-то оживленной улице. — Я здесь остаюсь, а вы поедете с ними дальше.

— Гуд бай, Бено, — бросил американец.

— До свидания, еще увидимся в Берлине, — попрощался и я с немцем, пытаюсь вложить в эти слова как можно больше дружеских сердечных чувств. «А пока что твоя роль окончена», — подумал я.

Франкфурт остался позади. Автомобиль мчался по современному шоссе с односторонним движением. Нигде никаких пересечений — везде прекрасно выполненные транспортные развязки. Сто двадцать — сто тридцать километров в час. Замечательная машина. Я совершенно не чувствовал скорости. На полпути — короткая остановка. Заправились горючим, зашли в бар. Полукруглый буфет, высокие столики. Пока служба станции хлопотала возле нашей машины, мы успели перекусить.

Бифштексы из консервной банки оказались неплохими. Американцы запивали мясо молоком. Тоже своеобразный вкус. Я попросил бутылку кока-колы, которой до сих пор ни разу не пробовал. Ничего особенного, а сколько ее рекламы встретилось на автострате.

И снова — в путь. Время — деньги. Миповали Гейдель-

берг, красиво расположенный город. Я пробовал завязать разговор с моими новыми опекунами. Но как? Они не говорили ни по-французски, ни по-немецки. Я понимал лишь, что мы едем в Мюнхен. На дорожном указателе увидел, что оставалось еще двадцать километров. Через десять минут показались первые дома предместья. Дорожный контроль. Нас остановили два верзилы в форме и касках с буквами МР (военная полиция). Американин, сидевший за рулем, предъявил какой-то документ. Полицейские отдали честь и пропустили нашу машину. Мы приближались к цели путешествия. Еще одна короткая остановка около телефонной будки. Один из моих опекунов куда-то позвонил из автомата. Затем мы двинулись к центру города.

Кафе «Штадт Вин» («Город Вена»). Конец путешествия. Мы вошли в помещение с человеком, который сопровождал меня от самого Берлина. Сосиски с горчицей и кофе со сливками по-венски. В Кракове такой кофе называется «капуцинек».

Примерно через полчаса к нам подошел высокий сухощавый мужчина средних лет. Наверное, с ним разговаривал по телефону американин.

— Хау ар ю? — приветствовал он моего сопровождающего, затем обратился ко мне на чистейшем польском: — Рад с вами познакомиться, меня зовут Эдвард.

— Я привез вам привет от семьи дяди Конрада, — ответил я.

— Вы привезли письма от Янины и Конрада? — спросил он.

— Только письмо к Янине, — ответил я, изменив последний пароль, который означал, что я должен вручить ему шпионские материалы.

Эдвард подозвал кельнера, заказал три шотландских виски.

— За удачно проделанный путь! — предложил он тост и стал мелкими глотками пить смешанное с содовой виски. Мы несколько раз поднимали одну и ту же рюмку. «Лишь бы действительно за счастливый путь, но уже домой, на родину», — думал я про себя, потягивая напиток, имевший своеобразный вкус. О шотландском виски я знал до этого лишь понаслышке. Что оно самое лучшее. Запахом, однако, оно напомнило мне самогон — бимбер, может, по вкусу лучше, чем тот, келецкий, который гнали из свеклы во время оккупации, или еще «луниццу» из слив из-под Лонца, выпито которой было в банде Атамана не счесть сколько. Но там пили стаканами и водой не разводили. И приходилось пить

и пить, одновременно контролируя каждый свой жест, каждое слово, чтобы не выпасть из роли человека, переброшенного из Западной Германии в Польшу. Теперь же я был совсем в иной обстановке. Играть роль агента сети иностранной разведки, переброшенного из Польши на Запад, было значительно труднее, а противник был более сообразительный, более опытный и располагал значительными возможностями справиться с моей персоне.

— Где у вас почта? — спросил Эдвард.

— Спрятана здесь, в тайнике, — ответил я, показав на портфель, с которым не расставался.

Эдвард поговорил с американцем по-английски. Затем мы вышли из кафе. В эту пору в центре Мюнхена царил оживление. Ехали трамваи, автобусы, автомобили; тысячи людей возвращались с работы. У ближайшего железнодорожного вокзала мы с трудом поймали свободное такси. Эдвард определил меня в какую-то маленькую виллу. Первый этаж занимала семья фольксдойче, бежавших из Польши. В мое распоряжение была отдана вполне приличная комната на втором этаже. Я передал Эдварду шпионскую почту и три микрофильма.

Около десяти утра он пришел и оставил несколько листов бумаги с десятками вопросов, напечатанных на машинке. В большие промежутки между вопросами он велел мне вписать ответы, полностью соответствующие истине. Сказал, что к вечеру зайдет ко мне.

— Я могу свободно передвигаться по городу? — спросил я, помня о режиме, который навязал мне в Берлине Бенон.

— Мы предоставляем вам полную свободу. На улицу, однако, прощу выходить под легендой француза, как и в Берлине. В случае какого-либо столкновения с полицией, например кто-то втянет вас в какое-нибудь происшествие, никому никаких объяснений не давать и потребовать немедленно позвонить по телефону господину Биллу Питеру по номеру триста четыре К. Это на всякий случай, — закончил Эдвард и вручил мне листок с записанным на нем номером.

Я вышел в город пообедать. Потом походил немного по улицам, незаметно оглядываясь. Мне хотелось проверить, наблюдают ли за мной. «Полная свобода» представлялась мне в этих условиях понятием относительным. Пока я ничего подозрительного не заметил. Но это также еще ни о чем не говорило. Не имея возможности вести контрнаблюдение, я не был уверен, что за мной никто не следит.

Подбор вопросов, на которые мне предстояло дать ответы, был настолько неожиданный, что я несколько раз про-

штудировал эти листки, прежде чем приступить к вписыванию ответов. Фамилия? Имя? Что ел сегодня на обед? Дата рождения? Когда последний раз спал с женщиной? Как ее зовут? Сидел ли в тюрьме? Когда? За что? Предпочитаешь свиную отбивную с капустой или с соленым огурцом? Как относишься к коммунизму? Когда выехал из Варшавы: сообщи день и час отъезда...

Я в душе проклинал, но все же выполнил пожелание Эдварда. Вечером он забрал заполненные формуляры и уведомил меня, что придет завтра утром. До позднего вечера я бродил по незнакомому мне городу. Заходил в два бара. Вернулся в пустую комнату. Долго не мог заснуть, а когда мне это все же как-то удалось, в голову лезла всякая чертовщина. Эдвард явился около десяти. Я уже оделся и побрлся.

— Едем в город, — сказал он.

Мы сели в знакомый мне голубой «кадиллак». За рулем был тот же американец.

Винцерерштрассе. Я успел прочесть название улицы на табличке, а номера дома, куда меня проводили, не заметил. Просторная, в несколько комнат квартира, но обставленная, как бюро. Мы застали в ней двух незнакомых мне мужчин. Один был блондин низкого роста, другой — седоватый, моего роста. Они говорили по-английски. Ко мне же обратились по-польски. Учтивое знакомство, затем они сразу приступили к делу.

Старший, седоватый, объяснил мне кратко, в чем заключается действие аппарата испытания на правдивость, стараясь внушить, что это устройство безошибочно вскрывает ложь, и еще сообщил, что даже генералы проходят проверку. Он дал мне подписать заявление, что я добровольно согласен подвергнуть себя этому экзамену. Это был листок, размноженный на ротаторе или еще какой-то другой машине, с текстом на нескольких языках: английском, французском, русском, польском, чешском, немецком.

Секунда-две внутреннего колебания и — решение.

— С удовольствием приму участие в этом сеансе, — с готовностью произнес я, силясь вести себя максимально раскованно, и подписал заявление.

Седоватый провел меня в соседнюю комнату и посадил в кресло лицом к стене в метре от нее. Он попросил снять пиджак и подтянуть рукава рубашки. Выше локтя он наложил что-то вроде приспособления для измерения артериального давления, то же самое пристроил на животе. Сзади меня пахнулся аппарат немного больших размеров, чем

патефонный ящик. Седоватый встал за моей спиной. Передо мной была только голая стена.

— Начинаем,— услышал я из другой комнаты голос блондина.

— Я буду задавать вам вопросы, на которые прошу отвечать быстро: да или нет, без всяких комментариев,— сказал седоватый.— Внимание!

Голос сзади: Вы родились двадцать шестого апреля?

Я: Да.

Голос сзади (резко): Вы агент коммунистической разведки?

Я: Нет.

Голос сзади: Прошу выбрать одно из чисел первого десятка. Я буду спрашивать, называя отдельные числа. Если назову выбранное вами, прошу не отвечать утвердительно. Выбрали?

Я: Да.

Голос сзади: Один, два, восемь, четыре, три, семь...

Я: Нет, нет, да, нет, нет, да...

Голос сзади: А теперь то же самое, только вы должны сразу ответить утвердительно, когда я назову задуманное вами число.

Голос сзади: Один, два, восемь, четыре, три, семь...

Я отвечал как автомат, совершенно машинально. И снова голос сзади, на этот раз тема сменилась:

— Вы сегодня завтракали?

Блондин задал этот вопрос таким тоном, словно хотел предложить мне вместе поесть. Может, они прервали или закончили проверку? Наверное, мне так показалось потому, что до этого вопросы задавал только тот, второй, седоватый.

— У меня не было аппетита. Никогда не завтракаю так рано,— ответил я тем же тоном, а после небольшой паузы добавил: — Да, завтракал.

— Стоп, останови на минутку,— сказал блондин из другой комнаты. Седоватый выключил аппарат. Я совершенно не понимал, в чем дело. «Чтоб вас холера забрала»,— выругался про себя. В этот момент ко мне приблизился седоватый и спросил:

— Вы сегодня завтракали? Да или нет?

— Да,— ответил я.

— Тогда почему вы отвечаете на наш вопрос общими фразами? Мы договорились, что вы будете давать однозначные ответы: да или нет. Внимание! Начнем снова!

Я услышал, как он опять включил аппарат.

Голос сзади: Вы сегодня завтракали?

Я: Да.

Одновременно я подумал, что пил только кофе, а это не завтрак. Но мне не позволили долго раздумывать и забросали целой серией вопросов. Один следовал за другим почти мгновенно. Спрашивал то блондин, то седоватый, то снова блондин выпаливал несколько вопросов, седоватый подгонял с ответами. Быстро, еще быстрее: да или нет? Ну, живее, господин! Здесь думать не надо, только отвечать.

Перерыв. Седоватый вышел в другую комнату. Разговаривали вполголоса, до меня долетали лишь отдельные английские слова, поэтому я ничего не понимал. Чувствовал сильное сердцебиение. Как научиться управлять условными рефлексами независимо от собственной воли? Если бы придумать какой-нибудь выключатель, чтобы можно было перестраиваться! Но человек не автомат, управляемый на расстоянии. Я старался привести себя в спокойное состояние. В висках стучала кровь. «Сохраняй хладнокровие, не позволяй сломать себя морально. Они только этого и ждут», — шептал я себе мысленно. Я сунул руку в карман за сигаретами, но их там не оказалось. А, черт! Они остались в плаще, который я повесил в прихожей.

— Вы не могли бы подать мне пачку сигарет? Они в правом кармане плаща, я его повесил в холле, — обратился я к седоватому.

— Вы всегда так точно помните, что положили в правый, а что — в левый карман? — спросил седоватый.

— Разве это имеет какое-либо значение? — вырвалось у меня.

— Это неважно, но я хотел бы знать, — ответил седоватый.

— Я привык класть сигареты в правый карман, носовой платок — в левый, а деньги ношу в правом кармане пиджака, — ответил я уклончиво.

Седоватый вышел в переднюю комнату. Вернувшись, он протянул мне пачку и сказал:

— На этот раз сигареты лежали в левом кармане.

Не знаю, почему этот факт принес мне облегчение. Я уже полностью владел собой, доставая из коричневой пачки американский «Морис». «Вы всегда так точно помните...» Вопрос седоватого имел явный подтекст. «Они обращают внимание на каждую деталь», — мысленно констатировал я, довольный даже такой мелочью, что пачка сигарет лежала не там, где я сказал. Чем все это кончится? Сейчас они ставят диагноз, изучают показания аппарата. Из нескольких де-

сятков вопросов Эдварда, на которые я дал письменные ответы, они выбрали менее двадцати. На вопрос: «Когда ты спал с женщиной?» — я ответил: «Десять дней назад». — «Какое у нее имя?» — «Магда». Это была неправда, но имя Магда я хорошо помнил, любил когда-то девушку с таким именем и никогда ее не забуду. Может, мне надо было сказать, что ее имя Данка, имя моей жены? Ой, Данка, Данка, увижу ли я тебя еще хоть раз в жизни? Такие хаотичные мысли лезли мне в голову. А мои противники совещались. Если бы я мог все слышать и понимать, о чем они говорят. Почему они спросили, не Мариан ли мое имя? Это мое настоящее имя, то есть моя ахиллесова пята. Второй спросил, Рышард ли я. Да, Рышард Черник, и никакого другого узнать они не должны. Мариан вычеркнул из биографии свое имя, прошлое, семью, мечты... Но не навсегда, только до тех пор, пока этого требует выполнение задания. Боялся ли я? Да, видимо так, но, если я не преодолею страх, мне никогда не вернуться в родимый край, к своему имени и настоящей жизни.

Голос сзади: Начинаем.

«Холера! Значит, еще не конец? Не расслабляйся, братец!»

Треск включаемого аппарата.

Голос сзади: У тебя есть жена?

Я: Нет.

Голос сзади: Ты познакомился в Берлине с Беном?

Я: Да.

Голос сзади: Ты работаешь на польскую разведку?

Я: Нет.

Голос сзади: Ты родился двадцать шестого апреля двадцать второго года?

Я: Да.

Голос сзади: У тебя есть ботинки?

Я: Да.

Голос сзади: Ты пил виски?

Я (после секундного колебания): Не понимаю...

— Остановись,— услышал я голос из другой комнаты.

— Как «остановись»? — спросил я.

— Это я сказал своему коллеге,— ответил он.

О каком виски идет речь? Я недоумевал. Внезапно вспомнил. Это они имели в виду виски, которое заказал Эдвард в кафе «Штадт Вин», когда мы прибыли в Мюнхен. Седоватый использовал каждую мельчайшую подробность, известную ему, как, например, такой факт, что я был с Беном в баре «Чардаш». «Черт бы вас побрал!»

— Я вспомнил: позавчера с господином Эдвардом мы пили виски,— объяснил я.

Голос блондина: Начинаем! — Треск аппарата.— Ты пил виски?.. Ты агент коммунистической разведки?..

Снова огонь перекрестных вопросов. Многие из них повторялись, лишь в иной последовательности. На некоторые я отвечал в соответствии с истиной, на другие — совершенно неправдиво или наполовину правдиво.

Еще один перерыв. Седоватый с блондином анализировали в соседней комнате результаты. Мне казалось, что длилось это слишком долго, я уже всем этим был сыт по горло.

5

Не впервые в жизни я подвергался опасности. Во время оккупации в партизанском отряде я был в конной разведке. Много ночей пришлось мне скакать на коне, объехать на нем всю келецкую землю. Его кличка была Дикий. Мы часто перемещались, меняя место расположения ночами, а разведчики при этом всегда были в передовом охранении. Вдвоем, иногда втроем, на конях мы ехали в нескольких сотнях метров впереди отряда, и нас первых ведале подстерегала опасность. Когда около Зарышина нас окружили немцы и батальон СС «Галитчина», командир послал одного из нас в отряд, находившийся в соседнем лесу. Разведчику предстояло проехать по открытому полю. Я видел, как пулеметная очередь спесла его с коня. Тогда командир подошел ко мне:

— Может, тебе удастся...

И удалось. Но разве я тогда не боялся? Да, но только себе в этом не признавался.

Я хорошо прочувствовал эти дьявольские мгновения, когда жизнь висела на волоске. Никогда не забуду кровавого взгляда Атамана и направленного на меня ствола парабеллума. «Ты подставной,— педил он сквозь зубы.— Каждого, кто хотел обвести меня вокруг пальца, я отправлял к праотцам, и тебя спрячу «под газон».

Или другой, тоже тяжелый момент, когда я встретился с главарем банды Лешеком. Его угроза: «Ты искал со мной контакта, ты его получил, сукин сын».

Но там я мог врезать противнику в морду, выбить из рук оружие или даже попытаться спастись бегством, то есть каким-то образом действовать. Сознание этого создавало иллюзию выхода из самого отчаянного положения. Так мне казалось. Мне часто приходилось попадать в сложные усло-

вия, но всегда легче было встречаться с опасностью лицом к лицу, когда можно было быть активным. А сейчас я чувствовал свое бессилие, являясь чем-то вроде подопытного кролика.

Когда я сидел в кресле детектора лжи, мне еще было неизвестно, что означает термин «стресс». Когда пришло самое, что называется, спокойное для меня время, я однажды, перелистывая книжку по психологии, узнал, что это состояние возникает под воздействием беспокоящих, опасных факторов.

Значит, если существует понятие стресса, то должна также иметь место сопротивляемость, устойчивость по отношению к стрессовой ситуации, ситуации давления, натиска. И тоже позже, чем все это было пережито мною, я узнал, что сопротивляемость стрессу как устойчивый признак присуща лишь пятой части людей.

Знание теории помогает человеку в определенных жизненных ситуациях. Если бы я тогда был знаком с этой областью психологии, то причислил бы себя к этой пятой части устойчивых людей и чувствовал бы себя значительно уверенней.

— Испытание окончено, — объявил седоватый и проводил меня в третью комнату. Полчаса ожидания. Наконец я услышал шаги. В двери стояли седоватый, блондин и третий мужчина, который измерил меня грозным взглядом и сообщил:

— Вот что, братец, аппарат не ошибается. Тесты выпали для тебя отрицательные. Отсюда тебе не выйти так легко, но у тебя еще есть один шанс, если все расскажешь и будешь послушным.

Я почувствовал, как земля из-под ног куда-то уходит.

Блондин и седоватый остались у двери, не спуская с меня глаз. Третий, широкоплечий верзила, пришедший с ними, стоял надо мной, как палач. Минута тишины горше не знаю каких терзаний, лишь один вопрос стучал у меня в голове: как мне себя сейчас вести? Как отреагировать? Седоватый и блондин отступили за дверь, исчезли в темном холле, закрыв за собой дверь. Остался только третий.

— О чем задумался? Может, полагаешь, что мы не знаем, кто ты есть? — процедил он грозным голосом. — У тебя два выхода: или все расскажешь, как на исповеди, или... пойдешь в камеру, да не на один десяток лет. Когда выйдешь, будешь стариком. Ну, говори! — гаркнул он.

«Ты хочешь меня сломить, скотина!» Я весь внутренне напрягся. Надо поставить все на одну карту. Может, они

действительно подозревают, что мои карты фальшивые, но других у меня нет, надо играть ими. Смелым везет. Лучшая защита — нападение. Иду ва-банк.

— Замолчи, хам! — крикнул я. — Ты как ведешь себя со мной? Довольно, что там, в коммунистическом режиме, мне грозило пожизненное заключение! Как ты смеешь меня оскорблять? — бросил я ему в лицо, поднявшись со стула.

— Не петушись! — попытался остановить меня верзила, но уже не так уверенно. Мой резкий выпад озадачил его и выбил из колеи. Это уже хорошо. Пусть поймет, что он промахнулся и я не потерплю никакого нажима.

— Не намерен с вами разговаривать, — спокойно произнес я и сунул в рот сигарету. Когда подносил зажигалку к сигарете, то с трудом сдержал дрожь в руке. — Прошу пригласить этих господ, — я показал на дверь, за которой исчезли блондин и седоватый, оттягивая время, чтобы выиграть секунды и решить, как действовать дальше.

Специалисты по проверке на детекторе лжи вошли в комнату, прежде чем третий успел их позвать. Видимо, они подслушивали наш разговор.

— Я не намерен, — повторил я, — разговаривать с этим типом. Прошу связать меня с господином Эдвардом.

— Почему именно с Эдвардом? — спросил седоватый.

— Это же совершенно ясно: он единственный, кто обменялся со мной паролем, который я получил в Варшаве для установления контакта с уполномоченным лицом, и поэтому хочу говорить с ним о том, что здесь со мной произошло. К вам у меня нет никаких претензий, проверка проводилась с моего согласия, но я не позволю себя оскорблять. — Произнеся это, я показал на верзилу. — Мало сказать, что он хватил через край...

«Все вы такие же», — подумал я, но логика диктовала, что именно так надо вести игру.

Два часа спустя я обедал с Эдвардом в шикарном ресторане на Зендлингерторплатц.

— Вы не удивляйтесь, — объяснял мне спсиходительным тоном, как бы мягко уговаривая, Эдвард. — Они должны проверять, уж так у них принято.

— Мне не страшны никакие проверки, моя борьба с коммунизмом говорит сама за себя, но я не позволю оскорблять собственное достоинство.

— Прекрасно вас понимаю, я тоже поляк, — согласился Эдвард.

«Да, — подумал я, — поляк, только с немецкими документами. Продав себя и работаешь против своей родины»

вместе с такими, как Бенон, и ему подобными. Двинул бы тебе в рожу, да вынужден считать себя таким же, как и ты, твоим единомышленником. Когда-нибудь ты, возможно, узнаешь, кем был я на самом деле. Но лишь после того, как выберусь отсюда целым и невредимым».

Мы расстались у ресторана. На сегодняшний день впечатлений у меня было предостаточно.

— Итак, ровно в одиннадцать завтра в кафе «Мак», — повторил я на прощание предложенное Эдвардом место встречи.

Я шел по городу без всякой цели. Харрасплатц. Внушительное здание кинотеатра. И снова улыбающееся лицо Эрнста Роммеля. «Лиса пустыни». Та же реклама, что и в Берлине. У кинотеатра человек двадцать, все мужчины, стоят в очереди за билетами. Сколько из этих было тогда в гитлеровском африканском корпусе?

Затерявшись в людской толпе, я вышел на какую-то площадь. Над вечно спешащей толчеей, на высоте шестого этажа красовался цветистый ряд сенсационных заголовков вечернего выпуска газет. Я остановился перед огромной афишей — она призывала посетить «Америка-хауз». Двинулся дальше. Торговый центр Мюнхена. Реклама кричала со степ домов, с тумб, оград, светила в глаза неоновым светом, достигала ушей через мегафоны. Ты видел фильм «Столкновение миров»? Посмотри «Атоммен против супермена». «Холодная война» не ограничилась ста тысячами долларов, отпущенными Конгрессом США на шпионаж, саботаж и диверсии.

Разрушенное каменное здание — след войны. Среди руин роскошный парадный подъезд. «Атлантик-коктейль-бар». Яркие неоновые трубки освещали фотографии почти пагих танцовщиц, ниже призывная подпись: «Войди и выбери одну из тридцати прекрасных такси-герлс». Я остановился: и правда, красивые девушки. Еще несколько десятков метров, и пошли дешевые закусовые, рекламы обедов: салат из картофеля — восемьдесят пфеннигов; суп из бычьих хвостов...

— «Абелдцайтунг»! «Абелдцайтунг»! — призывно кричал молодой человек в академической шапочке, тщетно пытаясь перекричать шум улицы и гул двигателей проезжавших поездов. Я протянул руку за газетой, дав монету достоинством в одну марку. Мерси, сдачи не надо.

А может, за мной «хвост»? Ладно, пусть следят. В этой толпе трудно что-либо заметить. Сейчас это не проблема, а вот завтра или послезавтра, когда мне надо будет подго-

товить письмо с тайнописью и отправить нашим по условленному адресу в Варшаву... Зачем сегодня об этом думать? Я вошел в кафе около Карлссплатц. Пробежал заголовки газеты. Меня заинтересовало объявление какого-то почтового ресторана, хотя я понимал с пятого на десятое. Сегодня вечер принадлежал мне. Надо увидеть, как выглядит почной Мюнхен. Эдвард выплатил мне несколько сот марок на личные расходы. Не буду экономить шпионскую дотацию американцев.

Поздним вечером я подъехал на такси к почному ресторану. Портье в ливрее открыл дверь. Я пошел в холл. Около зеркала стояли два господина во фраках. Ну я и попал! Кажется, это ресторан для миллионеров. Я уже было попятился назад, но один из мужчин во фраке услужливо поклонился мне, приглашая пройти дальше.

— Бон суар, мсье, — произнес я, так как выступал в роли француза. Купил карточку клуба. Стоила она дорого, но ничего не поделаешь, раз пошел, то плати.

Человек во фраке оказался принимающим гостей. Он проводил меня в мягко освещенный зал. Каждый второй столик был занят. Много американцев в форме. На каждом столике небольшая лампа и телефон, над лампой — заметная издали табличка с номером столика. Провожатый усадил меня за один из них. Подошел кельнер. Я не знал, что заказать; не хотелось допустить оплошность: ведь я француз из Парижа, то есть человек бывалый. Заказал кофе и коньяк. Это всегда уместно. Выпил рюмку. Услужливый кельнер без напоминания наполнил мою рюмку вновь. Я не возражал. Приятное тепло разливалось по телу. Никогда я не пил один, но сегодня с кем бы мне можно было поднять тост от души?

Я осмотрел зал. Девушка пела «Фюр айне нахт». Мне знакома была эта мелодия, ее исполняла Марика Рокк, звезда гитлеровского кино. В зале танцевали пары. Недалеко от меня за столик сели три девушки, все красивые. Не люблю, когда после меня кто-то входит в ресторан — может, за мной следят? Но кажется, девушки эти не из тех, хотя все возможно. Одна очень мне понравилась. Я знал, что в Германии существуют так пазываемые семейные рестораны, куда могут прийти одни женщины, и никто не считает это дурным тоном, никто не упрекает, что они плохо себя ведут. Кельнер снова налил. Я выпил, посмотрев на понравившуюся мне девушку. Прекрасно сложена, большие голубые глаза, смуглая кожа и черные волосы. Оркестр за-

играл какое-то танго. Может, пригласить ее на танец? А если она откажет? Подошел кельнер.

— Здесь приятно приглашать кого-либо с другого столика? — спросил я его.

— Разумеется. Вы только наберите по телефону номер столика, за которым кто-то вас интересуется.

Я поймал ее взгляд. Она заметила меня. Номер семнадцать. Я набрал эти две цифры. Она подняла трубку.

— Могу я вас пригласить на танец? — спросил я ее по-французски.

— С удовольствием, — ответила она по-немецки.

Через минуту мы танцевали. Она знала несколько десятков слов по-французски, столько же я по-немецки. Этого было достаточно, чтобы понимать друг друга. Оркестр перестал играть. Пригласить ее к столику? Может, неудобно, она же в компании. Я чувствовал себя неуверенно, поблагодарил ее. Кельнер успел наполнить мою рюмку. Я выпил и снова пригласил брюнетку на танец. «Какая красивая, — думал я. — Хорошо бы завязать с тобой знакомство, сохраняя свое инкогнито, и в случае необходимости воспользоваться этим фактом, чтобы подтвердить свою легенду». А может, я только искал оправдания? И все-таки эта девушка нравилась мне все больше. Танец кончился. В другом зале я увидел коктейль-бар, за буфетом — несколько красивых девушек. В голову мне внезапно пришла мысль: может, пока пригласить ее в бар — это вполне удобно. Она согласилась. Мы заняли места на высоких сиденьях.

— Мне приятно с вами познакомиться, — сказал я ей.

— Мне также, — ответила она.

«Это вселяет надежду», — подумал я. Что заказать? Не хотелось попасть впросак — ведь я же представился ей парижанином. Пробежал глазами названия: «Огайо»... «Манхеттен»... «Колорадо»... Что это? Еда или питье?.. Я пашелся.

— Что бы вы желали? — спросил я свою спутницу.

— «Огайо», — назвала она.

Я заказал. Барменша подала два коктейля со льдом и вишенкой. Мы подняли бокалы. «Совсем неплохой коктейль этот «Огайо», — констатировал я. Мы снова пошли танцевать, затем вернулись в бар.

— Еще «Огайо». — И опять танец. Я не ужинал, и трудно было поднимать тосты на пустой желудок.

— Что бы еще заказать? — спросил я, думая о закуске.

— «Манхеттен», — предложила брюнетка, смеясь. Это название мне было известно из географии США, но что здесь

этим названо: напиток или кушанье? Скорее всего второе. Я заказал два раза «Манхеттен» и два раза «Огайо». Барменша заколебалась, но, увидев мой нетерпеливый жест, выполнила заказ, подав четыре коктейля. Значит, «Манхеттен» тоже коктейль. Надо было спасти положение.

— У меня иногда бывают такие капризы: заказываю четыре коктейля, а то и пять, пробую один, другой выпиваю, а третий не трогаю. Просто плачу и требую, — отшутился я. Девушка посмотрела на меня совсем другим взглядом. Наверное, подумала, что я миллионер. Мы выпили на «ты»: Рита и Жан.

— А не поужинать ли нам за моим столиком? — предложил я.

— С удовольствием! — согласилась она.

Оплачивая счет в баре, я думал: «Нужно было сразу пригласить ее за столик. И зачем было выбирать окольные пути?»

Когда я предложил ей меню, она выбрала себе омара. Я заказал то же самое. И на столе появилось блюдо, а на нем два огромных краба. И мне это придется есть? «Стоп, ты француз, братец, — сказал я себе, — должен есть и лягушек, и устриц, а тем более — омаров».

Бутылка шампанского, французский «кордон руж». Я почувствовал себя беззаботно. Рядом со мной прекрасная Рита, детектор лжи был преодолен, а оркестр так замечательно играет... и я нравлюсь девушке...

Кельнер подал счет: неслыханная сумма! Моих денег едва хватило заплатить. Я внимательно изучил счет: не все мне было в нем понятно. Подозвал кельнера.

Услыхав это, девушка вышла и больше не возвращалась. Кельнер объяснил, что это плата за общество Риты. Вот оно что! Такси-герлс-бар! А мне казалось, что я и вправду нравлюсь этой девушке.

Очарование прошло. Выйдя из ресторана, я заметил на улице двух мужчин, которые шли мне навстречу. Кожаные плащи, тирольские шляпы с плюмажем, опущенными сзади полями. Мне это что-то напомнило. Я резко свернул в сторону и зашагал в другом направлении.

Кафе «Мак». Изысканное заведение в центре столицы Баварии. Кафе, ресторан и ночной ресторан. Эдвард должен был ожидать меня в кафе. Войдя в зал, я осмотрелся: все тонуло в зелени, море цветов, словно в оранжевое. Эдвард

первый увидел меня и пригласил за столик. Рядом с ним сидел незнакомый мне мужчина.

— Наш сотрудник,— пояснил мне Эдвард.— В ближайшие дни будете действовать вместе.

— Казимеж,— назвал себя незнакомец.

— Для вас я Рышард, а для внешнего мира — француз, Жап Поль,— в свою очередь представился я.

— Я посвящен во все детали,— уведомил меня Казимеж.

Через час мы вышли из такси на городской окраине, около железнодорожного переезда на Людвигсхёрштрассе. Эдвард остался.

— Конспирация всюду обязывает. Водитель не должен знать, куда мы направляемся,— сказал Казимеж.— Это несколько сот метров отсюда.

Мы находились в тихом, отдаленном квартале Мюнхена — Золльне. Красивые виллы и особняки топились в зелени раскидистых старых деревьев. Казалось, что мы не в оглушенном грохотом и шумом миллионном городе, а в прекрасной курортной местности. Казимеж повел меня куда-то. Мы миновали небольшое вокзальное здание станции пригородного сообщения и вышли на живописно расположенную улочку, как бы нависшую над Изаром на его берегу.

— Здесь размещается наша главная квартира,— сообщил Казимеж.— Войдем с черного хода. Место хорошо замаскировано, но осторожность не помешает.

«Хайльманштрассе, двадцать три», — прочитал я на табличке и несколько раз про себя повторил название улицы и номер дома. Через запертые железные ворота был виден трехэтажный особняк, стоящий посреди большого сада, окруженного высокой каменной стеной. Казимеж потянул меня дальше, мы спустились вниз на параллельную с Хайльманштрассе улочку, пересекающую парк у самого берега рукава реки Изар. После я отыскал на плане эту улочку — мне необходимо было точно определить местонахождение шпионского гнезда — она называлась Ковентцштрассе. Над нами возвышался обрывистый откос. Казимеж открыл маленькую, едва заметную в зарослях калитку. Мы проскользнули за ограду, потом лезли вверх несколько десятков метров по крутой тропинке среди камней и в самом конце оказались перед роскошным большим зданием. С черного хода мы вошли в вестибюль. Прямо как в каком-нибудь английском детективном романе.

В соседних резиденциях текла ничем не нарушаемая жизнь «сливок» Мюнхена. Многие годы в этом районе ничто не менялось, жизнь бежала по накатанной колее. Вла-

дельцы прекрасных вилл черпали доходы из промышленных предприятий, биржевых спекуляций, торговых сделок и других видов бизнеса. Единственная перемена, происшедшая здесь, — это новый покровитель — американцы, занявшие место своих фашистских предшественников. Но с этой стороны жителям Хайльманштрассе ничто не грозило. Премущественность интересов мира капитала в ФРГ была застрахована. Возможно, именно поэтому окружение виллы под номером двадцать три считалось самым надежным. Высокая каменная стена с массивными въездными воротами укрывала новых жильцов от глаз нежелательного наблюдателя.

Это был необычный дом, а еще необычнее — его жильцы. Я пропикал в глубь организации, познавал тайны деятельности людей, руководивших разведывательно-диверсионными акциями, направленными против Польши. Когда я пробирался по каналу переброски от польской границы к Берлину и позже, в самом Берлине, то сталкивался только с пемцами, которые по периоду оккупации досконально знали Варшаву, Краков и другие польские города. В свое время эти люди были на нашей земле в форме гитлеровских офицеров. Затем за ними стояли американцы из ЦРУ. А сейчас в закопсированной резиденции под Мюнхеном я встретился с людьми, которые прекрасно говорили по-польски и по приказу американской разведки работали рука об руку с Беном Бартелем, Георгом Совой и их друзьями из абвера против страны, которая когда-то была их родиной.

Казимеж познакомил меня с шефом агентуры, который представился мне под псевдонимом Марек. После я узнал, что этим именем он пользовался только при общении с людьми, действующими в нашей стране, но как резидент американской разведки пользовался псевдонимом Томми.

Кем был Марек, он же Томми?

В действительности его звали Юзеф Маделек, родом он был из Жешувщины, до войны — кадровый офицер корпуса пограничной охраны, служил на польско-советской границе, выполнял задания второго отдела — «двойки» (разведки в буржуазной Польше). После войны он бежал из Польши, какое-то время жил в Англии, пытался там сыграть роль в жизни польской политической эмиграции. Когда из этого ничего не вышло, Маделек установил связь с «Интеллидженс сервис». Разведка изучала эмигрантскую среду, подыскивая для сотрудничества бывших военных. Маделек некоторое время продвигался в английской разведке, но сделать там карьеру ему не удалось.

«Ковбои богаты и более наивны». Я запомнил эти слова, которые он неоднократно повторял в разговорах со мной. Позже я сам убедился, что этот человек имел незаурядный талант лавирования. За спиной англичан он установил связь с американцами, разведка которых более решительно прокладывала каналы связи к Польше. Посредничал в этом деле господин Сапега под псевдонимом Поль, кадровый сотрудник ЦРУ, ведавший в американской разведывательной службе делами Южной Америки. Вначале Мацелен работал на две стороны, на двух хозяев. Но американцы платили щедрее. Надо было в конце концов на что-то решиться, чтобы не выпасть из игры. Он поставил на американцев и перебрался из Англии в Западную Германию.

Так в тихом укромном районе Мюнхена, на прекрасно расположенной на берегу Изара вилле, которую американская разведка отдала ему в распоряжение, возникла главная квартира резидентуры. Томми занял апартаменты на втором этаже. Он начал подбирать сотрудников. Прежде всего вытащил из Англии доверенного человека — Эдварда Куликовского, псевдоним которого был Енджей, и назначил его своим заместителем. Эдвард быстро освоился в Мюнхене, и Мацелен понял, что Енджей выслуживается перед американцами и роет ему яму. Томми забеспокоился: не хочет ли заместитель занять его место? И на всякий случай отодвинул его в сторону, отправив в Англию.

Третьим жильцом на вилле по Хайльманштрассе был Казимеж. Томми вытащил его из эмигрантской нужды во Франции и закупил вместе с женой Ядвигой на шпионскую работу. Казимеж был родом из Польши, до войны получил юридическое образование, в сентябре 1939 года попал в плен, после войны не вернулся на родину — выбрал эмиграцию, которая дала ему лишь должность в одной из сапожных мастерских в Париже. Ядвига, тоже полька, через три года после освобождения Польши от оккупации бежала на Запад от грозившей ей уголовной ответственности. Она покинула страну, оставив в ней старую мать и прервав учебу в педагогическом институте в Лодзи. К моменту нашего знакомства она выполняла обязанности личного секретаря Томми и вместе с мужем проживала на законспирированной вилле резидентуры.

На третьем этаже было размещено оборудование для изготовления фальшивых документов. В двух просторных комнатах подделывались польские военные билеты, служебные удостоверения и другие документы, которыми обеспечивались агенты, перебрасываемые в Польшу через грани-

ду. Томми для этой цели вызвал из Лондона Михала Сулиму и его любовницу Алину — старых специалистов по подделке документов. Готовые образцы, изготовленные в их мастерской, передавались выпестованному центру американской разведки.

Служанка, бежавшая из Польши, фольксдойче, дополнила теплую компанию, свившую гнездо на вилле на Хайльманштрассе.

Когда я оказался в главной квартире Мацелека, работа всей резидентуры шла полным ходом. Устанавливались новые контакты, подбирались почтовые ящики, организовывалась связь. Один из ближайших сотрудников Томми под псевдонимом Альбин, ведавший связью, перепес свою квартиру из Парижа в Эссен и оттуда прокладывал каналы разведки к Польше. Менялись только маршруты переброски и их шифрованные названия.

Тесное сотрудничество работники этой резидентуры наладили с сотрудниками так называемой польской секции радиостанции «Свободная Европа». На Винцерерштрассе, 54 был устроен почтовый ящик под контролем Болеслава Вонсевича, редактора на радиостанции «Свободная Европа».

До сих пор я лишь представлял людей, которых во время своего пребывания в Мюнхене сумел довольно близко узнать. Теперь стоит показать, как выглядела их шпионская деятельность и с кем они работали рука об руку, начиная от их хозяев из Центрального разведывательного управления США и кончая упомянутой польской секцией радиостанции «Свободная Европа».

Некоторым читателям приключенческих повестей и любителям таких же кинофильмов может показаться, что работа разведки заключается в похищении из бронированных сейфов наисекретнейших планов особой значимости. Это не совсем так. В двадцатом веке, в эпоху счетно-вычислительных машин, разведывательную деятельность можно было бы определить как труд по выкладыванию мозаики. Самая разнообразная и на первый взгляд незначительная информация мелкими ручейками стекается в обширные бюро по изучению этой информации, где ее анализ дает более или менее обстоятельную картину целого.

Много часов, дней и ночей просидел я на вилле на Хайльманштрассе, где со мной беседовали различные сотрудники американской разведки. Они старались вытянуть из меня максимум информации о Польше. Что-то пришлось рассказать, но так, чтобы не принести вреда своей стране. Я придерживался указаний, полученных мной в Польше, и

сообщал моим собеседникам то, чем мог бы поделиться с ними любой прохожий, да и каждый из них, находясь на нашей земле, увидел бы и узнал это сам.

Томми в первый день был занят, поэтому отдал меня в руки руководителя группы легализации Михала Сулимы. Вопросы легализации являлись совершенно особой частью интересов как центра американской разведки в Мюнхене, так и созданной специально для этой цели группы легализации резидентуры. Сулима провел со мной несколько бесед, из которых я понял, какая информация больше всего интересует ту сторону.

Американский агент показал мне ряд образцов изготовленных документов и спросил, имеют ли они до сих пор хождение в стране, в каких случаях власти требуют предъявлять те или иные документы. Набор документов, имевшихся в резидентуре, состоял из служебного удостоверения, свидетельства о рождении, свидетельства о браке, военного билета либо удостоверения инвалида, профсоюзного билета, партийного билета, а также нескольких образцов документов, облегчающих передвижение, таких, как командировочные предписания различных государственных учреждений п т. п. Каждый комплект документов, подготовленный этой группой легализации, был снабжен подробной письменной легендой.

Вопросы, заданные мне Сулимой, касались выяснения некоторых деталей, связанных с режимом пользования документами. Например, в разговоре о военных билетах Сулима спрашивал, выдаются ли они на единых бланках централизованно для всей страны Министерством национальной обороны, как обстоит дело с постановкой на воинский учет, на какой срок действительны служебные удостоверения различных учреждений со дня их выдачи, продлеваются ли они раз в месяц, квартал или год, какие печати используются и т. д.

Как я уже упомянул, на каждый комплект документов группа легализации резидентуры разрабатывала обстоятельную легенду, охватывающую информацию, необходимую для лица, которому предстояло пользоваться ими в стране. В этой легенде приводились такие данные: точный адрес учреждения, которое якобы выдало удостоверение, фамилии лиц, занимающих руководящие должности в данном учреждении, называвшие некоторых отделов, сколько зарабатывало лицо, должность которого была указана в удостоверении, получал ли зарплату владелец документа авансом или задним числом, помесечно или раз в неделю, предостав-

ляло ли данное учреждение, служебным удостоверением которого пользовался агент, возможность передвижения по всей стране с командировочным удостоверением или без него, какие могли быть поводы для служебных поездок и в какие районные страны, обеспечиваются ли выезжающие в командировку бесплатными билетами польских государственных железных дорог, располагает ли данное учреждение своими центрами отдыха и т. д.

Такого рода легенда, приложенная к каждому комплекту личных документов, становилась как бы консультантом для агента иностранной разведки, который засылался в Польшу.

Сулима поведал мне, что каждый комплект подобных документов резидентура передает для использования по назначению вышестоящему звену американской разведки, а он, Сулима, уже несколько раз за свои труды получал вознаграждение в долларах.

Много часов пришлось мне беседовать с руководителем группы легализации в его мастерской на третьем этаже виллы. Это был довольно мучительный экзамен. Сулима задавал вопросы, которые, казалось, не имели отношения к подделке документов, выдаваемых гражданам в Польшу. Эти вопросы были своего рода дополнением к легенде.

Специалист по фальсификации показал мне комплект документов, подготовленный для агента, который должен был поселиться в Новой Гуте, и стал выпытывать и скрупулезно записывать такую информацию, как названия ресторанов в тех местах, где и какие есть рабочие столовые, предприятия общественного назначения. Он даже дал мне посмотреть меню тех ресторанов, спросив, действуют ли цены, указанные в них.

— Все эти сведения, — говорил он, — пригодятся для подготовки засылаемых в страну агентов, которым придется возвращаться в определенном кругу. Каждая информация, даже такая, как цены в ресторанах или их названия, есть элемент, облегчающий передвижение, акклиматизацию в данной местности в стране врага. — Так пан Михал Сулима, человек, говоривший по-польски, а теперь лишь наемник американской разведки, охарактеризовал страну, в которой родился. — Такая информация, — продолжал он доверительно, — как будто совсем несущественна для разведывательной работы, но у нас она является материалом для подготовки необходимых лекций в разведывательно-диверсионной школе.

Накопец я освободился из-под опеки пана Сулимы, но

это не означало, что меня теперь оставят в покое. Михаил Сулима выполнял лишь второстепенную роль на законспирированной вилле. Пришло время для более серьезных разговоров. Мне следовало контролировать каждый свой шаг.

Следующие дни я почти не выходил из виллы. Собеседники мои менялись. В Мюнхене выпал первый снег. Хотелось выбраться отсюда, поехать в Гармиш, в Альпы. Хотя бы немного передохнуть. Но Томми этого не позволял.

Несколько вечеров я сидел над анкетой, разработанной резидентурой в Мюнхене. Ответы на сотни вопросов служили для так называемых исследований страны врага. Анкета была разбита на тематические разделы. Одним из главных был раздел, посвященный оборонной промышленности на общем фоне всей экономики Польши. Среди прочих в этом разделе выделялись вопросы: какую роль играет промышленность страны в вооружении и снабжении вооруженных сил? Как она размещена в стране и как оснащена? После каждого из общих вопросов следовали конкретные, которые могли бы позволить собрать максимум информации в этой области. Следующий раздел, обозначенный как «Вооруженные силы режима», охватывал вопросы о штатах командного состава, сведениях о штабах частей и соединений, об их численности, организации, дислокации, вооружении и снабжении, учебном оборудовании, организации и состоянии руководящего аппарата, анкетных данных высшего командования, мобилизационных возможностях...

Не много я сказал им на эту тему. Во всяком случае, ничего такого, что имело бы существенное значение для противника.

— В стране я выполнял другие задания для разведывательной сети, а с армией меня ничто не связывало, — объяснил я.

Предметом особой заинтересованности американской разведки в тот период был раздел коммуникаций, который вплотную касался директив, разработанных по плану под условным названием «Вулкан», но об этом речь пойдет в другом месте. Все вопросы сводились к тому, чтобы обновить карту путей сообщения Польши — сухопутных, водных и воздушных, при этом особое внимание уделялось тем из них, которые могли бы иметь стратегическое значение в те времена «холодной войны».

Однако заинтересованность специалистов по шпионажу не ограничивалась только этой областью. Другая анкета, переданная мне, касалась промышленного комплекса Новой Гуты. Стоит привести некоторые вопросы: когда сталели-

тейный завод будет полностью готов к выпуску продукции? какова будет его производительность? какие виды продукции будут выпускаться? сколько будет рядов коксовых печей, где они будут размещены, какова их длина, высота, какое расстояние от коксовых печей до доменных? описать пех или цеха, где чугун превращается в сталь; применяется ли для устройства печей огнеупорный кирпич? сколько будет всего печей? имеются ли фильтры для дыма? применяются ли конверторы Бессемера? какие средства и меры безопасности, направленные на сохранение производственной тайны, следует иметь в виду?..

Список вопросов, разбитых на темы и по районам страны, был составлен бюро исследований американской разведки при содействии немцев из «Организации Гелена». Как мне удалось выяснить, эти вопросы ставились отдельным лицам в зависимости от того, какие отрасли производства и районы Польши им были наиболее знакомы. Самым обширным, занимавшим около двадцати страниц машинописного текста одних вопросов, являлся раздел, касающийся коммуникаций Польши, причем особо учитывался мобилизационный план железных дорог, а также план их функционирования на случай войны.

Почему? Ответ на этот вопрос я нашел несколько позже.

7

Через несколько суток Томми задержал меня на всю ночь в здании на Хайльманштрассе. Секретарь Ядвига принесла два термоса с кофе и поднос с бутербродами. Когда мы остались одни, шеф приступил к обсуждению политической обстановки в Европе и вытекающих отсюда планов американской разведки. Это был интересный разговор.

— Разведка тогда хороша, — сказал Томми, — когда у нее есть наготове различные варианты планов для любых обстоятельств. Французы называют разведку пятачками истории, которые в каком-то смысле должны опережать события. И это определение верно. Каждый план становится одной из таких пятачков. Трудно предугадать, какая из них совместится с ходом событий. Направления деятельности разведки против страны противника — это несколько различных планов, из которых важнейшим является план действий в день X, то есть в день начала военного конфликта, — продолжал Томми, раскрывая передо мной наиболее агрессивный вариант разработанного в период «холодной войны»

плана против Польши, имевшей на его языке только одно название: страна врага.

Я внимательно слушал высказывания агента, лишенного всяких угрызений совести, стараясь не пропустить ни одного слова.

Томми начал с разъяснения ситуации в Европе. Он бесстрастно излагал предвидения американской разведки относительно хода событий в случае военного конфликта «Восток — Запад». Он говорил, что, по мнению специалистов из ЦРУ, можно ожидать следующего развития действий на Западе: период первый — относительно быстрое продвижение сил восточного блока, наступление и сражение между Рейном и Мозелем; период второй — в зависимости от исхода битвы на Рейне и Мозеле затяжные действия в этом районе, но скорее даже на побережье Атлантики и в Пиренеях.

— Что же так пессимистично американцы рассматривают развитие событий? — спросил я.

— После подискутируем, — остановил меня Томми.

Я чувствовал, что он не хочет, чтобы ему мешали рассуждать и делать выводы, которые постараюсь сейчас вкратце изложить.

— И третий период, — продолжал Томми, — наступление западных союзников через Германию и, возможно, Балтику или через бассейн Дуная.

Руководитель резидентуры выпул из пачки сигарету, выпил глоток кофе и стал дальше растолковывать взгляды своих хозяев:

— В первый период наиболее вероятным районом сосредоточения сил восточного блока, согласно расчетам друзей — так он называл американцев, — будут Восточная Германия и Чехословакия. Ближайшие тылы этой группировки будут находиться здесь же, восточнее долины Одера и на территории Нижней Силезии. Полевые склады армий расположатся, видимо, на территории Восточной Германии и Чехословакии, и лишь очень небольшая часть их — восточнее Одера. Запасы будут подвезены в Восточную Германию и Чехословакию в таком объеме, чтобы их хватило для нанесения удара и выхода к Рейну, а также для ведения битвы между Рейном и Мозелем. С момента наступления советских войск, которое, по прогнозам друзей, совпадет с началом войны, главное значение для действий будет иметь сеть коммуникаций Германии и Чехословакии, ибо она свяжет склады с продвигающимися вперед войсками. По этим же взглядам, роль коммуникаций Польши в первый период действий будет сравнительно невелика.

Во второй период, то есть в случае предполагаемых боев в районе Рейн, Мозель или еще дальше — на побережье Атлантики и в Пиренеях, сеть коммуникаций Польши приобретет очень важное стратегическое значение. Если взглянуть на схему путепроводов в Центральной Европе, можно без труда заметить, что большинство транспорта с востока будет проходить через Польшу, а затем через Германию или Чехословакию. Густая сеть автомобильных и железных дорог Германии и Чехословакии переходит на территорию Польши в трех основных направлениях: прибалтийском, центральном и южном. Поэтому при распределении транспортов с людьми и грузами неизбежны трудности.

В третий период, то есть тогда, когда западные силы перейдут в наступление через Германию, а возможно, через Балтику или бассейн Дуная, сеть коммуникаций в Польше приобретет еще большее значение, чем во второй период, так как она будет особенно перенасыщена различными видами транспорта, движущегося как к линии фронта, так и в тыл.

Подобного рода рассуждения американской разведки привели к определенным выводам, из которых вытекали конкретные указания по подготовке соответствующих акций диверсий и саботажа в Польше на случай вооруженного конфликта «Восток — Запад». Выводы Центрального разведывательного управления привожу дословно:

«1) Польские коммуникации будут иметь принципиальное значение в период подготовки советского наступления, то есть, вероятно, в период, предшествующий началу конфликта. Через Польшу будет проходить большая часть транспортов с людьми и материалами. Следовательно, сеть коммуникаций Польши должна находиться под особым наблюдением в период, предшествующий предполагаемому вооруженному конфликту.

2) С началом войны непосредственное противодействие наступлению восточного блока возможно лишь с воздуха и посредством актов диверсий в Восточной Германии и Чехословакии на коммуникациях и складах. Диверсии на путях сообщения Польши в этот период не имеют такого значения.

3) Во второй период действий линии коммуникаций, проходящие через Польшу, приобретают важное значение для военных действий в Европе в целом.

4) В третий период, то есть во время контрнаступления с Запада, роль путей сообщения в Польше еще больше возрастает».

Томми утверждал, что эти прогнозы американской разведки явились основой для разработки детального плана диверсий, имеющих целью уничтожение линий коммуникаций в Польше на случай вооруженного конфликта. Этот план был передан американской разведкой резидентуре и носил условное название «Вулкан». Выводы, вытекающие из этого плана, заключались в подготовке агентурной сети, действующей в Польше, диверсий и саботажа на трех главных магистралях: прибалтийской — Кенигсберг — Берлин, центральной — Варшава — Берлин и южной — Львов — Катовице — Вроцлав — Дрезно. Эти три магистрали ближе всего сходятся в узкой полосе между Балтикой и Судетами, то есть в полосе западной границы Польши, далее на восток они пересекают еще один серьезный барьер на территории Польши, а именно линию Вислы и Сана, а затем третий барьер — реки Западный Буг и Неман.

— Диверсии, произведенные на этих барьерах, — объяснял мне Томми, — могут вызвать серьезное нарушение коммуникаций противника. Для осуществления массовых диверсионных действий потребуются значительные силы и большое количество средств, которые необходимо будет забросить в Польшу с Запада с помощью авиации. Местные силы будут играть в этом случае лишь вспомогательную роль. Для проведения беспокоящих диверсионных акций местными силами в случае вооруженного конфликта имеются благоприятные условия местности вдоль прибалтийской оси коммуникаций, так как она в основном проходит по лесным массивам. То же частично относится и к южной оси, имея в виду горный характер местности (Карпаты и Судеты). Центральная ось проходит по открытой местности, поэтому диверсионные действия местных сил здесь будут очень затруднены.

Характеризуя основные положения плана «Вулкан», резидент детально разобрал по пунктам инструкцию своих американских хозяев.

Иллюстрацией конкретных диверсионных замыслов американской разведки, связанных с осуществлением плана «Вулкан», служат выдержки из этого плана:

«Гомер» (условное название руководства военного сектора) в связи с осуществлением плана ставит общую цель, которая должна быть достигнута в результате акции, и дает частные задания, которые необходимо разделить на собственно операции на путях сообщения и на операции подготовительные и вспомогательные.

Сюда входят:

1) удары по отдельным объектам на линиях коммуникаций с целью перерезать важнейшие пути;

2) саботаж на линиях коммуникаций и во всей системе движения и связи;

3) подготовка для американской стороны целей нанесения авиацией бомбового удара по объектам, которые нельзя вывести из строя с помощью операций, указанных в пунктах 1 и 2. Это относится главным образом к железнодорожным узлам, перевалочным пунктам и крупным мостам. Основой этого должно служить проведение в стране тщательной разведки коммуникаций;

4) определение объектов, указанных в пункте 3, создание баз и мест выброски десантных групп с помощью агентурной сети и передача технических данных, добытых в ходе ведения разведки, американской стороне. Подготовиться принять и оказать поддержку выброшенным командос...»

Томми ознакомил меня с рядом приложений к плану «Вулкан», в которых конкретно разбирались фазы диверсии. Вот фрагмент одного из них, который я снова привожу дословно:

«...Пока слишком мало данных, чтобы охватить план операции в целом. Для тесного взаимодействия обе стороны должны передавать друг другу необходимые сведения. С этой целью американская сторона выдвигает требования к выбору площадок для сбрасывания грузов с самолетов с точки зрения агентурной сети, действующей в стране:

— в районе наименьшей опасности для выполняемой операции;

— вблизи подготовленных укрытий и убежищ;

— как можно ближе к месту предполагаемого использования данных материалов...

...Намеченные районы для сбрасывания грузов должны состоять как минимум из двух площадок, расположенных недалеко друг от друга и подготовленных заблаговременно. В ходе самой операции действует только одна из них, другая является запасной на случай, если первой будет грозить опасность...»

Отблеск позднего декабрьского утра пропик в прекрасно обставленную комнату, в которой целую ночь я провел в

разговоре с резидентом. Томми посмотрел на меня усталым взглядом и сказал:

— Это обширный план, и не случайно мы дали ему название «Вулкан».

«Напрасны твои надежды, мерзавец, этот вулкан никогда не проснется», — подумал я тогда.

8

Было большой удачей, что резидент ознакомил меня с планом «Вулкан». Это был самый ценный материал из всего, что мне удалось добыть. Томми еще несколько раз возвращался к этой теме, комментируя различные разделы агрессивного плана. Потом пришла очередь вспомогательных инструкций, которые я должен был запомнить. Например, оперативная часть «Инструкции «слонов» по выброске» (на жаргоне резидентуры американская разведка именовалась «слон», а английская — «жираф») содержала подробно изложенные по пунктам обязанности агентов на местности по подбору площадок для приема грузов, сбрасываемых с самолетов, и оборудованию посадочных полей, мест приема почты, посадки на воду, условий постановки световых сигналов. Целая энциклопедия диверсии.

«В хорошие руки отдал ты, наймит, ваш плап «Вулкан», — думал я с удовлетворением, глядя на агента с Хайльманштрассе. — День X — это день нанесения удара, новый «Дранг нах остен». Вы хотели бы чужими руками взорвать польские мосты, уничтожить объекты на железных дорогах. Не найти вам таких рук в Польше, дня X не будет, и ваш вулкан не проснется».

План противника перестал быть тайной за семью печатями. Надо было поскорее добраться с ним до Польши. Только тогда мои усилия могли увенчаться настоящим успехом.

Однако срок переброски в страну еще не был установлен, а мне не следовало слишком часто задавать вопросы по этому поводу, чтобы не возбудить подозрений.

Несколько дней спустя Томми снова передал меня под опеку специалиста по подделке документов, шефа так называемой группы легализации.

Михал Сулима хвастался своим искусством, крутясь по «мастерской» и посвящая меня в секреты тайнописи.

— На нашем языке письмо, написанное симпатическими чернилами, называется «скатерть», — объяснял он, демонстрируя, как это делается. — Бумагу следует разложить

на гладкой твердой поверхности, лучше всего на стекле, зеркале или мраморной плите. Писать надо вначале секретное послание, и только на одной стороне. Прежде всего нужно легонько поставить знак на той стороне, где предстоит писать. Знак потом убирается. Лучше писать по ленточке, установленной на краю листа, где будет составляться «скатерть». Тайнопись выполняется печатными буквами с помощью пера или кисточки, не оставляющих следа на поверхности бумаги. После нанесения на лист тайнописи «скатерть» надлежит с обеих сторон подержать над паром, а затем положить на нее промокашку и прогладить тяжелым предметом, чтобы придать ей нормальный вид. Только тогда для отвода глаз можно написать на «скатерти» обычное письмо, лучше всего перпендикулярно к секретному посланию, чтобы полностью не закрыть невидимые слова. Правда, просто? — спросил Сулима, опуская таблетку в воду. — Одна таблетка дает пятьдесят граммов симпатических чернил, которые на нашем языке называются «антилопа».

Мы для пробы выполнили тайнопись. Сулима продолжал инструктаж.

— Теперь можно проявить, — объявил он, после чего сделал из ваты и палочки кисточку, обмакнул ее в проявляющий раствор и провел по «скатерти» перпендикулярно к обычному письму. На листе появились ряды букв, написанных симпатическими чернилами.

— Когда пишешь секретное послание или проявляешь его, нельзя руками касаться глаз и губ, потому что химикаты могут вызвать поражение слизистой оболочки, — напоминал меня Сулима, старательно уничтожая тайнопись. При этом он заметил, что американцы даже от нас держат в тайне химический состав «антилопы».

«Продались за жалкие доллары. Таким паймитам, как ты, даже опи не доверяют. Пользуются лишь вашими услугами», — думал я, глядя на Сулиму.

О возвращении в Польшу никто мне не говорил. Меня передавали с рук на руки другим, второстепенным агентам разведки. Пришла очередь и сотрудников комитета «Свободной Европы», чья деятельность, фипапсируемая ЦРУ, также использовалась американской разведкой. План «Вулкан» имел резко выраженное агрессивное предназначение и содержал программу разгерметизации диверсионно-шпионской деятельности против Польши.

Когда я прибыл в Мюнхен, там уже функционировала польская секция радиостанции «Свободная Европа». Амери-

канцы перекупили пана Новака (он же Евзраньский), который до этого работал в польской секции радиостанции Би-би-си в Лондоне. Новак перебрался в Мюнхен и поселился на предоставленной ему вилле в квартале Энгльшалькхит, в окружении американцев.

Томми отзывался о Новаке с неприязнью. Говорил, что этот прислужник предан американцам. «А ты, — подумал я, — разве нет? За это вам платят». Один агент вешал собак на другого. Конкуренция на задворках ЦРУ здесь особенно принималась в расчет.

— «Свободную Европу», — говорил Томми, — называют радиостанцией супругов Новак. Он — законченный карьерист с диктаторскими замашками, его терпеть не могут, а его жена ведет себя компрометирующе, хозяйничает, ни с кем не считаясь, а культуры у нее ни на грош.

Неприязнь к пану Новаку не помешала, однако, Томми одолжить меня редакторам «Свободной Европы». Просто он был послушен указаниям ЦРУ, от которого получил такое распоряжение. Пропаганда — это также один из вариантов планов ЦРУ против Польши, это идеологическая диверсия, психологическая война, имевшая тогда название «холодная война».

У меня было несколько встреч с этими господами. Они представились под псевдонимами. Несколько дней мучили меня, забрасывая сотнями вопросов на самые различные темы. Порой казалось, что спрашивали они о совсем ничего не значащих вещах. Но ведь мельчайшая подробность, как, например, драка в Новой Гуте или где-то еще, вставленная в какую-нибудь радиопередачу, может быть прокомментирована в Польше в определенных кругах. «Да, хорошо они там осведомлены, если даже такие глупости знают», — подумает обыватель, услышав передачу «Свободной Европы».

Именно о раздувании такого психоза некутся на той стороне. Несколько сфабрикованных, лживых сообщений, поданных вместе с одним этим фактом, могут дать желаемый эффект.

Мне предложили написать несколько статей для передач на радио «Свободная Европа». Прямо отказаться означало вызвать подозрение, не хватало только, чтобы у меня взяла интервью радиостанция «Свободная Европа». Как выкрутиться?

— Вы будете здесь, господа, в полной безопасности, а я через месяц или два вернусь в эту проклятую страну, — объяснил я. — Мне ведь необходимо соблюсти элементарные условия конспирации. В «коммунистическом раю», не-

сомненно, анализируют каждую передачу вашей радиостанции.

Никакого интервью я не дал, но не мог уклониться от написания двух разработок на тему о проблемах молодежи в экономической ситуации в стране. Не знаю, как они использовали этот материал. Наверное, какой-нибудь пан Тросьцялко или Женчиковский выловил оттуда кое-что, послужившее для написания текста радиопередачи. Предоставление информационного материала для радио «Свободная Европа» было побочным заданием, поставленным американской разведкой перед резидентурой. Бенон Бартель обшаривал закоулки Западного Берлина, искал бежавших из Польши и тех, кого не определяли в диверсионную школу. Их передавали «Свободной Европе».

Через несколько дней Томми вручил мне двести долларов. Сказал, что это вознаграждение, которое выплатил мне господин Люба. О нем я знал лишь понаслышке. Томми сообщил, что Люба первый человек после Новака. Он был поляк, родом из восточных пограничных областей, но еще до войны имел какие-то связи с британской разведкой.

— Без подписи Любы и сам Новак ничего не сделает, — объяснил Томми. — Люба — это серый кардинал радио «Свободная Европа», он решает вопросы о выплате, приеме, распределении квартир. Он и Новак не любят друг друга. Новак хотел было когда-то отодвинуть его в сторону. Но ничего из этого не вышло. Люба имеет непосредственный контакт с американцами, не признает себя поляком, даже демонстративно старается не говорить по-польски, бахвалится своим постом руководителя административно-финансового польского сектора и контролирует Новака. Они никому не верят.

Томми по разным поводам возвращался к этой теме, и из его рассказов я составил себе представление об отдельных людях из «Свободной Европы». К некоторым он относился с особой неприязнью. Ясное дело, здесь проявлялись условия конкуренции на бирже американской разведки. Например, Виктор Тросьцялко и Женчиковский, он же Западский, были связаны с конкурирующей группой Сойки, которую Томми называл «птичьим братством». Эта группа действовала по указанию ЦРУ совершенно независимо от людей с Хайльманштрассе. Деятельность эндековской¹

¹ Эндековская — сокр. от НД — Народова демократия — реакционнаяшовинистическая партия польской буржуазии. — *Прим. ред.*

группы Сойки была позже разоблачена в Польше и стала известна как часть шпионской сети.

С каждым днем мне все труднее становилось жить в этих мюнхенских джунглях, в окружении шайки предателей, способных на все. Одолевала тоска по родине, по своему дому, терзала необходимость постоянного самоконтроля. Лучше всего я чувствовал себя, когда в одиночестве бродил по улицам Мюнхена, невидимый в толпе, заходил в кафе, смотрел кинофильмы и вел свои «внутренние» монологи. Как следует я мог поговорить только сам с собой. А так хотелось перед кем-нибудь излить душу...

Однажды я познакомился на Хайльманштрассе с одним из преподавателей шпионско-диверсионных курсов, которыми руководила резидентура. Он представился мне под именем Войтек, некоторые называли его Джоном. Я знал, что где-то под Мюнхеном Томми организует диверсионную школу, что его люди ищут кандидатов на это ремесло, но понятия не имел, где находится это «учебное заведение».

Томми в тот день после обеда обсуждал со мной одно из очередных заданий, какие предстояло выполнять разведывательной сети в Польше. Речь шла об организации канала переброски через польско-советскую границу. Американская разведка имела в своем распоряжении маршрут переброски в Польшу под условным названием «Этуаль». Мы в стране должны были переброшенных этой дорогой агентов «буксировать» от немецкой границы дальше на восток, обеспечивать им укрытия и последующую переброску. Предполагалось, что капал переброски в Советский Союз легче всего будет проложить в районе Беловежской Пуши, где имеется вполне естественная возможность приехать в эти края под видом туриста. В то время я не знал тех мест. Никогда не был в Беловежье. Томми внимательно изучал карту, подсказывал, где лучше всего выбрать пункты связи для агентов, называл Бельск-Подляски, Хайнувку, Наревку и Беловежу.

Когда в тот день я вышел из квартиры резидентуры, на землю падал мелкий снег. Наступил вечер. На слабо освещенном перроне станции пригородного сообщения я встретил Войтека, который также возвращался в город. В первое мгновение я не узнал его, но он сам подошел ко мне. Мы заняли места в одном купе и, болтая, доехали до центра Мюнхена. Зимние сумерки ранние, идти домой не хочется. Мы вошли в бар на Шиллэрштрассе. Я заказал выпить, потом Войтек, затем снова я. Мы провозгласили несколько тостов, время за беседой пролетело быстро. Я пригласил

Войтека па ужин. Мы смели заведение. Он сказал, что живет один и никто его не ожидает. Меня тоже никто не ждал.

— Не люблю сидеть один в четырех стенах, — пожаловался я Войтеку.

Он с пониманием кивнул мне. Может, это нас сблизило?

Кафе «Штадт Вип». Вот сюда я первый раз вошел, приехав из Берлина, но в этот вечер внутри все выглядело совсем не так. Интимное настроение создавали горящие на каждом столике свечи, прикрепленные к веточкам пахнущей свежестью пихты. Мне вспомнился бар «Чардаш» в Западном Берлине и ужин с Беноном Бартелем. Однако то заведение было более представительным, и там играл Курт Эдельхаген с ансамблем в двадцать человек. Оркестр был действительно отличный.

— Зови меня Джоном, меня так называют друзья, — обратился ко мне Войтек, когда уже был немного во хмелю. Мы выпили на брудерштафт. Джон казался мне самым симпатичным из всех, кто был на Хайльманштрассе. Затем мы шагали по ночному городу. На улице был сильный мороз, снег падал все реже. Перед каким-то «Такси-герлс-баром» стояла группа пьяных американцев.

— Это заведение только для американцев, — объяснил Джон. — Немцам туда входа нет, но немки бывают постоянно, путаются с янки направо.

Метров через двадцать в слабо освещенном закоулке я заметил фигуру мужчины, который рисовал что-то на стене. Когда мы подошли поближе, он исчез в развалинах соседнего дома, даже не успев захватить с собой банку с краской. Я прочитал недописанную фразу: «Ами, гоу...» Джон поддал носком ботинка банку. Краска разлилась по асфальту.

— Что этот тип тут делал? — спросил я.

— «Ами, гоу хоум», — ответил Джон. — «Друзья, домой». Такие лозунги против американцев выдвигают немецкие коммунисты.

Мы вошли в расположенный поблизости ночной ресторан. Над входом ярко горящая неоновая надпись: «Барок-бар».

Мы подошли к интимному коктейль-бару. Коньяк и апельсиновый сок со льдом, затем только коньяк. Заказывал я по-французски.

Джон разговорился. Мы нашли общую тему. Он был родом из Кракова и, когда узнал, что я хорошо знаю те края, стал расспрашивать о городе, людях и еще о многом дру-

гом. Мы оба уже были пьяны, и Джон начал выкладывать мне свои заботы и печали. До войны он служил в польском военно-морском флоте, но всю войну просидел в Англии, а потом не вернулся на родину.

— Нам говорили, что, кто вернется в Польшу, того сразу вывезут «к белым медведям», а оказалось, что столько наших вернувшихся спокойно живут, — изливал душу Джон.

Затем он рассказал о своих мытарствах на чужбине. Попал он в трудное положение — не мог найти работу, жить стало не на что, и как раз тогда американцы нашли его. Им требовался инструктор по коротковолновой связи, который мог бы на польском языке преподавать на разведывательных курсах.

— Я принял предложение и оказался в Мюнхене, — продолжал Джон, заказывая еще раз выпить. Его одолела ностальгия, мысленно он возвращался в места, где родился, на родину, которую предал и куда уже не мог вернуться. Очередная рюмка вызывала новые излияния. Если бы можно было повернуть жизнь вспять, как стрелки часов отвести назад, возвратиться хотя бы на несколько лет и начать все сначала...

Чем же я могу тебе помочь? Откровения этого человека ставили меня в затруднительное положение. Алкоголь действовал, а я не мог выйти из роли, которую играл. А вдруг он хочет поймать меня на крючок? Может, ему приказано проверить, как я отнесусь к его доверительным словам?

В голове у меня стучало. Честно говоря, мне было жаль этого человека.

Этой ночью я спал в комнате Джона. Когда мы пришли к нему, он достал бутылку виски.

— «Белая лошадь», — перевел он название, пьяно икая. — Это мой лучший друг. — Он заливал горе, которое его терзало.

Пробудился я рано от головной боли. Выпитое накануне было адской смесью. Во рту ощущался вкус виски. Вспомнились слова Джона: «Это мой лучший друг». Хозяин еще спал. Я вышел, оставив на столе записку, что зайду вечером. Потом я навещал его еще несколько раз. Он сам меня приглашал, искал моего общества.

Приближались праздники. Мысли мои бежали к далекой Польше и к родному городу. Сочельник, сверкающие огнями елки в окнах. Каждый в этот день стремится к близким. Что делает сейчас Дапка? Наверное, не осталась

одна в нашей маленькой квартире на площади Казимира Великого. Иначе тоскливые были бы у нее праздники. Как бы мне хотелось увидеть ее сегодня, побыть с нею хотя бы один день! Но это невозможно.

Конечно, она поехала с малышкой к родителям в Забже и сидит теперь у елки в большой комнате, окна которой выходят на шахту «Макошовы». Тесть работал там уже несколько лет. Может, как раз сейчас его смена? А теща спрашивает, почему я не приехал вместе с Данкой. Что она ответит? Правду сказать нельзя, а молчать будет трудно. Мать догадается, что дочь говорит не то, что думает.

А я в это время ожидал в центре Мюнхена на Карлс-платц около универмага, в обиходе называемого «Кауфхоф», резидента. Он пригласил меня на сочельник. Город постепенно пустел. Каждый спешил к дому. За мной подъехали на большом черном форде. Вначале я полагал, что мы двинулись в сторону квартала Золли на Хайльманштрассе. Окна машины были занавешены. Водитель вез нас совсем в другом направлении, за город. Через переднее стекло автомобиля я видел лишь незнакомые улицы. Одно название поймал взглядом: Оберферингштрассе. Еще минут пять езды, и мы въехали в какой-то двор. Автомобиль остановился перед слабо освещенным зданием. Это была трехэтажная вилла, огражденная зеленого цвета забором и обсаженная деревьями с густыми кронами. Стены дома обросли сейчас высохшим диким виноградом, добравшимся до третьего этажа. Вдоль въездной дороги фруктовые деревья, клумба, укутанная снегом, и три своеобразно росших дерева — береза и две серебристые ели. Водитель затормозил прямо у ступенек. Мне бросилось в глаза, что люди из резидентуры старались сделать так, чтобы я не смог запомнить, где находился.

Большая комната на первом этаже. Стол, накрытый человек на пятнадцать. Все гости ожидали стоя. Первым взял слово Томми. Он поздравил собравшихся и пригласил к столу. Часть присутствующих я уже знал — Михала, Алину, Казимежа, Ядвигу, которая и здесь выполняла роль хозяйки дома, Войтека, или Джопа. Лица остальных гостей мне были незнакомы. Это были: Рышард, как потом оказалось, руководитель небольшой шпионской школы, четыре новичка из диверсионных курсов и лица, сотрудничавшие с Вонсевичем из «Свободной Европы». Не было никакого сомнения, что прием в сочельник происходил в шпионской школе. Итак, я все больше проникал в тыл противника. Когда мы покидали это конспиративное место, мои опекуны

постарались снова, чтобы я не сориентировался, где побывал.

На следующий день я решил определить местонахождение здания школы, установить ее точный адрес. Я запомнил несколько характерных деталей окружения виллы. Взял такси и поехал на Оберферингштрассе. Выдалось прекрасное зимнее утро. И вот я шагаю, погруженный в свои мысли, будто совершаю уединенную прогулку. Снег скрипел под ногами. Я внимательно смотрел вокруг, стараясь увидеть две серебристые ели и белую березу, зеленый забор и обросшие диким виноградом стены виллы.

Минут пятнадцать — двадцать кружил я так, словно не имел никакой цели, как вдруг мне в голову пришла мысль: «Что ты делаешь? Беги отсюда, иначе сам себе на шею накинешь петлю». Ведь я не мог установить, не идут ли за мной по пятам невидимые люди из внешнего наблюдения американской разведки. Если бы они заметили меня, то несомненно стали бы допытываться, что я там искал. Я быстро вскочил в какой-то проезжавший автобус и вышел из него совсем в другом квартале Мюнхена. Для отвода глаз несколько минут побродил и вернулся в центр города. Однако мысль о необходимости установить, где находится диверсионная школа, не давала мне покоя. У меня зародился замысел, к осуществлению которого и приступил через неделю.

9

Я шел по городу без всякой цели. Уже несколько часов бродил так по улицам Мюнхена и вел свой внутренний монолог. Первый день рождества. Столица Баварии одета в праздничный наряд. Опускались сумерки. Улицы опустели раньше обычного. Я чувствовал себя, словно прохожий, которого художник ввел в картину для создания образа. Чем сильнее тяготило меня одиночество, тем неукротимее тянуло на родину, куда неизменно в мыслях возвращался. Я был словно затерян в девятисоттысячном городе, жившем своей жизнью.

Когда же меня забросят в Польшу? Наверное, в сотый раз я задавал себе этот вопрос, на который не знал ответа. А время тянулось ужасно медленно. Может, через неделю, может, через месяц меня ожидал опасный путь по маршруту переброски к границе Польши. Напря в Варшаве, разумеется, с нетерпением ждали моего сообщения о том, когда это произойдет.

«Не прибегай излишне к шифровкам, пиши только тогда, когда это будет действительно необходимо, но помни, что должен сообщить нам о дне перехода границы», — гласила последняя инструкция, полученная мной на конспиративной квартире на улице Вильчей. При этом надо иметь в виду, что если американские опекуны схватят меня за руку, когда я буду опускать в почтовый ящик письмо, адресованное некоему господину Х в Варшаве, и обнаружат тайнопись, то я попался.

А если день переброски сообщат в последний момент? Удастся ли передать нужную информацию нашим? Я уже приспособился к жизни в томительной неизвестности. Окончательное решение должен был принять Томми, но он, как назло, именно сегодня выехал в Лондон.

Я не знал, куда девать время, и чувствовал себя словно в пустом пространстве. Резидентура на дни праздников приостановила свою деятельность. В переполненном трамвае доехал до дома. Хозяева, у которых для меня спяли комнату, ушли к знакомым. Седьмой час. Впереди целый праздничный вечер. Я просмотрел двойной номер «Абенд-цайтунг», искагал вдоль и поперек пустую комнату. Никогда не забуду хандры, одолевавшей меня в тот вечер. Куда бы деть себя? Пойти, что ли, в какую-нибудь пивную, затеряться в толпе, чтобы быть среди людей. Бросив взгляд на стол, я увидел бутылку — рождественский подарок Джона. Прочитал красочную этикетку: «Брэнди... Триест... Турин». Выпил прямо из бутылки несколько глотков... Долго не мог заснуть той ночью.

Я еще спал, когда хозяйка квартиры, фрау Эрика, поставила на стол поднос с завтраком, стоимость которого, как и всего питания, была учтена при оплате за сдачу квартиры внаем. Около одиннадцати я вышел в город. Приглашением на праздничный обед у обитателей виллы на Хайльманштрассе не воспользовался, так как по горло был сыт их обществом, в котором должен был контролировать каждый свой жест, каждое произнесенное слово. В этой теплой компании американских агентов я играл свою роль, как актер на сцене, и трудно словами выразить, чего стоила мне необходимость постоянного самоконтроля. Актер, занятый в спектакле, играет свою роль десять минут, час, самое большее — два часа, потом покидает сцену, в уборной смывает с лица грим, снимает костюм, идет домой, где жена или мать ждет его ужинать, и он остается самим собой. А мне приходилось играть без перерыва, не зная сценария, который писала жизнь.

И снова путешествие по городу и обед в случайно выбранном ресторане. Последние дни я испытывал ощущение, что американцы установили за мной непрерывное наблюдение. Несомненно, они будут проверять меня до конца. Входя в бар, я еще раз внимательно осмотрелся. Поодаль заметил какого-то мужчиду в жокейке — он стоял и смотрел, как я вхожу в бар. Надо запомнить этого типа.

Кельнер подал меню. Я обратился к нему по-французски, так как выступал под личиной француза Жана Поля. Вскоре ко мне подошел какой-то мужчина, который, как я предположил, мог быть владельцем этого заведения. Он обратился ко мне на чистейшем французском. Оказалось, что он по происхождению француз, попавший в плен к немцам во время первой мировой войны. Здесь он женился на немке и остался навсегда. Я мог изображать француза перед немцами, но этот сразу бы догадался, что тут что-то не так.

— Да, я приехал из Парижа, но сам родом из Квебека, мой отец канадец, — объяснил я архилюбезному хозяину, лично принявшему у меня заказ. На всякий случай не следует больше заходить в это заведение.

Покидая ресторан, я снова заметил фигуру мужчины в жокейке. Был ли это один из американских опекунов? Я сел в подъехавшее такси. Посмотрел в зеркальце спереди, но не увидел, чтобы следом тронулась хотя бы одна машина. Однако это еще ни о чем не говорило.

Мариенплац. Старинные часы отбили время. Около готической ратуши встретила группа иностранных туристов. Экскурсовод по-французски рассказывал историю Мюнхена. Я присоединился к группе.

— Несколько веков назад на берегу Изара лежала деревня, она называлась Меннихен, — рассказывал экскурсовод. — Распри, возникшие между князем Генрихом Лее и епископом фон Фрайзингом, изменили судьбу монастырского поселения. Князю не нравилось, что епископ получал высокие доходы от дорожных сборов за переезд через мост, и он приказал разрушить принадлежавший епископству мост при Оберфёрен. Князь построил новый мост около Меннихена, дал деревне статус города, укрепил его, обнес валом, и предоставил право чеканить свои монеты. Это происходило в 1158 году.

Мы поднялись на лифте и оказались на смотровой площадке башни, откуда открывался прекрасный вид на весь Мюнхен. Небо без облачка, воздух чист и прозрачен, вдали на юге вырисовывались вершины Альп. Я с интересом слу-

шал экскурсовода. Строения в стиле барокко и эпохи Возрождения, сильно пострадавшие во время последней войны. Мы спустились. Внезапно около здания университета на Людвигштрассе вновь мелькнула уже знакомая фигура того мужчины. Это не могло быть случайностью. Я остановился возле витрины какого-то магазина и стал с видимым интересом разглядывать ее. Мужчину можно было теперь рассмотреть повнимательнее. Да, это тот самый тип, которого я дважды видел у ресторана, только сейчас на нем была не жокейка, а шляпа. Итак, сомневаться не приходилось: за мной по пятам ходили люди из американской разведки. Припомнились слова Томми: «Они никому не верят».

«Ладно, следите, только чтобы мне об этом было известно», — подумал я, довольный тем, что удалось обнаружить слежку. Откровенно говоря, было как-то не по себе оттого, что так долго нахожусь под наблюдением. Я смешался с группой туристов, надеясь оставить в дураках моих ангелов-хранителей и избавиться от них. Как хорошо, что вчера не стал искать местонахождение диверсионной школы. Я бы оказался у них «на вилке». Однако мне нужно найти дорогу и добраться до здания шпионского учебного заведения, а затем тайпописью передать нашим его точный адрес. Но как это сделать?

И вот подвернулся удобный случай. Мне пришел в голову простой план, при котором, даже если не повезет, я ничего не терял.

Накануне Нового года я купил бутылку шотландского виски «Джонни Уокер». Это было единственное виски, разливаемое в большие плоские бутылки, прозванные «персюрками» (от слова «перси» — грудь). Свой питейный запас положил в папку, чтобы сторопливый наблюдатель не догадался, что у меня в портфеле. Около шести вечера поехал в центр города. Вошел в вокзальный ресторан, заказал банку сардин, свиную рульку с хреном и горячий чай. Сначала съел пять больших сардин, выпил оставшееся оливковое масло из банки, потом принялся за рульку. Буквально через силу затолкал все это в себя, запивая горьким чаем. Потом проглотил две таблетки аспирина, запив чаем, — это, кажется, помогает.

Ну вот, теперь я готов к выполнению запланированной операции. Спустя полчаса стоял перед дверью квартиры Джона. Наше близкое знакомство я решил использовать для осуществления моего плана. Постучал в дверь. Никто не отзывался. Неужели его нет дома? Я постучал сильнее,

потом еще раз. Кто-то задвигался в комнате, слышались шаги. Оторванный от послеобеденного сна, Джон открыл дверь.

— Привет, Джон, пришел поздравить тебя с наступающим Новым годом, — сказал я, адорываясь с хозяином. — Не вваю, застаю ли тебя завтра, после новогодней ночи голова наверняка будет трещать с похмелья.

— Пожалуй, ты прав, я и в самом деле собирался выпить немного, но попозже, — ответил Джон.

Значит, идет встречать Новый год, как я и предполагал, и это уже хорошо. Как раз этот факт являлся одной из основных предпосылок для выполнения плана.

Хозяин между тем достал из буфета стопки, полез в холодильник, вытащил нераспечатанную бутылку «Белой лошади» и лед. Бутылку виски, что лежала в портфеле, оставленном в прихожей, я пока не стал показывать. Надо было дожидаться подходящего момента.

Квартира Джона состояла из явно временно мебелированной комнаты и небольшой кухни. Через минуточку-другую хозяин сидел рядом со мной за столом. Он занавесил окно, включил радиоприемник и наполнил стопки.

— Будем здоровы! — провозгласил он первый тост. Мы поднесли стопки ко рту. — До дна, — предложил Джон. Мы пили виски без воды, только со льдом. Мой хозяин утверждал, что так пьется по-польски.

— Когда я был в Англии, — вспомнил он, — то часто ходил в один клуб со знакомым англичанином на так называемый «дранк». Первое виски, как обязывал установленный там обычай, мы мешали с содовой, потом я подливал уже только виски, а мой английский приятель — только воду. И так пили до конца, я — чистое виски, а он — воду. Из клуба оба выходили под градусом. Наверное, они так от скупости делают.

— Твое здоровье! — произнес я, поднимая стопку.

Последовала еще одна. Я не возражал. Пил наравне с ним. Джона я уже успел настолько узнать, что мог предвидеть: он не остановится на одной или двух стопках. Я охотно составлял ему компанию, ненавязчиво ускоряя темп выпивки.

— Ну, давай! За тех, кто в море! — предложил Джон. — Пить без тостов — это уже пьянство. За тех, кто в воздухе! И так можно без конца! За тех, кто на суше! Будь здоров! Отличное виски не позорит ли честь, ни мундир.

«Откуда у тебя честь? Имей ты ее, не продайся бы американцам за жалкие гроши», — думал я, глядя на Джона.

Мы продолжали пить, я поддерживал обычный, ни к чему не обязывающий разговор, осуществляя свой план и с беспокойством размышляя, оправдаются ли мои надежды. Я удивлялся, что не почувствовал этих нескольких стопок. Выпивки оставалось уже мало. Прошло меньше часа, а мы успели одолеть целую бутылку. Джон неуверенным движением наполнил стопки, немного перелил, виски растеклось по столу.

— Что так льешь, каждая капля на вес золота, — озабоченно произнес я. Я видел, что мой хозяин уже в хорошем подпитии. У меня самого в висках начало стучать. Дальше нужно действовать настойчиво. Джон мутным взглядом посмотрел на пустую бутылку. Настал мой черед.

— Ты молодец, Джон, но и за мной дело не станет, — сказал я, притворяясь сильно захмелевшим, что мне удавалось без особых усилий. — Я совсем забыл, что пришел к тебе не с пустыми руками.

Я вышел в прихожую, принес оставленный там портфель, вытащил бутылку «Джонни Уокер», быстро открыл пробку и наполнил стопки. Джон оживился, я знал, что он ни за что не откажется.

— С Новым годом! — воскликнул он. — Ну, давай...

Я тогда не интересовался вопросами психологии, но довольно хорошо узнал одну из черт личности Джона. Он принадлежал к тому типу людей, которые после нескольких рюмок будут пить «до упора». Именно это я и решил использовать. Я не терял самообладания, хотя алкоголь все сильнее бил в голову, и верил в свое преимущество не только потому, что Джон опьянел быстрее, а потому, что пришел в эту квартиру с определенной целью.

Кажется, пора было приступить к атаке. Я прикинул, что мой партнер «дозрел», разыграл сцену, которую предварительно обдумал, и стал говорить то, что заранее подготовил:

— Тебе легче, ты среди своих и у тебя своя жизнь, а я живу постоянно сегодняшним днем и никогда не могу предугадать, что ждет меня завтра. Сегодня я в безопасности, а через неделю или две, может, через месяц меня перебросят за «железный запавес», и если там я поскользнусь, то сгнию в коммунистической тюрьме. Если я провалюсь, меня ожидают «качели» или пожизненное заключение. Не хотелось тебе признаваться, Джон, зачем своими заботами другим голову морочить, но именно сейчас у меня такая хандра, как никогда.

— Ну, братец... выпей и говори, что тебя грызет... —

произнес он, наклоняясь ко мне и пододвигая полную стопку виски.

— Видишь, Джон... — продолжал я доверительно, — вроде бы я среди своих, друзей, но чувствую себя одиноко. Может, выпивка меня так расстроила, не хватало только, чтобы я разревелся, как баба... Ну ладно, хватит, больше ничего не скажу. Иногда наступает такая минута слабости...

— Говори без утайки, только выпей сначала... выпить никогда не помешает... Ты же знаешь, я тебя люблю, — сказал Джон.

— Пью последнюю и ухожу, — ответил я, вставая.

— погоди, я тоже выхожу, — вскрикнул он, посмотрев на часы. Только сейчас он хватился, что уже так поздно.

Я обрадовался, услышав слова Джона. Может, мне удастся добиться поставленной цели. Джон удалился в ванную и через несколько минут вышел переодетый. Уже надев плащи, стоя, мы выпили последнее, что еще оставалось в стопках, и, неуверенно шагая, выбрались на лестничную площадку. Джон был пьян сильнее, но и я недалеко от него ушел. Все же я оценивал обстановку верно и четко знал, что именно сейчас должен прийти к финишу.

— Эта проклятая хандра, как от нее убежать? Ты знаешь, что я теперь сделаю, Джон? — заговорил я, стараясь заинтриговать пьяного компаньона. — Пойду один в город, буду шататься по улицам, потом куплю себе пол-литра... вернусь в мою пустую комнату и напьюсь один... и, черт бы побрал этот свет, Джон, такой будет у меня встреча Нового года, — закончил я подготовленную заранее сцену, приложив все свое умение, чтобы сыграть ее как можно лучше.

— Старик, дружище... мы же вместе начали, так давай вместе и закончим... Я тебя не оставлю одного, — проговорил Джон, пьяно икая, и притянул меня к себе.

Он судорожно уцепился за мою руку, и вот так, шатаясь, мы шли по освещенным неоновыми огнями улицам Мюнхена. Джон нечаянно толкнул девушку, проходившую мимо с видимым мужчиной. Дело могло кончиться скандалом, если бы я не заговорил по-французски и не попросил прощения. На оккупированных территориях немцы в те времена считались с людьми, говорившими на языке союзников. Я потащил Джона дальше. Движение на улице, одной из главных артерий города, было оживленным. Жители столицы Баварии спешили вовремя сесть за повогодний стол. Нам попались две группы подвыпивших американских солдат. Джон сделал движение, будто хотел их задеть. Я едва

удержал его. Только этого не хватало, чтобы вместе с ним попасть в руки американской военной полиции.

Холодный ветер бросал в лицо мелкий снег. На морозном воздухе я почувствовал себя лучше, хотя в голове шумело. Лишь бы только Джон не свалился с ног. Мы как раз приближались к ярко освещенному ресторану. Красная надпись «Коктейль-бар» цветистым блеском отсвечивала на мостовой. Подъезжали такси и личные автомобили с любителями поводного бала. Портье в ливрее, приветствуя гостей, спрашивал пригласительные билеты.

— Ты куда собираешься ехать, дружище? — спросил я Джона, опасаясь, как бы ему в пьяном виде не захотелось без конца шататься по улицам.

— Одного я тебя не оставляю... понимаешь? — пробормотал он.

— Ты не волнуйся... не забивай себе голову мной... наперное, ты договорился с девушкой или у тебя другие планы, — возразил я, стараясь освободиться от его руки, которой он уцепился за меня. Джон продолжал упорствовать.

— Пойдешь со мной, и кончено, — убеждал он меня. Я пытался возражать, но от этого он еще больше упрямился.

— Может, мне только проводить тебя туда, куда тебе надо, а потом пойду своей дорогой, — втолковывал я ему со скрытой настойчивостью, но он уже поднял руку, подзывая такси, из которого только что вышли двое американцев и с ними жепщина. Водитель остановил машину прямо около нас.

Джон втянул меня в такси и сказал, куда ехать. Я не разобрал название улицы. Водитель, видимо, тоже не понял и переспросил. Джон повторил еще раз: квартал Оберфферинг. Такси тронулось с места. За стеклами машины мигнули огнями витрины большого универмага на Карлсплатц, а дальше дорогу я знал. В квартале Оберфферинг находилась тайная диверсионная школа американской разведки. Но где? Пока мне не удалось установить точный адрес этого шпионского учебного заведения. Едем мы туда или нет, я пойму только тогда, когда прибудем на место. Мне казалось, что я трезвел с каждой минутой. Поскорей бы прошла эта неуверенность. Я питал скрытую надежду, что Джон привезет меня именно туда. Возбуждение все больше охватывало меня. Мы уже въехали в квартал Оберфферинг. Еще километр пролетел, может, два...

Водитель свернул на слабо освещенную поперечную ули-пу, затем направо, на узкую боковую. С одной стороны я заметил свободно стоящие одноэтажные домики, с другой — несколько более современных вилл, потом маленький сквер и окруженный деревьями каток для детей. Напрягая зрение, я старался разглядеть все вокруг. Разрази меня гром, но я никогда здесь не был! Неужели Джон повез меня не туда, куда я предполагал? Он сидел рядом со мной на заднем сиденье такси и мурлыкал под нос одному ему известную мелодию. Просто счастье, что он не уснул. Водитель поехал медленнее: легко сбиться с пути в темных узких улочках. Джон несколько не интересовался, где он и что вокруг. Я легонько толкнул его в бок и спросил:

— Далеко еще?

— Он знает, — ответил Джон, показав на водителя. — Отвезет, куда ему сказано...

— Только не на край света, — выдавил я из себя шутку.

— Если прикажу, то и на край света, — с пьяным упрямством возразил Джон, с трудом сдерживая игогу.

«Черт бы тебя побрал», — со злостью выругался я про себя. Меня все больше охватывали подозрения, что попадаю я не туда, куда предполагал, а в какой-нибудь тайный притон. Собственно, весь план был плодом только одной моей интуиции. Мне были известны привычки Джона, я знал, что он пьет «до упора», а люди такого склада, когда начинают с кем-либо пить, то пьют до конца, разве что случайный собутыльник покажется решительно неприятным. Для Джона я не был случайным собутыльником, мне удалось даже создать видимость дружбы. И наконец, самый важный аргумент: Джон знал, что я, так же как и он, сотрудничаю с резидентурой ЦРУ; может, он не был обстоятельно осведомлен о том, насколько глубоко я посвящен в деятельность разведки, однако он уже видел меня когда-то в школе. И это как раз имело наибольшее значение.

Размышления эти вели меня дальше. Я уповал на то, что Джон, который не был кадровым сотрудником американской разведки, а всего только наемным инструктором по технике диверсий, не зарабатывал столько, чтобы позволить себе встретить Новый год в мюнхенском ресторане для избранных. Итак, он, очевидно, будет его встречать в шпионской школе, где, как легко догадаться, организован бесплатный прием, расходы на который оплачены из кошелека ЦРУ. Такой ход рассуждений привел меня к мысли орга-

пизовать попойку. Пока все удавалось, протекало, как было задумано. Джон сидел рядом со мной, доведенный чуть ли не до состояния алкогольной «невесомости».

Водитель остановил машину, открыв дверцу, сказал:

— Приехали.

Через запотевшие стекла такси трудно было разглядеть, где мы находились. Я расплатился за проезд. Мы вышли из автомобиля у какой-то пригородной пивной. Сквозь покрытые инеем окна долетал гомон веселых голосов, смех и музыка. Над входом горела вывеска «Бирштубе». Может, это здесь? С разочарованием окинул я взглядом своего пьяного компаньона. Тот постоял с минуту, словно размышляя о чем-то, при этом слегка покачивался на широко расставленных ногах. Такси тронулось и вскоре исчезло за поворотом, а из пивной вывалились два пьяных немца.

— И стоило сюда переться, чтобы тянуть пиво? — обратился я к Джону.

— Ты что, глупый? — в свою очередь спросил он, взял меня под руку и потянул в глубь улицы. — Конспирация... пон-и-маешь, конспирация и днем и ночью... это основа... — зашептал он мне на ухо.

Бредит он, что ли? Посмотрим, чем все это кончится. Мы шли медленно, неуверенно шагая все дальше по темной, извилистой улочке.

Снег перестал порошить, ночь стояла безлунная, над нами нависло синее, усыпанное звездами небо. На минуту я отвлекся мыслями от того, что сейчас вокруг меня существовало. Такое на меня не раз внезапно нападало, в самый непредвиденный момент. Я посмотрел вверх. Последний вечер старого года. Где-то там, высоко, среди многих тысяч светилась звезда, которую выбрала Данка. Последняя в созвездии Малой Медведицы. Наша звезда...

— Это будет наша звезда, — сказала Данка, когда в последний вечер провожала меня на краковский вокзал. — Где бы ты ни был, посмотри на небо, я тоже буду смотреть. Пусть тебе тогда покажется, что наши взгляды встретились. Может, тогда я буду к тебе ближе... — Она еще долго стояла одна на перроне. Была ли она в эту минуту более одинока, чем я? Не раз вспоминались мне ее слова, особенно когда мне было плохо и я чувствовал себя так одиноко среди чужих...

Мы остановились около ограждения из проволочной сетки, за которым едва виднелись в темноте очертания скрытого среди кустов здания. Вбок вела узкая, протоптанная по свежавыпавшему снегу тропка. Я блуждал взглядом по

небосклону. Звезды чуть заметно поблескивали в необозримой высокой дали, словно расплывались, колыхаясь в моих глазах. «Это все проклятое виски», — со злостью подумал я. Не удалось мне разыскать созвездие Малой Медведицы. Джон осматривался, мутным взглядом изучая ближайшее окружение. Мной овладела бессильная ярость. Я полагал, что он полностью потерял ориентировку.

— Куда ты меня тянешь по этим закоулкам? — спросил я его.

— Наверное, этой дорогой дойдем, — ответил он после минутного колебания, показав на узкий проход между сеткой, ограждавшей сад, и следующим строением, и повел меня, продолжая прерванный ранее монолог: — Надо соблюдать конспирацию... пон-н-имаешь?.. Всегда... Еще немного — и будем на месте. Теперь уже знаю. Ты же там был, так теперь и со мной можешь... ты же свой парень... а этот тип из такси не должен знать, куда мы едем. Ему до этого нет никакого дела... пон-н-имаешь. Нужна конспирация... Только ты теперь держись. Сейчас что-нибудь выпьем... Надо теперь поймать второе дыхание... Ну вот, видишь, уже пришли...

В темноте я увидел лишь заросли кустов впереди, из-за которых ничего нельзя было рассмотреть. Но нет. Еще несколько шагов — и мы очутились перед забором из деревянного штакетника. Оп, кажется, был мне знаком. Джон, теперь уже на ощупь, нашел проход. Через маленькую калитку мы пробрались в сад. Трехэтажная вилла. Стены здания, обросшие почти до третьего этажа лозами дикого винограда, въездная дорога, клумба, засыпанная снегом, и спереди отдельно на фоне неба четко выделяются три дерева — две ели и одна береза. Если бы я вошел сюда с улицы, то узнал бы все сразу. Я очень хорошо запомнил характерные детали ближайшего окружения этой законспирированной школы американской разведки, так что сомнениям теперь места не было. Я находился в том месте, которое искал.

Джон вел меня дальше. Мне запомнилось больше всего наше появление на вилле. Условный звонок — и вот известный мне холл и полная табачного дыма большая комната, та самая, в которой в сочельник проходил прием. С первого взгляда можно было понять, что предновогодняя беседа длится уже не первый час. Пустые бутылки, остатки холодных закусок и большое блюдо с порубленным на куски жареным гусем. За столом девять мужчин. С четырьмя я познакомился здесь же неделю назад, когда меня

сюда тайно привез и так же, соблюдая конспирацию, вывел отсюда руководитель резидентуры. Теперь же я попадаю сюда без труда, что, собственно, мне и нужно: установлен адрес шпионского притона, который необходимо сообщить нашим. Джон спросил о господине Рышарде. Начальник курса должен был появиться перед полуночью.

— Наш друг, переброшенный с той стороны, — представил меня Джон.

Первый тост. Я поднял рюмку. Выпил с омерзением. Снова наполнены рюмки. За старый год. Все перебивают друг друга. Гвалт пьяных голосов. Я улавливал обрывки фраз, иногда лишь отдельные слова. Кто-то говорил об американских преподавателях курса. Я фиксировал в памяти фамилии: капитан Вест, лейтенанты Дропо и Пеский. Основы диверсии они преподносили слушателям по-английски, и перевод отнимал много времени. Для одних тот или иной преподаватель Дропо, или там Пеский, а для других — Браун, так же, как я — и Жан Поль, и Эрих Генрих Шранке, и Рышард Черник. Но главное — запомнить не только фамилии, псевдонимы, словесные портреты мастеров диверсионного искусства, но и, как можно детальнее, планировку здания. Если в наши руки попадет агент иностранной разведки, который когда-то здесь получил шпионское образование, то даже такая информация может пригодиться для установления правдивости его показаний.

— Господа, давайте выпьем, уже немного осталось старого года!

Я поднял рюмку. Сколько же, в конце концов, можно пить? Я все хуже улавливал смысл то и дело возникавших и прерывавшихся разговоров.

— Кажется, количество часов на нашем курсе собираются с семисот сократить до пятисот пятидесяти, — сказал брюнет, сидевший напротив.

— Когда нас перебросят на работу в Польшу? — спросил его сосед.

— Так тебе и сказали заранее. Узнаешь в последний момент, а уж куда тебя забросят, об этом можешь лишь догадываться. Они каждого проверяют. Мне кто-то рассказывал, что на другом курсе был такой случай: взяли таких, как мы, двоих, отвезли на «виллисе» на секретный аэродром, полностью экипировали, и самолет поднялся той же ночью. По инструкции им предстояло прыгать в Щецинском воеводстве. Полтора часа они находились в воздухе, потом самолет снизился для выброски. Оба хорошо видели условные сигналы: белые лучи фонариков, составившие бук-

ву L, и красный световой сигнал, прерываемый каждую секунду. Прыгнули. Встретили их наши из сети, привели в одинокий домик на краю поляны и стали их терроризировать. Сказали им, что они попали в руки органов безопасности. Допрос шел до утра. Один из парашютистов держался, а второй выложил все, что знал. Когда рассвело, к домику подъехал джип, а в нем инструктор того курса и офицер из ЦРУ. Оказалось, что это была только проверка. Выброска производилась на американском полигоне. Неизвестно, что тут правда, а что нет. Но они никому не верят.

— А ты здорово научился, едва до сорока знаков в минуту дошел. Если бы ты там стал передавать в таком темпе, тебя госбезопасность сразу бы засекла. Тоже мне специалист-радист, — сказал кому-то блондин, сидевший около Джона. — Ты знаешь, что на курсе минимум — семьдесят пять знаков...

— Вы все еще профаны, — вмешался Джон. — База всегда приспособится к темпу передачи с территории врага, но вы должны догнать до ста знаков, понимаете? Выпьем!

Господин Рышард приехал около двенадцати. Перебросился несколькими словами с Джоном, наверное, выговорил ему за то, что привез меня сюда. «Это ваше дело, — подумал я, — меня никто не может ни в чем заподозрить». Я держался из последних сил. Комната ходуном ходила у меня под ногами, а желудок подпирал к самому горлу. Полночь. Наступило некоторое замешательство. Затем последовал новогодний тост. Нельзя не выпить. Из того, что происходило позднее, помню лишь какие-то отрывки, будто кадры из кинофильма. С одним я выпил на брудершафт. Он прицепился ко мне, допытываясь, когда я возвращаюсь в свою страну.

— А я погиб в Татрах, понимаешь? — объяснял он мне. — Вышел из турбазы в горы и рухнул в пропасть. Моего тела не нашли, поиски добровольной горноспасательной службы ни к чему не привели.

В первый момент я не уловил, о чем идет речь, или я напился до чертиков, или...

— Как это ты погиб, если ты жив? — вырвалось у меня.

— Такую легенду мне сочинили, чтобы перестали мной интересоваться в Польше. А там осталась моя жена, кажется, когда я был уже тут, родился ребенок. Мне не разрешили ей писать, потому что я погиб. Она об этом не знает. Возьмешь письмо? — упрасивал он меня.

Мы договорились с ним встретиться в среду на вокзале. Потом одно сплошное белое пятно, полная пустота.

Ужасное пробуждение. Я чувствовал себя полностью разбитым. Какая-то незнакомая комната. Я лежал одетый на оттоманке. Слабый свет зимнего дня проникал сквозь опущенные жалюзи. Не знаю, как долго я спал, как здесь очутился. Приходил в себя медленно. Ну да, я приехал с Джоном. А может, не я, а он имел скрытую цель притащить меня сюда? Я старался восстановить весь минувший вечер. Тщетно. Фатальный разрыв в биографии. Я не знал, что делал, что говорил. А если я выпал из роли и совершил какую-то ошибку? Меня охватил страх, только сейчас дошло до сознания, что мне, возможно, угрожает опасность.

Если я сам себя выдал, то, значит, и приговор себе подписал сам. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Во всем доме стояла полная тишина. Я взглянул на часы. Стрелки остановились на часе с минутами. Кровь стучала в висках, мучительная боль в голове действовала отупляюще, затуманивала мысль. Как вести себя? Если бы я помнил каждое произнесенное мной слово, все было бы очень просто. Я переоценил свои силы. Сознание факта, что сам поставил себя в такое положение, доводило до бессильной ярости.

Я вновь и вновь пытался восстановить конец вечера. Напрасно. В памяти остались лишь обрывки разговоров. Если в какую-то роковую минуту потери сознания я бросил на себя тень подозрения, кандидаты в шпионы услужливо донесут об этом своим хозяевам из ЦРУ. И что тогда? Кто знает? А может, я уже ничего не узнаю? Если я сделал неверный шаг, меня допросят с пристрастием, и все тогда окажется несущественным.

Мысли беспорядочно роились в голове. День нового года. Сегодня день Мечислава, именины тестя. Год назад мы отмечали их вместе, в семейном кругу. Теперь Данка осталась, наверное, у родителей. Если бы она знала, что я переживаю в эти минуты. Нет, лучше, что не знает. Не так скоро она узнает и о том, что я провалился, если это произойдет...

«...Длительное время Мариан не дает о себе знать. Связь с вашим мужем прервалась. Постараемся его отыскать. Еще не все потеряно. Будьте мужественны...» Я не мог себе представить, как бы приняла Данка такое сообщение. Разумеется, выполнение подобной миссии было бы поручено кому-нибудь из моих друзей. В общем-то неважно, кто принесет такое известие. Что за нелепые мысли лезут мне в голову? Сколько, в конце концов, человек может переживать и сомневаться?

Хлопапье двери на втором этаже оторвало меня от мрачных раздумий. Надо преодолеть минутную слабость. Я услышал шаги на лестнице. Кто-то вошел в соседнюю комнату. Звон стакапа и характерный звук струи воды из сифона. Только сейчас я почувствовал, как мне хочется пить. Я вновь прислушался. Опять раздались шаги, и хлопнула соседняя дверь, зашумела вода из открытого крана, из ванной долетали голоса, потом ненадолго воцарилась тишина, снова шаги. Они приближались. В приоткрытой двери появился Кароль, с минуту приглядывался, словно решая, входить или нет. Я смотрел на него из-под полуприкрытых век.

— Проснулся? — спросил он.

— Не совсем, вот только голова разламывается, — ответил я словно не своим голосом, вставая с оттоманки.

— Вы с инструктором пришли уже хорошо подзаправленные. Ты помнишь о нашей встрече?

— Конечно, в среду в девятнадцать на вокзале, — ответил я. «Наверное, ему это очень нужно», — подумал я.

— Если опоздаю, подожди. Может, мне не удастся вырваться вовремя оттуда, у нас в этот день нет разрешения на выход. Никому не говори, о чем мы с тобой условились. После я тебе все объясню, ладно? — Кароль говорил приглушенным голосом, сразу было видно, что для него очень важно, чтобы никто не услышал нашего разговора. Я согласен кивнул.

— Я здорово вчера начудил? — начал я его прощупывать.

— Что ты удивляешься? Водка кого хочешь свалит. Сначала ты держался хорошо, пока не ушел господин Рышард. А потом сразу сварился как рак. Я проводил тебя в комнату, а ты не хотел раздеваться и сразу заснул как убитый. Этот идиот Георг хотел тебя разбудить, я не дал ему. Да у тебя хоть под ухом стреляй, ты бы ни за что не поднялся, — рассказывал Кароль.

«Это хорошо, — подумал я. — Пока руководитель курса присутствовал, я держался, видно, на одних нервах».

— Ты мне сразу по душе пришелся, потому что ты правильный парень, — начал я, чтобы сказать что-то более личное. Сознание того, что я не совершил грубой ошибки, сразу подняло мой дух. — Когда отвалил Рышард? Я даже не заметил, как он выходил.

— Он выехал после часа, ему еще нужно было у американцев отметиться. Как же это ты не видел? Он ведь с тобой даже попрощался. Да, ты был уже хорош.

Этого момента я и в самом деле никак не мог припомнить, но на всякий случай сказал:

— Ах да, верно, я совсем забыл.

— Только после этого началось настоящее застолье, — продолжал Кароль. — Ты отключился первый, сразу за тобой — Джон, а мы сидели, наверное, до пяти. Ты зря только спорил с Георгом, это вредный тип, он уже на двоих наших американцам накапал...

Этого я тоже не помнил. Кароль замолчал внезапно на самом интересном для меня месте, так как услышал шаги на лестнице. Я был недоволен оборотом дела. Так он рассказал бы больше, злился я, а теперь надо ждать до среды; лишь бы он пришел на условленную встречу. Уже издали я узнал голос Джона. Спускаясь на первый этаж, он разговаривал с каким-то «воспитанником», но через минуту заглянул к нам в комнату.

— Что, так сидите на голодный желудок? — начал он от двери. — Надо бы и горло прополоскать.

— Пересохло? — спросил я, изобразив участливую мину.

— Пошли, старый боец, выпьем, — вместо ответа решительно заявил он. — Рышард сказал, что Томми может сегодня вернуться из Лондона.

Около одиннадцати мы покинули шпионский притон. Вышли через въездные ворота. На этот раз я уже точно зафиксировал в памяти название улицы и расположение виллы.

Был прекрасный январский день. Слабые лучи солнца пробивались сквозь завесу облаков. Я с наслаждением вдыхал живительный морозный воздух. Джон выискивал глазами такси. Напрасный труд, еще слишком рано, таксисты отсыпались после напряженной новогодней ночи. У Джона не было желания разговаривать. Мы лишь перебросились несколькими фразами. У меня создалось впечатление, что он сам был недоволен собой за то, что приехал вместе со мной на виллу.

— На кой черт ты меня сюда затащил? Я теперь чувствую себя как побитый, — сказал я будто невзначай, словно не придавал всему этому никакого значения.

— Ты прав, пожалуй, мы могли бы пойти куда-нибудь еще и повеселились бы намного лучше, — ответил он нерешительно.

После долгого ожидания мы сели наконец в пригородный автобус и доехали до центра Мюнхена. Я расстался с Джоном на Бетховенштрассе, вблизи своеобразно возвышавшегося старинного храма Мальтхойзкирхе. Я проводил

своего спутника взглядом, пока он не скрылся за перекрестком с Шиллерштрассе, и медленно зашагал в направлении Зендлингерторплатц. Миновал звездный перекресток улиц, обычно шумных и полных движения в будний день, как и во всяком крупном городе. Я любил эту часть города. Человек буквально пропадал, исчезал, растворялся в людском муравейнике. Хорошо известным мне путем добрался до Ленбахплатц. Наконец я один, прошлая ночь была позади. Меня часто тяготило одиночество в людской толпе, теперь я испытывал противоположное чувство.

Не раз позднее я вспоминал мучительные минуты, стоившие мне стольких нервов в новогоднее утро в Мюнхене, и всегда непроизвольно возникало сравнение с тем, что я пережил, когда проник в банду на Подгале.

Поздний вечер. Бивак у покинутого пастушьего шалаша. Нас восемь. Семь бандитов и я. Кружка с самогоном ходила по кругу. Каждый мог чокнуться, с кем хотел, и тот, за чье здоровье пили, отвертеться никак не мог. Таков был обычай, принятый в банде. Их было семь, а я один. Получилось так, что четырех пивших за меня хватило, чтобы я опьянел. Хотели проверить меня. Главарь банды обычно повторял: «Так или не так, а я свое дело знаю, у меня две души, одна верит, а другая пет». И проснулась его вторая душа, вероломная. Они спровоцировали смертоубийственную пьянку. Я не мог уклониться. Раз за разом кто-то чокался со мной и пил за меня. Напоили до бессознательного состояния. Потом было ужасное пробуждение и страх: не выдал ли чем себя? Мучительное ожидание и наконец огромное облегчение. Я убедился, что легенда человека, под личиной которого я выступал, так глубоко впиталась в меня, растворилась в моем существе, что, даже потеряв способность соображать, я играл свою роль и дальше безошибочно. И именно это оказалось чрезвычайно важным психологическим моментом в испытании самого себя.

Но теперь мог ли я полностью положиться на то, что мне рассказал Кароль? Всегда остается почва для сомнения. Разговор с Георгом, например, мне не восстановить. И мысль о нем постоянно возвращалась.

Первый будний день нового года принес новые происшествия. Рано утром меня навестил Томми. Кончилось праздничное безделье. Резидент действительно прибыл из Лондона. К середине того же дня я находился в главной квартире на Хайльманштрассе. Томми уже знал, что новогоднюю ночь я провел на Оберферинг. По этому поводу пришлось выслушать несколько горьких упреков.

— Как вы посмели по собственной инициативе отпачиться на такой визит? — набросился он на меня. — Вы пренебрегли элементарными требованиями конспирации! Вы почему суете нос туда, куда вас не просят?

— Как это — по собственной инициативе? — попытался я объяснить, обеспокоенный тем, как бы не подумали, что я чрезмерно любопытен, а это вполне могло кончиться подозрениями. — Меня же пригласил туда один из преподавателей, я даже понятия не имел, куда мы едем, полагал, что на частную квартиру. Лишь на месте увидел, что когда-то здесь был вместе с вами. — Этот факт я намеренно подчеркнул.

— Джон — набитый дурак, и, если он еще раз что-нибудь подобное выкинет, американцы выгонят его взащей, и тогда он снова будет скитаться в поисках работы, — яростно вскипел Томми, не скрывая своего недовольства по этому поводу.

Позже я узнал, что боссы из американской разведки по этому случаю провели форменное расследование. Джон получил солидный нагоняй. Не пожелал бы я оказаться в его шкуре. Из этого переплета я вышел, что называется, сухим из воды, выдержав испытание. За все пришлось отдуваться и расплачиваться Джону. Там, где действуют волчьи законы, не каждый прием дозволен, слишком много можно потерять.

Ближайшая неделя обещала быть очень насыщенной. Меня ожидал период интенсивного обучения шпионскому и диверсионному делу для работы в Польше. Из объяснений Томми следовало, что за относительно короткий срок я пройду инструктаж, связанный с выполнением конкретных заданий «за стеной».

— Скоро вы отправитесь в обратный путь, — говорил Томми. — До выброски вам еще многому нужно научиться.

Перспектива возвращения на родину произвела на меня такое впечатление, что я с трудом взял себя в руки, чтобы каким-нибудь произвольным жестом, движением не выдать себя. Я много бы отдал, чтобы завтра оказаться среди своих, на родной польской земле.

— Когда назначена выброска? — спросил я как можно равнодушнее, не в силах отказать себе в этом.

— Мне трудно сейчас определить срок. Решение надо согласовать с нашими американскими друзьями, которые оставили за собой первый этап вашей подготовки. Завтра я передам вас в их распоряжение. Прошу быть точным и ровно в десять находиться перед зданием «Дойчес театэр». За-

пишите адрес: Шванталерштрассе, 13. Там вы встретитесь с офицером американской разведки, который представится как Билл Питер. Полагаю, вы не заставите нас краснеть, — высказал надежду резидент и посмотрел на меня выжидающе; он хотел знать, есть ли у меня в чем сомнения.

— Как я его узнаю? — спросил я.

— Можете быть спокойны, он вас знает и подойдет сам.

...Я приехал на целый час раньше. Погруженный в раздумья, я медленно шагал, прикидывая, что принесет сегодняшняя встреча с одним из американских хозяев Томми. Неожиданно какой-то мужчина поздоровался со мной. Оторванный от размышлений, я с удивлением оглянулся. Он прошел мимо, и я не успел рассмотреть его лицо. Откуда здесь знакомый? Я как раз проходил мимо Ворот Карла, которые вели к сердцу старого города, Нойхаузерштрассе, торговому центру. Наконец вспомнил. Это был парикмахер, я заходил в его парикмахерскую, которая находилась на другой стороне площади. Видно, он уже считал меня своим старым клиентом. Если бы я не вспомнил этого человека, то долго бы ломал голову, откуда он меня знает. Проклятая привычка! Когда наконец я стану самим собой?

Я был бы счастлив, если бы мог сейчас ответить себе на следующие вопросы: почему Томми передал меня в распоряжение американских боссов? На какое время? Что скажет мне Билл Питер? Какие задания поставит мне американская разведка? Отправят ли меня в страну по маршруту переброски «Этуаль»? А может, наши уже раскрыли шпионский канал в Польшу? Если это так, то как я вернусь в страну?

Один человек на тихом фронте бывает иногда пешкой на шахматной доске, на которой разворачивается крупное сражение. Я вернусь, непременно вернусь!

Я даже не знал, как, вот так одиноко шагая, оказался у выхода из главного вокзала. Смешавшись с людской толпой, прошел по подземному туннелю, в котором горели десятки реклам крупных универмагов. Завтра вечером здесь будет ждать меня Кароль из Оберферинга. А может, несколько фраз, которые я через тридцать минут услышу от Билла, не позволят мне прийти к Каролю?

Без пятнадцати десять. Пора идти на встречу с неизвестным. От здания театра меня отделяло несколько сот метров. Шванталерштрассе, семнадцать, пятнадцать... Я шел по нечетной стороне улицы. Миновал театр. Никто ко мне не подошел. Я остановился вблизи оживленной Зоннепштрассе, затем вернулся к зданию театра. Как выглядит тот, который

может повлиять на мою дальнейшую судьбу? Я обратил внимание на мужчину в старом осеннем пальто. Не он ли? Замедлил шаг, но он даже не посмотрел на меня. Почти в тот же момент кто-то подошел ко мне сзади и положил руку на плечо.

— Вы кого-то ждете? — услышал я вопрос, не успев обернуться. Он говорил почти на чистом польском языке. Я сначала растерялся и не знал, как отреагировать. Привычка становится второй натурой, а у конспирации свои законы. Проще всего было бы спросить: «Вы господин Билл Питер?» Но нет. Томми ясно сказал: «Он вас знает, сам подойдет и представится». Это меня как раз и заинтриговало. Приказано играть француза, вспомнил я, буду последовательным.

— Кеске ву вуле деманде? — ответил я вопросом на вопрос, будто не понимая, в чем дело и что ему надо. Я заметил, что он заколебался, видно, не знал французского.

— Вас волен зи фраген? — повторил я вопрос по-немецки.

— Ол райт! Я Билл Питер! Может, этого вам достаточно? — представился он, подавая руку.

— Откуда мне было знать, кто ко мне подходит? Если бы вы не представились, я не стал бы с вами разговаривать. Я вас не знал и не имел никакой возможности проверить, кто вы такой.

Американец провел меня к припаркованному в нескольких десятках метров автомобилю.

— Вы правы, на каждом шагу надо соблюдать осторожность.

Я сел рядом с Биллом на переднее сиденье. Мы ехали по Луизенштрассе в направлении района Швабинг. Всю дорогу мы не проронили ни слова. Через несколько минут американец остановил машину.

— Приехали, — произнес он, вылезая.

Я посмотрел на дом, у которого мы остановились, и сразу вспомнил, что в одном из таких зданий, как две капли воды похожем на это, из неоштукатуренного красного кирпича, именно здесь, на Винцерерштрассе, находилась конспиративная квартира, в которой меня подвергли проверке на детекторе лжи. Сердце у меня забилося сильнее, когда я вспомнил напряженные минуты, пережитые тогда. Не задумали ли они снова усадить меня в это проклятое кресло и взять под перекрестный огонь вопросов?

Да, американец провел меня в знакомую мне квартиру в соседнем доме, и опять все повторилось. Однако на этот

раз специалисты по «разоблачению лжи» сменили метод. Изысканно-вежливая беседа, кофе, рюмка коньяка. Если бы я не знал, где нахожусь, можно было бы предположить, что меня пригласили на товарищескую встречу. Хозяева говорили о жизни на Западе, интересовались, как провожу время в Мюнхене, с кем подружился, не боюсь ли вернуться за «железный занавес». Билл спросил, хотел бы я навсегда остаться на Западе.

— У вас ведь нет в Польше близких родственников, тем самым вас там ничто не связывает, — говорил он таким тоном, будто пытался меня убедить. Беседа велась весьма свободно, непринужденно, так что я даже не успел заметить, когда же он перешел от общих вопросов к очень личным.

Интересовался моей семьей, спрашивал, когда умер отец, чем занимался, где я находился во время оккупации, есть ли у меня братья и сестры, за что разыскивает меня госбезопасность, где я укрывался, в какой мере человек, укрывающийся подобно мне, может свободно передвигаться по Польше, какими документами я пользовался, каким способом устанавливал контакт с разведывательной сетью, какие выполнял задания... Внезапно Билл сменил тему разговора.

— Первыми видами оружия, какими пользовался человек, были камень, палица и разведка. Да, разведка — это неизмеримо важное дело. А вы знаете, кто был первым шпионом? Голубь, да, просто голубь, которого выслал Ной, чтобы посмотреть, отступили ли с суши воды. Вы знаете, кто такой Ной?

— Станный вопрос, — ответил я от неожиданности.

— Вы католик, соблюдающий церковные обряды? — спросил Билл.

Я ответил утвердительно, добавив, что после счастливого прибытия в Мюнхен имел намерение сходить исповедаться, но не знал, где найти говорящего по-польски ксендза.

— Спросите Томми, он определенно знает, — посоветовал американец.

— Когда вы намерены направить меня в Польшу? — спросил я его. — Томми говорил, что я должен пройти обучение. Это много займет времени?

— Почему это вас так интересует? — в свою очередь спросил Билл.

Я объяснил, что мое любопытство вполне естественно.

— Разве вы на моем месте не задали бы такого вопроса?

— Да, — ответил он. — Но на моем месте вы также не поспешили бы с ответом. Обо всем вы узнаете в свое время. Через несколько минут в комнату вошел третий амери-

канец, который не принимал участия в нашей беседе, и, пригласив меня в соседнюю комнату, сказал:

— С большим огорчением мы установили, что некоторые тесты предыдущей проверки выпали для вас отрицательно. Мы решили повторить наш эксперимент на детекторе лжи.

11

Как-то вскоре после войны мне в руки попал популярно изданный труд одного из наших психологов. Я запомнил название: «Борьба со страхом». В памяти осталось также несколько интересных формулировок, которые позже я имел возможность проверить в жизни. Тогда я признавал правоту автора этого наброска. Он утверждал, что нет отваги без страха, но зато существует страх без отваги, и поэтому именно страх можно считать условием существования отваги и трусости, а не наоборот.

А тогда, в Мюнхене, когда я подвергался во второй раз проверке на детекторе лжи, было ли время на подобного рода размышления? Определенно нет. Мысли обычно приходили позже.

— Пожалуйста, — пригласил меня занять место американец, которого я видел впервые.

Зачем они снова решили испытать меня? Я чувствовал, что меня охватывает страх.

Билл Питер был пассивным наблюдателем, попыхивал своей трубкой и не произносил ни слова. Один из незнакомых мне американцев, как и в тот раз, наложил зажимы и пояса сложной аппаратуры.

— Внимание! Начинаем! — услышал я голос сзади. — Напоминаю вам, что надо быстро отвечать на каждый вопрос. Да или нет, без каких-либо комментариев. Вопрос — ответ, как будто мы играем в пинг-понг.

И снова началось все запово, как и в первый раз: вопрос — ответ, вопрос... И так почти час, до изнеможения. Потом несколько минут отдыха, и все повторилось. Те же вопросы, заданные в другой очередности, и новые, сперва ничего не значащие, а затем коварные.

Почему второе испытание я воспринял с не меньшим нервным напряжением, чем первое? Ведь можно предположить, что я уже должен был освоиться с такого рода экспериментом. Но нет. Совсем наоборот. Возможно, потому, что я отдавал себе отчет, что именно сейчас гораздо большую роль играло чувство быстрой ориентации, огромная работа памяти: так ли я отвечаю сейчас на определенные вопросы, как во время первой проверки.

Что вы предпочитаете: запах фиалки или ландыша, свиную отбивную с капустой или с огурцом? Вы выехали из Варшавы к границе поездом, отходящим в... Лента четко фиксировала каждый вопрос, ответ на него и реакцию организма, позволяла точно сравнивать. Вы агент коммунистической разведки? Вы сегодня завтракали? Вы разговаривали вчера с Томми? Вы католик, соблюдающий церковные обряды?

Конец испытания. Два специалиста по «разоблачению лжи» вышли в соседнее помещение. Минута ослабления нервного напряжения. Билл Питер остался со мной в комнате, несколько раз разжигал погасшую трубку, делая все это молча и в то же время не спуская с меня глаз. И вдруг спросил:

— Вы зачем суете нос туда, куда не следует?

Вопрос застал меня врасплох. В первое мгновение не сориентировался, что ему нужно.

— Не понимаю, о чем вы, — ответил я.

— О вашем визите в Оберфферинг; кто вас туда приглашал? — допытывался американец.

— Но Томми, разве он вам не рассказал? Он беседовал вчера со мной на эту тему. Я полагал, что это не имеет какого-либо значения, — ответил я и повторил почти слово в слово то, что говорил накануне резиденту.

Билл слушал, флегматично чистил трубку, потом продул ее, набил табаком, раскурил. Из другой комнаты до нас долетали отдельные слова говоривших по-английски. Я напряг слух. К сожалению, ничего не удалось разобрать. С беспокойством ожидал я диагноза совещавшихся спецов.

— Признайтесь честно, вы сейчас волнуетесь? — спросил Билл, внимательно глядя на меня.

— Вам удалось прочесть мои мысли, — ответил я, — но только частично. Знаете, о чем я в этот момент думал: я испытывал бы не просто страх, если бы ожидал результатов такого эксперимента в кабинете польской госбезопасности, но здесь-то чего мне бояться?

— Однако вы должны признать, что подобного рода экзамен не входит в разряд удовольствий, — настаивал американец.

— Это зависит от обстоятельств, — ответил я уклончиво. — Мне кажется, что надо или полностью верить, или нет, но это уже исключительно мое личное мнение.

— Доверяй, но проверяй, особенно там, где платят деньги, — изрек Питер.

Его высказывание удивило меня.

— Вам ведь тоже платят деньги, — намекнул я ему.

— Да, но мне платит моя страна, я американец, только мать родом из Польши.

Может, Билл рассказал бы и больше, но его позвали в соседнюю комнату.

Через минуту-другую все трое вернулись. Мы обменялись несколькими фразами, после чего вместе с Биллом я покинул законспирированное заведение на Винцерерштрассе. Я рассчитывал, что они мне что-то скажут, но никто не заговорил о результатах проверки, а мне не имело смысла спрашивать об этом. Я считал за лучшее сделать вид, что положительный результат для меня совершенно очевиден. А может, они специально ничего об этом не говорили, чтобы держать меня в состоянии неизвестности?

— До свидания, — сказал один из хозяев, прощаясь со мной. — Может, еще встретимся.

— До свидания, — ответил я.

Билл Питер подвез меня до центра. Мы договорились о встрече в семнадцать часов. Мой новый опекун уведомил меня, что сегодня же приступим к конкретным делам. Я даже не спросил его, что он имеет в виду. Вылез из машины вблизи Зендлингерторплатц. Наконец я снова один. С облегчением вздохнул первый раз за этот день. Мне всегда хотелось быть одному в минуты расслабления, наступавшие после испытаний, требовавших большого нервного напряжения.

Вошел в первый попавшийся мне по дороге бар. Второразрядное, но вполне приличное заведение. Занял один из свободных столиков. Едва сел, подошла официантка, подала меню и исчезла в двери, ведущей в подсобные помещения. Стройная, изящная девушка. С удовольствием проводил ее взглядом. На редкость красива: огромные глаза и длинные каштановые локоны. Лучше всего было бы встретиться сегодня с ней, чем с этим мнительно-бдительным боссом из ЦРУ. Увы, жизнь диктует свое.

Вскоре девушка вернулась к моему столику и, улыбаясь, спросила:

— Что вам угодно?

Я заколебался, не зная, заговорить ли с ней по-французски, но все же решил, не желая излишне напрягаться, что она наверняка не поймет, и произнес заученно на скверном немецком:

— Суп из бычьих хвостов, котлету по-венски и кружку пива.

Вспомнились первые дни пребывания в Германии. Я вхо-

дил в ресторан или бар, изучал меню и, если кельнер не знал французского, договаривался с ним довольно оригинально, показывая пальцем на что-нибудь в меню, а потом, пока он не появлялся с заказанным втемную блюдом, гадал, что через минуту буду есть. Я улыбнулся этим воспоминаниям, теперь у меня уже лучше получалось. Каждый день приобретался опыт. Если бы я был только туристом, то как же беззаботно проводил бы время в прекрасной Баварии. Сейчас я сидел в маленьком уютном заведении. Сюда стоит еще зайти. Хорошая кухня. Я наблюдал за плавными движениями девушки, несколько раз поймав ее взгляд и тайственную улыбку.

Я сидел за кружкой отличного баварского пива и размышлял, почему мои так называемые друзья относятся ко мне с таким подозрением. Отсутствие доверия ощущалось на каждом шагу. Неужели только потому, что я прибыл с той стороны и должен был вернуться, как они выражались, за «железный занавес»? Нет. Они считали меня «негром», как и тех, с Хайльманштрассе, которым платили за выполнение определенных услуг. Людям, которых покупают, не доверяют до конца. До сих пор я довольствовался тем, что мне выплатили, не заикаясь о большем, а эти — Бенон, Георг, Томми, Джон и другие из шпионской компании наймитов — цинично подсчитывали каждый доллар и старались вытянуть из ковбоев, сколько удастся. Мне нужно уподобиться им, каждый день надевать на себя маску предателя и поступать вопреки своей натуре. На шпионской бирже нет места симпатиям, информация здесь товар, которым торгуют так же, как и людьми. Вопрос только в договоренности о цене. Так диктовали принятые здесь правила игры.

В этот же вечер Билл Питер приступил к существу дела. Первая «лекция» носила общий, вводный характер. Американец обсуждал со мной задания, связанные с подготовкой, а затем практической реализацией уже известного мне в общих чертах плана «Вулкан». Инструктаж длился около десяти дней. По многу часов ежедневно корпел я над разработками ЦРУ, сменялись только специалисты в зависимости от изучаемой тематики. Целая энциклопедия шпионажа и диверсий. Теперь не оставалось сомнений, что возвращение на родину уже близко. Итак, я заучивал наизусть шпионские инструкции к самому агрессивному плану против Польши.

— На языке разведки, — говорил Питер, — есть термин «папка целей», вы встретитесь с ним. Это комплект разведывательных документов, содержащий всю известную ин-

формацию о данном объекте нападения во время войны. Подготовка плана «Вулкан» требует разработки определенных объектов на коммуникациях, которые в день X станут целью для ударов наших бомбардировщиков. Мы ожидаем, что вы наметите и укажете американской стороне такие цели для бомбардировки, как железнодорожные узлы, перевалочные пункты и крупные мосты. Реализация этого задания связана с необходимостью ведения на территории всей Польши военной разведки и разведки коммуникаций.

«И вы верите, — подумал я, — что могли бы в Польше в случае чего найти предателей, готовых обратить в пепел наши города и села?» Мне вспомнилось высказывание какого-то реакционного журналиста: «Если война вскоре не начнется, мы окончательно лишимся общего языка с народом». Это напечатал выходивший на польском языке в Лондоне «Иллюстрированный еженедельник». Точно так же рассуждал пан Мацелек — Томми, комплектуя «папки целей», отыскиваемых им на польской земле для бомбардировщиков агрессора.

— Дополнительным документом в «папке целей» каждого объекта, — объяснял босс, — являются данные воздушной разведки, необходимые для инструктажа экипажей бомбардировщиков перед вылетом на задание, но это уже наша забота. Одним из наибольших успехов разведки во второй мировой войне было, как известно, выявление чрезвычайно важной цели в Пенемюнде, где уже с тысяча девятьсот тридцать пятого года немцы проводили эксперименты с реактивными управляемыми снарядами. Обнаружить эту цель помогла как раз воздушная фоторазведка. Строго говоря, не только одна воздушная разведка, но и наблюдательность девушки — офицера британских ВВС. Тайные информаторы «Интеллидженс сервис» уже в первые годы войны доносили, что на острове в Балтийском море абвер проводит в строжайшей тайне какие-то эксперименты. Другие донесения поступали также из Дании и Норвегии. Исходя из того, что эти сведения слишком назойливо откуда-то исходили, английская разведка посчитала их преднамеренной дезинформацией противника или рекламой несуществующего тайного оружия, о котором в то время много кричала пропаганда Геббельса. Лишь эта молодая женщина, изучая аэрофотоснимки, сделанные в мае сорок третьего года во время пролета британских самолетов над Пенемюнде, на одной из фотографий обнаружила с помощью обыкновенного увеличителя и стереоскопа едва заметную маленькую тень и светлое пятно, которое образо-

вывало расплывчатые очертания буквы Т. Это наводило на мысль, что светлое пятно на снимке могло быть платформой пусковой установки, а темная тень, так похожая на фюзеляж, — самолетом. Увеличение фотографии подтвердило догадку, высказанную Констанцией Бабингтон-Смит, имя которой, благодаря этому открытию, вошло в историю разведки.

Я мысленно выругался. Фальсифицируешь, мерзавец, историю. Нам об этом все хорошо известно. Первую информацию о немецких испытаниях ракет добыла польская партизанская разведка на Побережье. Ее вела подпольная сеть «Радван», которая вышла на гитлеровский главный центр испытаний ракетных двигателей на жидком топливе и баллистических ракет на острове Узнам, по-немецки Узедом, в Пенемюнде, северо-западнее Свиноуйсьце. Лишь после этого данные, добытые поляками, были подтверждены британской воздушной разведкой, а налет сверхмощных «летающих крепостей» стер там с лица земли все немецкие сооружения. Я с трудом сдержал себя, чтобы не бросить это в лицо спесивому янки.

— Я рассказал вам эту историю, — объяснил Билл Питер, — как интересный пример, как можно иногда получить «папку целей» необычайной ценности. План «Вулкан» является конкретным заданием, но деятельность в этот период не должна сковывать вашей разведывательной инициативы. Если вы выйдете на такой объект, как та англичанка, то мы вас за это озолотим. В плане саботажа вы должны изучить отдельно каждую цель, собрать заблаговременно соответствующие данные о значении объекта для противника и его оборонительной системы. В нашей работе мы используем опыт всех разведок, а у поляков есть ведь опыт периода последней войны.

Американец разглагольствовал, щеголял своей эрудицией и объемом сведений, сумев заинтересовать меня рассказом о немецкой системе обучения агентов, которой во время последней войны воспользовались американцы.

Уже стемнело, когда после почти десяти часов такого своеобразного репетиторства я попрощался с господином Питером. Он предупредил, что в ближайшие дни мне каждое утро будут вбивать в голову основы разведывательной деятельности и последующие задания, которые я повезу в Польшу.

— Из этого следует, что завтра я не выберу времени, чтобы съездить к Томми на Хайльманштрассе? — спросил я, прощаясь с американцем.

— Почему вы об этом спрашиваете? — заинтересовался он.

— Просто у меня нет больше денег, — ответил я, вспомнив, что решил следовать принципу: тянуть с них, сколько удастся.

— Сколько вам нужно? — спросил Билл.

— На первый случай двести, — сказал я, несколько не смущаясь.

Американец заколебался вначале, потом вынул бумажник, без слов отсчитал и протянул мне несколько банкнот. Я пересчитал деньги — было ровно двести западногерманских марок. Полусерьезно произнес:

— Я думал, что столько долларов...

— Что вы сказали? — спросил он, сделав вид, что не расслышал. Я заметил, что он возмущился. Ничего больше не говоря, я сунул деньги в карман.

— Ну, до завтра, — попрощался американец и поспешно удалился: видно, куда-то торопился.

Я проводил его наимилейшей улыбкой, какую только был способен изобразить.

Была как раз среда, время близилось к девятнадцати. Я находился в незнакомой части города, расположенной на другой стороне реки Изар. Конспиративная квартира, в которой я проторчал с Биллом Питером целый день, размещалась в одном из домов, заселенных исключительно американцами. Я начал нервничать, посмотрев на часы. Как отсюда выбраться и кратчайшим путем доехать до центра Мюнхена? Когда я буду там, то без труда попаду в туннель главного вокзала. Нигде не было видно ни одного такси. Как назло. А мне так нужно было успеть к девятнадцати, я подсознательно чувствовал, что надо обязательно прийти на эту встречу. Наконец я вышел на какую-то широкую улицу. Ах, это Грюнвальдерштрассе, здесь недалеко зоосад. Этот квартал я знал только по плану города.

Когда я появился на вокзале, часы показывали девятнадцать пятнадцать. Оpozдал на четверть часа. «Если он все-таки пришел, то должен ждать», — думал я, высматривая Кароля. Ждал его до восьми. Безрезультатно. А ведь по его поведению видно было, что ему нужна эта встреча. Расстроенный вышел я на привокзальную площадь. В голову после целого дня напряженного труда царил неразбериха, настоящий ералаш. «Папки целей», инструкции, директивы шпионского плана «Вулкан» — слишком много для одного дня. Надо все удержать в памяти, чтобы рассказать там, у себя на родине. До поздней ночи я повторял про

себя «лекцию» Билла Питера и представлял, как этот ценный материал буду излагать нашим в Варшаве.

Мог ли я предположить, что следующий день принесет мне новость? Произошло все это довольно необычно. Ранним утром я, как всегда, направлялся к остановке на трамвайном кругу поблизости от квартиры ффрау Эрики. Через час мне предстояла встреча с сотрудником американской разведки, которая была продолжением шпионского «семинара». Внезапно кто-то подошел ко мне сзади и по-немецки спросил:

— Не могли бы вы проводить меня до цветочного магазина, где бы я купил пунцовые розы?

Я замер, застигнутый врасплох. Но тут же меня прояснила догадка. Да, эту фразу я выучил, это пароль, которым меня снабдили наши в Варшаве на случай, если кто выйдет со мной на связь.

— К сожалению, у меня в родне нет садовника, — по-немецки произнес я отзыв. Передо мной стоял худощавый высокий мужчина в очках.

— Вам привет от Эдварда, — уже по-польски сказал он; эти последние слова являлись дополнительной проверкой. Как будто все совпадает, но не подсунули ли мне кого-нибудь другого? Если вдруг наш связной провалился, американцы могли перехватить пароль. Я сразу же подумал об этом, но времени на выяснение не оставалось.

— В воскресенье, в одиннадцать, Немецкий музей. Установим зрительный контакт. Я подойду к тебе в здании. Понял? — произнес он, словно диктовал текст телеграммы.

— Хорошо, — ответил я, хотел было сказать еще что-то, но мой собеседник не позволил этого. В тот момент, когда мимо нас проходил какой-то человек, он громко по-немецки извинился, приподнял шляпу и исчез в боковой улочке.

Я незаметно посмотрел вслед мужчине в очках, который так неожиданно возник на моем пути. Надо удерживать в памяти, как он выглядел, чтобы с первого взгляда узнать его в воскресенье среди толпы спешащих посетить музей. Иногда случалось, что я забывал чью-то фамилию или номер дома, но почти никогда меня не подводила зрительная память.

Худощавый, высокий, слегка сутулящийся господин в темно-синем осеннем пальто и серой шляпе уже исчез из моего поля зрения за углом дома. Еще раз я мысленно повторил пароль, названный им. Да, все совпадало, слово в слово. И привет от Эдварда тоже. Эдвард, сотрудник нашей службы контрразведки в Варшаве, обсуждал со мной перед

переброской в Германию технические детали возможной встречи с неизвестным на чужой земле, многократно повторял со мной немецкие слова, составлявшие пароль. Так как я шел в неизвестность, трудно было заранее предусмотреть место встречи.

Впредь мне следовало вести себя так, словно ничего не произошло. Наш человек действовал безошибочно. Даже с точки зрения стороннего наблюдателя он мог сойти за совершенно случайного прохожего, который остановил незнакомого человека и попросил, например, объяснить, как пройти на такую-то улицу. Если бы меня кто-то спросил, кто это ко мне сегодня утром подошел, я бы смело ответил: «Откуда мне знать, спрашивал дорогу». А может, они сегодня тоже ходят за мной по пятам? Я думал об этом, ожидая трамвая на остановке. Тогда они пойдут за человеком, который ко мне обратился, и, если установят, кто он есть на самом деле, нас ожидает мрачное будущее. Да разве таким людям, как мы, в этом деле можно быть всегда и во всем уверенными? Увы, нет. Однако нужно идти на риск, это — один из законов борьбы.

Когда трамвай тронулся, я, делая вид, что внимательно читаю какую-то афишу, пропустил всех ожидавших на кругу пассажиров и бегом вскочил на заднюю площадку прицепного вагона. Никто за мной не последовал, но это еще совсем не значит, что за мной не наблюдают. Я переживал смешанное чувство: радости, что встретился с кем-то своим, из Польши, и неуверенности, скрытого страха.

Примерно с полчаса я покрутился по закоулкам старого города, прежде чем прийти на место условленной встречи с американцем. Мне все же не удалось установить, идут ли за мной следом нежелательные наблюдатели. Билл Питер приветствовал меня как старого знакомого и передал меня в руки своего коллеги из разведки, который ужасно коверкал польский язык. Он представился так непонятно, что я не разобрал его имя. В конце концов, какое это имело значение? Они старались как можно сильнее засекретиться, выступали под вымышленными именами и фамилиями. Может, это лейтенант Пеский, может, капитан Вест, о которых я уже слышал, ибо они обучали диверсиям своих подопечных в тайной школе.

Темой этого дня были основы минирования при совершении актов саботажа и диверсий, а именно: правила обращения со взрывчатыми веществами и их хранения, виды бикфордовых и дистанционных шнуров и капсулей-детонаторов, способы подрыва зарядов.

Я слушал слова инструктора рассеянно и ловил себя на том, что не понимаю, о чем он говорит. Мысленно я возвращался к утренней встрече с нашим человеком и к воскресному «рандеву», которое ожидало меня в здании Немецкого музея. Я никогда не был в нем. Надо заранее изучить место встречи. Но откуда взять доказательства, что мужчина в очках, который подошел ко мне, действительно тот, за кого себя выдавал? Так же, как я проникал в тылы вражеской разведки, так и они могли искать пути к нам. Не раскрыли ли они какое-то звено, неизвестное мне?

— Повторите, — потребовал американец, заставляя следить за ходом своих мыслей.

И так несколько часов, новая порция информации, и снова «повторите». Как уничтожать, разрушать заводское и фабричное оборудование, железные дороги, другое оборудование... Как подрывать мосты стальные, бетонные... Как поджигать леса... Как вызвать пожар емкостей с бензином...

Я был совершенно измучен, когда около четырех часов пополудни вырвался из этого чертова «семинара». День кончался, на улицах Мюнхена уже загорелись многокрасочные неоновые огни. Я шел пешком по городу, а мысль о воскресной встрече с нашим человеком не давала мне покоя. Впереди всего два дня ожидания — пятница и суббота. Я внимательно изучил план города, который всегда носил с собой. Музей находился на острове, называемом здесь Музеуминзель, то есть остров музея или музейный остров, на реке Изар, разделяющей Мюнхен на две части. Остров был связан с обоими берегами мостами.

Информация, помещенная в немецком путеводителе, сообщала, что немецкий музей, один из крупнейших музеев мира, в своем роде уникален. Он открылся пятьдесят лет назад, показывает развитие техники, промышленности и естественных наук, после окончания работ по восстановлению длина маршрута осмотра экспозиций составит четырнадцать километров; там можно увидеть первый сконструированный Филиппом Райсом телефон, первый динамит Сименса, подзорную трубу Фраунхофера, измерительные приборы Ампера и Ома...

Позволит ли программа дня, которую уготовили мне американцы на завтра и послезавтра, обстоятельно изучить место воскресной встречи? Трудно предвидеть. Я как раз проходил мимо стоянки такси. Нужно использовать свободное время и удобный случай. Я сел в первую машину и минут через пятнадцать уже находился на Эрхардштрассе

вблизи моста, который связывал «музейный остров» с городом. Дальше своим ходом, как турист, я вступил на остров, осмотрел его, разведаль ближайшие окрестности огромного здания музея, в котором размещалась также техническая библиотека, а кроме того, немецкое патентное бюро. Вот где-то здесь, под высокими колоннами фронтона здания, через два дня в одиннадцать я установлю зрительный контакт с мужчиной, который спросил меня о магазине, в котором можно купить пунцовые розы.

Теперь, освоившись с неизвестной ранее обстановкой, я уже спокойнее думал о воскресной встрече. Еще с четверть часа покрутился здесь будто бы без всякой цели, обдумывая, какой следует выбрать «путь к отступлению» после встречи в музее, как потом мгновенно раствориться в толпе пешеходов. Я наметил выход на Цвайбрюкенштрассе: движение на этой улице было наиболее оживленным. Как раз там я сел в трамвай, в котором через мост на Изаре доехал до центра Мюнхена.

Впереди свободный вечер. Что делать со временем? Куда его девать? На квартиру фрау Эрики возвращаться слишком рано. Может, навестить Джона? Я не виделся с ним несколько дней, и как бы он не воспринял это неправильно. Может подумать, что я избегаю его после новогодней ночи, когда он по пьяной лавочке затащил меня в диверсионную школу ЦРУ. Лучше не давать повода для такого рода подозрений. Пожалуй, навестю его завтра, решил я. Визит к Джону означал неизбежное распитие бутылки виски с ним, а сегодня к этому у меня не было никакой охоты.

Я вышел из трамвая на Кауффингерштрассе. Стрелки уличных часов приближались к девятнадцати. В голову мне вдруг пришла мысль. Я, собственно, ничем не рисковал. До здания главного вокзала было несколько минут ходу. Может, Кароль, с которым я договорился встретиться там вчера вечером, не мог выйти из школы и будет сегодня ожидать меня? Старое правило конспирации гласило, что, если контакт не установлен, следует повторить попытку встретиться на следующий день в том же месте и в то же время, если обе стороны не договорились ипаче.

Итак, я ничего не терял. Кратчайшим путем через Карлсплатц я направился к туннелю, ведущему к главному вокзалу. Девятнадцать часов пять минут. Я покрутился в толпе несколько минут, высматривая знакомую фигуру Кароля. Я не знал, какой он носит плащ, потому что видел его лишь один раз, да и то в совсем иной обстановке. Уже хотел уходить, но тут сам Кароль подошел ко мне.

— Я думал, что ты сегодня едва ли придешь, а вчера мне никак нельзя было вырваться. Нас вывезли на полигон, и вернулись мы поздно вечером. Но черт бы меня побрал, так хотелось с тобой еще поговорить, — обрадованно говорил он, поздоровавшись со мной.

— Что вы там делали? — спросил я.

— Сперва нас учили, как принимать сброшенные грузы, а потом проводили практические учения в ночных условиях: охранение площадки для выброски, световая сигнализация... Мы должны были выполнять задания по всем правилам, как будто мы — диверсанты, находимся в стране врага. Ну, в общем, заставили нас попотеть, я вернулся чуть живой, но задание все-таки выполнил. Кто этого не сделает, получит меньше жалованья.

— Сколько вам платят? — поинтересовался я.

— Четыреста пятьдесят марок в месяц, из них сто удерживают за питание.

— Значит, на руки выдают триста пятьдесят марок, меньше ста долларов. Я полагал, что несколько больше, — заметил я и подумал, как дешево платят янки из ЦРУ «неграм» за грязную работу.

— У многих из нас нет другого выбора. Лучше сто долларов, чем нищенская жизнь в лагере для беженцев, — издохнул Кароль. Я заметил, что он задумался, не много ли мне сказал.

Вокзал остался далеко позади. Мы свернули в боковую улочку, где можно было свободнее разговаривать. Я шел, погруженный в свои мысли, рядом с кандидатом в диверсионный «иностранный легион». Когда значительно позже, уже в Польше, мне в руки попало одно издание под названием «Америка ищет пехотинца», то оно показалось мне очень созвучным с тем, что я видел тогда собственными глазами.

Мы с Каролем зашли в маленький уединенный бар. Два пива, две рюмки кирпа — известной немецкой вишневки, потом то же еще раз и две порции колбасок, напоминавших наши крупнеки, которые я с таким удовольствием ел, когда приезжал в Силезию к родителям жены. Сравнения настойчиво напрашивались по малейшему поводу.

— Еще раз кирш, — заказал Кароль. А через минуту заговорил о моем пребывании в шпионской школе: — Этот Георг — самая настоящая свинья. У тебя по пьянке хотел выпытать. Поэтому я тебя предостерегал. Может, хотел отыграться за то, что ты оторвался, когда за тобой следили. Георг получил взбучку от американцев, он думал, что ты умышленно избавился от своих опекунов.

— Как это — умышленно? — спросил я.

— Не прикидывайся, сам знаешь, о чем речь. Несколько наших человек ходили за тобой несколько дней. Это было в рамках практических занятий, и тогда Георг им не поставил зачет, потому что ты от них оторвался. Мне совсем его не жаль, — признался Кароль, — он обо всем, что происходит на курсе, доносит американцам. Мы некоторое время не знали, кто «капает». Подозревали двоих, но больше — Георга. Решили проверить его. Один из наших только признался Георгу, что потерял служебный пистолет, как уже на следующее утро капитан Дропо провел проверку оружия. Пистолет, который якобы потерялся, лежал, старательно вычищенный, в шкафу.

Я внимательно слушал рассказ Кароля. Он тоже считал, что курсанты выполняли учебное задание, я же был абсолютно уверен, что американцы установили за мной это наблюдение, которое являлось одной из форм постоянной проверки моей личности. Я задумался, как избавиться от этих «ангелов-хранителей» в воскресенье перед встречей в музее. Мое молчание не способствовало продолжению разговора, но я чувствовал, что Кароль ждет лишь какого-то слова с моей стороны, что интуитивно питает ко мне больше доверия, чем к тем, среди которых он вращается, что я мог бы легко вызвать его на откровенность. Может, он хотел найти иную дорогу в Польшу, но только не как шпион американской разведки. А если мне это лишь кажется?

Положение, в котором я находился, не позволяло мне играть в открытую. «Если ты и в самом деле захочешь этого, — подумал я, — то один найдешь путь на родину».

— Герр обер, — позвал Кароль официанта. Он хотел еще раз заказать кирш. Я удержал его и попросил две маленьких светлого пива.

— Ты докладываешь нашим шефам, с кем встречаешься в городе? — поинтересовался он.

— С какой стати? Никто здесь не вмешивается в мою личную жизнь. Друзья мне полностью доверяют, — убежденно заявил я.

Кароль снова заколебался, но в конце концов решился излить, что у него на сердце.

— У меня к тебе просьба, — начал он. — Только никому не проговорись, что мы с тобой сегодня встречались. Я не уведомил никого, куда выхожу, а «оторвался налево». Каждый из нас обязан сообщать, с кем он поддерживает связь. Это распоряжение начальника курса.

Я прикинулся, что не придаю этому факту никакого значения, и посмотрел на часы, давая понять Каролю, что мне уже пора. Время приближалось к двадцати одному часу.

— Еще несколько минут, мне нужно изложить тебе свою большую просьбу, — попросил меня Кароль и остановил, чтобы я не звал кельнера. Может, он хотел более подробно все рассказать, но, видя, что я спешу, решил говорить сжато. Не очень это у него получалось, ибо то, что он доверчиво объяснял, как я заметил, уже давно его угнетало. Он повторил мне историю, рассказанную в новогоднюю ночь спьяну. В Польше он совершил злоупотребления, скрылся, его стали разыскивать, он разыграл побег в Татры, там на турбазе записался в книгу гостей, ушел в горы и не вернулся. Его искала горноспасательная служба. Тело не нашли. Семья считает, что он погиб, а ему тогда удалось нелегально бежать на Запад.

— Я думал, что тут разбогатею и через год или два вернусь в Польшу под другой фамилией и опять, как будто кто-то другой, женюсь на моей жене, — говорил Кароль. — Я и вправду хотел вернуться. В Берлине попал в лагерь для беженцев. Здесь и вши меня грызли, и работы я не нашел. За что-нибудь зацепиться мне помешали эти, из разведки, заслон поставили и одно предлагали: идти на курсы диверсантов. В общем, сломали они меня. Теперь у меня другого выхода нет... Она тогда была беременна, я даже не знаю, кого родила... Наверное, думает, что я в горах погиб. Ты возвращаешься туда... возьми письмо и скажи, чтобы ждала, что я вернусь, но только одной ей скажи...

Кароль подсунул мне конверт, на котором убористым почерком были написаны адрес, имя, фамилия и название небольшого местечка на побережье Балтики. Я попрощался с Каролем у бара. Он хотел меня проводить, видно, испытывал потребность выговориться, пообщаться, довериться. Что я мог ему ответить? Может, лучше, если бы она никогда не узнала, что он жив...

Назавтра с утра, ровно с девяти часов, я продолжил свое шпионское обучение. Сменился только преподаватель и тема. На этот раз она именовалась: «Оценка разведывательной информации».

Американец говорил медленно, старательно произнося каждое слово, иногда повторял некоторые выражения бесстрастным голосом и внимательно наблюдал за мной, словно искал подтверждение своим разъяснениям. Посторонний человек, не знающий тему этой странной лекции, мог бы

посчитать, что опытный педагог-репетитор дает мне урок. Холодная обстоятельность и цинизм «мастера» шпионского ремесла производили на меня необычное впечатление.

— Хорошая информация из тыла противника — это попросту товар, который мы покупаем. Однако перейдем к конкретным понятиям. Томми добивается увеличения наших дотаций резидентуре. Хорошо! Но с условием добросовестной реализации наших заданий. Центральное разведывательное управление не благотворительное учреждение. План «Вулкан» — это одна проблема, вторая — это глубокая разведка в тылу противника. Нас интересует состав и размещение сил коммунистического режима. Такую информацию мы ожидаем от агентурной сети резидентуры в Польше. Пока такой информации мы не получили. Когда мы вас перебросим в страну, прошу об этом четко помнить.

И действительно, американец перешел к конкретным вопросам. С методичной обстоятельностью он изложил направления интересов американской разведки на востоке от Лабы. Вначале методические указания, такие, как способ классификации полученной информации, определение возможностей источника и достоверности сведений.

Босс, по мере того как говорил, увлекался и декламировал свой букварь шпионажа, как выученный наизусть урок, который повторял не первый раз. Привел даже цитату из высказываний величайшего, как он определил, специалиста американской разведки Аллена Даллеса: «Получатели разведывательных данных начинают обычно с того, что принимают их за ложные, или представляющие собой дезинформацию. Затем, преодолев это препятствие, отбрасывают все, что для них нежелательно...» Позже, значительно позже я нашел более подробную формулировку на эту тему в одном из руководств американской разведки в разделе «Эволюция».

— Вы даете только предварительную классификацию полученной информации, остальное — дело людей нашего центра, — поучал американец.

С неподдельным интересом слушал я лекцию о методике работы нашего противника и с огромным удовлетворением думал о тупике, в который лезли ковбои, рассчитывая на выдуманную хитрой лисой из резидентуры на Хайльманштрассе сеть, «действующую» в Польше.

— А теперь я познакомлю вас с нашим «списком покупок», — объявил янки и вытащил аккуратно перепечатанный на машинке перечень вопросов, представлявший собой уже конкретный заказ американской разведки.

Сегодня я не смогу восстановить в памяти этот скрупу-

лезно разработанный Центральным разведывательным управлением США шпионский документ. Он содержал подробную инструкцию по сбору и классификации шпионских сведений.

Американец читал вслух длинный список шпионских вопросов, некоторые комментировал. «Так вот как выглядит ваш «список покупок», — думал я, просматривая перечень, по которому можно было судить о направленности интересов вражеской разведки.

— Много труда пришлось вложить, чтобы составить такие подробные вопросы, — оценил я, обращаясь к моему собеседнику.

— У нас имеются отличные специалисты, а помогал нам не только Томми, но и другие друзья, которые хорошо знают вашу страну, — похвастался американец.

Я как раз пролистал десятка полтора страниц машинописного текста инструкции и в разделе, озаглавленном «Вроцлав», заметил отсутствие польских названий отдельных объектов, а были только немецкие названия, такие, как район Хундесфельд, Гинденбург, Ольташин, Пионирказерне, объект Шозенгартеп или промышленное предприятие «Вальден»... Я тут же догадался, какие это «друзья» подготовили шпионскую инструкцию. Даже в разделе, относящемся к району Гданьска, автор вопросов не знал, как заменить немецкое название объекта «Лангфур». Бывший шеф гитлеровской разведки армий восточных государств Рейихард Гелен, досконально знавший польские земли периода оккупации, уже несколько лет работал на американскую разведку. У меня не было ни малейшего сомнения, что соавторами этого документа являлись люди из «Организации Гелена», законспирированная резиденция которой размещалась недалеко от Мюнхена, в небольшом местечке Пуллах. Несомненно, об этом хорошо был осведомлен господин Юзеф Мацелек, он же Томми, руководитель резидентуры на Хайльманштрассе, который выполнял задания, разработанные не кем иным, как бывшими спецами гитлеровской разведки.

Американцы торопились с подготовкой моего возвращения в Польшу. В тот же день после обеда сменился инструктор. Новая тема называлась: «Пользование шифрами, связь и тайнопись». Из всех тайн этого «искусства» меня посвятили лишь в те, которые были необходимы для действующего в тылу врага агента разведки. В общем, период обучения здесь немного отличался от тематики инструкта-

жа, который я уже прошел в «мастерской» легализации Михала Сулимы на вилле резидентуры на Хайльманштрассе.

В субботу меня передали в распоряжение Томми. Видимо, американцы не хотели отказать себе в уик-энде. Решение это я воспринял с большим удовольствием. У меня буквально камень с души свалился. Ведь всего каких-то двадцать часов отделяло меня от встречи с нашим человеком, а я так опасался, что именно в это время меня могут заблокировать очередным «семинаром». Какой бы я тогда нашел предлог, чтобы избавиться от него и не возбудить подозрений?

Рано утром я прибыл на Хайльманштрассе. Руководителя резидентуры застал за завтраком. Сразу же после обмена приветствиями он огорошил меня вопросом:

— Я слышал, вы хотели исповедаться?

В первое мгновение я не догадался, что он имеет в виду, с беспокойством подумал о детекторе лжи. А Томми объяснил, что об этом ему сказал господин Билл Питер. Теперь я припомнил разговор с американцем. Зачем это у меня тогда вырвалось, ругал я себя, но ничего не поделаешь: приходилось быть последовательным и полезать в кузов, раз назвался груздем. Мацелек успел даже договориться с ксендзом, который исповедовал по-польски и согласился принять меня в маленьком костеле на окраине Мюнхена. Привез меня на место один из сотрудников резидентуры, и... я исповедался по всем правилам, хотя накрепко забыл, как это делается. Разумеется, я контролировал каждое слово, чтобы не выпасть из роли врага коммунизма. Услышав по-латыни заключительное: «Эго те абсолюво» — «Отпускаю тебе», я с удовлетворением подумал, что эта процедура предпочтительнее детектора лжи и огня перекрестных вопросов американских спецов по разоблачению лжи. Впрочем, как можно было судить по нескольким довольно пытливым вопросам достопочтенного священника, речь шла не об обычной исповеди; ее использовали как еще одну возможность проверить меня. Ксендз был в близких отношениях с Томми и конечно же не отягощал себя обетом сохранения тайны исповеди.

Коль сказано «а», так надо сказать и «б», тем более при таких обстоятельствах. В воскресенье утром я заявил хозяйке, что завтракать не буду, и рано вышел на улицу. Следовало принять причастие. Первая церковь, в которую я вошел, оказалась евангелической, поэтому пришлось поискать католическую. Позже я зашел в кафе «Мак» на завтрак по-венски.

По мере того как время уходило, меня все больше охватывало волнение. Еще три часа отделяло меня от встречи на «музейном острове». Вопрос о том, следят ли за мной люди из американской разведки, не давал мне покоя. Надо оторваться от предполагаемых наблюдателей и сделать это так естественно, чтобы идущие за мной по пятам не поняли, что я делаю это умышленно. У страха глаза велики — вспомнился мне эпизод при переходе через границу. Однако осторожность никогда не помеха, особенно тогда, когда от этого зависит судьба двух людей, находящихся на тихом фронте. А успех приходит там, где есть самообладание и чувство быстрой ориентации. Итак, вперед! Начался мой рывок. Убежать во что бы то ни стало от пары глаз неизвестного мне преследователя, который, возможно, фиксировал каждый мой шаг. Я чувствовал себя как муха, попавшая в невидимую паутину. Немного нервничая, я прибавил шагу, может, слишком нервничая. Прыгнул в трамвай, незаметно оглянулся, проехал. Затем случайная пивная, и снова я на улице. И опять такое же путешествие: какие-то проходные ворота, потом торговый пассаж, совершенно пустой в праздничный день. И так полтора часа, пока не обрел уверенность, что никто за мной не идет.

Еще пятнадцать минут. Я медленно приближался к месту встречи. Словно ступая по раскаленным углям, я подошел к зданию музея и ровно в одиннадцать остановился под колоннами фронтона. Издалека узнал фигуру художавого мужчины в очках, подошел к входу с другой стороны. Когда убедился, что он меня увидел, первый вошел в вестибюль.

Не спеша я разделся в гардеробе и стал выбирать себе музейные туфли, которые затем медленно надел на обувь. Старательно завязывая тесемки, посмотрел в зеркало. Заметил, что мой «знакомый» как раз вошел в вестибюль и задержался у прилавка, где продавались путеводители, долго искал мелочь в кармане, заплатил и пошел в гардероб. Не обращая больше на него внимания, я приобрел путеводитель и направился в первый зал. В этот самый момент в дверях главного входа я заметил группу туристов, которые, громко разговаривая по-немецки, входили в вестибюль.

Я вступил в первый зал, затем перешел во второй, невозмутимо посматривая в путеводитель и останавливаясь чуть ли не у каждой экспозиции, а к некоторым даже возвращаясь. Только в пятом или шестом зале я снова заметил нашего человека. Он тоже увидел меня, но пока не подходил. Я размышлял, все ли в порядке. Внезапно пришла

в голову мысль, породившая мучительное сомнение. Действительно ли я имею дело с нашим человеком? Откуда ему было знать, что именно в то время я буду идти по той улице? А если все же мне кого-то подсунули? Как это проверить? Но теперь слишком поздно. Я мог бы сейчас, если бы он подошел ко мне, сделать удивленное лицо: это какая-то ошибка, не понимаю, о чем вы говорите!

Я стоял у стеклянной витрины в нескончаемом лабиринте огромного здания, и мне уже казалось, что я потерял из поля зрения человека в очках, когда он приблизился ко мне и остановился рядом, у той же экспозиции.

— Мы не знакомы, встретились здесь случайно, как посетители музея, — тихим голосом произнес он.

Нас заслоняла большая техническая таблица с какими-то графиками, диаграммами, поблизости никого не было, только у двери на стуле сидела погруженная в свои мысли женщина из обслуживающего персонала музея.

— Откуда ты знал, что я пойду по той улице, где три дня назад ко мне подошел? — задал я ему беспокоивший меня вопрос.

— Мне дали адрес твоей квартиры, ты, видно, сообщил центру, — ответил он, удивленный моим вопросом.

Да, конечно, облегченно подумал я, счастливый тем, что избавился от сомнения, терзавшего меня еще минуту назад. Теперь я вспомнил, что в донесении, отправленном в Варшаву, указал адрес фрау Эрики. Мужчина в очках сразу же приступил к делу, быстро задал мне несколько вопросов. Времени на разговоры не было. Телеграфным языком я сообщил ему важнейшую информацию, адреса, какие установил контакты.

О чудо! Место расположения тайной диверсионной школы уже было известно нашим. Значит, не я первый установил это. Тогда кто же? Неужели там внедрился наш человек?

— Заканчивай, — поторопил меня мой собеседник. — Дата переброски известна?

— Еще не объявили, но чувствуется, что это произойдет в ближайший день, — ответил я.

— Когда это станет тебе известно, дашь объявление в «Абендцайтунг», что отец девочки, которую укусил черный бульдог около Николаикирхе, просит владельца собаки связаться по адресу: Винерштрассе и номер, который будет означать день переброски. Понял? Повтори!

— Черный бульдог... Николаикирхе... Винерштрассе... номер дома означает день переброски, — повторил я.

— Держись, братец, — произнес он и, отойдя, с интересом стал рассматривать что-то выставленное в стеклянной витрине.

Мы расстались не прощаясь, он вышел первым, а я еще долго ходил по музею, прежде чем решился вернуться в город. «Как это удивительно иногда складывается, — думал я. — Несколько десятков часов прожить в напряжении, трое суток ожидания, а потом лишь несколько минут разговора». Однако сознание, что поблизости есть кто-то наш и действует, как я, принесло мне облегчение. Я уже не чувствовал себя таким одиноким среди чужих.

Каждый день приближал меня к нетерпеливо ожидаемой переброске. Дату мне еще не назвали, но на каждом шагу я ощущал, что вскоре это наступит, так как меня все быстрее готовили в путь. Два дня перерыва в шпионском инструктаже я провел на конспиративной квартире резидентуры на Хайльманштрассе. Резидент господин Юзеф Мацелек часов пятнадцать посвятил мне, проведя разъяснительную беседу об обстановке в кругах эмиграции. Он выступал по отношению к стране как руководитель так называемой делегатуры нелегальной политической организации ВиН — «Вольность и Неподлежность» («Свобода и Независимость»). В действительности это выглядело несколько иначе: он действовал как резидент американской разведки и лишь рядился в чужие перья, которые снаружи служили некоей политической ширмой для его деятельности.

— Репутация политической организации обеспечивает нам выгодные исходные позиции по сравнению с отдельными группами политической эмиграции, которые тоже представляют интерес для наших американских друзей, и по-другому выставляет нас перед людьми, действующими в Польше, — откровенничал Мацелек, приоткрывая передо мной закулисные связи и уловки эмиграции. — Мои связи с американскими друзьями я держу в строжайшей тайне.

Не стану приводить подробно излияния господина Мацелека, хочу лишь раскрыть их смысл, который дает представление о гнусном отношении к Польше и грязной конкуренции некоторых эмигрантских групп на бирже иностранных разведок.

Американская разведка прилагала тогда значительные усилия, чтобы сколотить единый реакционный польский центр эмиграции. Этот план тесно увязывался с попытками расширения диверсионно-разведывательной деятельности, проводимой в Польше. Американцы стремились прежде все-

го к тому, чтобы такого рода центр активно занялся агрессивными военными приготовлениями, такими, как организация разведки, создание диверсионных отрядов и работа по разложению в Войске Польском.

Мацелек завоевал доверие американцев и старался сохранить для своей клики монополию пользования средствами из мощи американской разведки. Он хорошо знал, что нечего питать надежду склеить из перегрызшихся эмигрантских групп единый центр, о чем мечтали господа из ЦРУ, однако выдавать эту тайну своим американским партнерам не собирался. Что варилось в то время в польском эмигрантском политическом котле? По словам руководителя резидентуры, имела место популяризация нескольких концепций так называемого объединения реакционной эмиграции под эгидой американской разведки.

Первая концепция — американская. Это создание так называемого совета национального единства с его исполнительным комитетом, который неофициально сотрудничал бы с Центральным разведывательным управлением США. Вторая концепция — Миколайчика, провозглашала достижение объединения четырех исторических политических партий, но без санагии. Третья концепция — эндековской группы Белецкого, внушала мысль о расширении так называемого политического совета за счет фракции ПСЛ (Польске стронництво людове — Польская крестьянская партия), представляемой Корбоньским (но без Миколайчика), а также галлеровского Стронництва працы. Эта концепция поддерживалась Андерсом, но лишь при условии исключения участия и влияния в этой партии Миколайчика, которого Андерс ненавидел.

Наконец, последняя концепция — самого Андерса, который любой ценой пытался удержать превосходство, опирающееся на так называемый легитимистский правительственный центр, то есть на недобитков санагии. Андерс, по мнению Мацелека, готов был принять любое решение, которое обеспечивало бы ему сохранение ведущей роли в какой угодно политической комбинации.

Из слов господина Юзефа Мацелека я понял, что он отрицательно относится к концепции американской разведки, цель которой подчинить себе, а затем оперативно использовать для воздействия в стране людей из других политических группировок. Томми был уверен, что делегатура ВиП являлась одним из главных звеньев, воздействующих на страну, поэтому всякая конкуренция в этой сфере была для него неприемлема.

Мацелек с беспокойством допытывался, о чем в последние дни спрашивали меня американцы. Он боялся, не сболтнул ли я чего лишнего, сказал, что от резидентуры требуют все больше конкретной информации из Польши, сетовал, что материалы, привезенные мной из Польши, не удовлетворяют предъявляемым требованиям и оценены как очень поверхностные. Резидент жаловался, что не получил из страны необходимых данных для разработки плана «Вулкан» и вынужден был составлять вступительные положения в своем кабинете, пользуясь польским расписанием движения поездов и схемой коммуникаций, выпущенными польскими государственными железными дорогами.

— Заделываю дыры, — невесело признался оп. — А если материалов не достану, не выдержу конкуренции. Другие тоже на них работают.

Еще почти десять дней продолжался инструктаж перед отправлением в Польшу. Я с большим трудом скрывал свое нетерпение. Большую часть инструкций ЦРУ я должен был одолеть наизусть. «Если провалишься в восточной зоне Германии, то ничто не должно попасть в руки красных», — неоднократно повторяли мне резидент и его американские начальники.

Наконец настал желанный день выезда из Мюнхена, откуда начиналась дорога в Польшу. Об этом мне было сказано вечером, а на завтра уже предстояло отправляться на аэродром. К счастью, обстоятельства складывались так, что я успел дать объявление в газету, что опечаленный отец разыскивает владельца черного бульдога, укусившего девочку около Николайкирхе.

В последний день руководитель группы американской разведки лично ознакомил меня с тремя шпионскими документами, которые я должен был провезти в Польшу. Моя курьерская почта складывалась из богатого «списка покупок» и шпионского перечня вопросов, представляющего конкретный заказ янки, плана «Вулкан», десяти тысяч долларов потрепанными стодолларовыми банкнотами, а также инструкции по применению яда, которым мне следовало воспользоваться в критической обстановке. Эти документы были помещены в хитро устроенный тайник в большом черном портфеле.

Хочу закончить начатый рассказ несколькими отрывками из инструкций, врученных мне, когда я садился в военный самолет американской разведки.

Содержание американского заказа не ограничивалось информацией о польских вооруженных силах, которым, правда, отводилось больше всего места; имелся также подробно разработанный раздел экономики, из которого я взял наиболее характерные выдержки, касающиеся польской промышленности:

«Государственная комиссия экономического планирования. Где находится это учреждение? Сколько людей работает в нем? Дать фамилии и указать должности лиц, занятых в этом учреждении, а также организационную структуру.

Министерство тяжелой промышленности. Вопросы повторяются по образцу.

«Урсус»: расширен ли этот завод или произошли в нем какие-либо изменения за последний год? Ведутся ли конструкторские разработки в настоящее время? Какие средства и меры безопасности (сохранность тайны) можно наблюдать на территории завода? Имеется ли железнодорожная ветка? Если да, то сколько вагонов прибывает в течение недели? Что в них поставляется? Что вывозится? Тип и грузоподъемность вагонов. Количество вагонов, прибывающих и убывающих в течение одной недели. Увеличилось или нет по сравнению с прошлым годом? На сколько? Если нет железнодорожной ветки, то просьба ответить на предыдущий вопрос, приняв во внимание курсирование автомашин с завода и на завод. Что представляет собой рабочая сила завода? Как это выглядит по сравнению с прошлым годом? Во сколько смен работает завод? Описать оборудование завода (сделать схему). Что производит завод? В каком количестве? В какой степени завод переведен на производство военной продукции? Планируется ли увеличение этой продукции? Каково назначение этой продукции? Дать фамилию директора завода, а также фамилии лиц, занимающих ключевые посты на этом заводе...»

Подобные вопросы повторялись и в отношении других главных предприятий нашей промышленности. Вот еще отрывок:

«Акватория портов. Какова длина береговой линии бассейна? Сколько судов может разгружаться одновременно? Какое самое большое судно замечено в этом бассейне? Какова его осадка? Каково состояние бассейна? Устранены ли все разрушения периода войны, был ли бассейн расширен после войны? Сколько кранов обслуживает бассейн? Производительность каждого крана? Погрузочно-разгрузочная мощность каждого крана в течение двадцати четырех часов работы? Имеются ли плавучие краны? Каков характер гру-

зов, доставляемых в этот бассейн? Сколько судов, загружаемых и разгружаемых, находилось в промежуток времени, за который удалось провести наблюдение (размеры судов, груз, его происхождение и назначение)? Какие имеются в районе бассейна складские помещения? Сколько товарных складов? Каковы их размеры? Ведутся ли какие-либо работы по расширению порта, складов или увеличению количества кранов?»

И снова подобные вопросы в отношении бассейна портового канала, бассейна Вислинского вокзала, бассейна Кашубского канала, горнопромышленного бассейна.

Я привел эти отрывки, чтобы показать анатомию деятельности иностранной разведки. Все же не могу себе отказать и не процитировать также американский текст специальной инструкции, которую вручил мне перед отлетом один из боссов. Вот она:

«Жидкость «L» — маленькая стеклянная ампула, в которой находится жидкая синильная кислота.

Инструкция по применению. Когда понадобится воспользоваться ампулой, следует положить ее в рот и держать в зубах, губы крепко сжать. При необходимости раздавить ампулу зубами. Затем сделать вдох через рот, еще раз сжать губы и задержать как можно дольше дыхание. Бессознательное состояние наступит очень скоро, примерно через 30 секунд.

Можно ожидать, что боли не будет, однако возможно, что будет ощущаться давление в области грудной клетки.

Смерть наступит в бессознательном состоянии.

Одна ампула достаточно эффективна. Можно взять две ампулы, тогда эффект будет быстрым».

С таким багажом возвращался я в Польшу тем же путем, каким прибыл в Мюнхен: Франкфурт-на-Майне, перелет в Западный Берлин, аэропорт Темпельхоф, где меня снова принял господин Бенон Бартель — руководитель канала переброски «Этуаль», и нелегальный переход границы.

Я был одним из многих, принимавших участие в этой контрразведывательной операции. Я не назвал их фамилий, но каждый из них мог бы сегодня написать не один том воспоминаний о борьбе на тихом фронте. Я не смог бы передать все, что пережили мои соратники, — это всегда воспринимается по-разному. Не сумел бы также выразить словами ощущение счастья и радости, которое я испытал при возвращении в Польшу. Сильно забилося сердце, когда, переправившись через Нысу, я вступил на родную польскую землю.

ЭПИЛОГ

Возвращение в Польшу я связывал с надеждой, что наконец обрету настоящие имя и фамилию, родной дом и нормальную жизнь. Я был пресыщен постоянным нервным напряжением и одиноким пребыванием среди чужих. Мне пришлось пережить несколько перевоплощений: Мариан Сковроньский в операции против банды «Бывалые вояки», Мариан Зайонц в деле «Паутина» и на пути в Мюнхен — Рышард Черпик, Эрих Генрих Шранке, Жан Поль. Пять фамилий. Каждая была связана с определенной контрразведывательной операцией. Я полагал, что это уже конец. Но все было иначе. Борьба продолжалась. Это стало мне понятно при первой же конспиративной встрече с моим начальником в маленьком номере небольшой гостиницы «Терминус» в Варшаве. И как в Западной Германии, где я был один среди чужих, так и здесь, у себя на родине, я должен был продолжать действовать нелегально, как бы один среди своих.

У меня появилась новая фамилия, и как Мариан Ружиньский я включился в новое трудное задание. На одном из этапов дальнейшего пути мне пришлось даже встретиться с двумя «выпускниками» шпионского учебного заведения из-под Мюнхена, заброшенными в Польшу с военного самолета американской разведки и попавшими в руки нашей службы контрразведки.

Однако в эпилоге мне хотелось бы рассказать не об этом. Может, когда-нибудь я вернусь к Мариану Ружиньскому, к его полной опасностей тропинке, по которой он шел и которой мне не удалось бы завершить эти воспоминания. Рядом со мной, но своими тропинками, шли к достижению цели в нашей общей борьбе другие сотрудники польской контрразведки, участвовавшие в широко задуманной операции. О многих подробностях мне стало известно значительно позже, когда наступил финал всей акции.

Стоит показать, с кем мы имели дело.

Через несколько месяцев после моего возвращения в Польшу пресса по всей стране опубликовала на первых полосах сообщение о разоблачении одного из самых агрессивных замыслов американской разведки и деятельности против Польши так называемой делегатуры ВиН, которая в действительности являлась резидентурой Центрального разведывательного управления США.

Что творилось в это время в Мюнхене? Какова была реакция американской разведки на такое компрометирующее разоблачение ее агрессивных начинаний?

Реакция американской разведки, шокированной неожиданным для нее поражением, была чрезвычайно бурной. Немедленно было приостановлено финансирование резидентуры на Хайльманштрассе и начато следствие, которое возглавил специально прибывший из США ответственный сотрудник ЦРУ Брунон. Американская разведка для следствия собрала архивы делегатуры ВиН, разбросанные по разным странам. Специально выделенные сотрудники изъяли лондонский архив, находившийся в помещении по адресу: 79 Оверстренд Мэншенз Принс оф Уэльс Драйв, где имелись копии корреспонденции, отправленной в Польшу (оригиналы в своем сейфе хранила английская разведка), корреспонденцию шефа делегатуры Юзефа Мацелека, он же Марек, он же Томми, с английской и американской разведками и эмигрантскими «политическими партиями», а также финансовые отчеты резидентуры. Изъят был также парижский архив, хранившийся в квартире сотрудника делегатуры по адресу: 64 рю Филипп де Жерар, содержавший документы связи со страной и архив легализации. По категорическому требованию руководителя группы ЦРУ выдан был и мюнхенский архив, спрятанный в Штарнберге около Мюнхена, в котором была собрана переписка с американской разведкой, имелись протоколы совещаний людей Мацелека с офицерами разведки, план «Вулкан», директивы американской разведки по ведению шпионской деятельности в Польше, инструкции и элементы радиосвязи, шифры, программа курса диверсий, документация о маршрутах переброски агентов в Польшу, а также документы группы легализации, руководимой Михалом Сулимой.

Американцы начали допрашивать всех сотрудников резидентуры на Хайльманштрассе. Люди Мацелека несколько месяцев находились под следствием, все они, кроме главного агента Томми, прошли проверку на детекторе лжи. Допросы вели специально назначенные офицеры американской контрразведки на территории Западной Германии, а также

в Лондоне, с участием офицера английской контрразведки Стока.

Сотрудники ЦРУ искали источники разоблачения, пытались докопаться до причин поражения, никому не верили, их интересовало буквально все, что могло указать на какую-то связь делегатуры с Польшей. Допрашивали своих недавних союзников, требовали от допрашиваемых биографии, начиная со дня рождения и кончая моментом допроса. Особенно вездесово изучали прошлое периода оккупации. Любая неясность неоднократно проверялась, исследовалось каждое почтовое отправление в страну, тщательно осматривались железнодорожные вагоны, в которых перевозилась почта и деньги, в поисках тайников, разбирался каждый случай, казавшийся подозрительным.

Американская контрразведка любой ценой пыталась установить, где получился «прокол» и кто из американских сотрудников информировал польскую службу безопасности о самых тайных замыслах и приказах американской разведки, передававшихся в Польшу при посредничестве делегатуры ВиН в Мюнхене. Юзеф Мацелек попал в трудное положение.

Разумеется, сотрудники делегатуры не были в состоянии удовлетворить далеко идущее любопытство допрашивавших. Часто они отвечали, в соответствии с истиной, что не знают того или иного факта. Им, однако, не верили и тогда задавали вопрос: «Вы, кажется, не хотите есть?», что означало: пойдешь на улицу, если не будешь говорить.

Несмотря на несомненно критическую ситуацию, в которой находились люди Мацелека, они не хотели верить, что все уже кончено, что в стране провалилась вся агентурная сеть. В надежде, что, возможно, что-то уцелело, Мацелек по старому каналу связи отправил во французском вагоне поезда, курсирующего между Варшавой и Парижем, хитро спрятанное письмо. В нем он спрашивал: «Что у вас слышно? Дайте знаты!» Одновременно он сообщил новый адрес почтового ящика: Париж, 20, рю Лежандр. Ответ не был получен — сеть в стране не существовала. Посланец Мацелека забрал почту из возвращавшегося из Варшавы поезда на участке Ганновер — Кельн.

Хотя никакие усилия не принесли результатов, Мацелек все же обдумывал возможности заново организовать шпионскую деятельность в Польше. Его сотрудники, после длительных совещаний пришедшие к выводу, что их «организация» была полностью раскрыта польской службой безопас-

ности, задалась вопросом, стоит ли в такой ситуации вновь организовывать подпольную работу.

Американцы завершили следствие и полностью ликвидировали так называемую делегатуру ВиН и все ее отделения, включая и диверсионные курсы. Ликвидацией занимался сам Мацелек. Для работников на Хайльманштрассе кончился период службы за американские деньги. Каждый из них думал теперь, как устроиться на полученные от «друзей» доллары. Американцы и в самом деле выплатили им выходное пособие, но какое же скромное — от ста до трехсот долларов, в зависимости от трудового стажа на службе в американской разведке. Агенты резидентуры по своей инициативе продали часть служебных квартир, выделенных им ЦРУ и для соблюдения конспирации записанных на их фамилии. Сам господин Мацелек продал дом в Лондоне, где были организованы диверсионные курсы, и в начале 1954 года купил в доле с господином Ролевичем десятикомнатный дом. Стоит напомнить адрес этой резиденции: Лондон, W3, Роузмонт Роуд, 36. Прихвостни Мацелюка не пренебрегли даже предметами обстановки и обихода главной квартиры делегатуры в Мюнхене. Некоторые реквизиты «мастерской» легализации были переданы Болеславу Вонсевичу, тогдашнему сотруднику радиостанции «Свободная Европа». Нелегко было пережить наймитам этот тяжелый удар. Конец снам о долларовых субсидиях, плывущих из-за океана. В начале 1954 года американцы полностью порвали с Мацелеком и разоблаченными на бирже разведки сотрудниками делегатуры ВиН.

Заграничная делегатура ВиН была создана в Англии в 1946 году. Она складывалась из людей, переброшенных из Польши на Запад с заданием инспирировать подпольную деятельность в стране. В июле 1946 года из Польши бежали среди прочих Юзеф Мацелек и Игнаций Розтворовский. Мацелек активно включился в деятельность делегатуры, которая в тот период старалась объединить раздробленные и дерущиеся между собой политические группы реакционной эмиграции, а также заполучить от англосаксов финансовые средства для побуждения нелегальной деятельности в стране. Фонды для этой цели делегатура могла получить только из одного источника — от разведывательных служб определенных государств, залезающих в чужой огород, в частности проникающих в народную Польшу. Этот факт с самого начала существования делегатуры обуславливал ее роль,

которая сразу же определилась как агентурная. Ничего удивительного, что делегатура возникла главным образом при помощи английской разведывательной службы — «Интеллидженс сервис».

В 1946 году делегатура поддерживала связь с Польшей, используя помощь «Интеллидженс сервис». Английская разведка выплачивала тогда ей регулярно субсидии за поставку информации из Польши, а также оказывала в значительном объеме техническую помощь в организации разведывательной деятельности. Помощь эта заключалась прежде всего в создании для делегатуры базы функционирования на территории Англии, в обеспечении ее помещением, освобождении привлекаемых ею людей от существовавшей в первый период после войны обязанности работать и других льгот. Соответствующий отдел «Интеллидженс сервис» снабжал делегатуру документами для легализации, такими, как проездные визы, железнодорожные удостоверения, вкладыши в заграничные паспорта, а также обеспечивал средствами тайнописи, проявитель которой, однако, остался секретом англичан. В этой форме английская разведка оказывала помощь даже после того, как делегатура полностью перешла в подчинение американцам.

Самолюбивый, фанатичный антикоммунист Юзеф Мацек строил планы все более агрессивной деятельности против собственной страны. Для дальнейшего расширения дела уже не хватало средств, получаемых от англичан. Английская разведка охотно использовала разведывательные возможности делегатуры, избегая при этом принимать на себя постоянные формальные денежные обязательства. В этих условиях Мацек обратился с письменным предложением о продаже своих услуг американской разведке, с которой он находился в довольно близких отношениях с начала своего пребывания в Англии. Уже тогда, работая исключительно на англичан, он за их спиной поддерживал связь с офицером американской разведки, а разведывательные материалы, добываемые делегатурой, передавал также американцам, взамен чего они оказывали господину Мацеку различные услуги. Тесные связи с американцами установил полковник Павел Сапега, сотрудник американской разведки, который выдавал себя за человека из ВиН в США. Протектором ВиН был А. Блисс-Лэйн, бывший посол США в Польше. Этот человек играл важную роль в организации диверсий, саботажа и шпионажа в странах народной демократии, особенно в Польше.

Усилия по укреплению сотрудничества делегатуры с

американцами Мацелек приложил во время своего пребывания в Соединенных Штатах в 1948—1949 годах. Тогда он провел ряд переговоров с представителями разведки США, госдепартамента, военными и политическими деятелями. В этих стараниях Мацелека поддерживал именно Блисс-Лэйн. Первые шаги не принесли, однако, конкретного результата, несмотря на то что Центральное разведывательное управление США заинтересовалось возможностью организации делегатурой разведывательной деятельности в Польше. Мацелек, естественно, преувеличивал свои, в сущности жалкие, возможности развертывания подпольной работы в стране.

Руководитель делегатуры, оценивая итоги своих вояжей в США, определил их как «засовывание ноги в двери» американской разведки. Однако цена этого «засовывания ноги» была слишком высока, ибо он согласился с тогдашней американской точкой зрения в отношении западных земель, которая совпадала со взглядами канцлера Аденауэра. Но этот момент переговоров с американцами Мацелек держал в строгой тайне.

В результате после хитрых маневров и уловок американская разведка согласилась на составление условий постоянного сотрудничества с делегатурой. Соглашение с американцами было достигнуто между 16 и 28 ноября 1950 года. От имени делегатуры этот документ подписали Юзеф Мацелек и Эдвард Кулиговский, а от имени американской разведки — специально прибывший с этой целью из Вашингтона высокопоставленный чиновник ЦРУ. В переговорах и при подписании соглашения присутствовал духовный покровитель делегатуры полковник Павел Сапега. В основе соглашения лежала общность интересов обеих сторон. Делегатура потребовала денег на организацию подпольной деятельности в стране, а американская разведка имела свои цели, вытекающие из общих стратегических принципов капиталистического лагеря в отношении социалистических стран.

Американская разведка, подписывая соглашение, ставила перед собой несколько ближайших и последующих задач. Ближайшие задачи — получение через людей, связанных с господином Мацелеком, разведывательной информации из Польши, а также подключение подполья, в существовании которого уверял руководитель делегатуры, к ведению психологической войны. Последующими задачами были подготовка, а затем и использование в возможной войне

против социалистического лагеря вооруженных групп подполья.

Мацелек, подписывая соглашение, пытался сохранить некоторую независимость делегатуры от своих хозяев, а именно в сфере политических связей с эмигрантскими группировками, а также с недобитками подполья в Польше. Американцы согласились на эту маленькую независимость, так как она не противоречила их замыслам, а Мацелеку оставляла иллюзию, что он равноправный партнер.

Финансовые дела делегатуры после подписания соглашения значительно поправились, каждый месяц шли долларové поступления.

Английская разведка с большим недоверием смотрела на сговор между Мацелеком и американцами. Возникли даже трения и разногласия между обеими разведками, так как соглашение с ЦРУ практически ставило делегатуру в независимое положение от «Интеллидженс сервис». Американцы вначале поставили условие сохранения в тайне нового союза, но оно выполнялось недолго. Англичанам пришлось смириться со свершившимся фактом. Однако от Мацелека они получили заверение, что он будет делиться с ними добытыми материалами. В конце концов между английской и американской разведками была достигнута договоренность, что они совместно будут пользоваться услугами делегатуры, ее шпионской информацией.

Итак, после подписания соглашения делегатура формально стала резидентурой американской разведки, действующей против Польши. Заинтересованность этой разведки нашей страной была всесторонней. Американцы требовали все больше информации и все более подробных сведений. Особый упор они делали на военную и экономическую разведку. Их интересы охватывали также другие области жизни в Польше, такие, как здравоохранение, главным же образом научные институты, работающие над проблемами борьбы с эпидемиями. Надо полагать, что подобного рода заказы находились в тесной связи с планами американской военщины в отношении применения бактериологического оружия. Требования американской разведки были сформулированы в виде обширного шпионского вопросника, состоящего из двенадцати тематических разделов, которые содержали сотни вопросов. Некоторые я приводил выше и полагаю, что они достаточно полно характеризуют направленность интересов американской разведки в период «холодной войны».

Юзеф Мацелек старался добиться увеличения американ-

ской дотации и распространялся перед своими хозяевами о широких возможностях действий в стране и о якобы имеющемся политическом подполье, которое в действительности не существовало. Делегатура не была в состоянии выполнить заказы американской разведки и поставлять ей требуемую информацию из Польши.

После разоблачения польской службой безопасности деятельности заграничной делегатуры ВиН и разведок империалистических стран, а также после заявлений Коса и Виктора, вскрывших деятельность небольшой группы в стране, находившейся в связи с Юзефом Мацелюком, в руках польских властей оказались веские доказательства агрессивных действий американской разведки. Обнародование этих фактов компрометировало Соединенные Штаты перед польским обществом и на международной арене. Подобные действия не практиковались в Европе в межгосударственных отношениях, за исключением деятельности гитлеровской разведки до и в период второй мировой войны.

Существенным итогом широко задуманной операции по вскрытию планов военного характера американской разведки явилась добыча следующих документов:

- плана «Вулкан» со списком железнодорожных и автодорожных мостов, подлежащих уничтожению;
- изложения американских стратегических принципов ожидаемого развития военных действий в Европе;
- конкретных планов возможного выброса воздушного и высадки морского десанта на территории Польши;
- ориентировочной схемы размещения американских шпионских радиостанций на территории Польши;
- плана диверсионных действий в Польше.

Немаловажным, чисто оперативным успехом была добыча службой безопасности контрразведывательной информации, вскрывающей организационную структуру групп американской разведки и ее резидентур, работающих против Польши, конспиративных адресов и каналов связи со страной и выявление методов действий резидентуры, выступавшей под вывеской заграничной делегатуры ВиН, а также объема интересов американской разведки по отношению к нашей стране.

В руки польской службы контрразведки попала подробная программа обучения диверсантов, семнадцать комплектов приемопередающих радиостанций, аппаратура для изготовления микрофотографий, оснащение и химические материалы для тайнописи, а также инструкции по пользованию ими. Экономический эффект составила сумма в 1146

880 долларов, и предназначалась она для разведывательной и диверсионной деятельности в Польше, которую перехватила польская служба безопасности.

Вскоре после опубликования заявлений Коса и Виктора и разоблачения делегатуры ВиН, как гром среди ясного неба, на американскую разведку свалилось известие о пресечении еще одного антипольского предприятия. Польским пограничникам добровольно сдались сотрудники так называемой Комиссии краевой рады политической (Национальной комиссии политического совета) — организации, руководимой и финансируемой американской разведкой, действовавшей также в Мюнхене. Это были, как сообщила польская пресса, Ян Гома и Ванда Вебер. Они дали подробные показания, касающиеся еще одной резидентуры американской разведки, руководство которой находилось вблизи Мюнхена в местечке Берг по улице Зонневег, 89 и 91. Задачей группы были организация и ведение шпионской и диверсионной деятельности на территории Польши. Она имела отделения в Берлине и Гамбурге, а также мелкие группы, разбросанные по разным странам. Головное отделение упомянутой Комиссии краевой рады политической для ведения разведывательной деятельности получило от Центрального разведывательного управления США семьдесят тысяч долларов. Она организовала два разведывательно-диверсионных курса: в американском военном лагере в окрестностях Франкфурта-на-Майне, а также в Ингольштадте на Дунае. Деятельность резидентуры американской разведки, выступавшей под вывеской Комиссии краевой рады политической, также была разоблачена польской службой безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	5
Опасные тропы	9
Человек оттуда	156
Возвращение из Мюнхена	308
Эпилог	423

Мариян Реняи
ОДИН СРЕДИ ЧУЖИХ

Повести

Кудожник Н. А. Абакумов
Художественный редактор В. В. Васильев
Технический редактор С. А. Митрофанова
Корректор Н. М. Опришко

ИБ № 3767

Сдано в набор 02.02.89. Подписано в печать 3.05.90 Г-28506
Формат 84×108/16. Бумага тип. № 3. Гарн. обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 13 1/2. Усл. печ. л. 22,68
Усл. кр.-этт. 23,62. Уч.-изд. л. 26,29. Изд. № 10/4469
Тираж 100 000 экз. Зак. 723. Цена 3 р.

Воениздат, 103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Сиверцова-Степанова, дом 8